3 1761 06250967 4

А. ЧЕХОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

Е. Самокиш-Судковская.

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from

the estate of

MISHA ALLEN

Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/polnoesobranesoc1314chek

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ант. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ приложеніемъ портрета Антона Чехова.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЬЕСЫ. Медвѣдь. Шутка въ одномъ дѣйствіи. — **Предложеніе.** Шутка въ одномъ дѣйствіи.—**Ивановъ.** Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.— **Лебединая пѣсня (Калхасъ).** Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи.—**Трагикъ по неволѣ.** Шутка въ одномъ дѣйствіи.—**Чайка.** Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ПЬЕСЫ.

МЕДВѢДЬ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

(Посвящена Н. Н. Соловцову.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елена Ивановна Попова, вдовушка съ ямочками на щекахъ, помѣщица.

Григорій Степановичъ Смирновъ, нестарый помѣщикъ.

Лука, лакей Поповой, старикъ.

LIBRARY
AUG 1 2003
UNIVERSITY OF TORONTO

Гостиная въ усадьбѣ Поповой.

I.

ПОПОВА *(въ глубокомъ трауре, не отрываетъ глазъ отъ фотографической карточки)* и ЛУКА.

Лука. Нехорошо, барыня... Губите вы себя только... Горничная и кухарка пошли по ягоды, всякое дыханіе радуется, даже кошка, и та свое удовольствіе понимаетъ и по двору гуляетъ, мышекъ ловитъ, а вы цѣльный день сидите въ комнатѣ, словно въ монастырѣ, и никакого удовольствія. Да, право! Почитай, ужъ годъ прошелъ, какъ вы изъ дому не выходите!..

Попова. И не выйду никогда... Зачѣмъ? Жизнь моя уже кончена. Онъ лежитъ въ могилѣ, я погребла себя въ четырехъ стѣнахъ... Мы оба умерли.

Лука. Ну, вотъ! И не слушалъ бы, право. Николай Михайловичъ померли, такъ тому и быть, Божья воля, царство имъ небесное... Погоревали—и будетъ, надо и честь знать. Не весь же вѣкъ плакать и трауръ носить. У меня тоже въ свое время старуха померла... Что жъ? Погоревалъ, поплакалъ съ мѣсяцъ, и будетъ съ нея, а ежели цѣльный вѣкъ Лазаря пѣть, то и старуха того не стоитъ *(вздыхаетъ)*. Сосѣдей всѣхъ забыли... И сами не ѣздите, и принимать не велите. Живемъ, извините, какъ пауки,—свѣта бѣлаго не видимъ. Ливрею мыши съѣли... Добро бы хорошихъ людей не было, а то вѣдь полонъ уѣздъ господъ... Въ Рыбловѣ полкъ стоитъ, такъ офицеры—чистыя конфеты не наглядишься! А въ лагеряхъ, что ни пятница, то балъ, и, почитай, каждый день военная оркестра музыку играетъ...

Эхъ, барыня-матушка! Молодая, красивая, кровь съ молокомъ,—только бы и жить въ свое удовольствіе... Красота-то вѣдь не навѣки дадена! Пройдетъ годовъ десять, сами захотите павой пройтись да господамъ офицерамъ въ глаза пыль пустить, анъ поздно будетъ.

Попова *(рѣшительно)*. Я прошу тебя никогда не говорить мнѣ объ этомъ! Ты знаешь, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Николай Михайловичъ, жизнь потеряла для меня всякую цѣну. Тебѣ кажется, что я жива, но это только кажется! Я дала себѣ клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видѣть свѣта... Слышишь? Пусть тѣнь его видитъ, какъ я люблю его... Да, я знаю, для тебя не тайна, онъ часто бывалъ несправедливъ ко мнѣ, жестокъ и... и даже невѣренъ, но я буду вѣрна до могилы и докажу ему, какъ я умѣю любить. Тамъ, по ту сторону гроба, онъ увидитъ меня такою же, какою я была до его смерти...

Лука. Чѣмъ эти самыя слова, пошли бы лучше по саду погуляли, а то велѣли бы запрячь Тоби или Великана и къ сосѣдямъ въ гости...

Попова. Ахъ!.. *(плачетъ)*.

Лука. Барыня!.. Матушка!.. Что вы? Христосъ съ вами!

Попова. Онъ такъ любилъ Тоби! Онъ всегда ѣздилъ на немъ къ Корчагинымъ и Власовымъ. Какъ онъ чудно правилъ! Сколько граціи было въ его фигурѣ, когда онъ изо всей силы натягивалъ вожжи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса.

Лука. Слушаю!

(Рѣзкій звонокъ).

Попова *(вздрагиваетъ)*. Кто это? Скажи, что я никого не принимаю!

Лука. Слушаю-съ! *(уходитъ)*.

II.

ПОПОВА *(одна)*.

Попова *(глядя на фотографію)*. Ты увидишь, Nicolas, какъ я умѣю любить и прощать... Любовь моя угаснетъ вмѣстѣ со мною, когда перестанетъ биться мое бѣдное сердце *(смѣется, сквозь слезы)*. И тебѣ не совѣстно? Я паинька, вѣрная женка, заперла себя на замокъ и буду вѣрна тебѣ до могилы, а ты... и тебѣ не совѣстно, бутузъ? Измѣнялъ мнѣ, дѣлалъ сцены, по цѣлымъ недѣлямъ оставлялъ меня одну...

III.

ПОПОВА и ЛУКА.

Лука *(входитъ, встревоженно).* Сударыня, тамъ кто-то спрашиваетъ васъ. Хочетъ видѣть...

Попова. Но вѣдь ты сказалъ, что я со дня смерти мужа никого не принимаю?

Лука. Сказалъ, но онъ и слушать не хочетъ, говоритъ, что очень нужное дѣло.

Попова. Я не при-ни-ма-ю!

Лука. Я ему говорилъ, но... лѣшій какой-то... ругается и прямо въ комнату претъ... ужъ въ столовой стоитъ...

Попова *(раздраженно).* Хорошо, проси... Какіе невѣжи!

(Лука уходитъ).

Попова. Какъ тяжелы эти люди! Что имъ нужно отъ меня? Къ чему имъ нарушать мой покой? *(вздыхаетъ).* Нѣтъ, видно ужъ и вправду придется уйти въ монастырь... *(задумывается).* Да, въ монастырь...

IV.

ПОПОВА, ЛУКА и СМИРНОВЪ.

Смирновъ *(входя, Лукѣ).* Болванъ, любишь много разговаривать... Оселъ! *(увидѣвъ Попову, съ достоинствомъ).* Сударыня, честь имѣю представиться: отставной поручикъ артиллеріи, землевладѣлецъ Григорій Степановичъ Смирновъ! Вынужденъ безпокоить васъ по весьма важному дѣлу...

Попова *(не подавая руки).* Что вамъ угодно?

Смирновъ. Вашъ покойный супругъ, съ которымъ я имѣлъ честь быть знакомъ, остался мнѣ долженъ по двумъ векселямъ тысячу двѣсти рублей. Такъ какъ завтра мнѣ предстоитъ платежъ процентовъ въ земельный банкъ, то я просилъ бы васъ, сударыня, уплатить мнѣ деньги сегодня же.

Попова. Тысяча двѣсти... А за что мой мужъ остался вамъ долженъ?

Смирновъ. Онъ покупалъ у меня овесъ.

Попова *(вздыхая, Лукѣ).* Такъ ты же, Лука, не забудь приказать, чтобы дали Тоби лишнюю осьмушку овса. *(Лука уходитъ. Смирнову).* Если Николай Михайловичъ остался вамъ долженъ, то, само собою разумѣется, я заплачу; но,

извините пожалуйста, у меня сегодня нѣтъ свободныхъ денегъ. Послѣзавтра вернется изъ города мой приказчикъ, и я прикажу ему уплатить вамъ, что̀ слѣдуетъ, а пока я не могу исполнить вашего желанія... Къ тому же, сегодня исполнилось ровно семь мѣсяцевъ, какъ умеръ мой мужъ, и у меня теперь такое настроеніе, что я совершенно не расположена заниматься денежными дѣлами.

Смирновъ. А у меня теперь такое настроеніе, что, если я завтра не заплачу процентовъ, то долженъ буду вылетѣть въ трубу вверхъ ногами. У меня опишутъ имѣніе!

Попова. Послѣзавтра вы получите ваши деньги.

Смирновъ. Мнѣ нужны деньги не послѣзавтра, а сегодня.

Попова. Простите, сегодня я не могу заплатить вамъ.

Смирновъ. А я не могу ждать до послѣзавтра.

Попова. Что̀ же дѣлать, если у меня сейчасъ нѣтъ!

Смирновъ. Стало-быть, не можете заплатить?

Попова. Не могу...

Смирновъ. Гм!.. Это ваше послѣднее слово?

Попова. Да, послѣднее.

Смирновъ. Послѣднее? Положительно?

Попова. Положительно.

Смирновъ. Покорнѣйше благодарю. Такъ и запишемъ *(пожимаетъ плечами)*. А еще хотятъ, чтобы я былъ хладнокровенъ! Встрѣчается мнѣ сейчасъ по дорогѣ акцизный и спрашиваетъ: «отчего вы все сердитесь, Григорій Степановичъ?» Да помилуйте, какъ же мнѣ не сердиться? Нужны мнѣ до зарѣзу деньги... Выѣхалъ я еще вчера утромъ чуть-свѣтъ, объѣздилъ всѣхъ своихъ должниковъ, и хоть бы одинъ изъ нихъ заплатилъ свой долгъ! Измучился, какъ собака, ночевалъ чортъ знаетъ гдѣ, — въ жидовской корчмѣ около водочнаго боченка... Наконецъ, пріѣзжаю сюда за 70 верстъ отъ дому, надѣюсь получить, а меня угощаютъ «настроеніемъ»! Какъ же мнѣ не сердиться?

Попова. Я, кажется, ясно сказала: приказчикъ вернется изъ города, тогда и получите.

Смирновъ. Я пріѣхалъ не къ приказчику, а къ вамъ! На кой лѣшій, извините за выраженіе, сдался мнѣ вашъ приказчикъ!

Попова. Простите, милостивый государь, я не привыкла къ этимъ страннымъ выраженіямъ, къ такому тону. Я васъ больше не слушаю *(быстро уходитъ)*.

V.

СМИРНОВЪ *(одинъ)*.

Смирновъ. Скажите, пожалуйста! Настроеніе... Семь мѣсяцевъ тому назадъ мужъ умеръ! Да мнѣ-то нужно платить проценты, или нѣтъ? Я васъ спрашиваю: нужно платить проценты, или нѣтъ? Ну, у васъ мужъ умеръ, настроеніе тамъ и всякіе фокусы... приказчикъ куда-то уѣхалъ, чортъ его возьми, а мнѣ что прикажете дѣлать? Улетѣть отъ своихъ кредиторовъ на воздушномъ шарѣ, что ли? Или разбѣжаться и трахнуться башкой о стѣну? Пріѣзжаю къ Груздеву—дома нѣтъ, Ярошевичъ спрятался, съ Курицынымъ поругался на-смерть и чуть-было его въ окно не вышвырнулъ, у Мазутова—холерина, у этой—настроеніе. Ни одна каналья не платитъ! А все оттого, что я слишкомъ ихъ избаловалъ, что я нюня, тряпка, баба! Слишкомъ я съ ними деликатенъ! Ну, погодите же! Узнаете вы меня! Я не позволю шутить съ собою, чортъ возьми! Останусь и буду торчать здѣсь, пока она не заплатитъ! Брр!.. Какъ я золъ сегодня, какъ я золъ! Отъ злости всѣ поджилки трясутся и духъ захватило... Фуй, Боже мой, даже дурно дѣлается! *(кричитъ)*. Человѣкъ!

VI.

СМИРНОВЪ и ЛУКА.

Лука *(входитъ)*. Чего вамъ?

Смирновъ. Дай мнѣ квасу или воды!

(Лука уходитъ).

Смирновъ. Нѣтъ, какова логика! Человѣку нужны до зарѣзу деньги, въ пору вѣшаться, а она не платитъ, потому что, видите ли, не расположена заниматься денежными дѣлами!.. Настоящая женская, турнюрная логика! Потому-то вотъ я никогда не любилъ и не люблю говорить съ женщинами. Для меня легче сидѣть на бочкѣ съ порохомъ, чѣмъ говорить съ женщиной. Брр!.. Даже морозъ по кожѣ деретъ—до такой степени разозлилъ меня этотъ шлейфъ! Стоитъ мнѣ хотя бы издали увидѣть поэтическое созданіе, какъ у меня отъ злости въ икрахъ начинаются судороги. Просто хоть караулъ кричи.

VII.
СМИРНОВЪ и ЛУКА.

Лука *(входитъ и подаетъ воду).* Барыня больны и не принимаютъ.

Смирновъ. Пошелъ!

(Лука уходитъ).

Смирновъ. Больны и не принимаютъ! Не нужно, не принимай... Я останусь и буду сидѣть здѣсь, пока не отдашь денегъ. Недѣлю будешь больна, и я недѣлю просижу здѣсь... Годъ будешь больна—и я годъ... Я свое возьму, матушка. Меня не тронешь трауромъ, да ямочками на щекахъ... Знаемъ мы эти ямочки! *(кричитъ въ окно).* Семенъ, распрягай! Мы не скоро уѣдемъ! Я здѣсь остаюсь! Скажешь тамъ на конюшнѣ, чтобы овса дали лошадямъ! Опять у тебя, скотина, лѣвая пристяжная запуталась въ вожжу! *(дразнитъ).* Ничаво... Я тебѣ задамъ—ничаво! *(отходитъ отъ окна).* Скверно... жара невыносимая, денегъ никто не платитъ, плохо ночь спалъ, а тутъ еще этотъ траурный шлейфъ съ настроеніемъ... Голова болитъ... Водки выпить, что ли? Пожалуй, выпью *(кричитъ).* Человѣкъ!

Лука *(входитъ).* Что вамъ?

Смирновъ. Дай рюмку водки!

(Лука уходитъ).

Смирновъ. Уфъ! *(садится и оглядываетъ себя).* Нечего сказать, хороша фигура! Весь въ пыли, сапоги грязные, не умытъ, не чесанъ, на жилеткѣ солома... Барынька, чего добраго, меня за разбойника приняла *(зѣваетъ).* Немножко невѣжливо являться въ гостиную въ такомъ видѣ, ну, да ничего... я тутъ не гость, а кредиторъ, для кредиторовъ же костюмъ не писанъ...

Лука *(входитъ и подаетъ водку).* Много вы позволяете себѣ, сударь...

Смирновъ *(сердито).* Что?

Лука. Я... я ничего... я собственно...

Смирновъ. Съ кѣмъ ты разговариваешь?! Молчать!

Лука *(въ сторону).* Навязался, лѣшій, на нашу голову... Принесла нелегкая...

(Лука уходитъ).

Смирновъ. Ахъ, какъ я золъ! Такъ золъ, что, кажется,

весь свѣтъ стеръ бы въ порошокъ... Даже дурно дѣлается... *(кричитъ).* Человѣкъ!

VIII.

ПОПОВА и СМИРНОВЪ.

Попова *(входитъ, опустивъ глаза).* Милостивый государь, въ своемъ уединеніи я давно уже отвыкла отъ человѣческаго голоса и не выношу крика. Прошу васъ убѣдительно, не нарушайте моего покоя!

Смирновъ. Заплатите мнѣ деньги, и я уѣду.

Попова. Я сказала вамъ русскимъ языкомъ: денегъ у меня свободныхъ теперь нѣтъ, погодите до послѣзавтра.

Смирновъ. Я тоже имѣлъ честь сказать вамъ русскимъ языкомъ: деньги нужны мнѣ не послѣзавтра, а сегодня. Если сегодня вы мнѣ не заплатите, то завтра я долженъ буду повѣситься.

Попова. Но что же мнѣ дѣлать, если у меня нѣтъ денегъ? Какъ странно!

Смирновъ. Такъ вы сейчасъ не заплатите? Нѣтъ?

Попова. Не могу...

Смирновъ. Въ такомъ случаѣ я остаюсь здѣсь и буду сидѣть, пока не получу... *(садится).* Послѣзавтра заплатите? Отлично! Я до послѣзавтра просижу такимъ образомъ. Вотъ такъ и буду сидѣть... *(вскакиваетъ).* Я васъ спрашиваю: мнѣ нужно заплатить завтра проценты, или нѣтъ?.. Или вы думаете, что я шучу?

Попова. Милостивый государь, прошу васъ не кричать! Здѣсь не конюшня!

Смирновъ. Я васъ не о конюшнѣ спрашиваю, а о томъ,— нужно мнѣ платить завтра проценты, или нѣтъ?

Попова. Вы не умѣете держать себя въ женскомъ обществѣ!

Смирновъ. Нѣтъ-съ, я умѣю держать себя въ женскомъ обществѣ!

Попова. Нѣтъ, не умѣете! Вы невоспитанный, грубый человѣкъ! Порядочные люди не говорятъ такъ съ женщинами!

Смирновъ. Ахъ, удивительное дѣло! Какъ же прикажете говорить съ вами? По-французски, что ли? *(злится и сюсюкаетъ).* Мадамъ, же ву при... какъ я счастливъ, что вы не платите мнѣ денегъ... Ахъ, пардонъ, что обезпокоилъ

васъ! Такая сегодня прелестная погода! И этотъ трауръ такъ къ лицу вамъ! *(расшаркивается).* . . . . .

Попова. Не умно и грубо.

Смирновъ *(дразнитъ).* Не умно и грубо! Я не умѣю держать себя въ женскомъ обществѣ! Сударыня, на своемъ вѣку я видѣлъ женщинъ гораздо больше, чѣмъ вы воробьевъ! Три раза я стрѣлялся на дуэли изъ-за женщинъ, двѣнадцать женщинъ я бросилъ, девять бросили меня! Да-съ! Было время, когда я ломалъ дурака, миндальничалъ, медоточилъ, разсыпался бисеромъ, шаркалъ ногами.. Любилъ, страдалъ, вздыхалъ на луну, раскисалъ, таялъ, холодѣлъ... Любилъ страстно, бѣшено, на всякія манеры, чортъ меня возьми, трещалъ какъ сорока, объ эмансипаціи, прожилъ на нѣжномъ чувствѣ половину состоянія, но теперь—слуга покорный! Теперь меня не проведете! Довольно! Очи черныя, очи страстныя, алыя губки, ямочки на щекахъ, луна, шопотъ, робкое дыханье—за все это, сударыня, я теперь и мѣднаго гроша не дамъ! Я не говорю о присутствующихъ, но всѣ женщины, отъ мала до велика, ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки до мозга костей, суетны, мелочны, безжалостны, логика возмутительная, а что касается вотъ этой штуки *(хлопаетъ себя по лбу)*, то, извините за откровенность, воробей любому философу въ юбкѣ можетъ дать десять очковъ впередъ! Посмотришь на иное поэтическое созданье: кисея, эѳиръ, полубогиня, милліонъ восторговъ, а заглянешь въ душу—обыкновеннѣйшій крокодилъ! *(Хватается за спинку стула, стулъ трещитъ и ломается).* Но возмутительнѣе всего, что этотъ крокодилъ почему-то воображаетъ, что его шедевръ, его привилегія и монополія—нѣжное чувство! Да чортъ побери совсѣмъ, повѣсьте меня вотъ на этомъ гвоздѣ вверхъ ногами,—развѣ женщина умѣетъ любить кого-нибудь, кромѣ болонокъ?.. Въ любви она умѣетъ только хныкать и распускать нюни! Гдѣ мужчина страдаетъ и жертвуетъ, тамъ вся ея любовь выражается только въ томъ, что она вертитъ шлейфомъ и старается покрѣпче схватить за носъ. Вы имѣете несчастье быть женщиной, стало-быть, по себѣ самой знаете женскую натуру. Скажите же мнѣ по совѣсти: видѣли ли вы на своемъ вѣку женщину, которая была бы искренна, вѣрна и постоянна? Не видѣли! Вѣрны и постоянны одни только старухи да уроды! Скорѣе

вы встрѣтите рогатую кошку или бѣлаго вальдшнепа, чѣмъ постоянную женщину!

Попова. Позвольте, такъ кто же, по-вашему, вѣренъ и постояненъ въ любви? Не мужчина ли?

Смирновъ. Да-съ, мужчина!

Попова. Мужчина! *(злой смѣхъ).* Мужчина вѣренъ и постояненъ въ любви! Скажите, какая новость! *(горячо).* Да какое вы имѣете право говорить это? Мужчины вѣрны и постоянны! Коли на то пошло, такъ я вамъ скажу, что изъ всѣхъ мужчинъ, какихъ только я знала и знаю, самымъ лучшимъ былъ мой покойный мужъ... Я любила его страстно, всѣмъ своимъ существомъ, какъ можетъ любить только молодая, мыслящая женщина; я отдала ему свою молодость, счастье, жизнь, свое состояніе, дышала имъ, молилась на него, какъ язычница, и... и — что же? Этотъ лучшій изъ мужчинъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманывалъ меня на каждомъ шагу! Послѣ его смерти я нашла въ его столѣ полный ящикъ любовныхъ писемъ, а при жизни — ужасно вспомнить! — онъ оставлялъ меня одну по цѣлымъ недѣлямъ, на моихъ глазахъ ухаживалъ за другими женщинами и измѣнялъ мнѣ, сорилъ моими деньгами, шутилъ надъ моимъ чувствомъ... И, несмотря на все это, я любила его и была ему вѣрна... Мало того, онъ умеръ, а я все еще вѣрна ему и постоянна. Я навѣки погребла себя въ четырехъ стѣнахъ и до самой могилы не сниму этого траура...

Смирновъ *(презрительный смѣхъ).* Трауръ!.. Не понимаю, за кого вы меня принимаете? Точно я не знаю, для чего вы носите это черное домино и погребли себя въ четырехъ стѣнахъ! Еще бы! Это такъ таинственно, поэтично! Проѣдетъ мимо усадьбы какой-нибудь юнкеръ или куцый поэтъ, взглянетъ на окна и подумаетъ: «Здѣсь живетъ таинственная Тамара, которая изъ любви къ мужу погребла себя въ четырехъ стѣнахъ». Знаемъ мы эти фокусы!

Попова *(вспыхнувъ).* Что? Какъ вы смѣете говорить мнѣ все это?

Смирновъ. Вы погребли себя заживо, однако вотъ не позабыли напудриться!

Попова. Да какъ вы смѣете говорить со мною такимъ образомъ?

Смирновъ. Не кричите, пожалуйста, я вамъ не приказчикъ! Позвольте мнѣ называть вещи настоящими ихъ име-

нами. Я не женщина и привыкъ высказывать свое мнѣніе прямо! Не извольте же кричать!

Попова. Не я кричу, а вы кричите! Извольте оставить меня въ покоѣ!

Смирновъ. Заплатите мнѣ деньги, и я уѣду.

Попова. Не дамъ я вамъ денегъ!

Смирновъ. Нѣтъ-съ, дадите!

Попова. Вотъ на зло же вамъ, ни копейки не получите! Можете оставить меня въ покоѣ!

Смирновъ. Я не имѣю удовольствія быть ни вашимъ супругомъ, ни женихомъ, а потому, пожалуйста, не дѣлайте мнѣ сценъ *(садится)*. Я этого не люблю.

Попова *(задыхаясь отъ гнѣва)*. Вы сѣли?

Смирновъ. Сѣлъ.

Попова. Прошу васъ уйти!

Смирновъ. Отдайте деньги... *(въ сторону)*. Ахъ, какъ я золъ! Какъ я золъ!

Попова. Я не желаю разговаривать съ нахалами! Извольте убираться вонъ! *(пауза)*. Вы не уйдете? Нѣтъ?

Смирновъ. Нѣтъ.

Попова. Нѣтъ?

Смирновъ. Нѣтъ!

Попова. Хорошо же! *(звонитъ)*.

IX.

ТѢ ЖЕ и ЛУКА.

Попова. Лука, выведи этого господина!

Лука *(подходитъ къ Смирнову)*. Сударь, извольте уходить, когда велятъ! Нечего тутъ...

Смирновъ *(вскакивая)*. Молчать! Съ кѣмъ ты разговариваешь? Я изъ тебя салатъ сдѣлаю!

Лука *(хватается за сердце)*. Батюшки!.. Угодники!.. *(падаетъ въ кресло)*. Охъ, дурно, дурно! Духъ захватило!

Попова. Гдѣ же Даша? Даша! *(кричитъ)*. Даша! Пелагея! Даша! *(звонитъ)*.

Лука. Охъ! Всѣ по ягоды ушли... Никого дома нѣту... Дурно! Воды!

Попова. Извольте убираться вонъ!

Смирновъ. Не угодно ли вамъ быть повѣжливѣе?

Попова *(сжимая кулаки и топая ногами)*. Вы мужикъ! Грубый медвѣдь! Бурбонъ! Монстръ!

Смирновъ. Какъ? Что вы сказали?

Попова. Я сказала, что вы медвѣдь, монстръ!

Смирновъ *(наступая).* Позвольте, какое же вы имѣете право оскорблять меня?

Попова. Да, оскорбляю... ну, такъ что же? Вы думаете, я васъ боюсь?

Смирновъ. А вы думаете, что, если вы поэтическое созданіе, то имѣете право оскорблять безнаказанно? Да? Къ барьеру!

Лука. Батюшки!.. Угодники!.. Воды!

Смирновъ. Стрѣляться!

Попова. Если у васъ здоровые кулаки и бычье горло, то, думаете, я боюсь васъ? А? Бурбонъ вы этакій!

Смирновъ. Къ барьеру! Я никому не позволю оскорблять себя и не посмотрю на то, что вы женщина, слабое созданіе!

Попова *(стараясь перекричать).* Медвѣдь! Медвѣдь! Медвѣдь!

Смирновъ. Пора, наконецъ, отрѣшиться отъ предразсудка, что только одни мужчины обязаны платить за оскорбленія! Равноправность, такъ равноправность, чортъ возьми! Къ барьеру!

Попова. Стрѣляться хотите? Извольте!

Смирновъ. Сію минуту!

Попова. Сію минуту! Послѣ мужа остались пистолеты... Я сейчасъ принесу ихъ сюда... *(торопливо идетъ и возвращается).* Съ какимъ наслажденіемъ я влѣплю пулю въ вашъ мѣдный лобъ! Чортъ васъ возьми! *(уходитъ).*

Смирновъ. Я подстрѣлю ее, какъ цыпленка! Я не мальчишка, не сентиментальный щенокъ, для меня не существуетъ слабыхъ созданій!

Лука. Батюшка родимый!.. *(становится на колѣни).* Сдѣлай такую милость, пожалѣй меня, старика, уйди ты отсюда! Напужалъ до смерти, да еще стрѣляться собирается!

Смирновъ *(не слушая ее).* Стрѣляться, вотъ это и есть равноправность, эмансипація! Тутъ оба пола равны! Подстрѣлю ее изъ принципа! Но какова женщина? *(дразнитъ).* «Чортъ васъ возьми... влѣплю пулю въ мѣдный лобъ»... Какова? Раскраснѣлась, глаза блестятъ... Вызовъ приняла! Честное слово, первый разъ въ жизни такую вижу...

Лука. Батюшка, уйди! Заставь вѣчно Бога молить!

Смирновъ. Это—женщина! Вотъ это я понимаю! Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порохъ, ракета! Даже убивать жалко!

Лука *(плачетъ).* Батюшка... родимый, уйди!

Смирновъ. Она мнѣ положительно нравится! Положительно! Хоть и ямочки на щекахъ, а нравится! Готовъ даже долгъ ей простить... и злость прошла... Удивительная женщина!

X.

ТѢ ЖЕ и ПОПОВА.

Попова *(входитъ съ пистолетами).* Вотъ они пистолеты... Но, прежде чѣмъ будемъ драться, вы извольте показать мнѣ, какъ нужно стрѣлять... Я ни разу въ жизни не держала въ рукахъ пистолета.

Лука. Спаси, Господи, и помилуй... Пойду садовника и кучера поищу... Откуда эта напасть взялась на нашу голову... *(уходитъ).*

Смирновъ *(осматривая пистолеты).* Видите ли, существуетъ нѣсколько сортовъ пистолетовъ... Есть спеціально дуэльные пистолеты Мортимера, капсюльные. А это у васъ револьверы системы Смитъ и Вессонъ, тройного дѣйствія съ экстракторомъ, центральнаго боя... Прекрасные пистолеты!.. Цѣна такимъ минимумъ 90 рублей за пару... Держать револьверъ нужно такъ... *(въ сторону).* Глаза, глаза! Зажигательная женщина!

Попова. Такъ?

Смирновъ. Да, такъ... Засимъ вы поднимаете курокъ... вотъ такъ прицѣливаетесь... Голову немножко назадъ! Вытяните руку, какъ слѣдуетъ... Вотъ такъ... Потомъ вотъ этимъ пальцемъ надавливаете эту штучку — и больше ничего... Только главное правило: не горячиться и прицѣливаться не спѣша... Стараться, чтобъ не дрогнула рука.

Попова. Хорошо... Въ комнатахъ стрѣляться неудобно, пойдемте въ садъ.

Смирновъ. Пойдемте. Только предупреждаю, что я выстрѣлю въ воздухъ.

Попова. Этого еще не доставало! Почему?

Смирновъ. Потому что... потому что... Это мое дѣло, почему!

Попова. Вы струсили? Да? А-а-а-а! Нѣтъ, сударь, вы не

виляйте! Извольте идти за мною! Я не успокоюсь, пока не пробью вашего лба... вотъ этого лба, который я такъ ненавижу! Струсили?

Смирновъ. Да, струсилъ.

Попова. Лжете! Почему вы не хотите драться

Смирновъ. Потому что... потому что вы... мнѣ нравитесь.

Попова *(злой смѣхъ).* Я ему нравлюсь! Онъ смѣетъ говорить, что я ему нравлюсь! *(указываетъ на дверь).* Можете.

Смирновъ *(молча кладетъ револьверъ, беретъ фуражку и идетъ; около двери останавливается, полминуты оба молча глядятъ другъ на друга; затѣмъ онъ говоритъ, нерѣшительно подходя къ Поповой).* Послушайте... Вы все еще сердитесь?.. Я тоже чертовски взбѣшенъ, но, понимаете ли... какъ бы этакъ выразиться... Дѣло въ томъ, что, видите ли, такого рода исторія, собственно говоря... *(кричитъ).* Ну, да, развѣ я виноватъ, что вы мнѣ нравитесь? *(хватается за спинку стула, стулъ трещитъ и ломается).* Чортъ знаетъ, какая у васъ ломкая мебель! Вы мнѣ нравитесь! Понимаете? Я... я почти влюбленъ!

Попова. Отойдите отъ меня,—я васъ ненавижу!

Смирновъ. Боже, какая женщина! Никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго! Пропалъ! Погибъ! Попалъ въ мышеловку, какъ мышь!

Попова. Отойдите прочь, а то буду стрѣлять!

Смирновъ. Стрѣляйте! Вы не можете понять, какое счастіе умереть подъ взглядами этихъ чудныхъ глазъ, умереть отъ револьвера, который держитъ эта маленькая бархатная ручка... Я съ ума сошелъ! Думайте и рѣшайте сейчасъ, потому что если я выйду отсюда, то ужъ мы больше никогда не увидимся! Рѣшайте... Я дворянинъ, порядочный человѣкъ, имѣю десять тысячъ годового дохода... попадаю пулей въ подброшенную копейку... имѣю отличныхъ лошадей... Хотите быть моею женой?

Попова *(возмущенная, потрясаетъ револьверомъ).* Стрѣляться! Къ барьеру!

Смирновъ. Сошелъ съ ума... Ничего не понимаю... *(кричитъ).* Человѣкъ, воды!

Попова *(кричитъ).* Къ барьеру!

Смирновъ. Сошелъ съ ума, влюбился, какъ мальчишка, какъ дуракъ! *(хватаетъ ее за руку, она вскрикиваетъ отъ боли).* Я люблю васъ! *(становится на колѣни).* Люблю,

какъ никогда не любилъ! Двѣнадцать женщинъ я бросилъ, девять бросили меня, но ни одну изъ нихъ я не любилъ такъ, какъ васъ... Разлимонился, разопрелся, раскисъ... стою на колѣняхъ, какъ дуракъ, и предлагаю руку... Стыдъ, срамъ! Пять лѣтъ не влюблялся, далъ себѣ зарокъ, и вдругъ втюрился, какъ оглобля въ чужой кузовъ! Руку предлагаю. Да или нѣтъ? Не хотите? Не нужно! (*встаетъ и быстро идетъ къ двери*).

Попова. Постойте...

Смирновъ (*останавливается*). Ну?

Попова. Ничего, уходите... Впрочемъ, постойте... Нѣтъ, уходите, уходите! Я васъ ненавижу! Или нѣтъ... Не уходите! Ахъ, если бы вы знали, какъ я зла, какъ я зла! (*бросаетъ на столъ револьверъ*). Отекли пальцы отъ этой мерзости... (*рветъ отъ злости платокъ*). Что же вы стоите? Убирайтесь!

Смирновъ. Прощайте.

Попова. Да, да, уходите!.. (*кричитъ*). Куда же вы? Постойте... Ступайте, впрочемъ. Ахъ, какъ я зла! Не подходите, не подходите!

Смирновъ (*подходя къ ней*). Какъ я на себя золъ! Влюбился, какъ гимназистъ, стоялъ на колѣняхъ... Даже морозъ по кожѣ деретъ... (*грубо*). Я люблю васъ! Очень мнѣ нужно было влюбляться въ васъ! Завтра проценты платить, сѣнокосъ начался, а тутъ вы... (*беретъ ее за талію*). Никогда этого не прощу себѣ...

Попова. Отойдите прочь! Прочь руки! Я васъ... ненавижу! Къ ба-барьеру! (*продолжительный поцѣлуй*).

XI.

ТѢ ЖЕ, ЛУКА *съ топоромъ*, САДОВНИКЪ *съ граблями*, КУЧЕРЪ *съ вилами* и РАБОЧІЕ *съ дрекольемъ*.

Лука (*увидѣвъ цѣлующуюся парочку*). Батюшки! (*пауза*).

Попова (*опустивъ глаза*). Лука, скажешь тамъ, на конюшнѣ, чтобы сегодня Тобѣ вовсе не давали овса.

Занавѣсъ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Степанъ Степановичъ Чубуковъ, помѣщикъ.
Наталья Степановна, его дочь, 25-ти лѣтъ.
Иванъ Васильевичъ Ломовъ, сосѣдъ Чубукова, здоровый, упитанный, но очень мнительный помѣщикъ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Чубукова.

Гостиная въ домѣ Чубукова.

I.

ЧУБУКОВЪ и ЛОМОВЪ *(входитъ со фракъ и бѣлыхъ перчаткахъ).*

Чубуковъ *(идя къ нему навстрѣчу).* Голубушка, кого вижу! Иванъ Васильевичъ! Весьма радъ! *(пожимаетъ руку).* Вотъ именно сюрпризъ, мамочка... Какъ поживаете?

Ломовъ. Благодарю васъ. А вы какъ изволите поживать?

Чубуковъ. Живемъ помаленьку, ангелъ мой, вашими молитвами и прочее. Садитесь, покорнѣйше прошу... Вотъ именно, нехорошо сосѣдей забывать, мамочка моя. Голубушка, но что же вы это такъ официально? Во фракѣ, въ перчаткахъ и прочее. Развѣ куда ѣдете, драгоцѣнный мой?

Ломовъ. Нѣтъ, я только къ вамъ, уважаемый Степанъ Степанычъ.

Чубуковъ. Такъ зачѣмъ же во фракѣ, прелесть? Точно на Новый годъ съ визитомъ!

Ломовъ. Видите ли, въ чемъ дѣло *(беретъ его подъ руку).* Я пріѣхалъ къ вамъ, уважаемый Степанъ Степанычъ, чтобы обезпокоить васъ одною просьбою. Неоднократно я уже имѣлъ честь обращаться къ вамъ за помощью, и всегда вы, такъ сказать... но я, простите, волнуюсь. Я выпью воды, уважаемый Степанъ Степанычъ *(пьетъ воду).*

Чубуковъ *(въ сторону).* Денегъ пріѣхалъ просить! Не дамъ! *(ему).* Въ чемъ дѣло, красавецъ?

Ломовъ. Видите ли, Уважай Степанычъ... виноватъ, Степанъ Уважаемычъ... то-есть, я ужасно волнуюсь, какъ изволите видѣть... Однимъ словомъ, вы одинъ только можете

помочь мнѣ, хотя, конечно, я ничѣмъ не заслужилъ и... и не имѣю права разсчитывать на вашу помощь...

Чубуковъ. Ахъ, да не размазывайте, мамочка! Говорите сразу! Ну?

Ломовъ. Сейчасъ... Сію минуту. Дѣло въ томъ, что я пріѣхалъ просить руки у вашей дочери Натальи Степановны.

Чубуковъ *(радостно).* Мамуся! Иванъ Васильевичъ! Повторите еще разъ,—я не разслышалъ!

Ломовъ. Я имѣю честь просить...

Чубуковъ *(перебивая).* Голубушка моя... Я такъ радъ и прочее... Вотъ именно и тому подобное *(обнимаетъ и цѣлуетъ).* Давно желалъ. Это было моимъ всегдашнимъ желаніемъ *(пускаетъ слезу).* И всегда я любилъ васъ, ангелъ мой, какъ родного сына. Дай Богъ вамъ обоимъ совѣтъ и любовь и прочее, а я весьма желалъ... Что же я стою, какъ болванъ? Опѣшилъ отъ радости, совсѣмъ опѣшилъ! Охъ, я отъ души... Пойду, позову Наташу и тому подобное.

Ломовъ *(растроганный).* Уважаемый Степанъ Степанычъ, какъ вы полагаете, могу я разсчитывать на ея согласіе?

Чубуковъ. Такой, вотъ именно, красавецъ и... и вдругъ она не согласится! Влюблена, небось, какъ кошка и прочее... Сейчасъ! *(уходитъ).*

II.

ЛОМОВЪ *(одинъ).*

Ломовъ. Холодно... Я весь дрожу, какъ передъ экзаменомъ. Главное — нужно рѣшиться. Если же долго думать, колебаться, много разговаривать, да ждать идеала или настоящей любви, то этакъ никогда не женишься... Брр!.. Холодно! Наталья Степановна отличная хозяйка, недурна, образована... чего жъ мнѣ еще нужно? Однако у меня ужъ начинается отъ волненія шумъ въ ушахъ *(пьетъ воду).* А не жениться мнѣ нельзя... Во-первыхъ, мнѣ уже 35 лѣтъ—возрастъ, такъ сказать, критическій. Во-вторыхъ, мнѣ нужна правильная, регулярная жизнь... У меня порокъ сердца, постоянныя сердцебіенія, я вспыльчивъ и всегда ужасно волнуюсь... Сейчасъ вотъ у меня губы дрожатъ и на правомъ вѣкѣ живчикъ прыгаетъ... Но самое ужасное у меня—это сонъ. Едва только лягу въ постель и только-что начну засыпать, какъ вдругъ въ лѣвомъ боку что-то — дергъ! и бьетъ прямо въ плечо и въ голову... Вскакиваю, какъ су-

масшедшій, похожу немного и опять ложусь, но только-что начну засыпать, какъ у меня въ боку опять — дергъ! И этакъ разъ двадцать...

III.

НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА и ЛОМОВЪ.

Наталья Степановна *(входитъ)*. Ну, вотъ! Это вы, а папа говоритъ: поди, тамъ купецъ за товаромъ пришелъ. Здравствуйте, Иванъ Васильевичъ!

Ломовъ. Здравствуйте, уважаемая Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Извините, я въ фартукѣ и неглиже... Мы горошекъ чистимъ для сушки. Отчего вы у насъ такъ долго не были? Садитесь... *(садятся)*. Хотите завтракать?

Ломовъ. Нѣтъ, благодарю васъ, я уже кушалъ.

Наталья Степановна. Курите... Вотъ спички... Погода великолѣпная, а вчера такой дождь былъ, что рабочіе весь день ничего не дѣлали. Вы сколько копенъ накосили? Я, представьте, сжадничала и скосила весь лугъ, а теперь сама не рада, боюсь, какъ бы мое сѣно не сгнило. Лучше было бы подождать. Но что это? Вы, кажется, во фракѣ! Вотъ новость! На балъ ѣдете, что ли? Между прочимъ, вы похорошѣли... Вправду, зачѣмъ вы такимъ франтомъ?

Ломовъ *(волнуясь)*. Видите ли, уважаемая Наталья Степановна... Дѣло въ томъ, что я рѣшился просить васъ выслушать меня... Конечно, вы удивитесь и даже разсердитесь, но я... *(въ сторону)*. Ужасно холодно!

Наталья Степановна. Въ чемъ дѣло? *(пауза)*. Ну?

Ломовъ. Я постараюсь быть кратокъ. Вамъ, уважаемая Наталья Степановна, извѣстно, что я давно уже, съ самаго дѣтства, имѣю честь знать ваше семейство. Моя покойная тетушка и ея супругъ, отъ которыхъ я, какъ вы изволите знать, получилъ въ наслѣдство землю, всегда относились съ глубокимъ уваженіемъ къ вашему батюшкѣ и къ покойной матушкѣ. Родъ Ломовыхъ и родъ Чубуковыхъ всегда находились въ самыхъ дружественныхъ и, можно даже сказать, родственныхъ отношеніяхъ. Къ тому же, какъ вы изволите знать, моя земля тѣсно соприкасается съ вашею. Если вы изволите припомнить, мои Воловьи Лужки граничатъ съ вашимъ березнякомъ.

Наталья Степановна. Виновата, я васъ перебью. Вы говорите «мои Воловьи Лужки»... Да развѣ они ваши?

Ломовъ. Мои-съ...

Наталья Степановна. Ну, вотъ еще! Воловьи Лужки наши, а не ваши!

Ломовъ. Нѣтъ-съ. мои, уважаемая Наталья Степановна.

Наталья Степановна. Это для меня новость. Откуда же они ваши?

Ломовъ. Какъ откуда? Я говорю про тѣ Воловьи Лужки, что̀ входятъ клиномъ между вашимъ березнякомъ и Горѣлымъ болотомъ.

Наталья Степановна. Ну, да, да... Они наши...

Ломовъ. Нѣтъ, вы ошибаетесь, уважаемая Наталья Степановна,—они мои.

Наталья Степановна. Опомнитесь, Иванъ Васильевичъ! Давно ли они стали вашими?

Ломовъ. Какъ давно? Насколько я себя помню, они всегда были нашими.

Наталья Степановна. Ну, это, положимъ, извините!

Ломовъ. Изъ бумагъ это видно, уважаемая Наталья Степановна. Воловьи Лужки были когда-то спорными, это — правда; но теперь всѣмъ извѣстно, что они мои. И спорить тутъ нечего. Изволите ли видѣть, бабушка моей тетушки отдала эти Лужки въ безсрочное и въ безвозмездное пользованіе крестьянамъ дѣдушки вашего батюшки за то, что они жгли для нея кирпичъ. Крестьяне дѣдушки вашего батюшки пользовались безвозмездно Лужками лѣтъ сорокъ и привыкли считать ихъ какъ бы своими, потомъ же, когда вышло положеніе...

Наталья Степановна. И совсѣмъ не такъ, какъ вы разсказываете! И мой дѣдушка, и прадѣдушка считали, что ихняя земля доходила до Горѣлова болота, — значитъ Воловьи Лужки были наши. Что жъ тутъ спорить? — не понимаю. Даже досадно!

Ломовъ. Я вамъ бумагу покажу, Наталья Степановна!

Наталья Степановна. Нѣтъ, вы просто шутите или дразните меня... Сюрпризъ какой! Владѣемъ землей чуть ли не триста лѣтъ, и вдругъ намъ заявляютъ, что земля не наша! Иванъ Васильевичъ, простите, но я даже ушамъ своимъ не вѣрю... Мнѣ не дороги эти Лужки. Тамъ всего пять десятинъ и стоятъ они какихъ-нибудь триста рублей, но меня возмущаетъ несправедливость. Говорите, что̀ угодно, но несправедливости я терпѣть не могу.

Ломовъ. Выслушайте меня, умоляю васъ! Крестьяне дѣдушки вашего батюшки, какъ я уже имѣлъ честь сказать вамъ, жгли для бабушки моей тетушки кирпичъ. Тетушкина бабушка, желая сдѣлать имъ пріятное...

Наталья Степановна. Дѣдушка, бабушка, тетушка... ничего я тутъ не понимаю! Лужки наши, вотъ и все.

Ломовъ. Мои-съ!

Наталья Степановна. Наши! Хоть вы два дня доказывайте, хоть надѣньте пятнадцать фраковъ, а они наши, наши, наши!.. Вашего я не хочу и своего терять не желаю... Какъ вамъ угодно!

Ломовъ. Мнѣ, Наталья Степановна, Лужковъ не надо, но я изъ принципа. Если угодно, то, извольте, я вамъ подарю ихъ.

Наталья Степановна. Я сама могу подарить вамъ ихъ, они мои!.. Все это, по меньшей мѣрѣ, странно, Иванъ Васильевичъ! До сихъ поръ мы васъ считали хорошимъ сосѣдомъ, другомъ, въ прошломъ году давали вамъ свою молотилку, и черезъ это самимъ намъ пришлось домолачивать свой хлѣбъ въ ноябрѣ, а вы поступаете съ нами, какъ съ цыганами. Дарите мнѣ мою же землю. Извините, это не по-сосѣдски! По-моему, это даже дерзость, если хотите...

Ломовъ. По-вашему выходитъ, значитъ, что я узурпаторъ? Сударыня, никогда я чужихъ земель не захватывалъ и обвинять меня въ этомъ никому не позволю... *(быстро идетъ къ графину и пьетъ воду).* Воловьи Лужки мои!

Наталья Степановна. Неправда, наши!

Ломовъ. Мои!

Наталья Степановна. Неправда! Я вамъ докажу! Сегодня же пошлю своихъ косарей на эти Лужки!

Ломовъ. Что-съ?

Наталья Степановна. Сегодня же тамъ будутъ мои косари!

Ломовъ. А я ихъ въ шею!

Наталья Степановна. Не смѣете!

Ломовъ *(хватается за сердце).* Воловьи Лужки мои! Понимаете? Мои!

Наталья Степановна. Не кричите, пожалуйста! Можете кричать и хрипѣть отъ злобы у себя дома, а тутъ прошу держать себя въ границахъ!

Ломовъ. Если бы, сударыня, не это страшное, мучительное сердцебіеніе, если бы жилы не стучали въ вискахъ,

то я поговорилъ бы съ вами иначе! *(кричитъ)*. Воловьи Лужки мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломовъ. Мои!

Наталья Степановна. Наши!

Ломовъ. Мои!

IV.

ТѢ ЖЕ и ЧУБУКОВЪ.

Чубуковъ *(входя)*. Что такое? О чемъ кричите?

Наталья Степановна. Папа, объясни, пожалуйста, этому господину, кому принадлежатъ Воловьи Лужки: намъ или ему?

Чубуковъ *(ему)*. Цыпочка, Лужки наши!

Ломовъ. Да помилуйте. Степанъ Степанычъ, откуда они ваши? Будьте хоть вы разсудительнымъ человѣкомъ! Бабушка моей тетушки отдала Лужки во временное, безвозмездное пользованіе крестьянамъ вашего дѣдушки. Крестьяне пользовались землей сорокъ лѣтъ и привыкли къ ней, какъ бы къ своей, когда же вышло положеніе...

Чубуковъ. Позвольте, драгоцѣнный... Вы забываете, что именно крестьяне не платили вашей бабушкѣ и тому подобное, потому что Лужки тогда были спорными и прочее... А теперь всякая собака знаетъ, вотъ именно, что они наши. Вы, значитъ, плана не видѣли!

Ломовъ. А я вамъ докажу, что они мои!

Чубуковъ. Не докажете, любимецъ мой.

Ломовъ. Нѣтъ, докажу!

Чубуковъ. Мамочка, зачѣмъ же кричать такъ? Крикомъ, вотъ именно, ничего не докажете. Я вашего не желаю и своего упускать не намѣренъ. Съ какой стати? Ужъ коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намѣрены оспаривать Лужки и прочее, то я скорѣе подарю ихъ мужикамъ, чѣмъ вамъ. Такъ-то!

Ломовъ. Не понимаю! Какое же вы имѣете право дарить чужую собственность?

Чубуковъ. Позвольте ужъ мнѣ знать, имѣю я право, или нѣтъ. Вотъ именно, молодой человѣкъ, я не привыкъ, чтобы со мною разговаривали такимъ тономъ и прочее. Я, молодой человѣкъ, старше васъ вдвое и прошу васъ говорить со мною безъ ажитаціи и тому подобное.

Ломовъ. Нѣтъ, вы просто меня за дурака считаете и

смѣетесь надо мною! Мою землю называете своею, да еще хотите, чтобы я былъ хладнокровенъ и говорилъ съ вами по-человѣчески! Такъ хорошіе сосѣди не поступаютъ, Степанъ Степанычъ! Вы не сосѣдъ, а узурпаторъ!

Чубуковъ. Что-съ? Что вы сказали?

Наталья Степановна. Папа, сейчасъ же пошли на Лужки косарей!

Чубуковъ *(Ломову).* Что вы сказали, милостивый государь?

Наталья Степановна. Воловьи Лужки наши, и я не уступлю, не уступлю, не уступлю!

Ломовъ. Это мы увидимъ! Я вамъ судомъ докажу, что они мои.

Чубуковъ. Судомъ? Можете подавать въ судъ, милостивый государь, и тому подобное! Можете! Я васъ знаю, вы только, вотъ именно, и ждете случая, чтобы судиться и прочее... Кляузная натура! Весь вашъ родъ былъ сутяжный! Весь!

Ломовъ. Прошу не оскорблять моего рода! Въ роду Ломовыхъ всѣ были честные и не было ни одного, который находился бы подъ судомъ за растрату, какъ вашъ дядюшка!

Чубуковъ. А въ вашемъ Ломовскомъ роду всѣ были сумасшедшіе!

Наталья Степановна. Всѣ, всѣ, всѣ!

Чубуковъ. Дѣдъ вашъ пилъ запоемъ, а младшая тетушка, вотъ именно, Настасья Михайловна, бѣжала съ архитекторомъ и прочее...

Ломовъ. А ваша мать была кривобокая *(хватается за сердце).* Въ боку дернуло... Въ голову ударило... Батюшки!.. Воды!

Чубуковъ. А вашъ отецъ былъ картежникъ и обжора!

Наталья Степановна. А тетка — сплетница, какихъ мало!

Ломовъ. Лѣвая нога отнялась... А вы интриганъ... Охъ, сердце!.. И ни для кого не тайна, что вы передъ выборами под... Въ глазахъ искры... Гдѣ моя шляпа?

Наталья Степановна. Низко! Нечестно! Гадко!

Чубуковъ. А сами вы, вотъ именно, ехидный, двуличный и каверзный человѣкъ! Да-съ!

Ломовъ. Вотъ она шляпа... Сердце... Куда идти? Гдѣ дверь? Охъ!.. Умираю, кажется... Нога волочится... *(идетъ къ двери).*

Чубуковъ *(ему вслѣдъ).* И чтобъ ноги вашей больше не было у меня въ домѣ!

Наталья Степановна. Подавайте въ судъ! Мы увидимъ!
(Ломовъ уходитъ пошатываясь).

V.

ЧУБУКОВЪ и НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА.

Чубуковъ. Къ чорту! *(ходитъ въ волненіи).*

Наталья Степановна. Каковъ негодяй? Вотъ и вѣрь послѣ этого добрымъ сосѣдямъ!

Чубуковъ. Мерзавецъ! Чучело гороховое!

Наталья Степановна. Уродъ этакій! Присвоилъ себѣ чужую землю, да еще смѣетъ браниться.

Чубуковъ. И эта кикимора, эта, вотъ именно, куриная слѣпота осмѣливается еще дѣлать предложеніе и прочее! А? Предложеніе!

Наталья Степановна. Какое предложеніе?

Чубуковъ. Какъ же! Пріѣзжалъ за тѣмъ, чтобъ тебѣ предложеніе сдѣлать.

Наталья Степановна. Предложеніе? Мнѣ? Отчего же ты раньше мнѣ этого не сказалъ?

Чубуковъ. И во фракъ потому нарядился! Сосиска этакая! Сморчокъ!

Наталья Степановна. Мнѣ? Предложеніе? Ахъ! *(падаетъ въ кресло и стонетъ).* Вернуть его! Вернуть! Ахъ! Вернуть!

Чубуковъ. Кого вернуть?

Наталья Степановна. Скорѣй, скорѣй! Дурно! Вернуть! *(истерика).*

Чубуковъ. Что такое? Что тебѣ? *(хватаетъ себя за голову).* Несчастный я человѣкъ! Застрѣлюсь! Повѣшусь! Замучили!

Наталья Степановна. Умираю! Вернуть!

Чубуковъ. Тфу! Сейчасъ. Не реви! *(убѣгаетъ).*

— — —

Наталья Степановна *(одна стонетъ).* Что мы надѣлали! Вернуть! Вернуть!

———

Чубуковъ *(вбѣгаетъ).* Сейчасъ придетъ и прочее, чортъ его возьми! Уфъ! Говори сама съ нимъ, а я, вотъ именно, не желаю...

Наталья Степановна *(стонетъ).* Вернуть!

Чубуковъ *(кричитъ).* Идетъ онъ, тебѣ говорятъ. О, что за комиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ! За-

рѣжусь! Обязательно зарѣжусь! Выругали человѣка, осрамили, выгнали, а все это ты... ты!

Наталья Степановна. Нѣтъ, ты!

Чубуковъ. Я же виноватъ, вотъ именно! *(въ дверяхъ показывается Ломовъ).* Ну, разговаривай сама съ нимъ! *(уходитъ).*

VI.

НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА и ЛОМОВЪ.

Ломовъ *(входитъ, изнеможенный).* Страшное сердцебіеніе... Нога онѣмѣла... въ боку дергаетъ...

Наталья Степановна. Простите, мы погорячились, Иванъ Васильевичъ... Я теперь припоминаю: Воловьи Лужки въ самомъ дѣлѣ ваши.

Ломовъ. Страшно сердце бьется... Мои Лужки... На обоихъ глазахъ живчики прыгаютъ...

Наталья Степановна. Ваши, ваши Лужки... Садитесь... *(садятся).* Мы были неправы...

Ломовъ. Я изъ принципа... Мнѣ не дорога земля, но дорогъ принципъ...

Наталья Степановна. Именно принципъ... Давайте, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Ломовъ. Тѣмъ болѣе, что у меня есть доказательства. Бабушка моей тетушки отдала крестьянамъ дѣдушки вашего батюшки...

Наталья Степановна. Будетъ, будетъ объ этомъ... *(въ сторону).* Не знаю, съ чего начать... *(ему).* Скоро собираетесь на охоту?

Ломовъ. По тетеревамъ, уважаемая Наталья Степановна, думаю послѣ жнитва начать. Ахъ, вы слышали? Представьте, какое у меня несчастье! Мой Угадай, котораго вы изволите знать, захромалъ.

Наталья Степановна. Какая жалость! Отчего же?

Ломовъ. Не знаю... Должно-быть, вывихнулъ или другія собаки покусали... *(вздыхаетъ).* Самая лучшая собака, не говоря ужъ о деньгахъ! Вѣдь я за него Миронову 125 рублей заплатилъ.

Наталья Степановна. Переплатили, Иванъ Васильевичъ!

Ломовъ. А по-моему, это очень дешево. Собака чудесная.

Наталья Степановна. Папа далъ за своего Откатая 85 рублей, а вѣдь Откатай куда лучше вашего Угадая!

Ломовъ. Откатай лучше Угадая? Что вы *(смѣется)*. Откатай лучше Угадая!

Наталья Степановна. Конечно, лучше! Откатай, правда, молодъ, еще не опсовѣлъ, но по ладамъ и по розвязи лучше его нѣтъ даже у Волчанецкаго.

Ломовъ. Позвольте, Наталья Степановна, но вѣдь вы забываете, что онъ подуздоватъ, а подуздоватая собака всегда непоимиста!

Наталья Степановна. Подуздоватъ? Въ первый разъ слышу!

Ломовъ. Увѣряю васъ, нижняя челюсть короче верхней.

Наталья Степановна. А вы мѣрили?

Ломовъ. Мѣрилъ. До угонки онъ годится, конечно, но если на-завладай, то едва ли...

Наталья Степановна. Во-первыхъ, нашъ Откатай породистый, густопсовый, онъ сынъ Запрягая и Стамезки, а у вашего мурыгонѣгаго не доберешься до породы... Потомъ старъ и уродливъ, какъ кляча...

Ломовъ. Старъ, да я за него пяти вашихъ Откатаевъ не возьму... Развѣ можно? Угадай—собака, а Откатай... даже и спорить смѣшно... Такихъ, какъ вашъ Откатай, у всякаго выжлятника — хоть прудъ пруди. Четвертная — красная цѣна.

Наталья Степановна. Въ васъ, Иванъ Васильевичъ, сидитъ сегодня какой-то бѣсъ противорѣчія. То выдумки, что Лужки ваши, то Угадай лучше Откатая. Не люблю я, когда человѣкъ говоритъ не то, что думаетъ. Вѣдь вы отлично знаете, что Откатай во сто разъ лучше вашего... этого глупаго Угадая. Зачѣмъ же говорить напротивъ?

Ломовъ. Я вижу, Наталья Степановна, вы считаете меня за слѣпого или за дурака. Да поймите, что вашъ Откатай подуздоватъ!

Наталья Степановна. Неправда.

Ломовъ. Подуздоватъ!

Наталья Степановна *(кричитъ)*. Неправда!

Ломовъ. Что же вы кричите, сударыня?

Наталья Степановна. Зачѣмъ же вы говорите чушь? Вѣдь это возмутительно! Вашего Угадая подстрѣлить пора, а вы сравниваете его съ Откатаемъ!

Ломовъ. Извините, я не могу продолжать этого спора. У меня сердцебіеніе.

Наталья Степановна. Я замѣтила: тѣ охотники больше всѣхъ спорятъ, которые меньше всѣхъ понимаютъ.

Ломовъ. Сударыня, прошу васъ, замолчите... У меня лопается сердце... *(кричитъ).* Замолчите!

Наталья Степановна. Не замолчу, пока вы не сознаетесь, что Откатай во сто разъ лучше вашего Угадая!

Ломовъ. Во сто разъ хуже! Чтобъ онъ издохъ, вашъ Откатай! Виски... глазъ... плечо...

Наталья Степановна. А вашему дурацкому Угадаю нѣтъ надобности издыхать, потому что онъ и безъ того уже дохлый!

Ломовъ *(плачетъ).* Замолчите! У меня разрывъ сердца!

Наталья Степановна. Не замолчу!

VII.

ТѢ ЖЕ и ЧУБУКОВЪ.

Чубуковъ *(входитъ).* Что еще?

Наталья Степановна. Папа, скажи искренно, по чистой совѣсти: какая собака лучше—нашъ Откатай или его Угадай?

Ломовъ. Степанъ Степановичъ, умоляю васъ, скажите вы только одно: подуздоватъ вашъ Откатай или нѣтъ? Да или нѣтъ?

Чубуковъ. А хоть бы и такъ? Велика важность! Да зато во всемъ уѣздѣ лучше собаки нѣтъ и прочее.

Ломовъ. Но вѣдь мой Угадай лучше? По совѣсти!

Чубуковъ. Вы не волнуйтесь, драгоцѣнный... Позвольте... Вашъ Угадай, вотъ именно, имѣетъ свои хорошія качества... Онъ чистопсовый, на твердыхъ ногахъ, крутобедрый и тому подобное. Но у этой собаки, если хотите знать, красавецъ мой, два существенныхъ недостатка: стара и съ короткимъ щипцомъ.

Ломовъ. Извините, у меня сердцебіеніе... Возьмемъ факты... Извольте припомнить, въ Маруськиныхъ зеленяхъ мой Угадай шелъ съ графскимъ Размахаемъ ухо въ ухо, а вашъ Откатай отсталъ на цѣлую версту.

Чубуковъ. Отсталъ, потому что графскій доѣзжачій ударилъ его арапникомъ.

Ломовъ. За дѣло. Всѣ собаки за лисицей бѣгутъ, а Откатай барана трепать сталъ!

Чубуковъ. Неправда-съ!.. Голубушка, я вспыльчивъ и, вотъ именно, прошу васъ, прекратимъ этотъ споръ. Ударилъ потому, что всѣмъ завидно на чужую собаку глядѣть...

Да-съ! Ненавистники всѣ! И вы, сударь, не безъ грѣха! Чуть, вотъ именно, замѣтите, что чья собака лучше вашего Угадая, сейчасъ же начинаете того, этого... самаго... и тому подобное... Вѣдь я все помню!

Ломовъ. И я помню!

Чубуковъ *(дразнитъ).* И я помню... А что вы помните?

Ломовъ. Сердцебіеніе... Нога отнялась... Не могу.

Наталья Степановна *(дразнитъ).* Сердцебіеніе... Какой вы охотникъ? Вамъ въ кухнѣ на печи лежать да таракановъ давить, а не лисицъ травить! Сердцебіеніе...

Чубуковъ. Вправду, какой вы охотникъ? Съ вашими, вотъ именно, сердцебіеніями дома сидѣть, а не на сѣдлѣ болтаться. Добро бы охотились, а то вѣдь ѣздите только затѣмъ, чтобы спорить да чужимъ собакамъ мѣшать и прочее. Я вспыльчивъ, оставимъ этотъ разговоръ. Вы вовсе, вотъ именно, не охотникъ!

Ломовъ. А вы развѣ охотникъ? Вы ѣздите только затѣмъ, чтобы къ графу подмазываться да интриговать... Сердце!.. Вы интриганъ!

Чубуковъ. Что-съ? Я интриганъ? *(кричитъ).* Замолчать!

Ломовъ. Интриганъ!

Чубуковъ. Мальчишка! Щенокъ!

Ломовъ. Старая крыса! Іезуитъ!

Чубуковъ. Замолчи, а то я подстрѣлю тебя изъ поганаго ружья, какъ куропатку! Свистунъ!

Ломовъ. Всѣмъ извѣстно, что—охъ, сердце!—ваша покойная жена васъ била... Нога... виски... искры... Падаю, падаю!..

Чубуковъ. А ты у своей ключницы подъ башмакомъ!

Ломовъ. Вотъ, вотъ, вотъ... лопнуло сердце! Плечо оторвалось... Гдѣ мое плечо?.. Умираю *(падаетъ въ кресло).* Доктора! *(обморокъ).*

Чубуковъ. Мальчишка! Молокососъ! Свистунъ! Мнѣ дурно! *(пьетъ воду).* Дурно!

Наталья Степановна. Какой вы охотникъ? Вы и на лошади сидѣть не умѣете! *(отцу).* Папа! Что съ нимъ? Папа! Погляди, папа! *(визжитъ).* Иванъ Васильевичъ! Онъ умеръ!

Чубуковъ. Мнѣ дурно!.. Дыханье захватило!.. Воздуху!

Наталья Степановна. Онъ умеръ? *(треплетъ Ломова за рукавъ).* Иванъ Васильичъ! Иванъ Васильичъ! Что мы надѣлали? Онъ умеръ! *(падаетъ въ кресло).* Доктора, доктора! *(истерика).*

Чубуковъ. Охъ!.. Что такое? Что тебѣ?

Наталья Степановна *(стонетъ)*. Онъ умеръ!.. умеръ!

Чубуковъ. Кто умеръ? *(поглядѣвъ на Ломова)*. Въ самомъ дѣлѣ померъ! Батюшки! Воды! Доктора! *(подноситъ ко рту Ломова стаканъ)*. Выпейте!.. Нѣтъ, не пьетъ... Значитъ, умеръ и тому подобное... Несчастнѣйшій я человѣкъ! Отчего я не пускаю себѣ пулю въ лобъ? Отчего я еще до сихъ поръ не зарѣзался? Чего я жду? Дайте мнѣ ножъ! Дайте мнѣ пистолетъ! *(Ломовъ шевелится)*. Оживаетъ, кажется... Выпейте воды!.. Вотъ такъ...

Ломовъ. Искры... туманъ... Гдѣ я?

Чубуковъ. Женитесь вы поскорѣй и—ну васъ къ лѣшему! Она согласна! *(соединяетъ руки Ломова и дочери)*. Она согласна и тому подобное. Благословляю васъ и прочее. Только оставьте вы меня въ покоѣ!

Ломовъ. А? Что? *(поднимаясь)*. Кого?

Чубуковъ. Она согласна! Ну? Поцѣлуйтесь и... и чортъ съ вами!

Наталья Степановна *(стонетъ)*. Онъ живъ... Да, да, я согласна...

Чубуковъ. Цѣлуйтесь!

Ломовъ. А? кого? *(цѣлуется съ Натальей Степановной)*. Очень пріятно... Позвольте, въ чемъ дѣло? Ахъ, да, понимаю... Сердце... искры... Я счастливъ, Наталья Степановна... *(цѣлуетъ руку)*. Нога отнялась...

Наталья Степановна. Я... я тоже счастлива...

Чубуковъ. Точно гора съ плечъ... Уфъ!

Наталья Степановна. Но... все-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатая.

Ломовъ. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже!

Чубуковъ. Ну, начинается семейное счастье! Шампанскаго!

Ломовъ. Лучше!

Наталья Степановна. Хуже! Хуже! Хуже!

Чубуковъ *(стараясь перекричать)*. Шампанскаго! Шампанскаго!

Занавѣсъ.

ИВАНОВЪ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ивановъ, Николай Алексѣевичъ, непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.
Анна Петровна, его жена, урожденная Сарра Абрамсонъ.
Шабельскій, Матвѣй Семеновичъ, графъ, его дядя по матери.
Лебедевъ, Павелъ Кириллычъ, предсѣдатель земской управы.
Зинаида Савишна, его жена.
Саша, дочь Лебедевыхъ, 20-ти лѣтъ.
Львовъ, Евгеній Константиновичъ, молодой земскій врачъ.
Бабакина, Марѳа Егоровна, молодая вдова, помѣщица, дочь богатаго купца.
Косыхъ, Дмитрій Никитичъ, акцизный.
Боркинъ, Михаилъ Михайловичъ, дальній родственникъ Иванова и управляющій его имѣніемъ.
Авдотья Назаровна, старуха съ неопредѣленною профессіей.
Егорушка, нахлѣбникъ Лебедевыхъ.
1-й гость.
2-й гость.
3-й гость.
4-й гость.
Петръ, лакей Иванова.
Гаврила, лакей Лебедевыхъ.

Гости обоего пола, лакеи.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ уѣздовъ средней полосы Россіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ въ имѣніи Иванова. Слѣва фасадъ дома съ террасой. Одно окно открыто. Передъ террасой широкая полукруглая площадка, отъ которой въ садъ, прямо и вправо, идутъ аллеи. На правой сторонѣ садовые диванчики и столики. На одномъ изъ послѣднихъ горитъ лампа. Вечеретъ. При поднятіи занавѣса слышно, какъ въ домѣ разучиваютъ дуэтъ на роялѣ и віолончели.

I.

ИВАНОВЪ и БОРКИНЪ.

Ивановъ сидитъ за столомъ и читаетъ книгу. Боркинъ въ большихъ сапогахъ съ ружьемъ показывается въ глубинѣ сада; онъ навеселѣ; увидѣвъ Иванова, на цыпочкахъ идетъ къ нему и, поровнявшись съ нимъ, прицѣливается въ его лицо.

Ивановъ *(увидѣвъ Боркина, вздрагиваетъ и вскакиваетъ)*. Миша, Богъ знаетъ что̀... вы меня испугали... Я и такъ разстроенъ, а вы еще съ глупыми шутками... *(садится)*. Испугалъ и радуется...

Боркинъ *(хохочетъ)*. Ну, ну... виноватъ, виноватъ *(садится рядомъ)*. Не буду больше, не буду... *(снимаетъ фуражку)*. Жарко. Вѣрите ли, душа моя, въ какіе-нибудь три часа 17 верстъ отмахалъ... замучился... Пощупайте-ка, какъ у меня сердце бьется...

Ивановъ *(читая)*. Хорошо, послѣ...

Боркинъ. Нѣтъ, вы сейчасъ пощупайте *(беретъ его руку и прикладываетъ къ груди)*. Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту! Это, значитъ, у меня порокъ сердца. Каждую минуту могу скоропостижно умереть. Послушайте, вамъ будетъ жаль, если я умру?

Ивановъ. Я читаю... послѣ...

Боркинъ. Нѣтъ, серьезно, вамъ будетъ жаль, если я вдругъ умру? Николай Алексѣевичъ, вамъ будетъ жаль, если я умру?

Ивановъ. Не приставайте!

Боркинъ. Голубчикъ, скажите: будетъ жаль?

Ивановъ. Мнѣ жаль, что отъ васъ водкой пахнетъ. Это, Миша, противно.

Боркинъ *(смѣется)*. Развѣ пахнетъ? Удивительное дѣло... Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ Плѣсникахъ я встрѣтилъ слѣдователя, и мы, признаться, съ нимъ рюмокъ по восьми стукнули. Въ сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, вѣдь вредно? А? вредно?

Ивановъ. Это, наконецъ, невыносимо... Поймите, Миша, что это издѣвательство...

Боркинъ. Ну, ну... виноватъ, виноватъ!.. Богъ съ вами, сидите себѣ... *(встаетъ и идетъ)*. Удивительный народъ, даже и поговорить нельзя *(возвращается)*. Ахъ, да! Чуть-было не забылъ... Пожалуйте 82 рубля!..

Ивановъ. Какіе 82 рубля?

Боркинъ. Завтра рабочимъ платить.

Ивановъ. У меня нѣтъ.

Боркинъ. Покорнѣйше благодарю! *(фыркаетъ)*. У меня нѣтъ... Да вѣдь нужно платить рабочимъ? Нужно?

Ивановъ. Не знаю. У меня сегодня ничего нѣтъ. Подождите до перваго числа, когда жалованье получу.

Боркинъ. Вотъ и извольте разговаривать съ такими субъектами!.. Рабочіе придутъ за деньгами не перваго числа, а завтра утромъ!..

Ивановъ. Такъ что же мнѣ теперь дѣлать. Ну, рѣжьте меня, пилите... И что у васъ за отвратительная манера приставать ко мнѣ именно тогда, когда я читаю, пишу или...

Боркинъ. Я васъ спрашиваю: рабочимъ нужно платить, или нѣтъ? Э, да что съ вами говорить!.. *(машетъ рукой)*. Помѣщики тоже, чортъ подери, землевладѣльцы... Раціональное хозяйство... Тысяча десятинъ земли—и ни гроша въ карманѣ... Винный погребъ есть, а штопора нѣтъ... Возьму вотъ и продамъ завтра тройку! Да-съ!.. Овесъ на корню продалъ, а завтра возьму и рожь продамъ *(шагаетъ по сцепѣ)*. Вы думаете, я стану церемониться? Да? Ну, нѣтъ-съ, не на такого напали...

II.

ТѢ ЖЕ, ШАБЕЛЬСКІЙ *(за сценой)* и АННА ПЕТРОВНА.

Голосъ Шабельскаго за окномъ: «Играть съ вами нѣтъ никакой возможности... Слуха у васъ меньше, чѣмъ у фаршированной щуки, а тушѣ возмутительное».

Анна Петровна *(показывается въ открытомъ окнѣ).* Кто здѣсь сейчасъ разговаривалъ? Это вы, Миша? Что вы такъ шагаете?

Боркинъ. Съ вашимъ Nicolas— voilà еще не такъ зашагаешь.

Анна Петровна. Послушайте, Миша, прикажите принести на крокетъ сѣна.

Боркинъ *(машетъ рукой).* Оставьте вы меня, пожалуйста...

Анна Петровна. Скажите, какой тонъ... Къ вамъ этотъ тонъ совсѣмъ не идетъ. Если хотите, чтобы васъ любили женщины, то никогда при нихъ не сердитесь и не солидничайте... *(мужу)* Николай, давайте на сѣнѣ кувыркаться!..

Ивановъ. Тебѣ, Анюта, вредно стоять у открытаго окна. Уйди, пожалуйста... *(кричитъ).* Дядя, закрой окно! *(окно закрывается).*

Боркинъ. Не забывайте еще, что черезъ два дня нужно проценты платить Лебедеву.

Ивановъ. Я помню. Сегодня я буду у Лебедева и попрошу его подождать... *(смотритъ на часы).*

Боркинъ. Вы когда туда поѣдете?

Ивановъ. Сейчасъ.

Боркинъ *(живо).* Постойте, постойте!.. вѣдь сегодня, кажется, день рожденія Шурочки... Те-те-те-те... А я забылъ... Вотъ память, а? *(прыгаетъ).* Поѣду, поѣду... *(поетъ).* Поѣду... Пойду выкупаюсь, пожую бумаги, приму три капли нашатырнаго спирта и — хоть сначала начинай... Голубчикъ, Николай Алексѣевичъ, мамуся моя, ангелъ души моей, вы все нервничаете, ноете, постоянно въ мерлехлюндіи, а вѣдь мы вмѣстѣ чортъ знаетъ какихъ дѣловъ могли бы надѣлать! Для васъ я на все готовъ... Хотите, я для васъ на Марѳушкѣ Бабакиной женюсь? Половина приданаго ваша... То-есть не половина, а все берите, все!..

Ивановъ. Будетъ вамъ вздоръ молоть...

Боркинъ. Нѣтъ, серьезно! Хотите, я на Марѳушѣ женюсь? Приданое пополамъ... Впрочемъ, зачѣмъ я это вамъ

говорю? Развѣ вы поймете? *(дразнитъ)*. «Будетъ вздоръ молоть». Хорошій вы человѣкъ, умный, но въ васъ не хватаетъ этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха. Этакъ бы размахнуться, чтобы чертямъ тошно стало... Вы психопатъ, нюня, а будь вы нормальный человѣкъ, то черезъ годъ имѣли бы милліонъ. Напримѣръ, будь у меня сейчасъ 2.300 рублей, я бы черезъ двѣ недѣли имѣлъ 20 тысячъ. Не вѣрите? И это, по-вашему, вздоръ? Нѣтъ, не вздоръ... Вотъ дайте мнѣ 2.300 рублей, и я черезъ недѣлю доставлю вамъ 20 тысячъ. На томъ берегу Овсяновъ продастъ полоску земли, какъ разъ противъ насъ, за 2.300 рублей. Если мы купимъ эту полоску, то оба берега будутъ наши. А если оба берега будутъ наши, то, понимаете ли, мы имѣемъ право запрудить рѣку. Вѣдь такъ? Мы мельницу будемъ строить, и, какъ только мы объявимъ, что хотимъ запруду сдѣлать, какъ всѣ, которые живутъ внизъ по рѣкѣ, поднимутъ гвалтъ, а мы сейчасъ: комменъ-зинръ,—если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. Понимаете? Заревская фабрика дастъ пять тысячъ, Корольковъ три тысячи, монастырь дастъ пять тысячъ...

Ивановъ. Все это, Миша, фокусы... Если не хотите со мною ссориться, то держите ихъ при себѣ.

Боркинъ *(садится за столъ)*. Конечно!.. Я такъ и зналъ!.. И сами ничего не дѣлаете, и меня связываете...

III.

ТѢ ЖЕ, ШАБЕЛЬСКІЙ и ЛЬВОВЪ.

Шабельскій *(выходя со Львовымъ изъ дома)*. Доктора—тѣ же адвокаты, съ тою только разницей, что адвокаты только грабятъ, а доктора и грабятъ и убиваютъ... Я не говорю о присутствующихъ *(садится на диванчикъ)*. Шарлатаны, эксплоататоры... Можетъ-быть, въ какой-нибудь Аркадіи попадаются исключенія изъ общаго правила, но... я въ свою жизнь пролѣчилъ тысячъ двадцать и не встрѣтилъ ни одного доктора, который не казался бы мнѣ патентованнымъ мошенникомъ.

Боркинъ *(Иванову)*. Да, сами ничего не дѣлаете и меня связываете. Оттого у насъ и денегъ нѣтъ...

Шабельскій. Повторяю, я не говорю о присутствующихъ... Можетъ-быть, есть исключенія, хотя, впрочемъ... *(зѣваетъ)*.

Ивановъ *(закрывая книгу)*. Что, докторъ, скажете?

Львовъ *(оглядываясь на окно).* То же, что и утромъ говорилъ: ей немедленно нужно въ Крымъ ѣхать *(ходитъ по сценѣ).*

Шабельскій *(прыскаетъ).* Въ Крымъ!.. Отчего, Миша, мы съ тобою не лѣчимъ? Это такъ просто... Стала перхать или кашлять отъ скуки какая-нибудь мадамъ Анго или Офелія, бери сейчасъ бумагу и прописывай по правиламъ науки: сначала молодой докторъ, потомъ поѣздка въ Крымъ, въ Крыму татаринъ...

Ивановъ *(графу).* Ахъ, не зуди ты, зуда! *(Львову).* Чтобы ѣхать въ Крымъ, нужны средства. Допустимъ, что я найду ихъ, но вѣдь она рѣшительно отказывается отъ этой поѣздки.

Львовъ. Да, отказывается *(пауза).*

Боркинъ. Послушайте, докторъ, развѣ Анна Петровна ужъ такъ серьезно больна, что необходимо въ Крымъ ѣхать?..

Львовъ *(оглядывается на окно).* Да, чахотка...

Боркинъ. Псс!.. не хорошо... Я самъ давно уже по лицу замѣчалъ, что она не протянетъ долго.

Львовъ. Но... говорите потише... въ домѣ слышно... *(пауза).*

Боркинъ *(вздыхая).* Жизнь наша... Жизнь человѣческая подобна цвѣтку, пышно произрастающему въ полѣ: пришелъ козелъ, съѣлъ и—нѣтъ цвѣтка...

Шабельскій. Все вздоръ, вздоръ и вздоръ!.. *(зѣваетъ).* Вздоръ и плутни. *(Пауза).*

Боркинъ. А я, господа, тутъ все учу Николая Алексѣевича деньги наживать. Сообщилъ ему одну чудную идею, но мой порохъ, по обыкновенію, упалъ на влажную почву. Ему не втолкуешь... Посмотрите, на что онъ похожъ: меланхолія, сплинъ, тоска, хандра, грусть...

Шабельскій *(встаетъ и потягивается).* Для всѣхъ ты, геніальная башка, изобрѣтаешь и учишь всѣхъ, какъ жить, а меня хоть бы разъ поучилъ... Поучи-ка, умная голова, укажи выходъ...

Боркинъ *(встаетъ).* Пойду купаться... Прощайте, господа... *(графу).* У васъ двадцать выходовъ есть... На вашемъ мѣстѣ я черезъ недѣлю имѣлъ бы тысячъ двадцать *(идетъ).*

Шабельскій *(идетъ за нимъ).* Какимъ это образомъ? Ну-ка, научи.

Боркинъ. Тутъ и учить нечему. Очень просто... *(возвращается).* Николай Алексѣевичъ, дайте мнѣ рубль!

(Ивановъ молча даетъ ему деньги).

Боркинъ. Mercі! *(графу).* У васъ еще много козырей на рукахъ.

Шабельскій *(идя за нимъ).* Ну, какіе же?

Боркинъ. На вашемъ мѣстѣ я черезъ недѣлю имѣлъ бы тысячъ тридцать, если не больше *(уходитъ съ графомъ).*

Ивановъ *(послѣ паузы).* Лишніе люди, лишнія слова, не обходимость отвѣчать на глупые вопросы,—все это, докторъ, утомило меня до болѣзни. Я сталъ раздражителенъ, вспыльчивъ, рѣзокъ, мелоченъ до того, что не узнаю себя. По цѣлымъ днямъ у меня голова болитъ, безсонница, шумъ въ ушахъ... А дѣваться положительно некуда... Положительно...

Львовъ. Мнѣ, Николай Алексѣевичъ, нужно серьезно поговорить съ вами.

Ивановъ. Говорите.

Львовъ. Я объ Аннѣ Петровнѣ *(садится).* Она не соглашается ѣхать въ Крымъ, но съ вами она поѣхала бы.

Ивановъ *(подумавъ).* Чтобы ѣхать вдвоемъ, нужны средства. Къ тому же, мнѣ не дадутъ продолжительнаго отпуска. Въ этомъ году я уже бралъ разъ отпускъ...

Львовъ. Допустимъ, что это правда. Теперь далѣе. Самое главное лѣкарство отъ чахотки—это абсолютный покой, а ваша жена не знаетъ ни минуты покоя. Ее постоянно волнуютъ ваши отношенія къ ней. Простите, я взволнованъ и буду говорить прямо. Ваше поведеніе убиваетъ ее *(пауза).* Николай Алексѣевичъ, позвольте мнѣ думать о васъ лучше!..

Ивановъ. Все это правда, правда... Вѣроятно, я страшно виноватъ, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то лѣнью, и я не въ силахъ понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя... *(взглядываетъ на окно).* Насъ могутъ услышать, пойдемте, пройдемся *(встаютъ).* Я, милый другъ, разсказалъ бы вамъ съ самаго начала, но исторія длинная и такая сложная, что до утра не разскажешь *(идутъ).* Анюта замѣчательная, необыкновенная женщина... Ради меня она перемѣнила вѣру, бросила отца и мать, ушла отъ богатства, и, если бы я потребовалъ еще сотню жертвъ, она принесла бы ихъ, не моргнувъ глазомъ. Ну-съ, а я ничѣмъ не замѣчателенъ и ничѣмъ не жертвовалъ. Впрочемъ, это длинная исторія... Вся суть въ томъ, милый докторъ *(мнется),* что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вѣчно, но... прошло

пять лѣтъ, она все еще любитъ меня, а я... *(разводитъ руками)*. Вы вотъ говорите мнѣ, что она скоро умретъ, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомленіе. Если со стороны поглядѣть на меня, то это, вѣроятно, ужасно; самъ же я не понимаю, что̀ дѣлается съ моей душой... *(уходятъ по аллеѣ)*.

IV.

ШАБЕЛЬСКІЙ, *потомъ* АННА ПЕТРОВНА.

Шабельскій *(входитъ и хохочетъ)*. Честное слово, это не мошенникъ, а мыслитель, виртуозъ! Памятникъ ему нужно поставить. Въ себѣ одномъ совмѣщаетъ современный гной во всѣхъ видахъ: и адвоката, и доктора, и кукуевца, и кассира *(садится на нижнюю ступень террасы)*. И вѣдь нигдѣ, кажется, курса не кончилъ, вотъ что̀ удивительно... Стало-быть, какимъ былъ бы геніальнымъ подлецомъ, если бы еще усвоилъ культуру, гуманитарныя науки! «Вы,— говоритъ, — черезъ недѣлю можете имѣть 20 тысячъ. У васъ, — говоритъ, — еще на рукахъ козырный тузъ—вашъ графскій титулъ *(хохочетъ)*. За васъ любая дѣвица пойдетъ съ приданымъ»...

(Анна Петровна открываетъ окно и глядитъ внизъ).

Шабельскій. «Хотите, — говоритъ, — посватаю за васъ Марѳушу?» Qui est ce que c'est Марѳуша? Ахъ, это та, Балабалкина... Бабакалкина... эта, что̀ на прачку похожа.

Анна Петровна. Это вы, графъ?

Шабельскій. Что такое?

(Анна Петровна смѣется).

Шабельскій *(еврейскимъ акцентомъ)*. Зачиво вы шмѣетесь?

Анна Петровна. Я вспомнила одну вашу фразу. Помните, вы говорили за обѣдомъ? Воръ прощеный, лошадь... Какъ это?

Шабельскій. Жидъ крещеный, воръ прощеный, конь лѣченый—одна цѣна.

Анна Петровна *(смѣется)*. Вы даже простого каламбура не можете сказать безъ злости. Злой вы человѣкъ *(серьезно)*. Не шутя, графъ, вы очень злы. Съ вами жить скучно и жутко. Всегда вы брюзжите, ворчите, всѣ у васъ подлецы и негодяи. Скажите мнѣ, графъ, откровенно: говорили вы когда-нибудь о комъ хорошо?

Шабельскій. Это что за экзаменъ?

Анна Петровна. Живемъ мы съ вами подъ одною крышей уже пять лѣтъ, и я ни разу не слыхала, чтобы вы отзывались о людяхъ спокойно, безъ желчи и безъ смѣха. Что вамъ люди сдѣлали худого? И неужели вы думаете, что вы лучше всѣхъ?

Шабельскій. Вовсе я этого не думаю. Я такой же мерзавецъ и свинья въ ермолкѣ, какъ всѣ. Моветонъ и старый башмакъ. Я всегда себя браню. Кто я? Что я? Былъ богатъ, свободенъ, немного счастливъ, а теперь... нахлѣбникъ, приживалка, обезличенный шутъ. Я негодую, презираю, а мнѣ въ отвѣтъ смѣются; я смѣюсь, на меня печально киваютъ головой и говорятъ: спятилъ старикъ... А чаще всего меня не слышатъ и не замѣчаютъ...

Анна Петровна *(покойно).* Опять кричитъ...

Шабельскій. Кто кричитъ?

Анна Петровна. Сова. Каждый вечеръ кричитъ.

Шабельскій. Пусть кричитъ. Хуже того, что уже есть, не можетъ быть *(потягивается).* Эхъ, милѣйшая Сарра, выиграй я сто или двѣсти тысячъ, показалъ бы я вамъ, гдѣ раки зимуютъ!.. Только бы вы меня и видѣли. Ушелъ бы я изъ этой ямы, отъ даровыхъ хлѣбовъ, и ни ногой бы сюда до самаго страшнаго суда...

Анна Петровна. А что бы вы сдѣлали, если бы вы выиграли?

Шабельскій *(подумавъ).* Я прежде всего поѣхалъ бы въ Москву и цыганъ послушалъ. Потомъ... потомъ махнулъ бы въ Парижъ. Нанялъ бы себѣ тамъ квартиру, ходилъ бы въ русскую церковь...

Анна Петровна. А еще что?

Шабельскій. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ бы на женниной могилѣ и думалъ. Такъ бы я и сидѣлъ на могилѣ, пока не околѣлъ. Жена въ Парижѣ похоронена... *(пауза).*

Анна Петровна. Ужасно скучно. Сыграть намъ дуэтъ еще, что ли?

Шабельскій. Хорошо, приготовьте ноты.

V.

ШАБЕЛЬСКІЙ, ИВАНОВЪ и ЛЬВОВЪ.

Ивановъ *(показывается на аллеѣ со Львовымъ).* Вы, милый другъ, кончили курсъ только въ прошломъ году, еще молоды и бодры, а мнѣ тридцать пять. Я имѣю право

вамъ совѣтовать. Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое. Богомъ данное дѣло... Это теплѣе, честнѣе и здоровѣе. А жизнь, которую я пережилъ,—какъ она утомительна! Ахъ, какъ утомительна!.. Сколько ошибокъ, несправедливостей, сколько нелѣпаго!.. *(увидѣвъ графа, раздраженно).* Всегда ты, дядя, передъ глазами вертишься, не даешь поговорить наединѣ!

Шабельскій *(плачущимъ голосомъ).* А чортъ меня возьми, нигдѣ пріюта нѣтъ! *(вскакиваетъ и идетъ въ домъ).*

Ивановъ *(кричитъ ему вслѣдъ).* Ну, виноватъ, виноватъ! *(Львову).* За что я его обидѣлъ? Нѣтъ, я рѣшительно развинтился. Надо будетъ съ собою что-нибудь сдѣлать. Надо...

Львовъ *(волнуясь).* Николай Алексѣевичъ, я выслушалъ васъ и... и, простите, буду говорить прямо, безъ обиняковъ. Въ вашемъ голосѣ, въ вашей интонаціи, не говоря ужъ о словахъ, столько бездушнаго эгоизма, столько холоднаго безсердечія... Близкій вамъ человѣкъ погибаетъ оттого, что онъ вамъ близокъ, дни его сочтены, а вы... вы можете не любить, ходить, давать совѣты, рисоваться... Не могу я вамъ высказать, нѣтъ у меня дара слова, но... но вы мнѣ глубоко не симпатичны!..

Ивановъ. Можетъ-быть, можетъ-быть... Вамъ со стороны виднѣе... Очень возможно, что вы меня понимаете... Вѣроятно, я очень, очень виноватъ... *(прислушивается).* Кажется, лошадей подали. Пойду одѣваться... *(идетъ къ дому и останавливается).* Вы, докторъ, не любите меня и не скрываете этого. Это дѣлаетъ честь вашему сердцу...

(Уходитъ въ домъ).

Львовъ *(одинъ).* Проклятый характеръ... Опять упустилъ случай и не поговорилъ съ нимъ, какъ слѣдуетъ... Не могу говорить съ нимъ хладнокровно! Едва раскрою ротъ и скажу одно слово, какъ у меня вотъ тутъ *(показываетъ на*

грудь) начинаетъ душить, переворачиваться, и языкъ прилипаетъ къ горлу. Ненавижу этого Тартюфа, возвышеннаго мошенника, всею душой... Вотъ уѣзжаетъ... У несчастной жены все счастье въ томъ, чтобы онъ былъ возлѣ нея, она дышитъ имъ, умоляетъ его провести съ нею хоть одинъ вечеръ, а онъ... онъ не можетъ... Ему, видите ли, дома душно и тѣсно. Если онъ хоть одинъ вечеръ проведетъ дома, то съ тоски пулю себѣ пуститъ въ лобъ. Бѣдный... ему нуженъ просторъ, чтобы затѣять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачѣмъ ты каждый вечеръ ѣздишь къ этимъ Лебедевымъ! Знаю!

VI.

ЛЬВОВЪ, ИВАНОВЪ *(въ шляпѣ и пальто)*, ШАБЕЛЬСКІЙ и АННА ПЕТРОВНА.

Шабельскій *(выходя съ Ивановымъ и съ Анной Петровной изъ дому)*. Наконецъ, Nicolas, это безчеловѣчно!.. Самъ уѣзжаешь каждый вечеръ, а мы остаемся одни. Отъ скуки ложимся спать въ 8 часовъ. Это безобразіе, а не жизнь! И почему это тебѣ можно ѣздить, а намъ нельзя? Почему?

Анна Петровна. Графъ, оставьте его! Пусть ѣдетъ, пусть...

Ивановъ *(жене)*. Ну, куда ты, больная, поѣдешь? Ты больна и тебѣ нельзя послѣ заката солнца быть на воздухѣ... Спроси вотъ доктора. Ты не дитя, Анюта, нужно разсуждать... *(графу)*. А тебѣ зачѣмъ туда ѣхать?

Шабельскій. Хоть къ чорту въ пекло, хоть къ крокодилу въ зубы, только чтобъ не здѣсь оставаться. Мнѣ скучно! Я отупѣлъ отъ скуки! Я надоѣлъ всѣмъ. Ты оставляешь меня дома, чтобы ей не было одной скучно, а я ее загрызъ, заѣлъ!

Анна Петровна. Оставьте его, графъ, оставьте! Пусть ѣдетъ, если ему тамъ весело.

Ивановъ. Аня, къ чему этотъ тонъ? Ты знаешь, я не за веселъемъ туда ѣду! Мнѣ нужно поговорить о векселѣ.

Анна Петровна. Не понимаю, зачѣмъ ты оправдываешься? поѣзжай! Кто тебя держитъ?

Ивановъ. Господа, не будемте ѣсть другъ друга! Неужели это такъ необходимо!?

Шабельскій *(плачущимъ голосомъ)*, Nicolas, голубчикъ, ну, я прошу тебя, возьми меня съ собою! я погляжу тамъ мошенниковъ и дураковъ, и, можетъ-быть, развлекусь. Вѣдь я съ самой Пасхи нигдѣ не былъ!

Ивановъ *(раздраженно)*. Хорошо, поѣдемъ! Какъ вы мнѣ всѣ надоѣли!

Шабельскій. Да? Ну, mercі, mercі... *(весело беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону)*. Твою соломенную шляпу можно надѣть?

Ивановъ. Можно, только поскорѣй, пожалуйста!

(Графъ бѣжитъ въ домъ).

Ивановъ. Какъ вы всѣ надоѣли мнѣ! Впрочемъ, Господи, что я говорю? Аня, я говорю съ тобою невозможнымъ тономъ. Никогда этого со мною раньше не было. Ну, прощай, Аня, я вернусь къ часу.

Анна Петровна. Коля, милый мой, останься дома!

Ивановъ *(волнуясь)*. Голубушка моя, родная моя, несчастная, умоляю тебя, не мѣшай мнѣ уѣзжать по вечерамъ изъ дому. Это жестоко, несправедливо съ моей стороны, но позволяй мнѣ дѣлать эту несправедливость! Дома мнѣ мучительно-тяжело! Какъ только прячется солнце, душу мою начинаетъ давить тоска. Какая тоска! Не спрашивай, отчего это. Я самъ не знаю. Клянусь, не знаю! Здѣсь тоска, а поѣдешь къ Лебедевымъ, тамъ еще хуже: вернешься оттуда, а здѣсь опять тоска, и такъ всю ночь... Просто отчаяніе!..

Анна Петровна. Коля... а то остался бы! Будемъ, какъ прежде, разговаривать... Поужинаемъ вмѣстѣ, будемъ читать... Я и брюзга разучили для тебя много дуэтовъ... *(обнимаетъ его)*. Останься!.. *(пауза)*. Я тебя не понимаю. Это ужъ цѣлый годъ продолжается. Отчего ты измѣнился?

Ивановъ. Не знаю, не знаю...

Анна Петровна. А почему ты не хочешь, чтобы я уѣзжала вмѣстѣ съ тобою по вечерамъ?

Ивановъ. Если тебѣ нужно, то, пожалуй, скажу. Немножко жестоко это говорить, но лучше сказать... Когда меня мучаетъ тоска, я... я начинаю тебя не любить. Я и отъ тебя бѣгу въ это время. Однимъ словомъ, мнѣ нужно уѣзжать изъ дому.

Анна Петровна. Тоска? понимаю, понимаю... Знаешь что, Коля? Ты попробуй, какъ прежде, пѣть, смѣяться, сердиться... Останься, будемъ смѣяться, пить наливку, и твою тоску разгонимъ въ одну минуту. Хочешь, я буду пѣть? Или пойдемъ, сядемъ у тебя въ кабинетѣ, въ потемкахъ, какъ прежде, и ты мнѣ про свою тоску разскажешь... У

тебя такіе страдальческіе глаза! Я буду глядѣть въ нихъ и плакать, и намъ обоимъ станетъ легче... *(смѣется и плачетъ)*. Или, Коля, какъ? Цвѣты повторяются каждую весну, а радости—нѣтъ? Да? Ну, поѣзжай, поѣзжай...

Ивановъ. Ты помолись за меня Богу, Аня! *(идетъ, останавливается и думаетъ)*. Нѣтъ, не могу! *(уходитъ)*.

Анна Петровна. Поѣзжай... *(садится у стола)*.

Львовъ *(ходитъ по сцен)*. Анна Петровна, возьмите себѣ за правило: какъ только бьетъ шесть часовъ, вы должны идти въ комнаты и не выходить до самаго утра. Вечерняя сырость вредна вамъ.

Анна Петровна. Слушаю-съ.

Львовъ. Что «слушаю-съ»! Я говорю серьезно.

Анна Петровна. А я не хочу быть серьезною *(кашляетъ)*.

Львовъ. Вотъ видите,—вы уже кашляете...

VII.

ЛЬВОВЪ, АННА ПЕТРОВНА и ШАБЕЛЬСКІЙ.

Шабельскій *(въ шляпѣ и пальто выходитъ изъ дому)*. А гдѣ Николай? Лошадей подали? *(быстро идетъ и цѣлуетъ руку Аннѣ Петровнѣ)*. Покойной ночи, прелесть! *(гримасничаетъ)*. Гевалтъ! Извините, пожалуйста! *(быстро уходитъ)*.

Львовъ. Шутъ!

(Пауза; слышны далекіе звуки гармоники).

Анна Петровна. Какая скука!.. Вонъ кучера и кухарки задаютъ себѣ балъ, а я... я—какъ брошенная... Евгеній Константиновичъ, гдѣ вы тамъ шагаете? Идите сюда, сядьте!..

Львовъ. Не могу я сидѣть *(пауза)*.

Анна Петровна. На кухнѣ «чижика» играютъ *(поетъ)*. «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ? Подъ горою водку пилъ» *(пауза)*. Докторъ, у васъ есть отецъ и мать?

Львовъ. Отецъ умеръ, а мать есть.

Анна Петровна. Вы скучаете по матери?

Львовъ. Мнѣ некогда скучать.

Анна Петровна *(смѣется)*. Цвѣты повторяются каждую весну, а радости—нѣтъ. Кто мнѣ сказалъ эту фразу? Дай Богъ память... Кажется, самъ Николай сказалъ *(прислушивается)*. Опять сова кричитъ!

Львовъ. Ну, и пусть кричитъ!

Анна Петровна. Я, докторъ, начинаю думать, что судьба

меня обсчитала. Множество людей, которые, можетъ-быть, и не лучше меня, бываютъ счастливы и ничего не платятъ за свое счастье. Я же за все платила, рѣшительно за все!.. И какъ дорого! За что брать съ меня такіе ужасные проценты?.. Душа моя, вы всѣ осторожны со мною, деликатничаете, боитесь сказать правду, но думаете, я не знаю, какая у меня болѣзнь? Отлично знаю. Впрочемъ, скучно объ этомъ говорить... *(еврейскимъ акцентомъ).* Жвините, пожалуста! Вы умѣете разсказывать смѣшные анекдоты?

Львовъ. Не умѣю.

Анна Петровна. А Николай умѣетъ. И начинаю я также удивляться несправедливости людей: почему за любовь не отвѣчаютъ любовью и за правду платятъ ложью? Скажите: до какихъ поръ будутъ ненавидѣть меня отецъ и мать? Они живутъ за 50 верстъ отсюда, а я день и ночь, даже во снѣ, чувствую ихъ ненависть. А какъ прикажете понимать тоску Николая? Онъ говоритъ, что не любитъ меня только по вечерамъ, когда его гнететъ тоска. Это я понимаю и допускаю, но представьте, что онъ разлюбилъ меня совершенно! Конечно, это невозможно, ну—а вдругъ? Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ и думать даже не надо *(поетъ).* «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?»... *(вздрагиваетъ).* Какія у меня страшныя мысли!.. Вы, докторъ, не семейный и не можете понять многаго...

Львовъ. Вы удивляетесь... *(садится рядомъ).* Нѣтъ, я... я удивляюсь, удивляюсь вамъ! Ну, объясните, растолкуйте мнѣ, какъ это вы, умная, честная, почти святая, позволили такъ нагло обмануть себя и затащить васъ въ это совиное гнѣздо? Зачѣмъ вы здѣсь? Что общаго у васъ съ этимъ холоднымъ, бездушнымъ... но оставимъ вашего мужа!—что у васъ общаго съ этою пустою, пошлою средой? О, Господи, Боже мой!.. Этотъ вѣчно брюзжащій, заржавленный, сумасшедшій графъ, этотъ пройдоха, мошенникъ изъ мошенниковъ, Миша, со своею гнусною физіономіей... Объясните же мнѣ, къ чему вы здѣсь? Какъ вы сюда попали?..

Анна Петровна *(смѣется).* Вотъ точно такъ же и онъ когда-то говорилъ... Точь-въ-точь... Но у него глаза больше, и, бывало, какъ онъ начнетъ говорить о чемъ-нибудь горячо, такъ они какъ угли... Говорите, говорите!..

Львовъ *(встаетъ и машетъ рукой).* Что мнѣ говорить? Идите въ комнаты...

Анна Петровна. Вы говорите, что Николай то да сё, пятое, десятое. Откуда вы его знаете? Развѣ за полгода можно узнать человѣка? Это, докторъ, замѣчательный человѣкъ, и я жалѣю, что вы не знали его года два-три тому назадъ. Онъ теперь хандритъ, молчитъ, ничего не дѣлаетъ, но прежде... Какая прелесть!.. Я полюбила его съ перваго взгляда *(смѣется)*. Взглянула, а меня мышеловка хлопъ! Онъ сказалъ: пойдемъ... Я отрѣзала отъ себя все, какъ, знаете, отрѣзаютъ гнилые листья ножницами, и пошла... *(пауза)*. А теперь не то... Теперь онъ ѣдетъ къ Лебедевымъ, чтобы развлечься съ другими женщинами, а я... сижу въ саду и слушаю, какъ сова кричитъ... *(стукъ сторожа)*. Докторъ, а братьевъ у васъ нѣтъ?

Львовъ. Нѣтъ.

(Анна Петровна рыдаетъ).

Львовъ. Ну, что еще? Что вамъ?

Анна Петровна *(встаетъ)*. Я не могу, докторъ, я поѣду туда...

Львовъ. Куда это?

Анна Петровна. Туда, гдѣ онъ... Я поѣду... Прикажите заложить лошадей *(бѣжитъ въ домъ)*.

Львовъ. Нѣтъ, я рѣшительно отказываюсь лѣчить при такихъ условіяхъ! Мало того, что ни копейки не платятъ, но еще душу выворачиваютъ вверхъ дномъ!.. Нѣтъ, я отказываюсь! Довольно!.. *(идетъ въ домъ)*.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Залъ въ домѣ Лебедевыхъ; прямо выходъ въ садъ; направо и налѣво двери. Старинная, дорогая мебель. Люстра, канделябры и картины— все это въ чехлахъ.

I.

ЗИНАИДА САВИШНА, КОСЫХЪ, АВДОТЬЯ НАЗАРОВНА ЕГОРУШКА, ГАВРИЛА, ГОРНИЧНАЯ, СТАРУХИ-ГОСТЬИ БАРЫШНИ и БАБАКИНА.

Зинаида Савишна сидитъ на диванѣ. По обѣ стороны ея на креслахъ старухи-гостьи; на стульяхъ молодежь. Въ глубинѣ около выхода въ садъ, играютъ въ карты; между играющими: Косыхъ, Авдотья Назаровна и Егорушка. Гаврила стоитъ у правой двери; горничная разно-

синъ на подносѣ лакомства. Изъ сада въ правую дверь и обратно въ продолженіе всего дѣйствія циркулируютъ гости. Бабакина выходитъ изъ правой двери и направляется къ Зинаидѣ Савишнѣ.

Зинаида Савишна *(радостно)*. Душечка, Марѳа Егоровна...

Бабакина. Здравствуйте, Зинаида Савишна! Честь имѣю васъ поздравить съ новорожденною... *(цѣлуются)*. Дай Богъ, чтобъ...

Зинаида Савишна. Благодарю васъ, душечка. я такъ рада... Ну, какъ ваше здоровье?

Бабакина. Очень вами благодарна *(садится рядомъ на диванъ)*. Здравствуйте, молодые люди!..

(Гости встаютъ и кланяются).

1-й гость *(смѣется)*. Молодые люди... а вы развѣ старая?

Бабакина *(вздыхая)*. Гдѣ ужъ намъ въ молодые лѣзть...

1-й гость *(почтительно смѣясь)*. Помилуйте, что вы... Одно только званіе, что вдова, а вы любой дѣвицѣ можете десять очковъ впередъ дать.

(Гаврила подноситъ Бабакиной чай).

Зинаида Савишна *(Гаврилѣ)*. Что же ты такъ подаешь? Принесъ бы какого-нибудь варенья. Кружовеннаго, что ли...

Бабакина. Не безпокойтесь, очень вами благодарна.

(Пауза).

1-й гость. Вы, Марѳа Егоровна, черезъ Мушкино ѣхали?..

Бабакина. Нѣтъ, на Займище. Тутъ дорога лучше.

1-й гость. Такъ-съ.

Косыхъ. Два пики.

Егорушка. Пасъ.

Авдотья Назаровна. Пасъ.

2-й гость. Пасъ.

Бабакина. Выигрышные билеты, душечка Зинаида Савишна, опять пошли шибко въ гору. Видано ли дѣло: первый заемъ стоитъ ужъ 270, а второй безъ малаго 250... Никогда этого не было...

Зинаида Савишна *(вздыхаетъ)*. Хорошо, у кого ихъ много...

Бабакина. Не скажите, душечка; хоть они и въ большой цѣнѣ, а держать въ нихъ капиталъ невыгодно. Одна страховка сживетъ со свѣта.

Зинаида Савишна. Такъ-то такъ, а все-таки, моя милая, надѣешься... *(вздыхаетъ)*. Богъ милостивъ...

3-й гость. Съ моей точки зрѣнія, mesdames, я такъ разсуждаю, что въ настоящее время имѣть капиталъ очень

невыгодно. Процентныя бумаги даютъ весьма немного дивиденда, а пускать деньги въ оборотъ чрезвычайно опасно. Я такъ понимаю, mesdames, что человѣкъ, который въ настоящее время имѣетъ капиталъ, находится болѣе въ критическомъ положеніи, чѣмъ тотъ, mesdames, который...

Бабакина *(вздыхаетъ).* Это вѣрно!

(1-й гость зѣваетъ).

Бабакина. А развѣ можно при дамахъ зѣвать?

1-й гость. Pardon, mesdames, это я нечаянно.

(Зинаида Савишна встаетъ и уходитъ въ правую дверь; продолжительное молчаніе).

Егорушка. Два бубны.

Авдотья Назаровна. Пасъ.

2-й гость. Пасъ.

Косыхъ. Пасъ.

Бабакина *(въ сторону).* Господи, какая скука, помереть можно!

II.

ТѢ ЖЕ, ЗИНАИДА САВИШНА и ЛЕБЕДЕВЪ.

Зинаида Савишна *(выходя изъ правой двери съ Лебедевымъ, тихо).* Что усѣлся тамъ? Примадонна какая! Сиди съ гостями! *(садится на прежнее мѣсто).*

Лебедевъ *(зѣваетъ).* Охъ, грѣхи наши тяжкіе! *(увидѣвъ Бабакину).* Батюшки, мармеладъ сидитъ! Рахатъ-лукумъ!.. *(здоровается).* Какъ ваше драгоцѣннѣйшее?..

Бабакина. Очень вами благодарна.

Лебедевъ. Ну, слава Богу!.. Слава Богу! *(садится въ кресло).* Такъ, такъ... Гаврила!

(Гаврила подноситъ ему рюмку водки и стаканъ воды; онъ выпиваетъ водку и запиваетъ водой).

1-й гость. На доброе здоровье!..

Лебедевъ. Какое ужъ тутъ доброе здоровье!.. Околѣванца нѣтъ, и на томъ спасибо *(жене).* Зюзюшка, а гдѣ же наша новорожденная?

Косыхъ *(плаксиво).* Скажите мнѣ: ну, за что мы остались безъ взятки *(вскакиваетъ).* Ну, за что мы проиграли, чортъ меня подери совсѣмъ?

Авдотья Назаровна *(вскакиваетъ и сердито).* А за то, что если ты, батюшка, не умѣешь играть, такъ не садись. Какое ты имѣешь полное право ходить въ чужую масть? Вотъ

и остался у тебя маринованный тузъ!.. *(оба бѣгутъ изъ-за стола впередъ).*

Косыхъ *(плачущимъ голосомъ).* Позвольте, господа... У меня на бубнахъ: тузъ, король, дама, коронка самъ-восемь, тузъ пикъ и одна, понимаете ли, одна маленькая червонка, а она, чортъ знаетъ, не могла объявить маленькій шлемъ!.. Я сказалъ безъ козыря...

Авдотья Назаровна *(перебивая).* Это я сказала безъ козыря! Ты сказалъ: два безъ козыря...

Косыхъ. Это возмутительно!.. Позвольте... у васъ... у меня... у васъ... *(Лебедеву).* Да вы посудите, Павелъ Кириллычъ... У меня на бубнахъ: тузъ, король, дама, коронка самъ-восемь...

Лебедевъ *(затыкаетъ уши).* Отстань, сдѣлай милость... отстань...

Авдотья Назаровна *(кричитъ).* Это я сказала безъ козыря!

Косыхъ *(свирѣпо).* Будь я подлецъ и анаѳема, если я сяду еще когда-нибудь играть съ этою севрюгой! *(быстро уходитъ въ садъ).*

(2-й гость уходитъ за нимъ, за столомъ остается Егорушка).

Авдотья Назаровна. Уфъ!.. Даже въ жаръ отъ него бросило... Севрюга!.. Самъ ты севрюга!..

Бабакина. Да и вы, бабушка, сердитая...

Авдотья Назаровна *(увидѣвъ Бабакину, всплескиваетъ руками).* Ясочка моя, красавица!.. Она здѣсь, а я, куриная слѣпота, и не вижу... Голубочка... *(цѣлуетъ ее въ плечо и садится рядомъ).* Вотъ радость! Дай же я на тебя погляжу, лебедь бѣлая! Тфу, тфу, тфу... чтобъ не сглазить!..

Лебедевъ. Ну, распѣлась.... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду! Въ гробъ, грѣшница, не лягу, а ее да Саничку замужъ выдамъ!.. Въ гробъ не лягу... *(вздохъ).* Только вотъ, гдѣ ихъ найдешь нынче, жениховъ-то? Вотъ они, наши женихи-то, сидятъ нахохлившись, словно пѣтухи мокрые!..

3-й гость. Весьма неудачное сравненіе. Съ моей точки зрѣнія, mesdames, если теперешніе молодые люди предпочитаютъ холостую жизнь, то въ этомъ виноваты, такъ сказать, соціальныя условія...

Лебедевъ. Ну, ну!... не философствуй!.. не люблю!..

III.

ТѢ ЖЕ и САША.

Саша *(входитъ и идетъ къ отцу).* Такая великолѣпная погода, а вы сидите здѣсь, господа, въ духотѣ.

Зинаида Савишна. Сашенька, развѣ ты не видишь, что у насъ Марѳа Егоровна?

Саша. Виновата *(идетъ къ Бабакиной и здоровается).*

Бабакина. Загордѣлась, Саничка, загордѣлась, хоть бы разокъ пріѣхала *(цѣлуется).* Поздравляю, душечка...

Саша. Благодарю *(садится рядомъ съ отцомъ).*

Лебедевъ. Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь съ женихами. Не то, что̀ жениха —путевыхъ шаферовъ достать негдѣ. Нынѣшняя молодежь, не въ обиду будь сказано, какая-то, Господь съ нею, кислая, переваренная... Ни поплясать, ни поговорить, ни выпить толкомъ...

Авдотья Назаровна. Ну, пить-то они всѣ мастера, только дай...

Лебедевъ. Не велика штука пить,—пить и лошадь умѣетъ... Нѣтъ, ты съ толкомъ выпей!.. Въ наше время, бывало, день-деньской съ лекціями бьешься, а какъ только насталъ вечеръ, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчкомъ вертишься... И пляшешь, и барышень забавляешь, и эта штука *(щелкаетъ себя по шеѣ).* Бывало, и брешешь, и философствуешь, пока языкъ не отнимется... А нынѣшніе... *(машетъ рукой).* Не понимаю... Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Во всемъ уѣздѣ есть только одинъ путевый малый, да и тотъ женатъ *(вздыхаетъ)* и, кажется, ужъ бѣситься сталъ...

Бабакина. Кто это?

Лебедевъ. Николаша Ивановъ.

Бабакина. Да, онъ хорошій мужчина *(дѣлаетъ гримасу),* только несчастный!..

Зинаида Савишна. Еще бы, душечка, быть ему счастливымъ! *(вздыхаетъ).* Какъ онъ, бѣдный, ошибся!.. Женился на своей жидовкѣ и такъ, бѣдный, разсчитывалъ, что отецъ и мать за нею золотыя горы дадутъ, а вышло совсѣмъ напротивъ... Съ того времени, какъ она перемѣнила вѣру, отецъ и мать знать ее не хотятъ, прокляли... Такъ ни копейки и не получилъ. Теперь кается, да ужъ поздно...

Саша. Мама, это неправда.

Бабакина *(горячо)*. Шурочка, какъ же неправда? Вѣдь это всѣ знаютъ. Ежели бы не было интереса, то зачѣмъ бы ему на еврейкѣ жениться? Развѣ русскихъ мало? Ошибся, душечка, ошибся... *(живо)*. Господи, да и достается же теперь ей отъ него! Просто смѣхъ одинъ. Придетъ откуда-нибудь домой и сейчасъ къ ней: «твой отецъ и мать меня надули! Пошла вонъ изъ моего дома!» А куда ей идти? Отецъ и мать не примутъ; пошла бы въ горничныя, да работать не пріучена... Ужъ онъ мудруетъ-мудруетъ надъ нею, пока графъ не вступится. Не будь графа, давно бы ее со свѣта сжилъ...

Авдотья Назаровна. А то, бываетъ, запретъ ее въ погребъ и—«ѣшь, такая-сякая, чеснокъ»... Ѣсть-ѣстъ, покуда изъ души переть не начнетъ *(смѣхъ)*.

Саша. Папа, вѣдь это ложь!

Лебедевъ. Ну, такъ что же? Пусть себѣ мелютъ на здоровье... *(кричитъ)*. Гаврила!..

(Гаврила подаетъ ему водку и воду).

Зинаида Савишна. Оттого вотъ и разорился, бѣдный. Дѣла, душечка, совсѣмъ упали... Если бы Боркинъ не глядѣлъ за хозяйствомъ, такъ ему бы съ жидовкой ѣсть нечего было *(вздыхаетъ)*. А какъ мы-то, душечка, изъ-за него пострадали!.. Такъ пострадали, что одинъ только Богъ видитъ! Вѣрите ли, милая, ужъ три года, какъ онъ намъ девять тысячъ долженъ!

Бабакина *(съ ужасомъ)*. Девять тысячъ!..

Зинаида Савишна. Да... это мой милый Пашенька распорядился дать ему. Не разбираетъ, кому можно дать, кому нельзя... Про капиталъ я уже не говорю,—Богъ съ нимъ, но лишь бы проценты исправно платилъ!..

Саша *(горячо)*. Мама, объ этомъ вы говорили уже тысячу разъ!

Зинаида Савишна. Тебѣ-то что? Что ты заступаешься?

Саша *(встаетъ)*. Но какъ у васъ хватаетъ духа говорить все это про человѣка, который не сдѣлалъ вамъ никакого зла? Ну, что онъ вамъ сдѣлалъ?

3-й гость. Александра Павловна, позвольте мнѣ сказать два слова! Я уважаю Николая Алексѣевича и всегда считалъ за честь, но, говоря entre nous, онъ мнѣ кажется авантюристомъ.

Саша. И поздравляю, если вамъ такъ кажется.

3-й гость. Въ доказательство приведу вамъ слѣдующій фактъ, который передавалъ мнѣ его атташе или, такъ сказать, чичероне Боркинъ. Два года тому назадъ, во время скотской эпизоотіи, онъ накупилъ скота, застраховалъ его...

Зинаида Савишна. Да, да, да! Я помню этотъ случай. Мнѣ тоже говорили.

3-й гость. Застраховалъ его, можете имѣть въ виду, потомъ заразилъ чумой и взялъ страховую премію.

Саша. Ахъ, да вздоръ все это! Вздоръ! Никто не покупалъ и не заражалъ скота! Это самъ Боркинъ сочинилъ такой проектъ и вездѣ хвастался имъ. Когда Ивановъ узналъ объ этомъ, то Боркинъ потомъ у него двѣ недѣли прощенія просилъ. Виноватъ же Ивановъ только, что у него слабый характеръ и не хватаетъ духа прогнать отъ себя этого Боркина, и виноватъ, что онъ слишкомъ вѣритъ людямъ! Все, что у него было, растащили, расхитили: около его великодушныхъ затѣй наживался всякій, кто только хотѣлъ.

Лебедевъ. Шура-горячка! Будетъ тебѣ!

Саша. Зачѣмъ же они говорятъ вздоръ? Ахъ, да все это скучно и скучно! Ивановъ, Ивановъ, Ивановъ—и больше нѣтъ другихъ разговоровъ *(идетъ къ двери и возвращается)*. Удивляюсь! *(молодымъ людямъ)*. Положительно удивляюсь вашему терпѣнію, господа! Неужели вамъ не скучно такъ сидѣть? Вѣдь воздухъ застылъ отъ тоски! Говорите же что-нибудь, забавляйте барышень, шевелитесь! Ну, если у васъ нѣтъ другихъ сюжетовъ, кромѣ Иванова, то смѣйтесь, пойте, пляшите, что ли...

Лебедевъ *(смѣется)*. Проберн-ка, проберн ихъ хорошенько!

Саша. Ну, послушайте, сдѣлайте мнѣ такое одолженіе! Если не хотите плясать, смѣяться, пѣть, если все это скучно, то, прошу васъ, умоляю, хоть разъ въ жизни, для курьеза, чтобы удивить или насмѣшить, соберите силы и всѣ разомъ придумайте что-нибудь остроумное, блестящее, скажите даже хоть дерзость или пошлость, но чтобъ было смѣшно и ново! Или всѣ разомъ совершите что-нибудь маленькое, чуть замѣтное, но хоть немножко похожее на подвигъ, чтобы барышни хоть разъ въ жизни, глядя на васъ могли бы сказать: «Ахъ!» Послушайте, вѣдь вы желаете

нравиться, но почему же вы не стараетесь нравиться? Ахъ, господа! Всѣ вы не то, не то, не то!.. На васъ глядя, мухи мрутъ и лампы начинаютъ коптѣть. Не то, не то!.. Тысячу разъ я вамъ говорила и всегда буду говорить, что всѣ вы не то, не то, не то!..

IV.

ТѢ ЖЕ, ИВАНОВЪ и ШАБЕЛЬСКІЙ.

Шабельскій *(входя съ Ивановымъ изъ правой двери).* Кто это здѣсь декламируетъ? Вы, Шурочка? *(хохочетъ и пожимаетъ ей руку).* Поздравляю, ангелъ мой, дай вамъ Богъ попозже умереть и не рождаться во второй разъ...

Зинаида Савишна *(радостно).* Николай Алексѣевичъ, графъ!..

Лебедевъ. Ба! Кого вижу... графъ! *(идетъ навстрѣчу).*

Шабельскій *(увидавъ Зинаиду Савишну и Бабакину, протягиваетъ въ сторону ихъ руки).* Два банка на одномъ диванѣ!.. Глядѣть любо! *(здоровается; Зинаидѣ Савишнѣ).* Здравствуйте, Зюзюшка! *(Бабакиной).* Здравствуйте, помпончикъ!..

Зинаида Савишна. Я такъ рада. Вы, графъ, у насъ такой рѣдкій гость! *(кричитъ).* Гаврила, чаю! Садитесь, пожалуйста! *(встаетъ, уходитъ въ правую дверь и тотчасъ же возвращается; видъ крайне озабоченный. Саша садится на прежнее мѣсто. Ивановъ молча здоровается со всѣми).*

Лебедевъ *(Шабельскому).* Откуда ты взялся? Какія это силы тебя принесли? Вотъ сюрпризъ! *(цѣлуетъ его).* Графъ, вѣдь ты разбойникъ! Такъ не дѣлаютъ порядочные люди! *(ведетъ его за руку къ рампѣ).* Отчего ты у насъ не бываешь? Сердитъ, что ли?

Шабельскій. На чемъ же я могу къ тебѣ ѣздить? Верхомъ на палкѣ? Своихъ лошадей у меня нѣтъ, а Николай не беретъ съ собою, велитъ съ Саррой сидѣть, чтобъ та не скучала. Присылай за мною своихъ лошадей, тогда и буду ѣздить...

Лебедевъ *(машетъ рукой).* Ну, да!.. Зюзюшка скорѣе треснетъ, чѣмъ дастъ лошадей. Голубчикъ ты мой, милый, вѣдь ты для меня дороже и роднѣе всѣхъ! Изъ всего старья уцѣлѣли я да ты! Люблю въ тебѣ я прежнія страданія и молодость погибшую мою... Шутки шутками, а я вотъ почти плачу *(цѣлуетъ графа).*

Шабельскій. Пусти, пусти! Отъ тебя, какъ изъ виннаго погреба...

Лебедевъ. Душа моя, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ скучно безъ моихъ друзей! Вѣшаться готовъ съ тоски.. *(тихо).* Зюзюшка со своею ссудною кассой разогнала всѣхъ порядочныхъ людей, и остались, какъ видишь, одни только зулусы... эти Дудкины, Будкины... Ну, кушай чай... *(Гаврила подноситъ графу чай).*

Зинаида Савишна *(озабоченно Гавриль).* Ну, какъ же ты подаешь? Принесъ бы какого-нибудь варенья... Кружовеннаго, что ли...

Шабельскій *(хохочетъ; Иванову).* Что, не говорилъ я тебѣ? *(Лебедеву).* Я съ нимъ пари дорогой держалъ, что, какъ пріѣдемъ, Зюзюшка сейчасъ же начнетъ угощать насъ кружовеннымъ вареньемъ...

Зинаида Савишна. Вы, графъ, все такой же насмѣшникъ... *(садится).*

Лебедевъ. Двадцать бочекъ его наварили, такъ куда же его дѣвать?

Шабельскій *(садясь около стола).* Вы копите, Зюзюшка? Ну, что ужъ милліончикъ есть, а?

Зинаида Савишна *(со вздохомъ).* Да, со стороны поглядѣть, такъ богаче насъ и людей нѣтъ, а откуда быть деньгамъ? Одинъ разговоръ только...

Шабельскій. Ну, да, да!.. знаемъ!.. Знаемъ, какъ вы плохо въ шашки играете... *(Лебедеву).* Паша, скажи по совѣсти: скопили милліонъ?

Лебедевъ. Не знаю. Это у Зюзюшки спроси...

Шабельскій *(Бабакиной).* И у жирненькаго помпончика скоро будетъ милліончикъ! Хорошѣетъ и полнѣетъ не по днямъ, а по часамъ! Что значитъ деньжищъ много...

Бабакина. Очень вами благодарна, ваше сіятельство, а только я не люблю насмѣшекъ.

Шабельскій. Милый мой банкъ, да развѣ это насмѣшки? Это просто вопль души, отъ избытка чувствъ глаголятъ уста... Васъ и Зюзюшку я люблю безконечно... *(весело).* Восторгъ!.. Упоеніе!.. Васъ обѣихъ не могу видѣть равнодушно...

Зинаида Савишна. Вы все такой же, какъ и были *(Егорушкѣ).* Егорушка, потуши свѣчи! Зачѣмъ имъ горѣть попусту, если не играете? *(Егорушка вздрагиваетъ; тушитъ*

свѣчи и садится; Иванову). Николай Алексѣевичъ, какъ здоровье вашей супруги?

Ивановъ. Плохо. Сегодня докторъ положительно сказалъ, что у нея чахотка...

Зинаида Савишна. Неужели? Какая жалость!.. *(вздохъ).* А мы всѣ ее такъ любимъ...

Шабельскій. Вздоръ, вздоръ и вздоръ!.. Никакой чахотки нѣтъ, докторское шарлатанство, фокусъ. Хочется эскулапу шляться, вотъ и выдумалъ чахотку. Благо, мужъ не ревнивъ *(Ивановъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе).* Что касается самой Сарры, то я не вѣрю ни одному ея слову, ни одному движенію. Въ своей жизни я никогда не вѣрилъ ни докторамъ, ни адвокатамъ, ни женщинамъ. Вздоръ, вздоръ, шарлатанство и фокусы!

Лебедевъ *(Шабельскому).* Удивительный ты субъектъ. Матвѣй!.. Напустилъ на себя какую-то мизантропію и носится съ нею, какъ дуракъ съ писаною торбой. Человѣкъ какъ человѣкъ, а заговоришь, такъ точно у тебя типунъ на языкѣ или сплошной катарръ...

Шабельскій. Что же мнѣ цѣловаться съ мошенниками и подлецами, что ли?

Лебедевъ. Гдѣ же ты видишь мошенниковъ и подлецовъ?

Шабельскій. Я, конечно, не говорю о присутствующихъ, но...

Лебедевъ. Вотъ тебѣ и но... Все это напускное.

Шабельскій. Напускное... Хорошо, что у тебя никакого міровоззрѣнія нѣтъ.

Лебедевъ. Какое мое міровоззрѣніе? Сижу и каждую минуту околѣванца жду. Вотъ мое міровоззрѣніе. Намъ, братъ, не время съ тобою о міровоззрѣніяхъ думать. Такъ-то... *(кричитъ).* Гаврила!

Шабельскій. Ты ужъ и такъ нагаврилился... Погляди, какъ носъ насандалилъ!

Лебедевъ *(пьетъ).* Ничего, душа моя... не вѣнчаться мнѣ ѣхать.

Зинаида Савишна. Давно уже у насъ докторъ Львовъ не былъ. Совсѣмъ позабылъ.

Саша. Моя антипатія. Ходячая честность. Воды не попроситъ, папиросы не закурить безъ того, чтобы не показать своей необыкновенной честности. Ходитъ или говоритъ, а у самого на лбу написано: я честный человѣкъ! Скучно съ нимъ.

Шабельскій. Узкій, прямолинейный лѣкарь! *(дразнитъ).* «Дорогу честному труду!» Оретъ на каждомъ шагу, какъ попугай, и думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ второй Добролюбовъ. Кто не оретъ, тотъ подлецъ. Взгляды удивительные по своей глубинѣ. Если мужикъ зажиточный и живетъ по-человѣчески, то, значитъ, подлецъ и кулакъ. Я хожу въ бархатномъ пиджакѣ и одѣваетъ меня лакей — я подлецъ и крѣпостникъ. Такъ честенъ, такъ честенъ, что всего распираетъ отъ честности. Мѣста себѣ не находитъ. Я даже боюсь его... Ей-ей!.. Того и гляди, что изъ чувства долга по рылу хватитъ или подлеца пуститъ.

Ивановъ. Онъ меня ужасно утомилъ, но все-таки мнѣ симпатиченъ; въ немъ много искренности.

Шабельскій. Хороша искренность! Подходитъ вчера ко мнѣ вечеромъ и ни съ того ни съ сего: «Вы, графъ, мнѣ глубоко несимпатичны!» Покорнѣйше благодарю! И все это не просто, а съ тенденціей: и голосъ дрожитъ, и глаза горятъ и поджилки трясутся... Чортъ бы побралъ эту деревянную искренность! Ну, я противенъ ему, гадокъ, это естественно... я и самъ сознаю, но къ чему говорить это въ лицо? Я дрянной человѣкъ, но вѣдь у меня, какъ бы то ни было, сѣдые волосы... Бездарная, безжалостная честность!

Лебедевъ. Ну, ну, ну!.. Самъ, небось, былъ молодымъ и понимаешь.

Шабельскій. Да, я былъ молодъ и глупъ, въ свое время разыгрывалъ Чацкаго, обличалъ мерзавцевъ и мошенниковъ, но никогда въ жизни я воровъ не называлъ въ лицо ворами и въ домѣ повѣшеннаго не говорилъ о веревкѣ. Я былъ воспитанъ. А вашъ, этотъ тупой лѣкарь, почувствовалъ бы себя на высотѣ своей задачи и на седьмомъ небѣ, если бы судьба дала ему случай, во имя принципа и общечеловѣческихъ идеаловъ, хватить меня публично по рылу и подъ микитки.

Лебедевъ. Молодые люди всѣ съ норовомъ. У меня дядя гегеліанецъ былъ... такъ тотъ, бывало, соберетъ къ себѣ гостей полонъ домъ, выпьетъ, станетъ вотъ этакъ на стулъ и начинаетъ: «Вы невѣжды! Вы мрачная сила! Заря новой жизни!» Та-та, та-та, та-та... Ужъ онъ отчитываетъ, отчитываетъ...

Саша. А гости что же?

Лебедевъ. А ничего... Слушаютъ да пьютъ себѣ. Разъ, впрочемъ, я его на дуэль вызвалъ... дядю-то родного. Изъ-за

Бэкона вышло. Помню, сидѣлъ я, дай Богъ память, вотъ такъ, какъ Матвѣй, а дядя съ покойнымъ Герасимомъ Нилычемъ стояли вотъ тутъ, примѣрно, гдѣ Николаша... Ну-съ, Герасимъ Нилычъ и задастъ, братецъ ты мой, вопросъ... *(входитъ Боркинъ).*

V.

ТѢ ЖЕ и БОРКИНЪ *(одѣтый франтомъ, со свертком въ рукахъ, подпрыгивая и напѣвая, входитъ изъ правой двери. Гулъ одобренія).*

Барышни. Михаилъ Михайловичъ!..

Лебедевъ. Мишель Мишеличъ! Слыхомъ-слыхать...

Шабельскій. Душа общества!

Боркинъ. А вотъ и я! *(подбѣгаетъ къ Сашѣ).* Благородная синьорина, беру на себя смѣлость поздравить вселенную съ рожденіемъ такого чуднаго цвѣтка, какъ вы... Какъ дань своего восторга, осмѣливаюсь преподнести *(подаетъ свертокъ)* фейерверки и бенгальскіе огни собственнаго издѣлія. Да прояснятъ они ночь такъ же, какъ вы просвѣтляете потемки темнаго царства *(театрально раскланивается).*

Саша. Благодарю васъ...

Лебедевъ *(хохочетъ, Иванову).* Отчего ты не прогонишь эту Іуду?

Боркинъ *(Лебедеву).* Павлу Кириллычу! *(Иванову).* Патрону... *(поетъ).* Nicolas voilà, го-ги-го! *(обходитъ всѣхъ).* Почтеннѣйшей Зинаидѣ Савишнѣ... Божественной Маріѣ Егоровнѣ... Древнѣйшей Авдотьѣ Назаровнѣ... Сіятельнѣйшему графу...

Шабельскій *(хохочетъ).* Душа общества... Едва вошелъ, какъ атмосфера стала жиже. Вы замѣчаете?

Боркинъ. Уфъ, утомился... Кажется, со всѣми здоровался. Ну, что новенькаго, господа? Нѣтъ ли чего-нибудь такого особеннаго, въ носъ шибающаго *(живо Зинаидѣ Савишнѣ).* Ахъ, послушайте, мамаша... Ѣду сейчасъ къ вамъ... *(Гаврилѣ).* Дай-ка мнѣ, Гаврюша, чаю, только безъ кружовеннаго варенья! *(Зинаидѣ Савишнѣ).* Ѣду сейчасъ къ вамъ, а на рѣкѣ у васъ мужики съ лозняка кору дерутъ. Отчего вы лознякъ на откупъ не отдадите?

Лебедевъ *(Иванову).* Отчего ты не прогонишь этого Іуду?

Зинаида Савишна *(испуганно).* А вѣдь это правда, мнѣ и на умъ не приходило!..

Боркинъ *(дѣлаетъ ручную гимнастику).* Не могу безъ движеній... Маманша, что бы такое особенное выкинуть? Марѳа Егоровна, я въ ударѣ... Я экзальтированъ! *(поетъ).* «Я вновь предъ тобою...»

Зинаида Савишна. Устройте что-нибудь, а то всѣ соскучились.

Боркинъ. Господа, что же вы это въ самомъ дѣлѣ носы повѣсили? Сидятъ, точно присяжные засѣдатели!.. Давайте, изобразимъ что-нибудь. Что хотите? Фанты, веревочку, горѣлки, танцы, фейерверки?.

Барышни *(хлопаютъ въ ладоши).* Фейерверки, фейерверки! *(бѣгутъ въ садъ).*

Саша *(Иванову).* Что вы сегодня такой скучный?..

Ивановъ. Голова болитъ, Шурочка, да и скучно...

Саша. Пойдемте въ гостиную *(идутъ въ правую дверь; уходятъ въ садъ всѣ, кромѣ Зинаиды Савишны и Лебедева).*

Зинаида Савишна. Вотъ это я понимаю — молодой человѣкъ: и минуты не побылъ, а ужъ всѣхъ развеселилъ *(притушиваетъ большую лампу).* Пока они всѣ въ саду, нечего свѣчамъ даромъ горѣть *(тушитъ свѣчи).*

Лебедевъ *(идя за нею).* Зюзюшка, надо бы дать гостямъ закусить чего-нибудь...

Зинаида Савишна. Ишь свѣчей сколько... недаромъ люди судятъ, что мы богатые *(тушитъ).*

Лебедевъ *(идя за нею).* Зюзюшка, дала бы чего-нибудь поѣсть людямъ... Люди молодые, небось проголодались, бѣдные... Зюзюшка...

Зинаида Савишна. Графъ не допилъ своего стакана. Даромъ только сахаръ пропалъ *(идетъ въ лѣвую дверь).*

Лебедевъ. Тьфу!.. *(уходитъ въ садъ).*

VI.

ИВАНОВЪ и САША.

Саша *(входя съ Ивановымъ изъ правой двери).* Всѣ ушли въ садъ.

Ивановъ. Такія-то дѣла, Шурочка. Прежде я много работалъ и много думалъ, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не дѣлаю и ни о чемъ не думаю, а усталъ тѣломъ и душой. День и ночь болитъ моя совѣсть, я чувствую, что глубоко виноватъ, но въ чемъ собственно моя вина, не понимаю. А тутъ еще болѣзнь жены, безденежье,

вѣчная грызня, сплетни, лишніе разговоры, глупый Боркинъ... Мой домъ мнѣ опротивѣлъ и жить въ немъ для меня хуже пытки. Скажу вамъ откровенно, Шурочка, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любитъ. Вы — мой старый пріятель, и вы не будете сердиться за мою искренность. Пріѣхалъ я вотъ къ вамъ развлечься, но мнѣ скучно и у васъ, и опять меня тянетъ домой. Простите, я сейчасъ потихоньку уѣду.

Саша. Николай Алексѣевичъ, я понимаю васъ. Ваше несчастіе въ томъ, что вы одиноки. Нужно, чтобы около васъ былъ человѣкъ, котораго бы вы любили и который васъ понималъ бы. Одна только любовь можетъ обновить васъ.

Ивановъ. Ну, вотъ еще, Шурочка! Недостаетъ, чтобъ я, старый, мокрый пѣтухъ, затянулъ новый романъ! Храни меня Богъ отъ такого несчастія! Нѣтъ, моя умница, не въ романѣ дѣло. Говорю, какъ предъ Богомъ, я снесу все: и тоску, и психопатію, и разоренье, и потерю жены, и свою раннюю старость, и одиночество, но не снесу, не выдержу я своей насмѣшки надъ самимъ собою. Я умираю отъ стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человѣкъ, обратился не то въ Гамлета, не то въ Манфреда, не то въ лишніе люди... самъ чортъ не разберетъ! Есть жалкіе люди, которымъ льститъ, когда ихъ называютъ Гамлетами или лишними, но для меня это — позоръ! Это возмущаетъ мою гордость, стыдъ гнететъ меня, и я страдаю...

Саша *(шутя, сквозь слезы).* Николай Алексѣевичъ, бѣжимте въ Америку.

Ивановъ. Мнѣ до этого порога лѣнь дойти, а вы въ Америку... *(идутъ къ выходу въ садъ).* Въ самомъ дѣлѣ, Шура, вамъ здѣсь трудно живется! Какъ погляжу я на людей, которые васъ окружаютъ, мнѣ становится страшно: за кого вы тутъ замужъ пойдете? Одна только надежда, что какой-нибудь проѣзжій поручикъ или студентъ украдетъ васъ и увезетъ...

VII.

ЗИНАИДА САВИШНА *(выходитъ изъ лѣвой двери съ банкой варенья).*

Ивановъ. Виноватъ, Шурочка, я догоню васъ...

(Саша уходитъ въ садъ).

Ивановъ. Зинаида Савишна, я къ вамъ съ просьбой...

Зинаида Савишна. Что вамъ, Николай Алексѣевичъ?

Ивановъ *(мнется).* Дѣло, видите ли, въ томъ, что послѣзавтра срокъ моему векселю. Вы премного бы обязали меня, если бы дали отсрочку, или позволили приписать проценты къ капиталу. У меня теперь совсѣмъ нѣтъ денегъ...

Зинаида Савишна *(испуганно).* Николай Алексѣевичъ, да какъ это можно? Что же это за порядокъ? Нѣтъ, и не выдумывайте вы, Бога ради, не мучьте меня несчастную...

Ивановъ. Виноватъ, виноватъ... *(уходитъ въ садъ).*

Зинаида Савишна. Фуй, батюшки, какъ онъ меня встревожилъ!.. Я вся дрожу... вся дрожу... *(уходитъ въ правую дверь).*

VIII.

Косыхъ *(входитъ изъ лѣвой двери и идетъ черезъ сцену).* У меня на бубнахъ: тузъ, король, дама, коронка самъ-восемь, тузъ пикъ и одна... одна маленькая червонка, а она, чортъ ее возьми совсѣмъ, не могла объявить маленькаго шлема! *(уходитъ въ правую дверь).*

IX.

АВДОТЬЯ НАЗАРОВНА и 1-й ГОСТЬ.

Авдотья Назаровна *(выходя съ 1-мъ гостемъ изъ сада).* Вотъ такъ бы я ее и растерзала, сквалыгу, такъ бы и растерзала! Шутка ли, съ пяти часовъ снизу, а она хоть бы ржавою селедкой попотчивала!.. Ну, домъ!.. Ну, хозяйство!..

1-й гость. Такая скучища, что просто разбѣжался бы и головой объ стѣну! Ну, люди, Господи помилуй!.. Со скуки да съ голоду волкомъ завоешь и людей грызть начнешь...

Авдотья Назаровна. Такъ бы я ее и растерзала, грѣшница.

1-й гость. Бынью, старая, и — домой! И невѣстъ мнѣ твоихъ не надо. Какая тутъ, къ нечистому, любовь, ежели съ самаго обѣда ни рюмки?

Авдотья Назаровна. Пойдемъ, поищемъ, что ли...

1-й гость. Тсс!.. Потихоньку! Шнапсъ, кажется, въ столовой, въ буфетѣ стоитъ. Мы Егорушку за бока... Тсс!.. *(уходятъ въ лѣвую дверь).*

X.

АННА ПЕТРОВНА и ЛЬВОВЪ *(выходятъ изъ правой двери).*

Анна Петровна. Ничего, намъ рады будутъ. Никого нѣтъ. Должно-быть, въ саду.

Львовъ. Ну, зачѣмъ, спрашивается, вы привезли меня сюда, къ этимъ коршунамъ? Не мѣсто тутъ для насъ съ вами! Честные люди не должны знать этой атмосферы!

Анна Петровна. Послушайте, господинъ честный человѣкъ! Нелюбезно провожать даму и всю дорогу говорить съ нею только о своей честности! Можетъ-быть, это и честно, но, по меньшей мѣрѣ, скучно. Никогда съ женщинами не говорите о своихъ добродѣтеляхъ. Пусть онѣ сами поймутъ. Мой Николай, когда былъ такимъ, какъ вы, въ женскомъ обществѣ только пѣлъ пѣсни и разсказывалъ небылицы, а между тѣмъ каждая знала, что онъ за человѣкъ.

Львовъ. Ахъ, не говорите мнѣ про вашего Николая, я его отлично понимаю.

Анна Петровна. Вы хорошій человѣкъ, но ничего не понимаете. Пойдемте въ садъ. Онъ никогда не выражался такъ: «Я честенъ! Мнѣ душно въ этой атмосферѣ! Коршуны! Совиное гнѣздо! Крокодилы!» Звѣринецъ онъ оставлялъ въ покоѣ, а когда, бывало, возмущался, то я отъ него только и слышала: «Ахъ, какъ я былъ несправедливъ сегодня!» или: «Анюта, жаль мнѣ этого человѣка!» Вотъ какъ, а вы... *(уходятъ).*

XI.

АВДОТЬЯ НАЗАРОВНА и 1-й ГОСТЬ.

1-й гость *(выходя изъ лѣвой двери).* Въ столовой нѣтъ, такъ, стало-быть, гдѣ-нибудь въ кладовой. Надо бы Егорушку пощупать. Пойдемъ черезъ гостиную.

Авдотья Назаровна. Такъ бы я ее и растерзала!.. *(уходятъ въ правую дверь).*

XII.

БАБАКИНА, БОРКИНЪ и ШАБЕЛЬСКІЙ *(Бабакина и Боркинъ со смѣхомъ выбѣгаютъ изъ сада; за ними, смѣясь и потирая руки, съежится Шабельскій).*

Бабакина. Какая скука! *(хохочетъ).* Какая скука! Всѣ ходятъ и сидятъ, какъ будто аршинъ проглотили! Отъ скуки всѣ косточки застыли *(прыгаетъ).* Надо размяться!.. *(Боркинъ хватаетъ ее за талію и цѣлуетъ въ щеку).*

Шабельскій *(хохочетъ и щелкаетъ пальцами).* Чортъ возьми! *(крякаетъ).* Нѣкоторымъ образомъ...

Бабакина. Пустите, пустите руки, безстыдникъ, а то графъ Богъ знаетъ, что подумаетъ! Отстаньте!..

Боркинъ. Ангелъ души моей, карбункулъ моего сердца!.. *(цѣлуетъ).* Дайте взаймы 2.300 рублей!..

Бабакина. Нѣ-нѣ-нѣтъ... Какъ хотите, а насчетъ денегъ— очень вами благодарна... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Ахъ, да пустите руки!..

Шабельскій *(съменитъ около).* Помпончикъ... Имѣетъ свою пріятность...

Боркинъ *(серьезно).* Но, довольно. Давайте говорить о дѣлѣ. Будемъ разсуждать прямо, по-коммерчески. Отвѣчайте мнѣ прямо, безъ субтильностей и безъ всякихъ фокусовъ: да или нѣтъ? Слушайте! *(указываетъ на графа).* Вотъ ему нужны деньги, минимумъ три тысячи годового дохода. Вамъ нуженъ мужъ. Хотите быть графиней?

Шабельскій *(хохочетъ).* Удивительный циникъ!

Боркинъ. Хотите быть графиней? Да или нѣтъ?

Бабакина *(взволнованная).* Выдумываете, Миша, право... И эти дѣла не дѣлаются такъ, съ бухты-барахты... Если графу угодно, онъ самъ можетъ и... и я не знаю, какъ это вдругъ, сразу...

Боркинъ. Ну, ну, будетъ тѣнь наводить! Дѣло коммерческое... Да или нѣтъ?

Шабельскій *(смѣясь и потирая руки).* Въ самомъ дѣлѣ, а? Чортъ возьми, развѣ устроить себѣ эту гнусность? а? Помпончикъ... *(цѣлуетъ Бабакину въ щеку).* Прелесть!.. Огурчикъ!..

Бабакина. Постойте, постойте, вы меня совсѣмъ встревожили... Уйдите, уйдите!.. Нѣтъ, не уходите!..

Боркинъ. Скорѣй! Да или нѣтъ? Намъ некогда...

Бабакина. Знаете что, графъ? Вы пріѣзжайте ко мнѣ въ гости дня на три... У меня весело, не такъ, какъ здѣсь... Пріѣзжайте завтра... *(Боркину).* Нѣтъ, вы это шутите?

Боркинъ *(сердито).* Да кто же станетъ шутить въ серьезныхъ дѣлахъ?

Бабакина. Постойте, постойте... Ахъ, мнѣ дурно! Мнѣ дурно! Графиня... Мнѣ дурно!.. Я падаю!..

(Боркинъ и графъ со смѣхомъ берутъ ее подъ руки и, цѣлуя въ щеки, уводятъ въ правую дверь).

XIII.

ИВАНОВЪ, САША, *потомъ* АННА ПЕТРОВНА *(Ивановъ и Саша вбѣгаютъ изъ сада).*

Ивановъ *(въ отчаяніи хватая себя за голову).* Не можетъ быть! Не надо, не надо, Шурочка:.. Ахъ, не надо!..

Саша *(съ увлеченіемъ).* Люблю я васъ безумно... Безъ васъ нѣтъ смысла моей жизни, нѣтъ счастья и радости! Для меня вы все...

Ивановъ. Къ чему, къ чему! Боже мой, я ничего не понимаю... Шурочка, не надо!..

Саша. Въ дѣтствѣ моемъ вы были для меня единственною радостью; я любила васъ и вашу душу, какъ себя, а теперь... я васъ люблю, Николай Алексѣевичъ... Съ вами не то что на край свѣта, а куда хотите, хоть въ могилу, только ради Бога скорѣе, иначе я задохнусь...

Ивановъ *(закатывается счастливымъ смѣхомъ).* Это что же такое? Это, значитъ, начинать жизнь сначала? Шурочка, да?.. Счастье мое! *(привлекаетъ ее къ себѣ).* Моя молодость, моя свѣжесть...

(Анна Петровна входитъ изъ сада и, увидѣвъ мужа и Сашу, останавливается, какъ вкопанная).

Ивановъ. Значитъ, жить? Да? Снова за дѣло?

(Поцѣлуй. Послѣ поцѣлуя Ивановъ и Саша оглядываются и видятъ Анну Петровну).

Ивановъ *(въ ужасѣ).* Сарра!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ Иванова. Письменный столъ, на которомъ въ безпорядкѣ лежатъ бумаги, книги, казенные пакеты, бездѣлушки, револьверы; возлѣ бумагъ лампа, графинъ съ водкой, тарелка съ селедкой, куски хлѣба и огурцы. На стѣнахъ ландкарты, картины, ружья, пистолеты, серпы, нагайки и проч.—Полдень.

I.

ШАБЕЛЬСКІЙ, ЛЕБЕДЕВЪ, БОРКИНЪ и ПЕТРЪ.

Шабельскій и Лебедевъ сидятъ по сторонамъ письменнаго стола. Боркинъ среди сцены верхомъ на стулѣ. Петръ стоитъ у двери

Лебедевъ. У Франціи политика ясная и опредѣленная... Французы знаютъ, чего хотятъ. Имъ нужно лущить кол-

басниковъ и больше ничего, а у Германіи, братъ, совсѣмъ не та музыка. У Германіи кромѣ Франціи еще много сучковъ въ глазу...

Шабельскій. Вздоръ!.. По-моему, нѣмцы трусы и французы трусы... Показываютъ только другъ другу кукиши въ карманѣ. Повѣрь, кукишами дѣло и ограничится. Драться не будутъ.

Боркинъ. А, по-моему, зачѣмъ драться? Къ чему всѣ эти вооруженія, конгрессы, расходы? Я что бы сдѣлалъ? Собралъ бы со всего государства собакъ, привилъ бы имъ пастёровскій ядъ въ хорошей дозѣ и пустилъ бы въ непріятельскую страну. Всѣ враги перебѣсились бы у меня черезъ мѣсяцъ.

Лебедевъ *(смѣется)*. Голова, посмотришь, маленькая, а великихъ идей въ ней тьма-тьмущая, какъ рыбъ въ океанѣ

Шабельскій. Виртуозъ!

Лебедевъ. Богъ съ тобою, смѣшинь ты, Мишель Мишеличъ! *(перестанъ смѣяться)*. Что жъ, господа, Жомини да Жомини, а объ водкѣ ни полслова. Repetatur! *(наливаетъ три рюмки)*. Будемте здоровы... *(пьютъ и закусываютъ)*. Селедочка, матушка, всѣмъ закускамъ закуска.

Шабельскій. Ну, нѣтъ, огурецъ лучше... Ученые съ сотворенія міра думаютъ и ничего умнѣе соленаго огурца не придумали *(Петру)*. Петръ, поди-ка еще принеси огурцовъ, да вели на кухнѣ изжарить четыре пирожка съ лукомъ. Чтобъ горячіе были.

(Петръ уходитъ).

Лебедевъ. Водку тоже хорошо икрой закусывать. Только какъ? Съ умомъ надо... Взять икры паюсной четвертку, двѣ луковочки зеленаго лучку, прованскаго масла, смѣшать все это и, знаешь, этакъ... поверхъ всего лимончикомъ... Смерть! Отъ одного аромата угоришь.

Боркинъ. Послѣ водки хорошо тоже закусывать жареными кискарями. Только ихъ надо умѣть жарить. Нужно почистить, потомъ обвалять въ толченыхъ сухаряхъ и жарить досуха, чтобы на зубахъ хрустѣли... хру-хру-хру...

Шабельскій. Вчера у Бабакиной была хорошая закуска— бѣлые грибы.

Лебедевъ. А еще бы...

Шабельскій. Только какъ-то особенно приготовлены. Знаешь, съ лукомъ, съ лавровымъ листомъ, со всякими

спеціями. Какъ открыли кастрюлю, а изъ нея паръ, запахъ... просто восторгъ!

Лебедевъ. А что жъ? Repetatur, господа! *(выпиваютъ)*. Будемте здоровы... *(смотритъ на часы)*. Должно-быть, не дождусь я Николаши. Пора мнѣ ѣхать. У Бабакиной, ты говоришь, грибы подавали, а у насъ еще не видать грибовъ. Скажи на милость, за какимъ это лѣшимъ ты зачастилъ къ Мароуткѣ?

Шабельскій *(киваетъ на Боркина)*. Да вотъ, женить меня на ней хочетъ...

Лебедевъ. Женить?.. Тебѣ сколько лѣтъ?

Шабельскій. Шестьдесятъ два года.

Лебедевъ. Самая пора жениться. А Мароутка какъ разъ тебѣ пара.

Боркинъ. Тутъ не въ Мароуткѣ дѣло, а въ Мароуткиныхъ стерлингахъ.

Лебедевъ. Чего захотѣлъ: Мароуткиныхъ стерлинговъ... А гусинаго чаю не хочешь?

Боркинъ. А вотъ какъ женится человѣкъ, да набьетъ себѣ амбаре, тогда и увидите гусиный чай. Облизнетесь...

Шабельскій. А вѣдь онъ серьезно. Этотъ геній увѣренъ, что я его послушаюсь и женюсь...

Боркинъ. А то какъ же? А вы развѣ уже не увѣрены?

Шабельскій. Да ты съ ума сошелъ... Когда я былъ увѣренъ? Псс...

Боркинъ. Благодарю васъ... Очень вамъ благодаренъ! Такъ это, значитъ, вы меня подвести хотите? То женюсь, то не женюсь... самъ чортъ не разберетъ, а я ужъ честное слово далъ! Такъ вы не женитесь?

Шабельскій *(пожимаетъ плечами)*. Онъ серьезно... Удивительный человѣкъ!

Боркинъ *(возмущаясь)*. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было баламутить честную женщину? Она помѣшалась на графствѣ, не спитъ, не ѣстъ... Развѣ этимъ шутятъ?.. Развѣ это честно?

Шабельскій *(щелкаетъ пальцами)*. А что, въ самомъ дѣлѣ, не устроить ли себѣ эту гнусность? А? На зло! Возьму и устрою. Честное слово... Вотъ будетъ потѣха!

(Входитъ Львовъ).

II.

Лебедевъ. Эскулапій, наше нижайшее... *(подаетъ Львову*

руку и поетъ). «Докторъ, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь...»

Львовъ. Николай Алексѣевичъ еще не приходилъ?

Лебедевъ. Да нѣтъ, я самъ его жду больше часа.

(Львовъ нетерпѣливо шагаетъ по сценѣ).

Лебедевъ. Милый, ну, какъ здоровье Анны Петровны?

Львовъ. Плохо.

Лебедевъ *(вздохъ)*. Можно пойти засвидѣтельствовать почтеніе?

Львовъ. Нѣтъ, пожалуйста, не ходите. Она, кажется, спитъ... *(пауза)*.

Лебедевъ. Симпатичная, славная... *(вздыхаетъ)*. Въ Шурочкинъ день рожденія, когда она у насъ въ обморокъ упала, поглядѣлъ я на ея лицо, и тогда еще понялъ, что ужъ ей, бѣдной, недолго жить. Не понимаю, отчего съ нею тогда дурно сдѣлалось? Прибѣгаю, гляжу: она блѣдная на полу лежитъ, около нея Николаша на колѣняхъ, тоже блѣдный, Шурочка вся въ слезахъ. Я и Шурочка послѣ этого случая недѣлю какъ шальные ходили.

Шабельскій *(Львову)*. Скажите мнѣ, почтеннѣйшій жрецъ науки, какой ученый открылъ, что при грудныхъ болѣзняхъ дамамъ бываютъ полезны частыя посѣщенія молодого врача? Это великое открытіе! Великое! Куда оно относится: къ аллопатіи или гомеопатіи?

(Львовъ хочетъ отвѣтить, но дѣлаетъ презрительное движеніе и уходитъ).

Шабельскій. Какой уничтожающій взглядъ...

Лебедевъ. А тебя дергаетъ нелегкая за языкъ! За что ты его обидѣлъ?

Шабельскій *(раздраженно)*. А зачѣмъ онъ вретъ? Чахотка, нѣтъ надежды, умретъ... Вретъ онъ! Я этого терпѣть не могу!

Лебедевъ. Почему же ты думаешь, что онъ вретъ?

Шабельскій *(встаетъ и ходитъ)*. Я не могу допустить мысли, чтобы живой человѣкъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, умеръ. Оставимъ этотъ разговоръ!

III.

Косыхъ *(вбѣгаетъ запыхавшись)*. Дома Николай Алексѣевичъ? Здравствуйте! *(быстро пожимаетъ всѣмъ руки)*. Дома?

Боркинъ. Его нѣтъ.

Косыхъ *(садится и вскакиваетъ).* Въ такомъ случаѣ, прощайте! *(выпиваетъ рюмку водки и быстро закусываетъ).* Поѣду дальше... Дѣла... Замучился... Еле на ногахъ стою...

Лебедевъ. Откуда вѣтеръ принесъ?

Косыхъ. Отъ Барабанова. Всю ночь провинтили и только-что кончили... Проигрался въ-пухъ... Этотъ Барабановъ играетъ, какъ сапожникъ! *(плачущимъ голосомъ).* Вы послушайте: все время несу я черву... *(обращается къ Боркину, который прыгаетъ отъ него).* Онъ ходитъ бубну, я опять черву, онъ бубну... Ну, и безъ взятки *(Лебедеву).* Играемъ четыре трефы. У меня тузъ, дама-шостъ на рукахъ, тузъ, десятка-третьей пикъ...

Лебедевъ *(затыкаетъ уши).* Уволь, уволь, ради Христа, уволь!

Косыхъ *(графу).* Понимаете: тузъ, дама-шостъ на трефахъ, тузъ, десятка-третьей пикъ...

Шабельскій *(отстраняетъ его руками).* Уходите, не желаю я слушать!

Косыхъ. И вдругъ несчастье: туза пикъ по первой бьютъ...

Шабельскій *(хватаетъ со стола револьверъ).* Отойдите, стрѣлять буду!..

Косыхъ *(машетъ рукой).* Чортъ знаетъ... Неужели даже поговорить не съ кѣмъ? Живешь какъ въ Австраліи: ни общихъ интересовъ, ни солидарности... Каждый живетъ врозь... Однако, надо ѣхать... пора *(хватаетъ фуражку).* Время дорого... *(подаетъ Лебедеву руку).* Пасъ!..

(Смѣхъ).

(Косыхъ уходитъ и въ дверяхъ сталкивается съ Авдотьей Назаровной).

Авдотья Назаровна *(вскрикиваетъ).* Чтобъ тебѣ пусто было, съ ногъ сшибъ!

Всѣ. А-а-а!.. вездѣсущая!..

Авдотья Назаровна. Вотъ они гдѣ, а я по всему дому ищу. Здравствуйте, ясные соколы, хлѣбъ да соль... *(здоровается).*

Лебедевъ. Зачѣмъ пришла?

Авдотья Назаровна. За дѣломъ, батюшка! *(графу).* Дѣло васъ касающее, ваше сіятельство *(кланяется).* Велѣли кланяться и о здоровьѣ спросить... И велѣла она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче къ вечеру не пріѣдете, то она глазочки свои проплачетъ. Такъ, говоритъ, милая,

отзови его въ стороночку и шепни на ушко по секрету. А зачѣмъ по секрету? Тутъ все люди свои. И такое дѣло, не куръ крадемъ, а по закону да по любви, по междоусобному согласію. Никогда, грѣшница, не пью, а черезъ такой случай выпью!

Лебедевъ. И я выпью *(наливаетъ)*. А тебѣ, старая скворешня, и сносу нѣтъ. Лѣтъ тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счесть годамъ потеряла... Двухъ мужей похоронила, пошла бы еще за третьяго, да никто не хочетъ безъ приданаго брать. Дѣтей душъ восемь было... *(беретъ рюмку)*. Ну, дай Богъ, дѣло хорошее мы начали, дай Богъ его и кончить! Они будутъ жить да поживать, а мы глядѣть на нихъ да радоваться. Совѣтъ имъ и любовь... *(пьетъ)*. Строгая водка!

Шабельскій *(хохоча, Лебедеву)*. Но что, понимаешь, курьезнѣе всего, такъ это то, что они думаютъ серьезно, будто я... Удивительно! *(встаетъ)*. А то въ самомъ дѣлѣ, Паша, не устроить ли себѣ эту гнусность? На зло... Этакъ, молъ, на, старая собака, ѣшь! Паша, а?

Лебедевъ. Пустое ты городишь, графъ. Наше, братъ, дѣло съ тобою объ околѣванцѣ думать, а Мароутки да стерлинги давно мимо проѣхали... Прошла наша пора.

Шабельскій. Нѣтъ, я устрою! Честное слово, устрою!

(Входятъ Ивановъ и Львовъ).

V.

Львовъ. Я прошу васъ удѣлить мнѣ только пять минутъ.

Лебедевъ. Николаша! *(идетъ навстрѣчу къ Иванову и цѣлуетъ его)*. Здравствуй, дружище... Я тебя ужъ цѣлый часъ дожидаюсь.

Авдотья Назаровна *(кланяется)*. Здравствуйте, батюшка!

Ивановъ *(съ горечью)*. Господа, опять въ моемъ кабинетѣ кабакъ завели!.. Тысячу разъ просилъ я всѣхъ и каждаго не дѣлать этого... *(подходитъ къ столу)*. Ну, вотъ, бумагу водкой облили... крошки... огурцы... Вѣдь противно!

Лебедевъ. Виноватъ, Николаша, виноватъ... Прости. Мнѣ съ тобою, дружище, поговорить надо о весьма важномъ дѣлѣ...

Боркинъ. И мнѣ тоже.

Львовъ. Николай Алексѣевичъ, можно съ вами поговорить?

Ивановъ *(указываетъ на Лебедева)*. Вотъ и ему я нуженъ. Подождите, вы послѣ... *(Лебедеву)*. Чего тебѣ?

Лебедевъ. Господа, я желаю говорить конфиденціально. Прошу...

(Графъ уходитъ съ Авдотьей Назаровной, за ними Боркинъ, потомъ Львовъ).

Ивановъ. Паша, самъ ты можешь пить, сколько тебѣ угодно, это твоя болѣзнь, но прошу не спаивать дядю. Раньше онъ у меня никогда не пилъ. Ему вредно.

Лебедевъ *(испуганно)*. Голубчикъ, я не зналъ... Я даже вниманія не обратилъ...

Ивановъ. Не дай Богъ, умретъ этотъ старый ребенокъ, не вамъ будетъ худо, а мнѣ... Что тебѣ нужно?.. *(пауза)*.

Лебедевъ. Видишь ли, любезный другъ... Не знаю, какъ начать, чтобы это вышло не такъ безсовѣстно... Николаша, совѣстно мнѣ, краснѣю, языкъ заплетается, но, голубчикъ, войди въ мое положеніе, пойми, что я человѣкъ подневольный, негръ, тряпка... Извини ты меня...

Ивановъ. Что такое?

Лебедевъ. Жена послала... Сдѣлай милость, будь другомъ, заплати ты ей проценты! Вѣришь ли, загрызла, заѣздила, замучила! Отвяжись ты отъ нея, ради Создателя!..

Ивановъ. Паша, ты знаешь, у меня теперь нѣтъ денегъ.

Лебедевъ. Знаю, знаю, но что же мнѣ дѣлать? Ждать она не хочетъ. Если протестуетъ вексель, то какъ я и Шурочка будемъ тебѣ въ глаза глядѣть?

Ивановъ. Мнѣ самому совѣстно, Паша, радъ сквозь землю провалиться, но... но гдѣ взять? Научи: гдѣ? Остается одно: ждать осени, когда я хлѣбъ продамъ.

Лебедевъ *(кричитъ)*. Не хочетъ она ждать! *(пауза)*.

Ивановъ. Твое положеніе непріятное, щекотливое, а мое еще хуже *(ходитъ и думаетъ)*. И ничего не придумаешь... Продать нечего...

Лебедевъ. Съѣздилъ бы къ Мильбаху, попросилъ, вѣдь онъ тебѣ шестнадцать тысячъ долженъ.

(Ивановъ безнадежно машетъ рукой).

Лебедевъ. Вотъ что, Николаша... Я знаю, ты станешь браниться, но... уважь стараго пьяницу! По-дружески... Гляди на меня, какъ на друга... Студенты мы съ тобою, либералы... Общность идей и интересовъ... Въ московскомъ университетѣ оба учились... Alma mater... *(вынимаетъ бу-*

мажникъ). У меня вотъ есть завѣтныя, про нихъ ни одна душа въ домѣ не знаетъ. Возьми взаймы... *(вынимаетъ деньги и кладетъ на столъ).* Брось самолюбіе, а взгляни по-дружески... Я бы отъ тебя взялъ, честное слово... *(пауза).* Вотъ онѣ на столѣ: тысяча сто. Ты съѣзди къ ней сегодня и отдай собственноручно. На-те, молъ, Зинаида Савишна, подавитесь! Только, смотри, и виду не подавай, что у меня занялъ, храни тебя Богъ! А то достанется мнѣ на орѣхи отъ кружовеннаго варенья! *(всматривается въ лицо Иванова).* Ну, ну, не надо! *(быстро беретъ со стола деньги и прячетъ въ карманъ).* Не надо! Я пошутилъ... Извини, ради Христа! *(пауза).* Мутитъ на душѣ?

(Ивановъ машетъ рукой).

Лебедевъ. Да, дѣла... *(вздыхаетъ).* Настало для тебя время скорби и печали. Человѣкъ, братецъ ты мой, все равно, что самоваръ. Не все онъ стоитъ въ холодкѣ на полкѣ, но, бываетъ, и угольки въ него кладутъ: ши... ши! Ни къ чорту это сравненіе не годится, ну, да вѣдь умнѣе не придумаешь... *(вздыхаетъ).* Несчастія закаляютъ душу. Мнѣ тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь изъ бѣды, перемелется—мука будетъ, но обидно, братъ, и досадно мнѣ на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся! Столько, братъ, про тебя по уѣзду сплетенъ ходитъ, что, того и гляди, къ тебѣ товарищъ прокурора пріѣдетъ... Ты и убійца, и кровопійца, и грабитель...

Ивановъ. Это все пустяки, вотъ у меня голова болитъ.

Лебедевъ. Все оттого, что много думаешь.

Ивановъ. Ничего я не думаю.

Лебедевъ. А ты, Николаша, начихай на все, да поѣзжай къ намъ. Шурочка тебя любитъ, понимаетъ и цѣнитъ. Она, Николаша, честный, хорошій человѣкъ. Не въ мать и не въ отца, а, должно-быть, въ проѣзжаго молодца... Гляжу, братъ, иной разъ и не вѣрю, что у меня, у толстоносаго пьяницы, такое сокровище. Поѣзжай, потолкуй съ нею объ умномъ и—развлечешься. Это вѣрный, искренній человѣкъ... *(пауза).*

Ивановъ. Паша, голубчикъ, оставь меня одного...

Лебедевъ. Понимаю, понимаю... *(торопливо смотритъ на часы).* Я понимаю *(цѣлуетъ Иванова).* Прощай. Мнѣ еще на освященіе школы ѣхать *(идетъ къ двери и останавливается).* Умная... Вчера стали мы съ Шурочкой насчетъ

сплетенъ говорить *(смѣется)*. А она афоризмомъ выпалила: «Паночка, свѣтляки, говоритъ, свѣтятъ ночью только для того, чтобы ихъ легче могли увидѣть и съѣсть ночныя птицы, а хорошіе люди существуютъ для того, чтобы было что̀ ѣсть клеветѣ и сплетнѣ». Каково? Геній! Жоржъ-Зандъ!..

Ивановъ. Паша! *(останавливаетъ его)*. Что̀ со мною?

Лебедевъ. Я самъ тебя хотѣлъ спросить объ этомъ, да, признаться, стѣснялся. Не знаю, братъ! Съ одной стороны мнѣ казалось, что тебя одолѣли несчастія разныя, съ другой же стороны, знаю, что ты не таковскій, чтобы того... Бѣдой тебя не побѣдишь. Что-то, Николаша, другое, а что̀ — не понимаю!

Ивановъ. Я самъ не понимаю. Мнѣ кажется, или... впрочемъ, нѣтъ! *(пауза)*. Видишь ли, что я хотѣлъ сказать. У меня былъ рабочій Семенъ, котораго ты помнишь. Разъ, во время молотьбы, онъ захотѣлъ похвастать передъ дѣвками своею силой, взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. Гимназія, университетъ, потомъ хозяйство, школы, проекты... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налѣво, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ. Все это, Паша, мои мѣшки... Взвалилъ себѣ на спину, но̀шу, а спина-то и треснула. Въ двадцать лѣтъ мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, и къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чѣмъ, чѣмъ ты объяснишь такую утомляемость? Впрочемъ, быть-можетъ, это не то... Не то, не то!.. Иди, Паша, съ Богомъ, я надоѣлъ тебѣ.

Лебедевъ *(живо)*. Знаешь, что? Тебя, братъ, среда заѣла!

Ивановъ. Глупо, Паша, и старо. Иди!

Лебедевъ. Дѣйствительно, глупо. Теперь и самъ вижу, что глупо. Иду, иду!.. *(уходитъ)*.

VI.

Ивановъ *(одинъ)*. Нехорошій, жалкій и ничтожный я человѣкъ. Надо быть тоже жалкимъ, истаскапнымъ, испитымъ, какъ Паша, чтобы еще любить меня и уважать. Какъ я себя презираю, Боже мой! Какъ глубоко ненавижу я свой голосъ, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли. Ну,

не смѣшно ли, не обидно ли? Еще года нѣтъ, какъ былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что̀ такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о, Боже мой! утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги. Имѣніе идетъ прахомъ, лѣса̀ трещатъ подъ топоромъ *(плачетъ)*. Земля моя глядитъ на меня, какъ сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожитъ отъ страха передъ завтрашнимъ днемъ... А исторія съ Саррой? Клялся въ вѣчной любви, пророчилъ счастье, открывалъ передъ ея глазами будущее, какое ей не снилось даже во снѣ. Она повѣрила. Во всѣ пять лѣтъ я видѣлъ только, какъ она угасала подъ тяжестью своихъ жертвъ, какъ изнемогала въ борьбѣ съ совѣстью, но, видитъ Богъ, ни косого взгляда на меня, ни слова упрека!.. И что же? Я разлюбилъ ее... Какъ? Почему? За что? Не понимаю. Вотъ она страдаетъ, дни ея сочтены, а я, какъ послѣдній трусъ, бѣгу отъ ея блѣднаго лица, впалой груди, умоляющихъ глазъ... Стыдно, стыдно! *(пауза)*. Сашу, дѣвочку, трогаютъ мои несчастія. Она мнѣ, почти старику, объясняется въ любви, а я пьянѣю, забываю про все на свѣтѣ, обвороженный какъ музыкой, и кричу: «Новая жизнь! счастье!» А на другой день вѣрю въ эту жизнь и въ счастье такъ же мало, какъ въ домового... Что же со мною? Въ какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мнѣ эта слабость? Что̀ стало съ моими нервами? Сто̀итъ только больной женѣ уколоть мое самолюбіе, или не угодитъ прислуга, или ружье дастъ осѣчку, какъ я становлюсь грубъ, золъ и не похожъ на себя... *(пауза)*. Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Просто, хоть пулю въ лобъ!..

Львовъ *(входитъ)*. Мнѣ нужно съ вами объясниться, Николай Алексѣевичъ!

Ивановъ. Если мы, докторъ, будемъ каждый день объясняться, то на это силъ никакихъ не хватитъ.

Львовъ. Вамъ угодно меня выслушать?

Ивановъ. Выслушиваю я васъ каждый день и до сихъ

поръ никакъ не могу понять: что̀ собственно вамъ отъ меня угодно?

Львовъ. Говорю я ясно и опредѣленно, и не можетъ меня понять только тотъ, у кого нѣтъ сердца...

Ивановъ. Что у меня жена при смерти — я знаю; что я непоправимо виноватъ передъ нею—я тоже знаю; что вы честный, прямой человѣкъ — тоже знаю! Что же вамъ нужно еще?

Львовъ. Меня возмущаетъ человѣческая жестокость... Умираетъ женщина. У нея есть отецъ и мать, которыхъ она любитъ и хотѣла бы видѣть передъ смертью; тѣ знаютъ отлично, что она скоро умретъ и что все еще любитъ ихъ, но, проклятая жестокость, они точно хотятъ удивить своимъ религіознымъ закаломъ: все еще проклинаютъ ее! Вы человѣкъ, которому она пожертвовала всѣмъ — и роднымъ гнѣздомъ, и покоемъ совѣсти, вы откровеннѣйшимъ образомъ и съ самыми откровенными цѣлями каждый день катаетесь къ этимъ Лебедевымъ!

Ивановъ. Ахъ, я тамъ уже двѣ недѣли не былъ...

Львовъ *(не слушая его).* Съ такими людьми, какъ вы, надо говорить прямо, безъ обиняковъ, и, если вамъ не угодно слушать меня, то не слушайте. Я привыкъ называть вещи настоящимъ ихъ именемъ... Вамъ нужна эта смерть для новыхъ подвиговъ; пусть такъ, но неужели вы не могли бы подождать? Если бы вы дали ей умереть естественнымъ порядкомъ, не долбили бы ее своимъ откровеннымъ цинизмомъ, то неужели бы отъ васъ ушла Лебедева со своимъ приданымъ? Не теперь, такъ черезъ годъ, черезъ два, вы, чудный Тартюфъ, успѣли бы вскружить голову дѣвочкѣ и завладѣть ея приданымъ такъ же, какъ и теперь... Къ чему же вы торопитесь? Почему вамъ нужно, чтобы ваша жена умерла теперь, а не черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ?..

Ивановъ. Мученіе... Докторъ, вы слишкомъ плохой врачъ, если предполагаете, что человѣкъ можетъ сдерживать себя до безконечности. Мнѣ страшныхъ усилій сто̀итъ не отвѣчать вамъ на ваши оскорбленія.

Львовъ. Полноте, кого вы хотите одурачить? Сбросьте маску.

Ивановъ. Умный человѣкъ, подумайте: по-вашему, нѣтъ ничего легче, какъ понять меня! Да? Я женился на Анѣ,

чтобы получить большое приданое... Приданаго мнѣ не дали, я промахнулся и теперь сживаю ее со свѣта, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Какъ просто и несложно... Человѣкъ такая простая и немудреная машина... Нѣтъ, докторъ, въ каждомъ изъ насъ слишкомъ много колесъ, винтовъ и клапановъ, чтобы мы могли судить другъ о другѣ по первому впечатлѣнію или по двумъ-тремъ внѣшнимъ признакамъ. Я не понимаю васъ, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаемъ. Можно быть прекраснымъ врачомъ—и въ то же время совсѣмъ не знать людей. Не будьте же самоувѣренны и согласитесь съ этимъ.

Львовъ. Да неужели же вы думаете, что вы такъ непрозрачны и у меня такъ мало мозга, что я не могу отличить подлости отъ честности.

Ивановъ. Очевидно, мы съ вами никогда не споемся... Въ послѣдній разъ я спрашиваю и отвѣчайте, пожалуйста, безъ предисловій: что собственно вамъ нужно отъ меня? Чего вы добиваетесь? *(раздраженно)*. И съ кѣмъ я имѣю честь говорить: съ моимъ прокуроромъ, или съ врачомъ моей жены?

Львовъ. Я врачъ и, какъ врачъ, требую, чтобы вы измѣнили ваше поведеніе... Оно убиваетъ Анну Петровну!

Ивановъ. Но что же мнѣ дѣлать? Что? Если вы меня понимаете лучше, чѣмъ я самъ себя понимаю, то говорите опредѣленно: что мнѣ дѣлать?

Львовъ. По крайней мѣрѣ, дѣйствовать не такъ откровенно.

Ивановъ. А, Боже мой! Неужели вы себя понимаете? *(пьетъ воду)*. Оставьте меня. Я тысячу разъ виноватъ, отвѣчу передъ Богомъ, а васъ никто не уполномочивалъ ежедневно пытать меня...

Львовъ. А кто васъ уполномочивалъ оскорблять во мнѣ мою правду? Вы измучили и отравили мою душу. Пока я не попалъ въ этотъ уѣздъ, я допускалъ существованіе людей глупыхъ, сумасшедшихъ, увлекающихся, но никогда я не вѣрилъ, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющіе свою волю въ сторону зла... Я уважалъ и любилъ людей, но, когда увидѣлъ васъ...

Ивановъ. Я уже слышалъ объ этомъ!

Львовъ. Слышали? *(увидѣвъ входящую Сашу; она въ амазонкѣ)*. Теперь ужъ, надѣюсь, мы отлично понимаемъ другъ друга! *(пожимаетъ плечами и уходитъ)*.

VII.

Ивановъ *(испуганно)*. Шура, это ты?

Саша. Да я. Здравствуй. Не ожидалъ? Отчего ты такъ долго не былъ у насъ?

Ивановъ. Шура, ради Бога, это неосторожно! Твой пріѣздъ можетъ страшно подѣйствовать на жену.

Саша. Она меня не увидитъ. Я прошла чернымъ ходомъ. Сейчасъ уѣду. Я безпокоюсь: ты здоровъ? Отчего не пріѣзжалъ такъ долго?

Ивановъ. Жена и безъ того ужъ оскорблена, почти умираетъ, а ты пріѣзжаешь сюда. Шура, Шура, это легкомысленно и безчеловѣчно!

Саша. Что же мнѣ было дѣлать? Ты двѣ недѣли не былъ у насъ, не отвѣчалъ на письма. Я измучилась. Мнѣ казалось, что ты тутъ невыносимо страдаешь, боленъ, умеръ. Ни одной ночи я не спала покойно. Сейчасъ уѣду... По крайней мѣрѣ, скажи: ты здоровъ?

Ивановъ. Нѣтъ, замучилъ я себя, люди мучаютъ меня безъ конца... Просто силъ моихъ нѣтъ! А тутъ еще ты! Какъ это нездорово, какъ ненормально! Шура, какъ я виноватъ, какъ виноватъ!..

Саша. Какъ ты любишь говорить страшныя и жалкія слова! Виноватъ ты? Да? Виноватъ? Ну, такъ говори же: въ чемъ?

Ивановъ. Не знаю, не знаю...

Саша. Это не отвѣтъ. Каждый грѣшникъ долженъ знать, въ чемъ онъ грѣшенъ. Фальшивыя бумажки дѣлалъ, что ли?

Ивановъ. Не остроумно!

Саша. Виноватъ, что разлюбилъ жену? Можетъ-быть, но человѣкъ не хозяинъ своимъ чувствамъ, ты не хотѣлъ разлюбить. Виноватъ ты, что она видѣла, какъ я объяснялась тебѣ въ любви? Нѣтъ, ты не хотѣлъ, чтобы она видѣла...

Ивановъ *(перебивая)*. И такъ далѣе, и такъ далѣе... Полюбилъ, разлюбилъ, не хозяинъ своимъ чувствамъ—все это общія мѣста, избитыя фразы, которыми не поможешь...

Саша. Утомительно съ тобою говорить *(смотритъ на картину)*. Какъ хорошо собака нарисована! Это съ натуры?

Ивановъ. Съ натуры. И весь этотъ нашъ романъ—общее, избитое мѣсто; онъ палъ духомъ и утерялъ почву. Явилась она, бодрая духомъ, сильная, и подала ему руку по-

моціи. Это красиво и похоже на правду только въ романахъ, а въ жизни...

Саша. И въ жизни то же самое.

Ивановъ. Вижу, тонко ты понимаешь жизнь! Мое нытье внушаетъ тебѣ благоговѣйный страхъ, ты воображаешь, что обрѣла во мнѣ второго Гамлета, а, по-моему, эта моя психопатія, со всѣми ея аксессуарами, можетъ служить хорошимъ матеріаломъ только для смѣха и больше ничего! Надо бы хохотать до упаду надъ моимъ кривляньемъ, а ты — караулъ! Спасать, совершать подвигъ! Ахъ, какъ я золъ сегодня на себя! Чувствую, что сегодняшнее мое напряженіе разрѣшится чѣмъ-нибудь... Или я сломаю что-нибудь, или...

Саша. Вотъ, вотъ, это именно и нужно. Сломай что-нибудь, разбей или закричи. Ты на меня сердитъ, я сдѣлала глупость, что рѣшилась пріѣхать сюда. Ну, такъ возмутись, закричи на меня, затопай ногами. Ну? Начинай сердиться... *(пауза)*. Ну?

Ивановъ. Смѣшная.

Саша. Отлично! Мы, кажется, улыбаемся! Будьте добры, соблаговолите еще разъ улыбнуться!

Ивановъ *(смѣется)*. Я замѣтилъ: когда ты начинаешь спасать меня и учить уму-разуму, то у тебя дѣлается лицо наивное-пренаивное, а зрачки большіе, точно ты на комету смотришь. Постой, у тебя плечо въ пыли *(смахиваетъ съ ея плеча пыль)*. Наивный мужчина — это дуракъ. Вы же, женщины, умудряетесь наивничать такъ, что это у васъ выходитъ и мило, и здорово, и тепло, и не такъ глупо, какъ кажется. Только что̀ у васъ у всѣхъ за манера? Пока мужчина здоровъ, силенъ и веселъ, вы не обращаете на него никакого вниманія, но какъ только онъ покатилъ внизъ по наклонной плоскости и сталъ Лазаря пѣть, вы вѣшаетесь ему на шею. Развѣ быть женой сильнаго и храбраго человѣка хуже, чѣмъ быть сидѣлкой у какого-нибудь слезоточиваго неудачника?

Саша. Хуже?

Ивановъ. Почему же? *(хохочетъ)*. Не знаетъ объ этомъ Дарвинъ, а то бы онъ задалъ вамъ на орѣхи! Вы портите человѣческую породу. По вашей милости на свѣтѣ скоро будутъ рождаться одни только нытики и психопаты.

Саша. Мужчины многаго не понимаютъ. Всякой дѣвушкѣ

скорѣе поправится неудачникъ, чѣмъ счастливецъ, потому что каждую соблазняетъ любовь дѣятельная... Понимаешь? Дѣятельная. Мужчины заняты дѣломъ и потому у нихъ любовь на третьемъ планѣ. Поговорить съ женой, погулять съ нею по саду, пріятно провести время, на ея могилкѣ поплакать — вотъ и все. А у насъ любовь—это жизнь. Я люблю тебя, это значитъ, что я мечтаю, какъ я изліѣчу тебя отъ тоски, какъ пойду съ тобою на край свѣта... Ты на гору и я на гору; ты въ яму и я въ яму. Для меня, напримѣръ, было бы большимъ счастьемъ всю ночь бумаги твои переписывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя не разбудилъ кто-нибудь, или идти съ тобою пѣшкомъ верстъ сто. Помню, года три назадъ, ты разъ, во время молотьбы, пришелъ къ намъ весь въ пыли, загорѣлый, измученный и попросилъ пить. Принесла я тебѣ стаканъ, а ты ужъ лежишь на диванѣ и спишь, какъ убитый. Спалъ ты у насъ полсутокъ, а я все время стояла за дверью и сторожила, чтобы кто не вошелъ. И такъ мнѣ было хорошо! Чѣмъ больше труда, тѣмъ любовь лучше, то-есть она, понимаешь ли, сильнѣй чувствуется.

Ивановъ. Дѣятельная любовь... Гм... Порча это, дѣвическая философія, или, можетъ, такъ оно и должно быть... *(пожимаетъ плечами).* Чортъ его знаетъ! *(весело).* Шура, честное слово, я порядочный человѣкъ!.. Ты посуди: я всегда любилъ философствовать, но никогда въ жизни я не говорилъ: «наши женщины испорчены», или: «женщина вступила на ложную дорогу». Я былъ только благодаренъ и больше ничего! Больше ничего! Дѣвочка моя, хорошая, какая ты забавная! А я-то какой смѣшной болванъ! Православный народъ смущаю, по цѣлымъ днямъ Лазаря пою *(смѣется).* Бу-у! бу-у! *(быстро отходитъ).* Но уходи, Саша! Мы забылись...

Саша. Да, пора уходить. Прощай! Боюсь, какъ бы твой честный докторъ изъ чувства долга не донесъ Аннѣ Петровнѣ, что я здѣсь. Слушай меня: ступай сейчасъ къ женѣ и сиди, сиди, сиди... Годъ понадобится сидѣть—годъ сиди. Десять лѣтъ — сиди десять лѣтъ. Исполняй свой долгъ. И горюй, и прощенія у нея проси, и плачь,—все это такъ и надо. А, главное, не забывай дѣла.

Ивановъ. Опять у меня такое чувство, какъ будто я мухомору объѣлся. Опять!

Саша. Ну, храни тебя Создатель! Обо мнѣ можешь совсѣмъ не думать! Недѣли черезъ двѣ черкнешь строчку— и на томъ спасибо. А я тебѣ буду писать...

(Боркинъ выглядываетъ въ дверь).

VIII.

Боркинъ. Николай Алексѣевичъ, можно? *(увидѣвъ Сашу).* Виноватъ, я не вижу... *(входитъ).* Бонжуръ! *(раскланивается).*

Саша *(смущенно).* Здравствуйте...

Боркинъ. Вы пополнѣли, похорошѣли.

Саша *(Иванову).* Такъ я ухожу, Николай Алексѣевичъ... Я ухожу *(уходитъ).*

Боркинъ. Чудное видѣніе! Шелъ за прозой, а наткнулся на поэзію... *(поетъ).* «Явилась ты, какъ пташка къ свѣту»...

(Ивановъ взволнованно ходитъ по сцены).

Боркинъ *(садится).* А въ ней, Nicolas, есть что-то такое, этакое, чего нѣтъ въ другихъ. Не правда ли? Что-то особенное... фантасмагорическое... *(вздыхаетъ).* Въ сущности самая богатая невѣста во всемъ уѣздѣ, но маменька такая рѣдька, что никто не захочетъ связываться. Послѣ ея смерти все останется Шурочкѣ, а до смерти дастъ тысячъ десять, илойку и утюгъ, да еще велитъ въ ножки поклониться *(роется въ карманахъ).* Покурить де-лось-махорось. Не хотите ли? *(протягиваетъ портсигаръ).* Хорошія... Курить можно.

Ивановъ *(подходитъ къ Боркину, задыхаясь отъ гнѣва).* Сію же минуту, чтобъ ноги вашей не было у меня въ домѣ! Сію же минуту!

(Боркинъ приподнимается и роняетъ сигару).

Ивановъ. Вонъ, сію же минуту!

Боркинъ. Nicolas, что это значитъ? За что вы сердитесь?

Ивановъ. За что? А откуда у васъ эти сигары? И вы думаете, что я не знаю, куда и зачѣмъ вы каждый день возите старика?

Боркинъ *(пожимаетъ плечами).* Да вамъ-то что за надобность?

Ивановъ. Негодяй вы этакій! Ваши подлые проекты, которыми вы сыплете по всему уѣзду, сдѣлали меня въ глазахъ людей безчестнымъ человѣкомъ! У насъ нѣтъ ничего общаго, и я прошу васъ сію же минуту оставить мой домъ! *(быстро ходитъ).*

Боркинъ. Я знаю, все это вы говорите въ раздраженіи, а потому не сержусь на васъ. Оскорбляйте, сколько хотите... *(поднимаетъ сигару).* А меланхолію пора бросить. Вы не гимназистъ...

Ивановъ. Я вамъ что̀ сказалъ? *(дрожа).* Вы играете мною?

(Входитъ Анна Петровна)

IX.

Боркинъ. Ну, вотъ, Анна Петровна пришла... Я уйду *(уходитъ).*

(Ивановъ останавливается возлѣ стола и стоитъ, поникнувъ головой).

Анна Петровна *(послѣ паузы).* Зачѣмъ она сейчасъ сюда пріѣзжала? *(пауза).* Я тебя спрашиваю: зачѣмъ она сюда пріѣзжала?

Ивановъ. Не спрашивай Анюта... *(пауза).* Я глубоко виноватъ. Придумывай какое хочешь наказаніе, я все снесу, но... не спрашивай... Говорить я не въ силахъ.

Анна Петровна *(сердито).* Зачѣмъ она здѣсь была? *(пауза).* А, такъ вотъ ты какой! Теперь я тебя понимаю. Наконецъ-то я вижу, что̀ ты за человѣкъ. Безчестный, низкій... Помнишь, ты пришелъ и солгалъ мнѣ, что ты меня любишь... Я повѣрила и оставила отца, мать, вѣру и пошла за тобою... Ты лгалъ мнѣ о правдѣ, о добрѣ, о своихъ честныхъ планахъ, я вѣрила каждому слову...

Ивановъ. Анюта, я никогда не лгалъ тебѣ...

Анна Петровна. Жила я съ тобою пять лѣтъ, томилась и болѣла, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты былъ моимъ кумиромъ... И что же? Все это время ты обманывалъ меня самымъ наглымъ образомъ...

Ивановъ. Анюта, не говори неправды. Я ошибался, да, но не солгалъ ни разу въ жизни... Въ этомъ ты не смѣешь попрекнуть меня...

Анна Петровна. Теперь все понятно... Женился ты на мнѣ и думалъ, что отецъ и мать простятъ меня, дадутъ мнѣ денегъ... Ты это думалъ...

Ивановъ. О, Боже мой! Анюта, испытывать такъ терпѣніе... *(плачетъ).*

Анна Петровна. Молчи! Когда увидѣлъ, что денегъ нѣтъ, повелъ новую игру... Теперь я все помню и понимаю *(пла-*

четъ). Ты никогда не любилъ меня и не былъ мнѣ вѣренъ... Никогда!..

Ивановъ. Сарра, это ложь!.. Говори, что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

Анна Петровна. Безчестный, низкій человѣкъ... Ты долженъ Лебедеву, и теперь, чтобы увильнуть отъ долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее такъ же, какъ меня. Развѣ не правда?

Ивановъ *(задыхаясь).* Замолчи, ради Бога! Я за себя не ручаюсь... Меня душитъ гнѣвъ и я... я могу оскорбить тебя...

Анна Петровна. Всегда ты нагло обманывалъ, и не меня одну... Всѣ безчестные поступки сваливалъ ты на Боркина, но теперь я знаю—чьи они...

Ивановъ. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня съ языка сорвется слово! Меня такъ и подмываетъ сказать тебѣ что-нибудь ужасное, оскорбительное... *(кричитъ).* Замолчи, жидовка!..

Анна Петровна. Не замолчу... Слишкомъ долго ты обманывалъ меня, чтобы я могла молчать...

Ивановъ. Такъ ты не замолчишь? *(борется съ собою).* Ради Бога...

Анна Петровна. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

Ивановъ. Такъ знай же, что ты... скоро умрешь... Мнѣ докторъ сказалъ, что ты скоро умрешь...

Анна Петровна *(садится, упавшимъ голосомъ).* Когда онъ сказалъ? *(пауза).*

Ивановъ *(хватая себя за голову).* Какъ я виноватъ! Боже, какъ я виноватъ! *(рыдаетъ).*

Занавѣсъ.

Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіями проходитъ около года.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

Одна изъ гостиныхъ въ домѣ Лебедева. Впереди арка, отдѣляющая гостиную отъ зала, направо и налѣво—двери. Старинная бронза, фамильные портреты. Праздничное убранство. Піанино, на немъ скрипка, возлѣ стоитъ віолончель.—Въ продолженіе всего дѣйствія по залу ходятъ гости, одѣтые по-бальному.

Львовъ *(входитъ, смотритъ на часы).* Пятый часъ.

Должно-быть, сейчасъ начнется благословеніе... Благословятъ и повезутъ вѣнчать. Вотъ оно торжество добродѣтели и правды! Сарру не удалось ограбить, замучилъ ее и въ гробъ уложилъ, теперь нашелъ другую. Будетъ и передъ этою лицемѣрить, пока не ограбитъ ея и, ограбивши, не уложитъ туда же, гдѣ лежитъ бѣдная Сарра. Старая, кулаческая исторія... *(пауза)*. На седьмомъ небѣ отъ счастья, прекрасно проживетъ до глубокой старости, а умретъ со спокойною совѣстью. Нѣтъ, я выведу тебя на чистую воду! Когда я сорву съ тебя проклятую маску и когда всѣ узнаютъ, что̀ ты за птица, ты полетишь у меня съ седьмого неба внизъ головой въ такую яму, изъ которой не вытащитъ тебя сама нечистая сила! Я честный человѣкъ, мое дѣло вступиться и открыть глаза слѣпымъ. Исполню свой долгъ и завтра же вонъ изъ этого проклятаго уѣзда! *(задумывается)*. Но что сдѣлать? Объясняться съ Лебедевыми—напрасный трудъ. Вызвать на дуэль? Затѣять скандалъ? Боже мой, я волнуюсь, какъ мальчишка, и совсѣмъ потерялъ способность соображать. Что дѣлать? Дуэль?

II.

Косыхъ *(входитъ, радостно Львову)*. Вчера объявилъ маленькій шлемъ на трефахъ, а взялъ большой. Только опять этотъ Барабановъ мнѣ всю музыку испортилъ! Играемъ. Я говорю безъ козырей. Онъ пасъ. Два трефы. Онъ пасъ. Я два бубны... три трефы... и представьте, можете себѣ представить: я объявляю шлемъ, а онъ не показываетъ туза. Покажи онъ, мерзавецъ, туза, я объявилъ бы большой шлемъ на безкозыряхъ.

Львовъ. Простите, я въ карты не играю и потому не сумѣю раздѣлить вашего восторга. Скоро благословеніе?

Косыхъ. Должно, скоро. Зюзюшку въ чувство приводятъ. Бѣлугой реветъ, приданаго жалко.

Львовъ. А не дочери?

Косыхъ. Приданаго. Да и обидно. Женится, значитъ, долга не заплатитъ. Зятевы векселя не протестуешь.

III.

Бабакина *(разодѣтая, важно проходитъ черезъ сцену мимо Львова и Косыхъ; послѣдній прыскаетъ въ кулакъ; она оглядывается)*. Глупо!

(Косыхъ касается пальцемъ ея таліи и хохочетъ).

Бабакина. Мужикъ! *(уходитъ).*

Косыхъ *(хохочетъ).* Совсѣмъ спятила баба! Пока въ сіятельство не лѣзла—была баба, какъ баба, а теперь приступу нѣтъ *(дразнитъ).* Мужикъ!

Львовъ *(волнуясь).* Слушайте, скажите мнѣ искренно: какого вы мнѣнія объ Ивановѣ?

Косыхъ. Ничего не стоитъ. Играетъ, какъ сапожникъ. Въ прошломъ году, въ посту, былъ такой случай. Садимся мы играть: я, графъ, Боркинъ и онъ. Я сдаю...

Львовъ *(перебивая).* Хорошій онъ человѣкъ?

Косыхъ. Онъ-то? Жохъ-мужчина! Пройда, сквозь огонь и воду прошелъ. Онъ и графъ—пятакъ пара. Нюхомъ чуютъ, гдѣ что плохо лежитъ. На жидовкѣ нарвался, съѣлъ грибъ, а теперь къ Зюзюшкинымъ сундукамъ подбирается. Объ закладъ бьюсь, будь я трижды анаѳема, если черезъ годъ онъ Зюзюшку по міру не пуститъ. Онъ—Зюзюшку, а графъ—Бабакину. Заберутъ денежки и будутъ жить-поживать, да добра наживать. Докторъ, что это вы сегодня такой блѣдный? На васъ лица нѣтъ.

Львовъ. Ничего, это такъ. Вчера лишнее выпилъ.

IV.

Лебедевъ *(входя съ Сашей).* Здѣсь поговоримъ *(Львову и Косыхъ).* Ступайте, зулусы, въ залу къ барышнямъ. Намъ по секрету поговорить нужно.

Косыхъ *(проходя мимо Саши, восторженно щелкаетъ пальцами).* Картина! Козырная дама!

Лебедевъ. Проходи, пещерный человѣкъ, проходи!

(Львовъ и Косыхъ уходятъ).

Лебедевъ. Садись, Шурочка, вотъ такъ... *(садится и оглядывается).* Слушай внимательно и съ должнымъ благоговѣніемъ. Дѣло вотъ въ чемъ: твоя мать приказала мнѣ передать тебѣ слѣдующее... Понимаешь? Я не отъ себя буду говорить, а мать приказала.

Саша. Папа, покороче!

Лебедевъ. Тебѣ въ приданое назначается пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Вотъ... Смотри, чтобъ потомъ разговоровъ не было! Постой, молчи! Это только цвѣтки, а будутъ еще ягодки. Приданаго тебѣ назначено пятнадцать тысячъ, но, принимая во вниманіе, что Николай Алексѣе-

вичъ долженъ твоей матери 9 тысячъ, изъ твоего приданаго дѣлается вычитаніе... Ну-съ, а потомъ, кромѣ того...

Саша. Для чего ты мнѣ это говоришь?

Лебедевъ. Мать приказала!

Саша. Оставьте меня въ покоѣ! Если бы ты хотя немного уважалъ меня и себя, то не позволялъ бы себѣ говорить со мною такимъ образомъ. Не нужно мнѣ вашего приданаго! Я не просила и не прошу!

Лебедевъ. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя двѣ крысы сначала понюхали, а потомъ ужъ ушли, а ты эмансипэ, не понюхавши, набросилась.

Саша. Оставьте вы меня въ покоѣ, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами.

Лебедевъ *(вспыливъ).* Тфу! Всѣ вы то сдѣлаете, что я себя ножомъ пырну или человѣка зарѣжу! Та день-деньской ревма реветъ, зудитъ, пилитъ, копейки считаетъ, а эта, умная, гуманная, чортъ подери, эмансипированная, не можетъ понять родного отца! Я оскорбляю слухъ! Да вѣдь прежде, чѣмъ прійти сюда оскорблять твой слухъ, меня тамъ *(указываетъ на дверь)* на куски рѣзали, четвертовали. Не можетъ она понять! Голову вскружили и съ толку сбили... ну, васъ! *(идетъ къ двери и останавливается).* Не нравится мнѣ, все мнѣ въ васъ не нравится!

Саша. Что тебѣ не нравится?

Лебедевъ. Все мнѣ не нравится! Все!

Саша. Что все?

Лебедевъ. Такъ вотъ я разсядусь передъ тобою и стану разсказывать. Ничего мнѣ не нравится, а на свадьбу твою я и смотрѣть не хочу! *(подходитъ къ Сашѣ и ласково).* Ты меня извини, Шурочка, можетъ-быть, твоя свадьба умная, честная, возвышенная, съ принципами, но что-то въ ней не то, не то! Не походитъ она на другія свадьбы. Ты— молодая, свѣжая, чистая, какъ стеклышко, красивая, а онъ вдовецъ, истрепался, обносился. И не понимаю я его, Богъ съ нимъ *(цѣлуетъ дочь).* Шурочка, прости, но что-то не совсѣмъ чисто. Ужъ очень много люди говорятъ. Какъ-то такъ у него эта Сарра умерла, потомъ какъ-то вдругъ почему-то на тебѣ жениться захотѣлъ... *(живо).* Впрочемъ, я баба, баба. Обабился, какъ старый кринолинъ. Не слушай меня. Никого, себя только слушай.

Саша. Папа, я и сама чувствую, что не то... Не то, не

то, не то. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! Невыносимо! Мнѣ неловко и страшно сознаваться въ этомъ. Папа, голубчикъ, ты меня подбодри, ради Бога... научи, что̀ дѣлать.

Лебедевъ. Что такое? Что?

Саша. Такъ страшно, какъ никогда не было! *(оглядывается).* Мнѣ кажется, что я его не понимаю и никогда не пойму. За все время, пока я его невѣста, онъ ни разу не улыбнулся, ни разу не взглянулъ мнѣ прямо въ глаза. Вѣчно жалобы, раскаяніе въ чемъ-то, намеки на какую-то вину, дрожь... Я утомилась. Бываютъ даже минуты, когда мнѣ кажется, что я... я его люблю не такъ сильно, какъ нужно. А когда онъ пріѣзжаетъ къ намъ или говоритъ со мною, мнѣ становится скучно. Что это все значитъ, папочка? Страшно!

Лебедевъ. Голубушка моя, дитя мое единственное, послушай стараго отца. Откажи ему.

Саша *(испуганно).* Что ты, что ты!

Лебедевъ. Право, Шурочка. Скандалъ будетъ, весь уѣздъ языками затрезвонитъ, но вѣдь лучше пережить скандалъ, чѣмъ губить себя на всю жизнь.

Саша. Не говори, не говори, папа! И слушать не хочу. Надо бороться съ мрачными мыслями. Онъ хорошій, несчастный, непонятый человѣкъ; я буду его любить, пойму, поставлю его на ноги. Я исполню свою задачу. Рѣшено!

Лебедевъ. Не задача это, а психопатія.

Саша. Довольно. Я покаялась тебѣ, въ чемъ не хотѣла сознаться даже самой себѣ. Никому не говори. Забудемъ.

Лебедевъ. Ничего я не понимаю. Или я отупѣлъ отъ старости, или всѣ вы очень ужъ умны стали, а только я, хоть зарѣжьте, ничего не понимаю.

V.

Шабельскій *(входя).* Чортъ бы побралъ всѣхъ и меня въ томъ числѣ! Возмутительно!

Лебедевъ. Тебѣ что?

Шабельскій. Нѣтъ, серьезно, нужно во что бы то ни стало устроить себѣ какую-нибудь гнусность, подлость, чтобъ не только мнѣ, но и всѣмъ противно стало. И я устрою. Честное слово! Я ужъ сказалъ Боркину, чтобы онъ объявилъ меня сегодня женихомъ *(смѣется).* Всѣ подлы, и я буду подлъ.

Лебедевъ. Надоѣлъ ты мнѣ! Слушай, Матвѣй, договоришься ты до того, что тебя, извини за выраженіе, въ желтый домъ свезутъ.

Шабельскій. А чѣмъ желтый домъ хуже любого бѣлаго или краснаго дома? Сдѣлай милость, хоть сейчасъ меня туда вези. Сдѣлай милость. Всѣ подленькіе, маленькіе, ничтожные, бездарные, самъ я гадокъ себѣ, не вѣрю ни одному своему слову...

Лебедевъ. Знаешь что̀, братъ? Возьми въ ротъ паклю, зажги и дыши на людей. Или еще лучше: возьми свою шапку и поѣзжай домой. Тутъ свадьба, всѣ веселятся, а ты кра-кра, какъ ворона. Да, право...

(Шабельскій склоняется къ піанино и рыдаетъ).

Лебедевъ. Батюшки!.. Матвѣй!.. графъ!.. Что съ тобою? Матюша, родной мой... ангелъ мой... Я обидѣлъ тебя? Ну, прости меня, старую собаку... Прости пьяницу... Воды выпей...

Шабельскій. Не нужно *(поднимаетъ голову)*.

Лебедевъ. Чего ты плачешь?

Шабельскій. Ничего, такъ...

Лебедевъ. Нѣтъ, Матюша, не лги... отчего? Что за причина?

Шабельскій. Взглянулъ я сейчасъ на эту віолончель и... и жидовочку вспомнилъ...

Лебедевъ. Эва, когда нашелъ вспоминать! Царство ей небесное, вѣчный покой, а вспоминать не время...

Шабельскій. Мы съ нею дуэты играли... Чудная, превосходная женщина!

(Саша рыдаетъ).

Лебедевъ. Ты еще что? Будетъ тебѣ! Господи, ревутъ оба, а я... я... Хоть уйдите отсюда, гости увидятъ!

Шабельскій. Паша, когда солнце свѣтитъ, то и на кладбищѣ весело. Когда есть надежда, то и въ старости хорошо. А у меня ни одной надежды, ни одной!

Лебедевъ. Да, дѣйствительно, тебѣ плоховато... Ни дѣтей у тебя, ни денегъ, ни занятій... Ну, да что дѣлать! *(Саши)*. А ты-то чего?

Шабельскій. Паша, дай мнѣ денегъ. На томъ свѣтѣ мы поквитаемся. Я съѣзжу въ Парижъ, погляжу на могилу жены. Въ своей жизни я много давалъ, роздалъ половину своего состоянія, а потому имѣю право просить. Къ тому же я прошу у друга...

Лебедевъ *(растерянно)*. Голубчикъ, у меня ни копейки! Впрочемъ, хорошо, хорошо! То-есть я не обѣщаю, а понимаешь ли... отлично, отлично! *(въ сторону)*. Замучили!

VI.

Бабакина *(входитъ)*. Гдѣ же мой кавалеръ? Графъ, какъ вы смѣете оставлять меня одну? У, противный! *(бьетъ графа вѣеромъ по рукѣ)*.

Шабельскій *(брезгливо)*. Оставьте меня въ покоѣ! Я васъ ненавижу!

Бабакина *(оторопѣло)*. Что?.. А?..

Шабельскій. Отойдите прочь!

Бабакина *(падаетъ въ кресло)*. Ахъ! *(плачетъ)*.

Зинаида Савишна *(входитъ плача)*. Тамъ кто-то пріѣхалъ... Кажется, женихова шаферъ. Благословлять время... *(рыдаетъ)*.

Саша *(умоляюще)*. Мама!

Лебедевъ. Ну, всѣ заревѣли! Квартетъ! Да будетъ вамъ сырость разводить! Матвѣй!.. Марѳа Егоровна!.. Вѣдь этакъ и я... я заплачу... *(плачетъ)*. Господи!

Зинаида Савишна. Если тебѣ мать не нужна, если безъ послушанія... то сдѣлаю тебѣ такое удовольствіе, благословлю...

(Входитъ Ивановъ; онъ во фракѣ и перчаткахъ).

VII.

Лебедевъ. Этого еще не доставало! Что такое?

Саша. Зачѣмъ ты?

Ивановъ. Виноватъ, господа, позвольте мнѣ поговорить съ Сашей наединѣ.

Лебедевъ. Это не порядокъ, чтобъ до вѣнца къ невѣстѣ пріѣзжать! Тебѣ пора ѣхать въ церковь!

Ивановъ. Паша, я прошу...

(Лебедевъ пожимаетъ плечами; онъ, Зинаида Савишна, графъ и Бабакина уходятъ).

VIII.

Саша *(сурово)*. Что тебѣ нужно?

Ивановъ. Меня душитъ злоба, но я могу говорить хладнокровно. Слушай. Сейчасъ я одѣвался къ вѣнцу, взглянулъ на себя въ зеркало, а у меня на вискахъ... сѣдины. Шура, не надо! Пока еще не поздно нужно прекратить

эту безсмысленную комедію... Ты молода, чиста, у тебя впереди жизнь, а я...

Саша. Все это не ново, слышала я уже тысячу разъ и мнѣ надоѣло! Поѣзжай въ церковь, не задерживай людей.

Ивановъ. Я сейчасъ уѣду домой, а ты объяви своимъ, что свадьбы не будетъ. Объясни имъ какъ-нибудь. Пора взяться за умъ. Поигралъ я Гамлета, а ты возвышенную дѣвицу—и будетъ съ насъ.

Саша (*вспыхнувъ*). Это что за тонъ? Я не слушаю.

Ивановъ. А я говорю и буду говорить.

Саша. Ты зачѣмъ пріѣхалъ? Твое нытье переходитъ въ издѣвательство.

Ивановъ. Нѣтъ, ужъ я не ною! Издѣвательство? Да, я издѣваюсь. И если бы можно было издѣваться надъ самимъ собою въ тысячу разъ сильнѣе и заставить хохотать весь свѣтъ, то я бы это сдѣлалъ! Взглянулъ я на себя въ зеркало—и въ моей совѣсти точно ядро лопнуло! Я надсмѣялся надъ собою и отъ стыда едва не сошелъ съ ума (*смѣется*). Меланхолія! Благородная тоска! Безотчетная скорбь! Недостаетъ еще, чтобы я стихи писалъ. Ныть, пѣть Лазаря, нагонять тоску на людей, сознавать, что энергія жизни утрачена навсегда, что я заржавѣлъ, отжилъ свое, что я поддался слабодушію и по уши увязъ въ этой гнусной меланхоліи,—сознавать это, когда солнце ярко свѣтитъ, когда даже муравей тащитъ свою ношу и доволенъ собою,—нѣтъ, слуга покорный! Видѣть, какъ одни считаютъ тебя за шарлатана, другіе сожалѣютъ, третьи протягиваютъ руку помощи, четвертые,—что всего хуже,—съ благоговѣніемъ прислушиваются къ твоимъ вздохамъ, глядятъ на тебя, какъ на второго Магомета, и ждутъ, что вотъ-вотъ ты объявишь имъ новую религію... Нѣтъ, слава Богу, у меня еще есть гордость и совѣсть! Ѣхалъ я сюда, смѣялся надъ собою и мнѣ казалось, что надо мною смѣются птицы, смѣются деревья...

Саша. Это не злость, а сумасшествіе!

Ивановъ. Ты думаешь? Нѣтъ, я не сумасшедшій. Теперь я вижу вещи въ настоящемъ свѣтѣ, и моя мысль такъ же чиста, какъ твоя совѣсть. Мы любимъ другъ друга, но свадьбѣ нашей не быть! Я самъ могу бѣситься и киснуть сколько мнѣ угодно, но я не имѣю права губить другихъ! Своимъ нытьемъ я отравилъ женѣ послѣдній годъ ея жизни.

Пока ты моя невѣста, ты разучилась смѣяться и постарѣла на пять лѣтъ. Твой отецъ, для котораго было все ясно въ жизни, по моей милости пересталъ понимать людей. Ѣду ли я на съѣздъ, въ гости, на охоту, куда ни пойду, всюду вношу съ собою скуку, уныніе, недовольство. Постой, не перебивай! Я рѣзокъ, сварливъ, но, прости, злоба душитъ меня, и иначе говорить я не могу. Никогда я не лгалъ, не клеветалъ на жизнь, но, ставши брюзгой, я, противъ воли, самъ того не замѣчая, клевещу на нее, ропщу на судьбу, жалуюсь, и всякій, слушая меня, заражается отвращеніемъ къ жизни и тоже начинаетъ клеветать. А какой тонъ! Точно я дѣлаю одолженіе природѣ, что живу. Да чортъ меня возьми!

Саша. Постой... Изъ того, что ты сейчасъ сказалъ, слѣдуетъ, что нытье тебѣ надоѣло, и что пора начать новую жизнь!.. И отлично!..

Ивановъ. Ничего я отличнаго не вижу. И какая тамъ новая жизнь? Я погибъ безвозвратно! Пора намъ обоимъ понять это. Новая жизнь!

Саша. Николай, опомнись! Откуда видно, что ты погибъ? Что за цинизмъ такой? Нѣтъ, не хочу ни говорить, ни слушать... Поѣзжай въ церковь!

Ивановъ. Погибъ!

Саша. Не кричи такъ, гости услышатъ!

Ивановъ. Если не глупый, образованный и здоровый человѣкъ безъ всякой видимой причины сталъ нѣть Лазаря и покатилъ внизъ по наклонной плоскости, то онъ катитъ уже безъ удержа, и нѣтъ ему спасенія! Ну, гдѣ мое спасеніе? Въ чемъ? Пить я не могу—голова болитъ отъ вина; плохихъ стиховъ писать—не умѣю, молиться на свою душевную лѣнь и видѣть въ ней нѣчто превыспреннее — не могу. Лѣнь и есть лѣнь, слабость есть слабость,—другихъ названій у меня нѣтъ. Погибъ, погибъ—и разговоровъ быть не можетъ. *(оглядывается).* Намъ могутъ помѣшать. Слушай. Если ты меня любишь, то помоги мнѣ. Сію же минуту, немедля откажись отъ меня! Скорѣе...

Саша. Ахъ, Николай, если бы ты зналъ, какъ ты меня утомилъ! Какъ измучилъ ты мою душу! Добрый, умный человѣкъ, посуди: ну, можно ли задавать такія задачи? Что ни день, то задача, одна труднѣе другой... Хотѣла я дѣятельной любви, но вѣдь это мученическая любовь!

Ивановъ. А когда ты станешь моей женой, задачи будутъ еще сложнѣй. Откажись же! Пойми: въ тебѣ говоритъ не любовь, а упрямство честной натуры. Ты задалась цѣлью во что бы то ни стало воскресить во мнѣ человѣка, спасти; тебѣ льстило, что ты совершаешь подвигъ... Теперь ты готова отступить назадъ, но тебѣ мѣшаетъ ложное чувство. Пойми!

Саша. Какая у тебя странная, дикая логика! Ну, могу ли я отъ тебя отказаться? Какъ я откажусь? У тебя ни матери, ни сестры, ни друзей... Ты разоренъ, имѣніе твое растащили, на тебя кругомъ клевещутъ...

Ивановъ. Глупо я сдѣлалъ, что сюда пріѣхалъ. Мнѣ нужно было бы поступить такъ, какъ я хотѣлъ...

(Входитъ Лебедевъ).

IX.

Саша *(бѣжитъ навстрѣчу отцу).* Папа, ради Бога, прибѣжалъ онъ сюда, какъ бѣшеный, и мучаетъ меня! Требуетъ, чтобы я отказалась отъ него, не хочетъ губить меня. Скажи ему, что я не хочу его великодушія! Я знаю, что дѣлаю.

Лебедевъ. Ничего не понимаю... Какое великодушіе?

Ивановъ. Свадьбы не будетъ!

Саша. Будетъ! Папа, скажи ему, что свадьба будетъ!

Лебедевъ. Постой, постой!.. Почему же ты не хочешь, чтобы была свадьба?

Ивановъ. Я объяснилъ ей почему, но она не хочетъ понимать.

Лебедевъ. Нѣтъ, ты не ей, а мнѣ объясни, да такъ объясни, чтобы я понялъ! Ахъ, Николай Алексѣевичъ! Богъ тебѣ судья! Столько ты напустилъ туману въ нашу жизнь, что я точно въ кунсткамерѣ живу: гляжу и ничего не понимаю... Просто наказаніе... Ну, что мнѣ прикажешь, старику, съ тобою дѣлать? На дуэль тебя вызвать что ли?

Ивановъ. Никакой дуэли не нужно. Нужно имѣть только голову на плечахъ и понимать русскій языкъ.

Саша *(ходитъ въ волненіи по сценѣ).* Это ужасно, ужасно! Просто какъ ребенокъ!

Лебедевъ. Остается только руками развести и больше ничего. Послушай, Николай! По-твоему, все это у тебя умно, тонко, по всѣмъ правиламъ психологіи, а по-моему,

это скандалъ и несчастіе. Выслушай меня, старика, въ послѣдній разъ! Вотъ что я тебѣ скажу: успокой свой умъ. Гляди на вещи просто, какъ всѣ глядятъ! На этомъ свѣтѣ все просто. Потолокъ бѣлый, сапоги черные, сахаръ сладкій. Ты Сашу любишь, она тебя любитъ. Коли любишь—оставайся, не любишь—уходи, въ претензіи не будемъ. Вѣдь это такъ просто! Оба вы здоровые, умные, нравственные, и сыты, слава Богу, и одѣты... Что-жъ тебѣ еще нужно? Денегъ нѣтъ? Велика важность! Не въ деньгахъ счастье... Конечно, я понимаю... имѣніе у тебя заложено, процентовъ нечѣмъ платить, но я — отецъ, я понимаю... Мать, какъ хочетъ, Богъ съ ней; не даетъ денегъ—не нужно. Шурка говоритъ, что не нуждается въ приданомъ. Принципы Шопенгауэръ... Все это чепуха.,. Есть у меня въ банкѣ завѣтныя 10 тысячъ *(оглядывается)*. Про нихъ въ домѣ ни одна собака не знаетъ... Бабушкины... Это вамъ обоимъ... Берите, только уговоръ лучше денегъ: Матвѣю дайте тысячи двѣ...

(Въ залъ собираются гости).

Ивановъ. Паша, разговоры ни къ чему. Я поступаю такъ, какъ велитъ мнѣ моя совѣсть.

Саша. И я поступаю такъ, какъ велитъ мнѣ моя совѣсть. Можешь говорить, что угодно, я тебя не отпущу. Пойду позову маму *(уходитъ)*.

X.

Лебедевъ. Ничего не понимаю...

Ивановъ. Слушай, бѣдняга... Объяснять тебѣ, кто я—честенъ или подлъ, здоровъ или психопатъ, я не стану. Тебѣ не втолкуешь. Былъ я молодымъ, горячимъ, искреннимъ, неглупымъ: любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ, какъ всѣ, работалъ и надѣялся за десятерыхъ, сражался съ мельницами, бился лбомъ объ стѣны; не соразмѣривъ своихъ силъ, не разсуждая, не зная жизни, я взвалилъ на себя ношу, отъ которой сразу захрустѣла спина и потянулись жилы: я спѣшилъ расходовать себя на одну только молодость, пьянѣлъ, возбуждался, работалъ; не зналъ мѣры. И скажи: можно ли было иначе? Вѣдь насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много! И вотъ, какъ жестоко мститъ мнѣ жизнь, съ которою я боролся! Надорвался я! Въ 30 лѣтъ уже похмелье, я старъ, я уже надѣлъ халатъ.

Съ тяжелою головой, съ лѣнивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу? И мнѣ уже кажется, что любовь — вздоръ, ласки приторны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что пѣсня и горячія рѣчи пошлы и стары. И всюду я вношу съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни... Погибъ безвозвратно! Передъ тобою стоитъ человѣкъ, въ 35 лѣтъ уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами: онъ сгораетъ со стыда, издѣвается надъ своею слабостью... О, какъ возмущается во мнѣ гордость, какое душитъ меня бѣшенство! *(пошатываясь).* Эка, какъ я уходилъ себя! Даже шатаюсь... Ослабѣлъ я. Гдѣ Матвѣй? Пусть онъ свезетъ меня домой.

Голоса въ залѣ. Жениховъ шаферъ пріѣхалъ!

XI.

Шабельскій *(входя).* Въ чужомъ, поношенномъ фракѣ... безъ перчатокъ... и сколько за это насмѣшливыхъ взглядовъ, глупыхъ остротъ, пошлыхъ улыбокъ... Отвратительные людишки!

Боркинъ *(быстро входитъ съ букетомъ: онъ во фракѣ, съ шаферскимъ цвѣткомъ).* Уфъ! Гдѣ же онъ? *(Иванову).* Васъ въ церкви давно ждутъ, а вы тутъ философію разводите. Вотъ комикъ! Ей-Богу, комикъ! Вѣдь вамъ надо не съ невѣстой ѣхать, а отдѣльно со мною, за невѣстой же я пріѣду изъ церкви. Неужели вы даже этого не понимаете? Положительно, комикъ!

Львовъ *(входитъ, Иванову).* А, вы здѣсь? *(громко).* Николай Алексѣевичъ Ивановъ, объявляю во всеуслышаніе, что вы подлецъ!

Ивановъ *(холодно).* Покорнѣйше благодарю.

(Общее замѣшательство).

Боркинъ *(Львову).* Милостивый государь, это низко! Я вызываю васъ на дуэль!

Львовъ. Господинъ Боркинъ, я считаю для себя унизительнымъ не только драться, но даже говорить съ вами! А господинъ Ивановъ можетъ получить удовлетвореніе, когда ему угодно.

Шабельскій. Милостивый государь, я дерусь съ вами!..

Саша *(Львову)*. За что? За что вы его оскорбили? Господа, позвольте, пусть онъ мнѣ скажетъ: за что?

Львовъ. Александра Павловна, я оскорблялъ не голословно. Я пришелъ сюда, какъ честный человѣкъ, чтобы раскрыть вамъ глаза, и прошу васъ выслушать меня.

Саша. Что вы можете сказать? Что вы честный человѣкъ? Это весь свѣтъ знаетъ! Вы лучше скажите мнѣ по чистой совѣсти: понимаете вы себя или нѣтъ! Вошли вы сейчасъ сюда, какъ честный человѣкъ, и нанесли ему страшное оскорбленіе, которое едва не убило меня: раньше, когда вы преслѣдовали его, какъ тѣнь, и мѣшали ему жить, вы были увѣрены, что исполняете свой долгъ, что вы честный человѣкъ. Вы вмѣшивались въ его частную жизнь, злословили и судили его; гдѣ только можно было, забрасывали меня и всѣхъ знакомыхъ анонимными письмами, — и все время вы думали, что вы честный человѣкъ. Думая, что это честно, вы, докторъ, не щадили даже его больной жены и не давали ей покоя своими подозрѣніями. И какое бы насиліе, какую жестокую подлость вы ни сдѣлали, вамъ все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человѣкъ!

Ивановъ *(встаетъ)*. Не свадьба, а парламентъ! Браво, браво!..

Саша *(Львову)*. Вотъ теперь и подумайте: понимаете вы себя, или нѣтъ? Тупые, безсердечные люди! *(беретъ Иванова за руку)*. Пойдемъ отсюда, Николай! Отецъ, пойдемъ!

Ивановъ. Куда тамъ пойдемъ? Постой, я сейчасъ все это кончу! Проснулась во мнѣ молодость, заговорилъ прежній Ивановъ! *(вынимаетъ револьверъ)*.

Саша *(вскрикиваетъ)*. Я знаю, что онъ хочетъ сдѣлать! Николай, Бога ради!

Ивановъ. Долго катилъ внизъ по наклону, теперь стой! Пора и честь знать! Отойдите! Спасибо, Саша!

Саша *(кричитъ)*. Николай, Бога ради! Удержите!

Ивановъ. Оставьте меня! *(отбѣгаетъ въ сторону и застрѣливается)*.

Занавѣсъ.

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ.

(КАЛХАСЪ).

Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Василій Васильевичъ Свѣтловидовъ, комикъ, старикъ, 68-ми лѣтъ.
Никита Иванычъ, суфлеръ, старикъ.

Дѣйствіе происходитъ на сценѣ провинціальнаго театра, ночью, послѣ спектакля. Пустая сцена провинціальнаго театра средней руки. Направо рядъ некрашенныхъ, грубо сколоченныхъ дверей, ведущихъ въ уборныя; лѣвый планъ и глубина сцены завалены хламомъ. Посреди сцены опрокинутый табуретъ. — Ночь. Темно.

I.

СВѢТЛОВИДОВЪ *(въ костюмѣ Калхаса, со свѣчой въ рукѣ, выходитъ изъ уборной и хохочетъ).*

Свѣтловидовъ. Вотъ такъ фунтъ! Вотъ такъ штука. Въ уборной уснулъ! Спектакль давно уже кончился, всѣ изъ театра ушли, а я преспокойнѣйшимъ манеромъ храповицкаго задаю. Ахъ, старый хрѣнъ, старый хрѣнъ! Старая ты собака! Такъ, значитъ, налимонился, что сидя уснулъ! Умница! Хвалю, мамочка *(кричитъ)*. Егорка! Егорка, чортъ! Петрушка! Заснули, черти, въ ротъ вамъ дышло, сто чертей и одна вѣдьма! Егорка! *(поднимаетъ табуретъ, садится на него и ставитъ свѣчу на полъ)*. Ничего не слышно... Только эхо и отвѣчаетъ... Егорка и Петрушка получили съ меня сегодня за усердіе по трешницѣ, — ихъ теперь и съ собаками не сыщешь... Ушли и, должно-быть, подлецы, театръ заперли... *(крутитъ головой)*. Пьянъ! Уфъ! Сколько я сегодня ради бенефиса влилъ въ себя этого винища и пивища, Боже мой! Во всемъ тѣлѣ перегаръ стоитъ, а во рту двунадесять языковъ ночуютъ... Противно... *(пауза)*. Глупо... напился старый дуралей и самъ не знаетъ, съ какой радости... Уфъ, Боже мой!.. И поясницу ломитъ, и башка трещитъ, и знобитъ всего, а на душѣ холодно и темно, какъ въ погребѣ. Если здоровья не жаль, то хоть бы старость-то свою пощадилъ, шутъ Иванычъ... *(пауза)*. Старость... Какъ ни финти, какъ ни храбрись и ни ломай дурака, а ужъ жизнь прожита... шестьдесятъ восемь лѣтъ

уже тю-тю, мое почтеніе! Не воротишь... Все ужъ выпито изъ бутылки и осталось чуть-чуть на донышкѣ... Осталась одна гуща... Такъ-то... Такія-то дѣла, Васюша... Хочешь— не хочешь, а роль мертвеца пора уже репетировать. Смерть-матушка не за горами... *(глядитъ впередъ себя).* Однако служилъ я на сценѣ 45 лѣтъ, а театръ вижу почью, кажется, только въ первый разъ... Да, въ первый разъ... А, вѣдь, курьезно, волкъ его заѣшь... *(подходитъ къ рампѣ).* Ничего не видать... Ну, суфлерскую будку немножко видно... вотъ эту литерную ложу, шюпитръ... а все остальное—тьма! Черная бездонная яма, точно могила, въ которой прячется сама смерть... Брр!.. холодно! Изъ залы дуетъ, какъ изъ каминной трубы... Вотъ гдѣ самое настоящее мѣсто духовъ вызвать! Жутко, чортъ подери... По спинѣ мурашки забѣгали... *(кричитъ).* Егорка! Петрушка! Гдѣ вы, черти? Господи, что-жъ это я нечистаго поминаю? Ахъ, Боже мой, брось ты эти слова, брось ты пить, вѣдь ужъ старъ, помирать пора... Въ 68 лѣтъ люди къ заутрени ходятъ, къ смерти готовятся, а ты... О, Господи! Нечистыя слова, пьяная рожа, этотъ шутовской костюмъ... Просто не глядѣлъ бы! Пойду скорѣе одѣваться... Жутко! Вѣдь этакъ, ежели всю ночь здѣсь просидѣть, то со страху помереть можно... *(Идетъ къ своей уборной; въ это время изъ самой крайней уборной въ глубинѣ сцены показывается Никита Иванычъ въ бѣломъ халатѣ).*

II.

Свѣтловидовъ *(увидѣвъ Никиту Иваныча, вскрикиваетъ отъ ужаса и пятится назадъ).* Кто ты? Зачѣмъ? Кого ты? *(топочетъ ногами).* Кто ты?

Никита Иванычъ. Это я-съ!

Свѣтловидовъ. Кто ты?

Никита Иванычъ *(медленно приближаясь къ нему).* Это я-съ... Суфлеръ, Никита Иванычъ... Василь Васильичъ, это я-съ!..

Свѣтловидовъ *(опускается въ изнеможеніи на табуретъ, тяжело дышитъ и дрожитъ всѣмъ тѣломъ).* Боже мой! Кто это? Это ты... ты, Никитушка? За... зачѣмъ ты здѣсь?

Никита Иванычъ. Я здѣсь почую въ уборныхъ-съ. Только вы, сдѣлайте милость, не сказывайте Алексѣю Ѳомичу-съ... Больше ночевать негдѣ, вѣрьте Богу-съ...

Свѣтловидовъ. Ты, Никитушка... Боже мой, Боже мой! Вызывали шестнадцать разъ, поднесли три вѣнка и много вещей... всѣ въ восторгѣ были, но ни одна душа не разбудила пьянаго старика и не свезла его домой... Я старикъ, Никитушка... Мнѣ 68 лѣтъ... Болень! Томится слабый духъ мой... *(припадаетъ къ руки суфлера и плачетъ).* Не уходи, Никитушка... Старъ, немощенъ, помирать надо... Страшно, страшно!..

Никита Иванычъ *(нѣжно и почтительно).* Вамъ, Василь Васильичъ, домой пора-съ!

Свѣтловидовъ. Не пойду! Нѣтъ у меня дома, — нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Никита Иванычъ. Господи! Ужъ забыли, гдѣ и живете!

Свѣтловидовъ. Не хочу туда, не хочу! Тамъ я одинъ... никого у меня нѣтъ, Никитушка, ни родныхъ, ни старухи, ни дѣтокъ... Одинъ, какъ вѣтеръ въ полѣ... Помру, и некому будетъ помянуть... Страшно мнѣ одному... Некому меня согрѣть, обласкать, пьянаго въ постель уложить... Чей я? Кому я нуженъ? Кто меня любитъ? Никто меня не любитъ, Никитушка!

Никита Иванычъ *(сквозь слезы).* Публика васъ любитъ, Василь Васильичъ!

Свѣтловидовъ. Публика ушла, спитъ и забыла про своего шута! Нѣтъ, никому я не нуженъ, никто меня не любитъ... Ни жены у меня, ни дѣтей...

Никита Иванычъ. Эва, о чемъ горюете...

Свѣтловидовъ. Вѣдь я человѣкъ, вѣдь я живой, у меня въ жилахъ кровь течетъ, а не вода. Я дворянинъ, Никитушка, хорошаго рода... Пока въ эту яму не попалъ, на военной служилъ, въ артиллеріи... Какой я молодецъ былъ, красавецъ, какой честный, смѣлый, горячій! Боже, куда же это все дѣвалось? Никитушка, а потомъ какимъ я актеромъ былъ, а? *(поднявшись, опирается на руку суфлера).* Куда все это дѣвалось, гдѣ оно, то время? Боже мой! Поглядѣлъ нынче въ эту яму — и все вспомнилъ, все! Яма-то эта съѣла у меня 45 лѣтъ жизни, и какой жизни, Никитушка! Гляжу въ яму сейчасъ и вижу все до послѣдней черточки, какъ твое лицо. Восторги молодости, вѣра, пылъ, любовь женщинъ! Женщины, Никитушка!

Никита Иванычъ. Вамъ, Василь Васильичъ, спать пора-съ.

Свѣтловидовъ. Когда былъ молодымъ актеромъ, когда

только-что начиналъ въ самый цвѣтъ входить, помню — полюбила одна меня за мою игру... Изящна, стройна, какъ тополь, молода, невинна, чиста и пламенна, какъ лѣтняя заря! Подъ взглядомъ ея голубыхъ глазъ, при ея чудной улыбкѣ, не могла бы устоять никакая ночь. Морскія волны разбиваются о камни, но о волны ея кудрей разбивались утесы, льдины, снѣговыя глыбы! Помню, стою я передъ нею, какъ сейчасъ передъ тобою... Прекрасна была въ этотъ разъ, какъ никогда, глядѣла на меня такъ, что не забыть мнѣ этого взгляда даже въ могилѣ... Ласка, бархатъ, глубина, блескъ молодости! Упоенный, счастливый, падаю передъ нею на колѣни, прошу счастья... *(продолжаетъ упавшимъ голосомъ).* А она... она говоритъ: оставьте сцену! Ос-та-вь-те сце-ну!.. Понимаешь? Она могла любить актера, но быть его женой —никогда! Помню, въ тотъ день игралъ я... Роль была подлая, шутовская... Я игралъ и чувствовалъ, какъ открываются мои глаза... Понялъ я тогда, что никакого святого искусства нѣтъ, что все бредъ и обманъ, что я — рабъ, игрушка чужой праздности, шутъ, фигляръ! Понялъ я тогда публику! Съ тѣхъ поръ не вѣрилъ я ни аплодисментамъ, ни вѣнкамъ, ни восторгамъ... Да, Никитушка! Онъ аплодируетъ мнѣ, покупаетъ за цѣлковый мою фотографію, но я чуждъ ему, я для него — грязь, почти кокотка!.. Ради тщеславія, онъ ищетъ знакомства со мною, но не унизитъ себя до того, чтобы отдать мнѣ въ жены свою сестру, дочь... Не вѣрю я ему! *(опускается на табуретъ).* Не вѣрю!

Никита Иванычъ. На васъ лица нѣтъ, Василь Васильичъ! Даже меня въ страхъ вогнали... Пойдемте домой, будьте великодушны!

Свѣтловидовъ. Прозрѣлъ я тогда... и дорого мнѣ стоило это прозрѣніе, Никитушка! Сталъ я послѣ той исторіи... послѣ дѣвицы этой... сталъ я безъ толку шататься, жить зря, не глядя впередъ... Разыгрывалъ шутовъ, зубоскаловъ, паясничалъ, развращалъ умы, а вѣдь какой художникъ былъ, какой талантъ! Зарылъ я талантъ, опошлилъ, и изломалъ свой языкъ, потерялъ образъ и подобіе... Сожрала, поглотила меня эта черная яма! Не чувствовалъ раньше, но сегодня... когда проснулся, поглядѣлъ назадъ, а за мною 68 лѣтъ. Только сейчасъ увидѣлъ старость! Спѣта пѣсня! *(рыдаетъ).* Спѣта пѣсня!

Никита Иванычъ. Василь Василычъ! Батюшка мой, голубчикъ... Ну, успокойтесь... Господи! *(кричитъ)*. Петрушка! Егорка!

Свѣтловидовъ. А вѣдь какой талантъ, какая сила! Представить ты себѣ не можешь, какая дикція, сколько чувства и граціи, сколько струнъ... *(бьетъ себя по груди)* въ этой груди! Задохнуться можно!.. Старикъ, ты послушай... постой, дай перевести духъ... Вотъ хоть изъ «Годунова»:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться!

А, плохо? *(живо)*. Постой, вотъ изъ «Короля Лира»... Понимаешь, черное небо, дождь, громъ — ррр!.. молнія — жжж!.. полосуетъ все небо, а тутъ:

Злись, вѣтеръ! Дуй, пока не лопнутъ щеки!
Вы, хляби водъ, стремитесь ураганомъ,
Залейте башни, флюгера на башняхъ!
Вы, сѣрные и быстрые огни,
Предвѣстники громовыхъ тяжкихъ стрѣлъ,
Дубовъ крушители, летите прямо
На голову мою сѣдую! Громъ небесный,
Все потрясающій, разбей природу всю,
Расплюсни разомъ толстый шаръ земли
И разбросай по вѣтру сѣмена,
Родящія людей неблагодарныхъ!

(Нетерпѣливо). Скорѣе слова шута! *(топочетъ ногами)*. Подавай скорѣе слова шута! Некогда мнѣ!

Никита Иванычъ *(играя шута)*. «Что, куманекъ? Подъ кровлей-то сидѣть получше, я думаю, чѣмъ подъ дождемъ шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше съ дочерьми. Въ такую ночь и умнику, и дураку — обоимъ плохо!»

Свѣтловидовъ. Реви всѣмъ животомъ!
Дуй, лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ,
И громъ и дождь — не дочери мои!
Въ жестокости я васъ не укоряю:
Я царства вамъ не отдавалъ при жизни,
Дѣтьми моими васъ не называлъ.

Сила! Талантъ! Художникъ! Еще что-нибудь... еще что-

нибудь этакое... стариной тряхнуть... Хватимъ *(закатывается счастливымъ смѣхомъ)* изъ «Гамлета»! Ну, я начинаю... Что бы такое? А, вотъ что... *(играя Гамлета)*. «Ахъ, вотъ и флейтщики! Подай мнѣ твою флейту! *(Никитѣ Иванычу)*. Мнѣ кажется, будто вы слишкомъ гоняетесь за мною».

Никита Иванычъ. «Повѣрьте, принцъ, что всему причиной любовь моя къ вамъ и усердіе къ королю».

Свѣтловидовъ. «Я что-то не совсѣмъ это понимаю. Сыграй мнѣ что-нибудь!»

Никита Иванычъ. «Не могу, принцъ».

Свѣтловидовъ. «Сдѣлай одолженіе!»

Никита Иванычъ. «Право, не могу, принцъ!»

Свѣтловидовъ. «Ради Бога, сыграй!»

Никита Иванычъ. «Да я совсѣмъ не умѣю играть на флейтѣ».

Свѣтловидовъ. «А это такъ же легко, какъ лгать. Возьми флейту такъ, губы приложи сюда, пальцы туда — и заиграетъ!»

Никита Иванычъ. «Я вовсе не учился».

Свѣтловидовъ. «Теперь суди самъ: за кого ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ не умѣешь сыграть даже чего-нибудь на этой дудкѣ. Развѣ я хуже, простѣе, нежели эта флейта? Считай меня, чѣмъ тебѣ угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною!» *(хохочетъ и аплодируетъ)*. Браво! Бисъ! Браво! Какая тутъ къ чорту старость! Никакой старости нѣтъ, все вздоръ, чепуха! Сила изъ всѣхъ жилъ бьетъ фонтаномъ, — это молодость, свѣжесть, жизнь! Гдѣ талантъ, Никитушка, тамъ нѣтъ старости! Ошалѣлъ, Никитушка? Очумѣлъ? Погоди, дай и мнѣ прійти въ чувство... О, Господи, Боже мой! А вотъ послушай, какая нѣжность и тонкость, какая музыка! Тсс Тише!

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы...

(Слышенъ стукъ отворяемыхъ дверей). Что это?

Никита Иванычъ. Это, должно-быть, Петрушка и Егорка пришли... Талантъ, Василь Василычъ! Талантъ!

Свѣтловидовъ *(кричитъ, оборачиваясь въ сторону стука).* Сюда мои соколы! *(Никитѣ Иванычу).* Пойдемъ одѣваться... Никакой нѣтъ старости, все это вздоръ, галиматья... *(весело хохочетъ).* Что же ты плачешь? Дура моя хорошая, что ты нюни распустилъ? Э, не хорошо! Вотъ это ужъ и не хорошо! Ну, ну, старикъ, будетъ такъ глядѣть! Зачѣмъ такъ глядѣть? Ну, ну... *(обнимаетъ его сквозь слезы).* Не нужно плакать... Гдѣ искусство, гдѣ талантъ, тамъ нѣтъ ни старости, ни одиночества, ни болѣзней, и сама смерть въ половину... *(плачетъ).* Нѣтъ, Никитушка, спѣта ужъ наша пѣсня... Какой я талантъ? Выжатый лимонъ, сосулька, ржавый гвоздь, а ты — старая театральная крыса, суфлеръ... Пойдемъ! *(идутъ).* Какой я талантъ? Въ серьезныхъ пьесахъ гожусь только въ свиту Фортинбраса... да и для этого уже старъ... Да... Помнишь это мѣсто изъ «Отелло», Никитушка?

Прости покой, прости мое довольство!
Простите вы, пернатыя войска
И гордыя сраженія, въ которыхъ
Считается за доблесть честолюбіе, —
Все, все прости! Прости, мой ржущій конь,
И звукъ трубы, и грохотъ барабана,
И флейты свистъ, и царственное знамя,
Всѣ почести, вся слава, все величье
И бурныя тревоги славныхъ войнъ!

Никита Иванычъ. Талантъ! Талантъ!

Свѣтловидовъ. Или вотъ еще:

Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!

(Уходитъ съ Никитой Иванычемъ).

Занавѣсъ медленно опускается.

ТРАГИКЪ ПО НЕВОЛѢ.

(изъ дачной жизни.)

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Иванъ Ивановичъ Толкачовъ, отецъ семейства.

Алексѣй Алексѣевичъ Мурашкинъ, его другъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Мурашкина.

Кабинетъ Мурашкина. Мягкая мебель.—Мурашкинъ сидитъ за письменнымъ столомъ. Входитъ Толкачовъ, держа въ рукахъ стеклянный шаръ для лампы, игрушечный велосипедъ, три коробки со шляпками, большой узелъ съ платьемъ, кулекъ съ пивомъ и много маленькихъ узелковъ. Онъ безсмысленно поводитъ глазами и въ изнеможеніи опускается на софу.

Мурашкинъ. Здравствуй, Иванъ Иванычъ! Какъ я радъ! Откуда ты?

Толкачовъ *(тяжело дыша)*. Голубчикъ, милый мой... У меня къ тебѣ просьба... Умоляю... одолжи до завтрашняго дня револьвера. Будь другомъ!

Мурашкинъ. На что тебѣ револьверъ?

Толкачовъ. Нужно... Охъ, батюшки!.. Дай-ка воды... Скорѣй воды!.. Нужно... Ночью придется ѣхать темнымъ лѣсомъ, такъ вотъ я... на всякій случай. Одолжи, сдѣлай милость!

Мурашкинъ. Ой, врешь, Иванъ Иванычъ! Какой тамъ у лѣшаго темный лѣсъ? Вѣроятно, задумалъ что-нибудь? По лицу вижу, что задумалъ недоброе! Да что съ тобою? Тебѣ дурно?

Толкачовъ. Постой, дай отдышаться... Охъ, матушки. Замучился, какъ собака. Во всемъ тѣлѣ и въ башкѣ такое ощущеніе, какъ будто изъ меня шашлыкъ сдѣлали. Не могу больше терпѣть. Будь другомъ, ничего не спрашивай, не вдавайся въ подробности... дай револьверъ! Умоляю!

Мурашкинъ. Ну, полно! Иванъ Иванычъ, что за малодушіе? Отецъ семейства, статскій совѣтникъ! Стыдись!

Толкачовъ. Какой я отецъ семейства? Я мученикъ! Я вьючная скотина, негръ, рабъ, подлецъ, который все еще чего-то ждетъ и не отправляетъ себя на тотъ свѣтъ! Я

тряпка, болванъ, идіотъ! Зачѣмъ я живу? Для чего? *(вскакиваетъ)*. Ну, ты скажи мнѣ, для чего я живу? Къ чему этотъ непрерывный рядъ нравственныхъ и физическихъ страданій? Я понимаю быть мученикомъ идеи, да! но быть мученикомъ чортъ знаетъ чего, дамскихъ юбокъ да ламповыхъ шаровъ, нѣтъ! — слуга покорный! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Довольно съ меня! Довольно!

Мурашкинъ. Ты не кричи, сосѣдямъ слышно!

Толкачовъ. Пусть и сосѣди слышатъ, для меня все равно! Не дашь ты револьвера, такъ другой дастъ, а ужъ мнѣ не быть въ живыхъ! Рѣшено!

Мурашкинъ. Постой, ты мнѣ пуговицу оторвалъ. Говори хладнокровно. Я все-таки не понимаю, чѣмъ же плоха твоя жизнь?

Толкачовъ. Чѣмъ? Ты спрашиваешь: чѣмъ? Изволь, я разскажу тебѣ! Изволь! Выскажусь передъ тобою и, можетъ-быть, на душѣ у меня полегчаетъ. Сядемъ. Ну, слушай... Охъ, матушки, одышка!.. Возьмемъ для примѣра хоть сегодняшній день. Возьмемъ. Какъ ты знаешь, отъ десяти часовъ до четырехъ приходится трубить въ канцеляріи. Жарища, духота, мухи и несовмѣстимѣйшій, братецъ ты мой, хаосъ. Секретарь отпускъ взялъ, Храповъ жениться поѣхалъ, канцелярская мелюзга помѣшалась на дачахъ, амурахъ да любительскихъ спектакляхъ. Всѣ заспанные, уморенные, испитые, такъ что не добьешься никакого толка... Должность секретаря исправляетъ субъектъ, глухой на лѣвое ухо и влюбленный; просители обалдѣлые, все куда-то спѣшатъ и торопятся, сердятся, грозятъ, — такой кавардакъ со стихіями, что хоть караулъ кричи. Путаница и дымъ коромысломъ. А работа аспидская: одно и то же, одно и то же, справка, отношеніе, справка, отношеніе, — однообразно, какъ зыбь морская. Просто, понимаешь ли, глаза вонъ изъ-подъ лба лѣзутъ. Дай-ка воды... Выходишь изъ присутствія разбитый, измочаленный, тутъ бы обѣдать идти и спать завалиться, анъ нѣтъ! — помни, что ты дачникъ, то-есть рабъ, дрянь, мочалка, сосулька, и изволь, какъ курицынъ сынъ, сейчасъ же бѣжать исполнять порученія. На нашихъ дачахъ установился милый обычай: если дачникъ ѣдетъ въ городъ, то, не говоря ужъ о его супругѣ, всякая дачная мразь имѣетъ власть и право навязать ему тьму порученій. Супруга требуетъ, чтобы я заѣхалъ къ модисткѣ

и выбранилъ ее за то, что лифъ вышелъ широкъ, а въ плечахъ узко; Соничкѣ нужно перемѣнить башмаки, своячениць пунцоваго шелку по образчику на 20 коп. и три аршина тесьмы... Да вотъ, постой, я тебѣ сейчасъ прочту *(вынимаетъ изъ кармана записочку и читаетъ)*. Шаръ для лампы; 1 фунтъ ветчинной колбасы; гвоздики и корицы на 5 коп.; касторовато масла для Миши; 10 фунтовъ сахарнаго песку; взять изъ дому мѣдный тазъ и ступку для сахара; карболовой кислоты, персидскаго порошку, пудры на 10 коп.; 20 бутылокъ пива; уксусной эссенціи и корсеть для m-lle Шансо № 82... уфъ! и взять дома Мишино осеннее пальто и калоши. Это приказъ супруги и семейства. Теперь порученія милыхъ знакомыхъ и сосѣдей, чортъ бы ихъ взялъ. У Власиныхъ завтра именинникъ Володя, ему нужно велосипедъ купить; подполковница Вихрина въ интересномъ положеніи, и по этому случаю я обязанъ ежедневно заѣзжать къ акушеркѣ и приглашать ее пріѣхать. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Пять записокъ у меня въ карманѣ и весь платокъ въ узелкахъ. Этакъ, батенька, въ промежуткѣ между службой и поѣздомъ бѣгаешь по городу, какъ собака, высунувъ языкъ,—бѣгаешь, бѣгаешь и жизнь проклянешь. Изъ магазина въ аптеку, изъ аптеки къ модисткѣ, отъ модистки въ колбасную, а тамъ опять въ аптеку. Тутъ спотыкнешься, тамъ деньги потеряешь, въ третьемъ мѣстѣ заплатить забудешь и за тобою гонятся со скандаломъ, въ четвертомъ мѣстѣ дамѣ на шлейфъ наступишь... тфу! Отъ такого моціона осатанѣешь и такъ тебя разломаетъ, что потомъ всю ночь кости трещатъ и крокодилы снятся. Ну-съ, порученія исполнены, все куплено, теперь какъ прикажешь упаковать всю эту музыку? Какъ ты, напримѣръ, уложишь вмѣстѣ тяжелую мѣдную ступку и толкачъ съ ламповымъ шаромъ, или карболку съ чаемъ? Какъ ты скомбинируешь во едино пивныя бутылки и этотъ велосипедъ? Египетская работа, задача для ума, ребусъ! Какъ тамъ ни ломай голову, какъ ни хитри, а, въ концѣ-концовъ, все-таки что-нибудь расколотишь и разсыплешь, а на вокзалѣ и въ вагонѣ будешь стоять, растопыривши руки, раскорячившись и поддерживая подбородкомъ какой-нибудь узелъ, весь въ кулькахъ, въ картонахъ и въ прочей дряни. А тронется поѣздъ, публика начнетъ пырять во всѣ стороны твой багажъ: своими вещами ты чужія

мѣста занялъ. Кричатъ, зовутъ кондуктора, грозятъ высадить, а я-то что̀ подѣлаю? Стою и глазами только лупаю, какъ побитый оселъ. Теперь слушай дальше. Пріѣзжаю я къ себѣ на дачу. Тутъ бы выпить хорошенько отъ трудовъ праведныхъ, поѣсть да храповицкаго—не правда ли?—но не тутъ-то было. Моя супружница ужъ давно стережетъ. Едва ты похлебалъ суну, какъ она цапъ-царапъ раба Божьяго и—не угодно ли вамъ пожаловать куда-нибудь на любительскій спектакль или танцовальный кругъ? Протестовать не моги. Ты—мужъ, а слово «мужъ» въ переводѣ на дачный языкъ значитъ безсловесное животное, на которомъ можно ѣздить и возить клади сколько угодно, не боясь вмѣшательства общества покровительства животныхъ. Идешь и таращишь глаза на «Скандалъ въ благородномъ семействѣ» или на какую-нибудь «Мотю», аплодируешь по приказанію супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вотъ-вотъ тебя хватитъ кондратій. А на кругу гляди на танцы и подыскивай для супруги кавалеровъ, а если недостаетъ кавалера, то и самъ изволь танцовать кадриль. Вернешься послѣ полуночи изъ театра или съ бала, а ужъ ты не человѣкъ, а дохлятина, хоть брось. Но вотъ, наконецъ, ты достигъ цѣли: разоблачился и легъ въ постель. Отлично, закрывай глаза и спи... Все такъ хорошо, поэтично и тепло, понимаешь ли, и ребята за стѣной не визжатъ, и супруги нѣтъ, и совѣсть чиста—лучше и не надо. Засыпаешь ты—и вдругъ... и вдругъ слышишь: дзз!.. Комары! *(вскакиваетъ)*. Комары, будь они трижды анаѳемы прокляты, комары! *(потрясаетъ кулаками)*. Комары! Это казнь египетская, инквизиція! Дзз!.. Дзюзюкаетъ этакъ жалобно, печально, точно прощенія проситъ, но такъ тебя, подлецъ, укуситъ, что потомъ цѣлый часъ чешешься. Ты и куришь, и бьешь ихъ, и съ головой укрываешься—нѣтъ спасенія! Въ концѣ-концовъ, плюнешь и отдашь себя на растерзаніе: жрите, проклятые! Не успѣешь привыкнуть къ комарамъ, какъ новая казнь египетская: въ залѣ супруга начинаетъ со своими тенорами романсы разучивать. Днемъ спятъ, а по ночамъ къ любительскимъ концертамъ готовятся. О, Боже мой! Тенора—это такое мученіе, что никакіе комары не сравнятся *(поетъ)*. «Не говори, что молодость сгубила...» «Я вновь предъ тобою стою очарованъ...» О, по-одлые! Всю душу мою вытянули! Чтобъ

ихъ хоть немножко заглушить, я на такой фокусъ пускаюсь: стучу себѣ пальцемъ по виску около уха. Этакъ стучу часовъ до четырехъ, пока не разойдутся. Охъ, дай-ка, братъ, еще воды... Не могу... Ну-съ, этакъ, не поспавши, встанешь въ шесть часовъ и—маршъ на станцію къ поѣзду. Бѣжишь, боишься опоздать, а тутъ грязь, туманъ, холодъ, брр! А пріѣдешь въ городъ, заводи шарманку сначала. Такъ-то, братъ. Жизнь, доложу я тебѣ, преподлая, и врагу такой жизни не пожелаю. Понимаешь—заболѣлъ! Одышка, изжога, вѣчно чего-то боюсь, желудокъ не варитъ, въ глазахъ мутно... Вѣришь ли, психопатомъ сталъ... *(оглядывается)*. Только это между нами... Хочу сходить къ Чечотту или къ Мержеевскому. Находитъ на меня, братецъ, какая-то чертовщина. Этакъ въ минуты досады и обалдѣнія, когда комары кусаютъ или тенора поютъ, вдругъ въ глазахъ помутится, вдругъ вскочишь, бѣгаешь, какъ угорѣлый, по всему дому и кричишь: «Крови жажду! Крови!» И въ самомъ дѣлѣ, въ это время хочется кого-нибудь ножомъ пырнуть или по головѣ стуломъ трахнуть. Вотъ оно, до чего дачная жизнь доводитъ! И никто не жалѣетъ, не сочувствуетъ, а какъ будто это такъ и надо. Даже смѣются. Но вѣдь, пойми, я животное, я жить хочу! Тутъ не водевиль, а трагедія! Послушай, если не дашь револьвера, то хоть посочувствуй!

Мурашкинъ. Я сочувствую.

Толкачовъ. Вижу, какъ вы сочувствуете... Прощай. Поѣду за кильками, за колбасой... зубного порошку еще надо, а потомъ на вокзалъ.

Мурашкинъ. Ты гдѣ на дачѣ живешь?

Толкачовъ. На Дохлой рѣчкѣ.

Мурашкинъ *(радостно)*. Неужели? Послушай, ты не знаешь ли тамъ дачницу Ольгу Павловну Финбергъ?

Толкачовъ. Знаю. Знакомъ даже.

Мурашкинъ. Да что ты? Вѣдь вотъ какой случай! Какъ это кстати, какъ это мило съ твоей стороны...

Толкачовъ. Что такое?

Мурашкинъ. Голубчикъ, милый, не можешь ли исполнить одну маленькую просьбу? Будь другомъ! Ну, дай честное слово, что исполнишь!

Толкачовъ. Что такое?

Мурашкинъ. Не въ службу, а въ дружбу! Умоляю, го-

лубчикъ. Во-первыхъ, поклонись Ольгѣ Павловнѣ и скажи, что я живъ и здоровъ, цѣлую ей ручку. Во-вторыхъ, свези ей одну вещичку. Она поручила мнѣ купить для нея ручную швейную машину, а доставить ей некому... Свези, милый! И, кстати, заодно вотъ эту клѣтку съ канарейкой... только осторожнѣй, а то дверца сломается... Что ты на меня такъ глядишь?

Толкачовъ. Швейная машинка... канарейка съ клѣткой... чижики, зяблики...

Мурашкинъ. Иванъ Ивановичъ, да что съ тобой? Отчего ты побагровѣлъ?

Толкачовъ *(топая ногами).* Давай сюда машинку! Гдѣ клѣтка? Садись самъ верхомъ! Ѣшь человѣка! Терзай! Добивай его! *(сжимая кулаки).* Крови жажду! Крови! Крови!

Мурашкинъ. Ты съ ума сошелъ!

Толкачовъ *(наступая на него).* Крови жажду! Крови!

Мурашкинъ *(въ ужасѣ).* Онъ съ ума сошелъ! *(кричитъ)* Петрушка! Марья! Гдѣ вы? Люди, спасите!

Толкачовъ *(гоняясь за нимъ по комнатѣ).* Крови жажду! Крови!

Занавѣсъ.

ЧАЙКА.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса.
Константинъ Гавриловичъ Треплевъ, ея сынъ, молодой человѣкъ.
Петръ Николаевичъ Соринъ, ея братъ.
Нина Михайловна Зарѣчная, молодая дѣвушка, дочь богатаго помѣщика.
Илья Аоанасьевичъ Шамраевъ, поручикъ въ отставкѣ, управляющій у Сорина.
Полина Андреевна, его жена.
Маша, его дочь.
Борисъ Алексѣевичъ Тригоринъ, беллетристъ.
Евгеній Сергѣевичъ Дорнъ, врачъ.
Семенъ Семеновичъ Медвѣденко, учитель.
Яковъ, работникъ.
Поваръ.
Горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Сорина. — Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ два года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Часть парка въ имѣніи Сорина. Широкая аллея, ведущая по направленію отъ зрителей въ глубину парка къ озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашняго спектакля, такъ что озера совсѣмъ не видно. Налѣво и направо у эстрады кустарникъ. Нѣсколько стульевъ, столикъ.

Только-что зашло солнце. На эстрадѣ за опущеннымъ занавѣсомъ Яковъ и другіе работники; слышатся кашель и стукъ. Маша и Медвѣденко идутъ слѣва, возвращаясь съ прогулки.

Медвѣденко. Отчего вы всегда ходите въ черномъ?

Маша. Это трауръ по моей жизни. Я несчастна.

Медвѣденко. Отчего? *(въ раздумьи).* Не понимаю... Вы здоровы, отецъ у васъ хотя и небогатый, но съ достаткомъ. Мнѣ живется гораздо тяжелѣе, чѣмъ вамъ. Я получаю всего 23 рубля въ мѣсяцъ, да еще вычитаютъ съ меня въ эмеритуру, а все же я не ношу траура *(садятся).*

Маша. Дѣло не въ деньгахъ. И бѣднякъ можетъ, быть счастливъ.

Медвѣденко. Это въ теоріи, а на практикѣ выходитъ такъ: я, да мать, да двѣ сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Вѣдь ѣсть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вотъ тутъ и вертись.

Маша *(оглядываясь на эстраду).* Скоро начнется спектакль.

Медвѣденко. Да. Играть будетъ Зарѣчная, а пьеса сочиненія Константина Гавриловича. Они влюблены другъ въ друга и сегодня ихъ души сольются въ стремленіи дать одинъ и тотъ же художественный образъ. А у моей души

и у вашей нѣтъ общихъ точекъ соприкосновенія. Я люблю васъ, не могу отъ тоски сидѣть дома, каждый день хожу пѣшкомъ шесть верстъ сюда да шесть обратно и встрѣчаю одинъ лишь индифферентизмъ съ вашей стороны. Это понятно. Я безъ средствъ, семья у меня большая... Какая охота идти за человѣка, которому самому ѣсть нечего?

Маша. Пустяки *(нюхаетъ табакъ)*. Ваша любовь трогаетъ меня, но я не могу отвѣчать взаимностью, вотъ и все *(протягиваетъ ему табакерку)*. Одолжайтесь.

Медвѣденко. Не хочется *(пауза)*.

Маша. Душно, должно-быть, ночью будетъ гроза. Вы все философствуете или говорите о деньгахъ. По-вашему, нѣтъ большаго несчастья, какъ бѣдность, а, по-моему, въ тысячу разъ легче ходить въ лохмотьяхъ и побираться, чѣмъ... Впрочемъ, вамъ не понять этого...

(Входятъ справа Соринъ и Треплевъ).

Соринъ (*опираясь на трость*). Мнѣ, братъ, въ деревнѣ какъ-то не того, и, понятная вещь, никогда я тутъ не привыкну. Вчера легъ въ десять и сегодня утромъ проснулся въ девять съ такимъ чувствомъ, какъ будто отъ долгаго спанья у меня мозгъ прилипъ къ черепу и все такое (*смѣется*). А послѣ обѣда нечаянно опять уснулъ, и теперь я весь разбитъ, испытываю кошмаръ, въ концѣ-концовъ...

Треплевъ. Правда, тебѣ нужно жить въ городѣ (*увидѣвъ Машу и Медвѣденка*). Господа, когда начнется, васъ позовутъ, а теперь нельзя здѣсь. Уходите пожалуйста.

Соринъ (*Машѣ*). Марья Ильинична, будьте такъ добры, попросите вашего папашу, чтобы онъ распорядился отвязать собаку, а то она воетъ. Сестра опять всю ночь не спала.

Маша. Говорите съ моимъ отцомъ сами, а я не стану. Увольте пожалуйста *(Медвѣденку)*. Пойдемте!

Медвѣденко (*Треплеву*). Такъ вы передъ началомъ пришлите сказать *(оба уходятъ)*.

Соринъ. Значитъ, опять всю ночь будетъ выть собака. Вотъ исторія, никогда въ деревнѣ я не жилъ, какъ хотѣлъ. Бывало, возьмешь отпускъ на 28 дней и пріѣдешь сюда, чтобы отдохнуть и все, но тутъ тебя такъ доймутъ всякимъ вздоромъ, что ужъ съ перваго дня хочется вонъ *(смѣется)*. Всегда я уѣзжалъ отсюда съ удовольствіемъ...

Ну, а теперь я въ оставкѣ, дѣваться некуда, въ концѣ-концовъ. Хочешь—не хочешь, живи...

Яковъ *(Треплеву)*. Мы, Константинъ Гаврилычъ, купаться пойдемъ.

Треплевъ. Хорошо, только черезъ десять минутъ будьте на мѣстахъ *(смотритъ на часы)*. Скоро начнется.

Яковъ. Слушаю *(уходитъ)*.

Треплевъ *(окидывая взглядомъ эстраду)*. Вотъ тебѣ и театръ. Занавѣсъ, потомъ первая кулиса, потомъ вторая и дальше пустое пространство. Декорацій никакихъ. Открывается видъ прямо на озеро и на горизонтъ. Поднимемъ занавѣсъ ровно въ половинѣ девятаго, когда взойдетъ луна.

Соринъ. Великолѣпно.

Треплевъ. Если Зарѣчная опоздаетъ, то, конечно, пропадетъ весь эффектъ. Пора бы ужъ ей быть. Отецъ и мачеха стерегутъ ее и вырваться ей изъ дому такъ же трудно, какъ изъ тюрьмы *(поправляетъ дядѣ галстукъ)*. Голова и борода у тебя взлохмачены. Надо бы постричься, что ли...

Соринъ *(расчесывая бороду)*. Трагедія моей жизни. У меня и въ молодости была такая наружность, будто я запоемъ пилъ и все. Меня никогда не любили женщины *(садясь)*. Отчего сестра не въ духѣ?

Треплевъ. Отчего? Скучаетъ *(садясь рядомъ)*. Ревнуетъ. Она уже и противъ меня, и противъ спектакля, и противъ моей пьесы, потому что не она играетъ, а Зарѣчная. Она не знаетъ моей пьесы, но уже ненавидитъ ее.

Соринъ *(смѣется)*. Выдумаешь, право...

Треплевъ. Ей уже досадно, что вотъ на этой маленькой сценѣ будетъ имѣть успѣхъ Зарѣчная, а не она *(посмотрѣвъ на часы)*. Психологическій курьезъ—моя мать. Безспорно талантлива, умна, способна рыдать надъ книжкой, отхватитъ тебѣ всего Некрасова наизусть, за больными ухаживаетъ, какъ ангелъ; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ея необыкновенною игрой въ «La dame aux camélias» или въ «Чадъ жизни», но такъ какъ здѣсь, въ деревнѣ, нѣтъ этого дурмана, то вотъ она скучаетъ и злится, и всѣ мы—ея враги, всѣ мы виноваты. Затѣмъ, она суевѣрна, боится трехъ свѣчей, тринадцатаго числа. Она скупа. У нея въ Одессѣ въ банкѣ

семьдесятъ тысячъ — это я знаю навѣрное. А попроси у нея взаймы, она станетъ плакать.

Сринъ. Ты вообразилъ, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все. Успокойся, мать тебя обожаетъ.

Треплевъ *(обрывая у цвѣтка лепестки).* Любитъ—не любитъ, любитъ — не любитъ, любитъ—не любитъ *(смѣется).* Видишь, моя мать меня не любитъ. Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить свѣтлыя кофточки, а мнѣ уже двадцать пять лѣтъ, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода. Когда меня нѣтъ, ей только тридцать два года, при мнѣ же сорокъ три, и за это она меня ненавидитъ. Она знаетъ также, что я не признаю театра. Она любитъ театръ, ей кажется, что она служитъ человѣчеству, святому искусству, а по-моему, современный театръ — это рутина, предразсудокъ. Когда поднимается занавѣсъ и при вечернемъ освѣщеніи, въ комнатѣ съ тремя стѣнами, эти великіе таланты, жрецы святого искусства изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки; когда изъ пошлыхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль, — мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ; когда въ тысячѣ варіацій мнѣ подносятъ все одно и то же, одно и то же, одно и то же,— то я бѣгу и бѣгу, какъ Монассанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своею пошлостью.

Сринъ. Безъ театра нельзя.

Треплевъ. Нужны новыя формы. Новыя формы нужны, а если ихъ нѣтъ, то лучше ничего не нужно *(смотритъ на часы).* Я люблю мать, сильно люблю; но она ведетъ безтолковую жизнь, вѣчно носится съ этимъ беллетристомъ, имя ся постоянно треплютъ въ газетахъ—и это меня утомляетъ. Иногда же просто во мнѣ говоритъ эгоизмъ обыкновеннаго смертнаго; бываетъ жаль, что у меня мать извѣстная актриса, и, кажется, будь это обыкновенная женщина, то я былъ бы счастливѣе. Дядя, что̀ можетъ быть отчаяннѣе и глупѣе положенія: бывало, у нея сидятъ въ гостяхъ сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только одинъ я—ничто, и меня терпятъ только потому, что я ея сынъ. Кто я? Что̀ я? Вышелъ изъ третьяго курса университета по обстоятельствамъ, какъ говорится, отъ редакціи независящимъ, никакихъ талантовъ, денегъ

ни гроша, а по паспорту я—кіевскій мѣщанинъ. Мой отецъ вѣдь кіевскій мѣщанинъ, хотя тоже былъ извѣстнымъ актеромъ. Такъ вотъ, когда, бывало, въ ея гостиной всѣ эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое вниманіе, то мнѣ казалось, что своими взглядами они измѣряли мое ничтожество,—я угадывалъ ихъ мысли и страдалъ отъ униженія.

Соринъ. Кстати, скажи, пожалуйста, что за человѣкъ этотъ беллетристъ? Не поймешь его. Все молчитъ.

Треплевъ. Человѣкъ умный, простой, немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорокъ лѣтъ будетъ ему еще не скоро, но онъ уже знаменитъ и сытъ по горло... Что касается его писаній, то... какъ тебѣ сказать? Мило, талантливо... но... послѣ Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина.

Соринъ. А я, братъ, люблю литераторовъ. Когда-то я страстно хотѣлъ двухъ вещей: хотѣлъ жениться и хотѣлъ стать литераторомъ, но не удалось ни то, ни другое. Да. И маленькимъ литераторомъ пріятно быть, въ концѣ-концовъ.

Треплевъ *(прислушивается).* Я слышу шаги... *(обнимаетъ дядю).* Я безъ нея жить не могу... Даже звукъ ея шаговъ прекрасенъ... Я счастливъ безумно *(быстро идетъ навстрѣчу Нинѣ Зарѣчной, которая входитъ).* Волшебница, мечта моя...

Нина *(взволнованно).* Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...

Треплевъ *(цѣлуя ея руки).* Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ....

Нина. Весь день я безпокоилась, мнѣ было такъ страшно! Я боялась, что отецъ не пуститъ меня... Но онъ сейчасъ уѣхалъ съ мачехой. Красное небо, уже начинаетъ восходить луна, и я гнала лошадь, гнала *(смѣется).* Но я рада *(крѣпко жметъ руку Сорина).*

Соринъ *(смѣется).* Глазки, кажется, заплаканы... Ге-ге! Не хорошо!

Нина. Это такъ... Видите, какъ мнѣ тяжело дышать. Черезъ полчаса я уѣду, надо спѣшить. Нельзя, нельзя, Бога ради не удерживайте. Отецъ не знаетъ, что я здѣсь.

Треплевъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже пора начинать. Надо идти звать всѣхъ.

Соринъ. Я схожу и все. Сію минуту *(идетъ вправо и*

поетъ). «Во Францію два гренадера»... *(оглядывается)*. Разъ также вотъ я запѣлъ, а одинъ товарищъ прокурора и говоритъ мнѣ: «А у васъ, ваше превосходительство, голосъ сильный»... Потомъ подумалъ и прибавилъ: «Но... противный» *(смѣется и уходитъ)*.

Нина. Отецъ и его жена не пускаютъ меня сюда. Говорятъ, что здѣсь богема... боятся, какъ бы я не пошла въ актрисы... А меня тянетъ сюда къ озеру, какъ чайку... Мое сердце полно вами *(оглядывается)*.

Треплевъ. Мы одни.

Нина. Кажется, кто-то тамъ...

Треплевъ. Никого *(поцѣлуй)*.

Нина. Это какое дерево?

Треплевъ. Вязъ.

Нина. Отчего оно такое темное?

Треплевъ. Уже вечеръ, темнѣютъ всѣ предметы. Не уѣзжайте рано, умоляю васъ.

Нина. Нельзя.

Треплевъ. А если я поѣду къ вамъ, Нина? Я всю ночь буду стоять въ саду и смотрѣть на ваше окно.

Нина. Нельзя, васъ замѣтитъ сторожъ. Трезоръ еще не привыкъ къ вамъ и будетъ лаять.

Треплевъ. Я люблю васъ.

Нина. Тсс...

Треплевъ *(услышавъ шаги)*. Кто тамъ? Вы, Яковъ?

Яковъ *(за эстрадой)*. Точно такъ.

Треплевъ. Становитесь по мѣстамъ. Пора. Луна восходитъ.

Нина. Точно такъ.

Треплевъ. Спиртъ есть? Сѣра есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло сѣрой *(Нина)*. Идите, тамъ все приготовлено. Вы волнуетесь?..

Нина. Да. очень. Ваша мама—ничего, ея я не боюсь, но у васъ Тригоринъ... Играть при немъ мнѣ страшно и стыдно... Извѣстный писатель... Онъ молодъ?

Треплевъ. Да.

Нина. Какіе у него чудесные разсказы!

Треплевъ *(холодно)*. Не знаю, не читалъ.

Нина. Въ вашей пьесѣ трудно играть. Въ ней нѣтъ живыхъ лицъ.

Треплевъ. Живыя лица! Надо изображать жизнь не такою,

какъ она есть, и не такою, какъ должна быть, а такою, какъ она представляется въ мечтахъ.

Нина. Въ вашей пьесѣ мало дѣйствія, одна только читка. И въ пьесѣ, по-моему, непремѣнно должна быть любовь... *(оба уходятъ за эстраду).*

(Входятъ Полина Андреевна и Дорнъ).

Полина Андреевна. Становится сыро. Вернитесь, надѣньте калоши.

Дорнъ. Мнѣ жарко.

Полина Андреевна. Вы не бережете себя. Это упрямство Вы—докторъ и отлично знаете, что вамъ вреденъ сырой воздухъ, но вамъ хочется, чтобы я страдала; вы нарочно просидѣли вчера весь вечеръ на террасѣ...

Дорнъ *(напѣваетъ).* «Не говори, что молодость сгубила».

Полина Андреевна. Вы были такъ увлечены разговоромъ съ Ириной Николаевной... вы не замѣчали холода. Признайтесь, она вамъ нравится...

Дорнъ. Мнѣ 55 лѣтъ.

Полина Андреевна. Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинамъ.

Дорнъ. Такъ что же вамъ угодно?

Полина Андреевна. Передъ актрисой вы всѣ готовы падать ницъ. Всѣ!

Дорнъ *(напѣваетъ).* «Я вновь предъ тобою»... Если въ обществѣ любятъ артистовъ и относятся къ нимъ иначе, чѣмъ, напримѣръ, къ купцамъ, то это въ порядкѣ вещей. Это—идеализмъ.

Полина Андреевна. Женщины всегда влюблялись въ васъ и вѣшались на шею. Это тоже идеализмъ?

Дорнъ *(пожавъ плечами).* Что-жъ? Въ отношеніяхъ женщинъ ко мнѣ было много хорошаго. Во мнѣ любили главнымъ образомъ превосходнаго врача. Лѣтъ 10—15 назадъ, вы помните, во всей губерніи я былъ единственнымъ порядочнымъ акушеромъ. Затѣмъ всегда я былъ честнымъ человѣкомъ.

Полина Андреевна *(хватаетъ его за руку).* Дорогой мой!

Дорнъ. Тише. Идутъ.

(Входятъ Аркадина подъ руку съ Сориным, Тригорин, Шамраевъ, Медвѣденко и Маша).

Шамраевъ. Въ 1873 году въ Полтавѣ на ярмаркѣ она

играла изумительно. Одинъ восторгъ! Чудно играла! Не изволите ли также знать, гдѣ теперь комикъ Чадинъ, Павелъ Семенычъ? Въ Расплюевѣ былъ неподражаемъ, лучше Садовскаго, клянусь вамъ, многоуважаемая. Гдѣ онъ теперь?

Аркадина. Вы все спрашиваете про какихъ-то допотопныхъ. Откуда я знаю! *(садится)*.

Шамраевъ *(вздохнувъ)*. Пашка Чадинъ! Такихъ ужъ нѣтъ теперь. Пала сцена, Ирина Николаевна! Прежде были могучіе дубы, а теперь мы видимъ одни только пни.

Дорнъ. Блестящихъ дарованій теперь мало, это правда, но средній актеръ сталъ гораздо выше.

Шамраевъ. Не могу съ вами согласиться. Впрочемъ, это дѣло вкуса. De gustibus aut bene, aut nihil.

(Треплевъ выходитъ изъ-за эстрады).

Аркадина *(сыну)*. Мой милый сынъ, когда же начало?

Треплевъ. Черезъ минуту. Прошу терпѣнія.

Аркадина *(читаетъ изъ Гамлета)*. «Мой сынъ! Ты очи обратилъ мнѣ внутрь души, и я увидѣла ее въ такихъ кровавыхъ, въ такихъ смертельныхъ язвахъ — нѣтъ спасенья!»

Треплевъ *(изъ Гамлета)*. «И для чего жъ ты поддалась пороку, любви искала въ безднѣ преступленья?»

(За эстрадой играютъ въ рожокъ).

Треплевъ. Господа, начало! Прошу вниманія! *(пауза)*. Я начинаю *(стучитъ палочкой и говоритъ громко)*. О вы, почтенныя, старыя тѣни, которыя носитесь въ ночную пору надъ этимъ озеромъ, усыпите насъ, и пусть намъ приснится то, что будетъ черезъ двѣсти тысячъ лѣтъ!

Соринъ. Черезъ двѣсти тысячъ лѣтъ ничего не будетъ.

Треплевъ. Такъ вотъ пусть изобразятъ намъ это ничего.

Аркадина. Пусть. Мы спимъ.

(Поднимается занавѣсъ; открывается видъ на озеро; луна надъ горизонтомъ, отраженіе ея въ водѣ; на большомъ камнѣ сидитъ Нина Зарѣчная, вся въ бѣломъ).

Нина. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливыя рыбы, обитавшія въ водѣ, морскія звѣзды и тѣ, которыхъ нельзя было видѣть глазомъ, — словомъ, всѣ жизни, всѣ жизни, всѣ жизни, свершивъ печальный кругъ, угасли... Уже тысячи вѣковъ, какъ земля не носитъ на себѣ ни одного живого существа, и эта бѣдная луна напрасно зажигаетъ свой фонарь. На лугу

уже не просыпаются съ крикомъ журавли и майскихъ жуковъ не бываетъ слышно въ липовыхъ рощахъ. Холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно, *(пауза)*. Тѣла живыхъ существъ исчезли въ прахѣ и вѣчная матерія обратила ихъ въ камни, въ воду, въ облака, а души ихъ всѣхъ слились въ одну. Общая міровая душа — это я... я... Во мнѣ душа и Александра Великаго, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и послѣдней піявки. Во мнѣ сознанія людей слились съ инстинктами животныхъ, и я помню все, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой я переживаю вновь *(показываются болотные огни)*

Аркадина *(тихо)*. Это что-то декадентское.

Треплевъ *(умоляющее и съ упрекомъ)*. Мама!

Нина. Я одинока. Разъ въ сто лѣтъ я открываю уста, чтобы говорить, и мой голосъ звучитъ въ этой пустотѣ уныло, и никто не слышитъ... И вы, блѣдные огни, не слышите меня... Подъ утро васъ рождаетъ гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но безъ мысли, безъ воли, безъ трепетанія жизни. Боясь, чтобы въ васъ не возникла жизнь, отецъ вѣчной матеріи, дьяволъ, каждое мгновеніе въ васъ, какъ въ камняхъ и въ водѣ, производитъ обмѣнъ атомовъ, и вы мѣняетесь непрерывно. Во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ *(пауза)*. Какъ плѣнникъ, брошенный въ пустой глубокій колодецъ, я не знаю, гдѣ я и что меня ждетъ. Отъ меня не скрыто лишь, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало-по-малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и луна, и свѣтлый Сиріусъ, и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ ужасъ, ужасъ... *(пауза; на фонѣ озера показываются двѣ красныхъ точки)*. Вотъ приближается мой могучій противникъ, дьяволъ. Я вижу его страшные, багровые глаза...

Аркадина. Сѣрой пахнетъ. Это такъ нужно?

Треплевъ. Да.

Аркадина *(смѣется)*. Да, это эффектъ.

Треплевъ. Мама!

Нина. Онъ скучаетъ безъ человѣка...

Полина Андреевна *(Дорну).* Вы сняли шляпу. Надѣньте, а то простудитесь.

Аркадина. Это докторъ снялъ шляпу передъ дьяволомъ, отцомъ вѣчной матеріи.

Треплевъ *(вспыливъ, громко).* Пьеса кончена! Довольно! Занавѣсъ!

Аркадина. Что же ты сердишься?

Треплевъ. Довольно! Занавѣсъ! Подавай занавѣсъ! *(топнувъ ногой).* Занавѣсъ! *(занавѣсъ опускается).* Виноватъ! Я выпустилъ изъ вида, что писать пьесы и играть на сценѣ могутъ только немногіе избранные. Я нарушилъ монополію! Мнѣ... я... *(хочетъ еще что-то сказать, но машетъ рукой и уходитъ влѣво).*

Аркадина. Что съ нимъ?

Соринъ. Ирина, нельзя такъ, матушка, обращаться съ молодымъ самолюбіемъ.

Аркадина. Что же я ему сказала?

Соринъ. Ты его обидѣла.

Аркадина. Онъ самъ предупреждалъ, что это шутка, и я относилась къ его пьесѣ, какъ къ шуткѣ.

Соринъ. Все-таки...

Аркадина. Теперь оказывается, что онъ написалъ великое произведеніе! Скажите, пожалуйста! Стало-быть, устроилъ онъ этотъ спектакль и надушилъ сѣрой не для шутки, а для демонстраціи... Ему хотѣлось поучить насъ, какъ надо писать и что нужно играть. Наконецъ, это становится скучно. Эти постоянныя вылазки противъ меня и шпильки, воля ваша, надоѣдятъ хоть кому! Капризный, самолюбивый мальчикъ.

Соринъ. Онъ хотѣлъ доставить тебѣ удовольствіе.

Аркадина. Да? Однакоже, вотъ онъ не выбралъ какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставилъ насъ прослушать этотъ декадентскій бредъ. Ради шутки я готова слушать и бредъ, но вѣдь тутъ претензіи на новыя формы, на новую эру въ искусствѣ. А по-моему, никакихъ тутъ новыхъ формъ нѣтъ, а просто дурной характеръ.

Тригоринъ. Каждый пишетъ такъ, какъ хочетъ и какъ можетъ.

Аркадина. Пусть онъ пишетъ, какъ хочетъ и какъ можетъ, только пусть оставитъ меня въ покоѣ.

Дорнъ. Юпитеръ, ты сердишься...

Аркадина. Я не Юпитеръ, а женщина *(закуриваетъ)*. Я не сержусь, мнѣ только досадно, что молодой человѣкъ такъ скучно проводитъ время. Я не хотѣла его обидѣть.

Медвѣденко. Никто не имѣетъ основанія отдѣлять духъ отъ матеріи, такъ какъ, быть-можетъ, самый духъ есть совокупность матеріальныхъ атомовъ *(жмо, Тригорину)*. А вотъ, знаете ли, описать бы въ пьесѣ и потомъ сыграть на сценѣ, какъ живетъ нашъ братъ — учитель. Трудно, трудно живется!

Аркадина. Это справедливо, но не будемъ говорить ни о пьесахъ, ни объ атомахъ. Вечеръ такой славный! Слышите, господа, поютъ? *(прислушивается)*. Какъ хорошо!

Полина Андреевна. Это на томъ берегу. *(Пауза)*.

Аркадина *(Тригорину)*. Сядьте возлѣ меня. Лѣтъ 10—15 назадъ, здѣсь, на озерѣ, музыка и пѣніе слышались непрерывно почти каждую ночь. Тутъ на берегу шесть помѣщичьихъ усадебъ. Помню, смѣхъ, шумъ, стрѣльба, и все романы, романы... Jeune premier'омъ и кумиромъ всѣхъ этихъ шести усадебъ былъ тогда вотъ, рекомендую *(киваетъ на Дорна)*, докторъ Евгеній Сергѣичъ. И теперь онъ очарователенъ, но тогда былъ неотразимъ. Однако, меня начинаетъ мучить совѣсть. За что я обидѣла моего бѣднаго мальчика? Я не покойна *(громко)*. Костя! Сынъ! Костя!

Маша. Я пойду, поищу его.

Аркадина. Пожалуйста, милая.

Маша *(идетъ влѣво)*. Ау! Константинъ Гавриловичъ!.. Ау! *(уходитъ)*.

Нина *(выходя изъ-за эстрады)*. Очевидно, продолженія не будетъ, мнѣ можно выйти. Здравствуйте! *(цѣлуется съ Аркадиной и Полиной Андреевной)*.

Соринъ. Браво! браво!

Аркадина. Браво! браво! Мы любовались. Съ такою наружностью, съ такимъ чуднымъ голосомъ нельзя, грѣшно сидѣть въ деревнѣ. У васъ долженъ быть талантъ. Слышите? Вы обязаны поступить на сцену!

Нина. О, это моя мечта! *(вздохнувъ)*. Но она никогда не осуществится.

Аркадина. Кто знаетъ? Вотъ позвольте вамъ представить: Тригоринъ, Борисъ Алексѣевичъ.

Нина. Ахъ, я такъ рада... *(сконфузившись)*. Я всегда васъ читаю...

Аркадина *(усаживая ее возлѣ)*. Не конфузьтесь, милая. Онъ знаменитость, но у него простая душа. Видите, онъ самъ сконфузился.

Дорнъ. Полагаю, теперь можно поднять занавѣсъ, а то жутко.

Шамраевъ *(громко)*. Яковъ, подними-ка, братецъ, занавѣсъ! *(занавѣсъ поднимается)*.

Нина *(Тригорину)*. Не правда ли, странная пьеса?

Тригоринъ. Я ничего не понялъ. Впрочемъ, смотрѣлъ я съ удовольствіемъ. Вы такъ искренно играли. И декорація была прекрасная *(пауза)*. Должно-быть, въ этомъ озерѣ много рыбы.

Нина. Да.

Тригоринъ. Я люблю удить рыбу. Для меня нѣтъ больше наслажденія, какъ сидѣть подъ вечеръ на берегу и смотрѣть на поплавокъ.

Нина. Но, я думаю, кто испыталъ наслажденіе творчества, для того уже всѣ другія наслажденія не существуютъ.

Аркадина *(смѣясь)*. Не говорите такъ. Когда ему говорятъ хорошія слова, то онъ проваливается.

Шамраевъ. Помню, въ Москвѣ въ оперномъ театрѣ однажды знаменитый Сильва взялъ нижнее до. А въ это время, какъ нарочно, сидѣлъ на галлереѣ басъ изъ нашихъ синодальныхъ пѣвчихъ, и вдругъ, можете себѣ представить наше крайнее изумленіе, мы слышимъ съ галлереи: «Браво, Сильва!» цѣлою октавой ниже... Вотъ этакъ *(низкимъ баскомъ)*. Браво, Сильва... Театръ такъ и замеръ *(пауза)*.

Дорнъ. Тихій ангелъ пролетѣлъ.

Нина. А мнѣ пора. Прощайте.

Аркадина. Куда? Куда такъ рано? Мы васъ не пустимъ.

Нина. Меня ждетъ папа.

Аркадина. Какой онъ, право... *(цѣлуются)*. Ну, что дѣлать. Жаль, жаль васъ отпускать.

Нина. Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело уѣзжать!

Аркадина. Васъ бы проводилъ кто-нибудь, моя крошка.

Нина *(испуганно)*. О, нѣтъ, нѣтъ!

Соринъ *(ей, умоляюще)*. Останьтесь!

Нина. Не могу, Петръ Николаевичъ.

Соринъ. Останьтесь на одинъ часъ и все. Ну, что, право...

Нина *(подумавъ, сквозь слезы).* Нельзя! *(пожимаетъ руку и быстро уходитъ).*

Аркадина. Несчастная дѣвушка въ сущности. Говорятъ, ея покойная мать завѣщала мужу все свое громадное состояніе, все до копейки, и теперь эта дѣвочка осталась ни съ чѣмъ, такъ какъ отецъ ея уже завѣщалъ все своей второй женѣ. Это возмутительно.

Дорнъ. Да, ея папенька порядочная-таки скотина, надо отдать ему полную справедливость.

Соринъ *(потирая озябшія руки).* Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро. У меня ноги болятъ.

Аркадина. Онѣ у тебя, какъ деревянныя, едва ходятъ. Ну, пойдемъ, старикъ злосчастный *(беретъ его подъ руку).*

Шамраевъ *(подавая руку женѣ).* Мадамъ?

Соринъ. Я слышу, опять воетъ собака *(Шамраеву).* Будьте добры, Илья Аѳанасьевичъ, прикажите отвязать ее.

Шамраевъ. Нельзя, Петръ Николаевичъ, боюсь, какъ бы воры въ амбаръ не забрались. Тамъ у меня просо *(идущему рядомъ Медвѣденку).* Да, на цѣлую октаву ниже: «Браво, Сильва!» А вѣдь не пѣвецъ, простой синодальный пѣвчій.

Медвѣденко. А сколько жалованья получаетъ синодальный пѣвчій? *(всѣ уходятъ, кромѣ Дорна).*

Дорнъ *(одинъ).* Не знаю, быть-можетъ, я ничего не понимаю или сошелъ съ ума, но пьеса мнѣ понравилась. Въ ней что-то есть. Когда эта дѣвочка говорила объ одиночествѣ и потомъ, когда показались красные глаза дьявола, у меня отъ волненія дрожали руки. Свѣжо, наивно... Вотъ, кажется, онъ идетъ. Мнѣ хочется наговорить ему побольше пріятнаго.

Треплевъ *(входитъ).* Уже нѣтъ никого.

Дорнъ. Я здѣсь.

Треплевъ. Меня по всему парку ищетъ Машенька. Несносное созданіе.

Дорнъ. Константинъ Гавриловичъ, мнѣ ваша пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и конца я не слышалъ, и все-таки впечатлѣніе сильное. Вы талантливый человѣкъ, вамъ надо продолжать.

(Треплевъ крѣпко жметъ ему руку и обнимаетъ порывисто).

Дорнъ. Фуй, какой нервный. Слезы на глазахъ... Я что

хочу сказать? Вы взяли сюжетъ изъ области отвлеченныхъ идей. Такъ и слѣдовало, потому что художественное произведеніе непремѣнно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что̀ серьезно. Какъ вы блѣдны!

Треплевъ. Такъ вы говорите—продолжать?

Дорнъ. Да... Но изображайте только важное и вѣчное. Вы знаете, я прожилъ свою жизнь разнообразно и со вкусомъ, я доволенъ, но если бы мнѣ пришлось испытать подъемъ духа, какой бываетъ у художниковъ во время творчества, то, мнѣ кажется, я презиралъ бы свою матеріальную оболочку и все, что этой оболочкѣ свойственно, и уносился бы отъ земли подальше въ высоту.

Треплевъ. Виноватъ, гдѣ Зарѣчная?

Дорнъ. И вотъ еще что. Въ произведеніи должна быть ясная, опредѣленная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дорогѣ безъ опредѣленной цѣли, то вы заблудитесь и вашъ талантъ погубитъ васъ.

Треплевъ *(нетерпѣливо)*. Гдѣ Зарѣчная?

Дорнъ. Она уѣхала домой.

Треплевъ *(въ отчаяніи)*. Что же мнѣ дѣлать? Я хочу ее видѣть... Мнѣ необходимо ее видѣть... Я поѣду...

(Маша входитъ).

Дорнъ *(Треплеву)*. Успокойтесь, мой другъ.

Треплевъ. Но все-таки я поѣду. Я долженъ поѣхать.

Маша. Идите, Константинъ Гавриловичъ, въ домъ. Васъ ждетъ ваша мама. Она непокойна.

Треплевъ. Скажите ей, что я уѣхалъ. И прошу васъ всѣхъ, оставьте меня въ покоѣ! Оставьте! Не ходите за мной!

Дорнъ. Но, но, но, милый... нельзя такъ... Не хорошо.

Треплевъ *(сквозь слезы)*. Прощайте, докторъ. Благодарю... *(уходитъ)*.

Дорнъ *(вздохнувъ)*. Молодость, молодость!

Маша. Когда нечего больше сказать, то говорятъ: молодость, молодость... *(нюхаетъ табакъ)*.

Дорнъ *(беретъ у нея табакерку и швыряетъ въ кусты)*. Это гадко! *(пауза)*. Въ домѣ, кажется, играютъ. Надо идти.

Маша. Погодите.

Дорнъ. Что?

Маша. Я еще разъ хочу вамъ сказать. Мнѣ хочется поговорить... *(волнуясь).* Я не люблю своего отца... но къ вамъ лежитъ мое сердце. Почему-то я всею душой чувствую, что вы мнѣ близки... Помогите же мнѣ. Помогите, а то я сдѣлаю глупость, я насмѣюсь надъ своею жизнью, испорчу ее... Не могу дольше...

Дорнъ. Что? Въ чемъ помочь?

Маша. Я страдаю. Никто, никто не знаетъ моихъ страданій! *(кладетъ ему голову на грудь, тихо).* Я люблю Константина.

Дорнъ. Какъ всѣ нервны! Какъ всѣ нервны! И сколько любви... О, колдовское озеро! *(нѣжно).* Но что же я могу сдѣлать, дитя мое? Что? Что?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Площадка для крокета. Въ глубинѣ направо домъ съ большою террасой, налѣво видно озеро, въ которомъ, отражаясь, сверкаетъ солнце. Цвѣтники. Полдень. Жарко. Съ боку площадки, въ тѣни старой липы, сидятъ на скамьѣ Аркадина, Дорнъ и Маша. У Дорна на колѣняхъ раскрытая книга.

Аркадина *(Машѣ).* Вотъ встанемте *(обѣ встаютъ).* Станемъ рядомъ. Вамъ двадцать два года, а мнѣ почти вдвое. Евгеній Сергѣичъ, кто изъ насъ моложавѣе?

Дорнъ. Вы, конечно.

Аркадина. Вотъ-съ... А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно въ суетѣ, а вы сидите все на одномъ мѣстѣ, не живете... И у меня правило: не заглядывать въ будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать.

Маша. А у меня такое чувство, какъ будто я родилась уже давнымъ-давно; жизнь свою я тащу волокомъ, какъ безконечный шлейфъ... И часто не бываетъ никакой охоты жить *(садится).* Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить съ себя все это.

Дорнъ *(напѣваетъ тихо).* «Разскажите вы ей, цвѣты мои»...

Аркадина. Затѣмъ, я корректна, какъ англичанинъ. Я,

милая, держу себя въ струнѣ, какъ говорится, и всегда одѣта и причесана comme il faut. Чтобы я позволила себѣ выйти изъ дому, хотя бы вотъ въ садъ, въ блузѣ или непричесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефёлой, не распускала себя, какъ нѣкоторыя... *(подбоченясь, прохаживается по площадкѣ).* Вотъ вамъ, — какъ цыпочка. Хоть пятнадцатилѣтнюю дѣвочку играть.

Дорнъ. Ну-съ, тѣмъ не менѣе все-таки я продолжаю *(беретъ книгу).* Мы остановились на лабазникѣ и крысахъ...

Аркадина. И крысахъ. Читайте *(садится).* Впрочемъ, дайте мнѣ, я буду читать. Моя очередь *(беретъ книгу и ищетъ въ ней глазами).* И крысахъ... Вотъ оно... *(читаетъ).* «И, разумѣется, для свѣтскихъ людей баловать романистовъ и привлекать ихъ къ себѣ такъ же опасно, какъ лабазнику воспитывать крысъ въ своихъ амбарахъ. А между тѣмъ ихъ любятъ. Итакъ, когда женщина избрала писателя, котораго она желаетъ заполонить, она осаждаетъ его посредствомъ комплиментовъ, любезностей и угожденій»... Ну, это у французовъ, можетъ-быть, но у насъ ничего подобнаго, никакихъ программъ. У насъ женщина обыкновенно, прежде, чѣмъ заполонить писателя, сама уже влюблена по уши, сдѣлайте милость. Недалеко ходить, взять хоть меня и Тригорина.

(Идетъ Соринъ, опираясь на трость, и рядомъ съ нимъ Нина; Медвѣденко катитъ за ними пустое кресло).

Соринъ *(тономъ, какимъ ласкаютъ дѣтей).* Да? У насъ радость? Мы сегодня веселы, въ концѣ-концовъ? *(сестрѣ).* У насъ радость! Отецъ и мачеха уѣхали въ Тверь, и мы теперь свободны на цѣлыхъ три дня.

Нина *(садится рядомъ съ Аркадиной и обнимаетъ ее).* Я счастлива! Я теперь принадлежу вамъ.

Соринъ *(садится въ свое кресло).* Она сегодня красивенькая.

Аркадина. Нарядная, интересная... За это вы умница *(цѣлуетъ Нину).* Но не нужно очень хвалить, а то сглазимъ. Гдѣ Борисъ Алексѣевичъ?

Нина. Онъ въ купальнѣ рыбу удитъ.

Аркадина. Какъ ему не надоѣстъ! *(хочетъ продолжать читать).*

Нина. Это вы что?

Аркадина. Мопассанъ «На водѣ», милочка *(читаетъ нѣсколько строкъ про себя)*. Ну, дальше неинтересно и невѣрно *(закрываетъ книгу)*. Непокойна у меня душа. Скажите, что съ моимъ сыномъ? Отчего онъ такъ скученъ и суровъ? Онъ цѣлые дни проводитъ на озерѣ, и я его почти совсѣмъ не вижу.

Маша. У него не хорошо на душѣ *(Нинѣ, робко)*. Прошу васъ, прочтите изъ его пьесы!

Нина *(пожавъ плечами)*. Вы хотите? Это такъ интересно!

Маша *(сдерживая восторгъ)*. Когда онъ самъ читаетъ что-нибудь, то глаза у него горятъ и лицо становится блѣднымъ. У него прекрасный, печальный голосъ; а манеры, какъ у поэта.

(Слышно, какъ храпитъ Соринъ).

Дорнъ. Спокойной ночи!

Аркадина. Петруша!

Соринъ. А?

Аркадина. Ты спишь?

Соринъ. Нисколько.

(Пауза).

Аркадина. Ты не лѣчишься, а это не хорошо, братъ.

Соринъ. Я радъ бы лѣчиться, да вотъ докторъ не хочетъ.

Дорнъ. Лѣчиться въ шестьдесятъ лѣтъ!

Соринъ. И въ шестьдесятъ лѣтъ жить хочется.

Дорнъ *(досадливо)*. Э! Ну, принимайте валеріановыя капли.

Аркадина. Мнѣ кажется, ему хорошо бы поѣхать куда-нибудь на воды.

Дорнъ. Что-жъ? Можно поѣхать. Можно и не поѣхать.

Аркадина. Вотъ и пойми.

Дорнъ. И понимать нечего. Все ясно.

(Пауза).

Медвѣденко. Петру Николаевичу слѣдовало бы бросить курить.

Соринъ. Пустяки.

Дорнъ. Нѣтъ, не пустяки. Вино и табакъ обезличиваютъ. Послѣ сигары или рюмки водки, вы уже не Петръ Николаевичъ, а Петръ Николаевичъ плюсъ еще кто-то; у васъ

расплывается ваше я, и вы уже относитесь къ самому себѣ, какъ къ третьему лицу—онъ.

Соринъ *(смѣется)*. Вамъ хорошо разсуждать. Вы пожили на своемъ вѣку, а я? Я прослужилъ по судебному вѣдомству 28 лѣтъ, но еще не жилъ, ничего не испыталъ, въ концѣ-концовъ, и, понятная вещь, жить мнѣ очень хочется. Вы сыты и равнодушны, и потому имѣете наклонность къ философіи, я же хочу жить и потому пью за обѣдомъ хересъ и курю сигары и все. Вотъ и все.

Дорнъ. Надо относиться къ жизни серьезно, а лѣчиться въ шестьдесятъ лѣтъ, жалѣть, что въ молодости мало наслаждался, это, извините, легкомысліе.

Маша *(встаетъ)*. Завтракать пора, должно-быть. *(Идетъ лѣнивою, вялою походкой)*. Ногу отсидѣла... *(уходитъ)*.

Дорнъ. Пойдетъ и передъ завтракомъ двѣ рюмочки пропуститъ.

Соринъ. Личнаго счастья нѣтъ у бѣдняжки.

Дорнъ. Пустое, ваше превосходительство.

Соринъ. Вы разсуждаете, какъ сытый человѣкъ.

Аркадина. Ахъ, что можетъ быть скучнѣе этой вотъ милой деревенской скуки! Жарко, тихо, никто ничего не дѣлаетъ, всѣ философствуютъ... Хорошо съ вами, друзья, пріятно васъ слушать, но... сидѣть у себя въ номерѣ и учить роль—куда лучше!

Нина *(восторженно)*. Хорошо! Я понимаю васъ.

Соринъ Конечно, въ городѣ лучше. Сидишь въ своемъ кабинетѣ, лакей никого не впускаетъ безъ доклада, телефонъ... на улицѣ извозчики и все...

Дорнъ *(напѣваетъ)*. «Разскажите вы ей, цвѣты мои»...

(Входитъ Шамраевъ, за нимъ Полина Андреевна).

Шамраевъ. Вотъ и наши. Добрый день! *(цѣлуетъ руку у Аркадиной, потомъ у Нины)*. Весьма радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьѣ *(Аркадиной)*. Жена говоритъ, что вы собираетесь сегодня ѣхать съ нею вмѣстѣ въ городъ. Это правда?

Аркадина. Да, мы собираемся.

Шамраевъ. Гм... Это великолѣпно, но на чемъ же вы поѣдете, многоуважаемая? Сегодня у насъ возятъ рожь, всѣ работники заняты. А на какихъ лошадяхъ, позвольте васъ спросить?

Аркадина. На какихъ? Почемъ я знаю—на какихъ!

Соринъ. У насъ же выѣздныя есть.

Шамраевъ *(волнуясь).* Выѣздныя? А гдѣ я возьму хомуты? Гдѣ я возьму хомуты? Это удивительно! Это непостижимо! Высокоуважаемая! Извините, я благоговѣю передъ вашимъ талантомъ, готовъ отдать за васъ десять лѣтъ жизни, но лошадей я вамъ не могу дать!

Аркадина. Но если я должна ѣхать? Странное дѣло!

Шамраевъ. Многоуважаемая! Вы не знаете, что значитъ хозяйство!

Аркадина *(вспыливъ).* Это старая исторія! Въ такомъ случаѣ я сегодня же уѣзжаю въ Москву. Прикажите нанять для меня лошадей въ деревнѣ, а то я уйду на станцію пѣшкомъ!

Шамраевъ *(вспыливъ).* Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ мѣста! Ищите себѣ другого управляющаго! *(уходитъ).*

Аркадина. Каждое лѣто такъ, каждое лѣто меня здѣсь оскорбляютъ! Нога моя здѣсь больше не будетъ! *(уходитъ влѣво, гдѣ предполагается купальня; черезъ минуту видно, какъ она проходитъ въ домъ; за нею идетъ Тригоринъ съ удочками и съ ведромъ).*

Соринъ *(вспыливъ).* Это нахальство! Это чортъ знаетъ, что̀ такое! Мнѣ это надоѣло, въ концѣ-концовъ. Сейчасъ же подать сюда всѣхъ лошадей!

Нина *(Полинѣ Андреевнѣ).* Отказать Иринѣ Николаевнѣ, знаменитой артисткѣ! Развѣ всякое желаніе ея, даже капризъ, не важнѣе всякаго хозяйства? Просто невѣроятно!

Полина Андреевна *(въ отчаяніи).* Что̀ я могу? Войдите въ мое положеніе: что̀ я могу?

Соринъ *(Нинѣ).* Пойдемте къ сестрѣ... Мы всѣ будемъ умолять ее, чтобы она не уѣзжала. Не правда ли? *(глядя по направленію, куда ушелъ Шамраевъ).* Невыносимый человѣкъ! Деспотъ!

Нина *(мѣшая ему встать).* Сидите, сидите... Мы васъ довеземъ... *(Она и Медвѣденко катятъ кресло).* О, какъ это ужасно!..

Соринъ. Да, да, это ужасно... Но онъ не уйдетъ, я сейчасъ поговорю съ нимъ *(уходятъ; остаются только Дорнъ и Полина Андреевна).*

Дорнъ. Люди скучны. Въ сущности слѣдовало бы вашего мужа отсюда просто въ шею, а вѣдь все кончится тѣмъ,

что эта старая баба, Петръ Николаевичъ, и его сестра попросятъ у него извиненія. Вотъ увидите!

Полина Андреевна. Онъ и выѣздныхъ лошадей послалъ въ поле. И каждый день такія недоразумѣнія. Если бы вы знали, какъ это волнуетъ меня! Я заболѣваю; видите, я дрожу... Я не выношу его грубости *(умоляюще)*. Евгеній, дорогой, ненаглядный, возьмите меня къ себѣ... Время наше уходитъ, мы уже не молоды, и хоть бы въ концѣ жизни намъ не прятаться, не лгать... *(пауза)*.

Дорнъ. Мнѣ 55 лѣтъ, уже поздно мѣнять свою жизнь.

Полина Андреевна. Я знаю, вы отказываете мнѣ, потому что, кромѣ меня, есть женщины, которыя вамъ близки. Взять всѣхъ къ себѣ невозможно. Я понимаю. Простите, я надоѣла вамъ.

(Нина показывается около дома; она рветъ цвѣты).

Дорнъ. Нѣтъ, ничего.

Полина Андреевна. Я страдаю отъ ревности. Конечно, вы докторъ, вамъ нельзя избѣгать женщинъ. Я понимаю...

Дорнъ *(Нинѣ, которая подходитъ)*. Какъ тамъ?

Нина. Ирина Николаевна плачетъ, а у Петра Николаевича астма.

Дорнъ *(встаетъ)*. Пойти, дать обоимъ валеріановыхъ капель...

Нина *(подаетъ ему цвѣты)*. Извольте!

Дорнъ. Mercі bien *(идетъ къ дому)*.

Полина Андреевна *(идя съ нимъ)*. Какіе миленькіе цвѣты! *(около дома, глухимъ голосомъ)*. Дайте мнѣ эти цвѣты! Дайте мнѣ эти цвѣты! *(получивъ цвѣты, рветъ ихъ и бросаетъ въ сторону; оба идутъ въ домъ)*.

Нина *(одна)*. Какъ странно видѣть, что извѣстная артистка плачетъ, да еще по такому пустому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимецъ публики, о немъ пишутъ во всѣхъ газетахъ, портреты его продаются, его переводятъ на иностранные языки, а онъ цѣлый день ловитъ рыбу и радуется, что поймалъ двухъ головлей. Я думала, что извѣстные люди горды, неприступны, что они презираютъ толпу, и своею славой, блескомъ своего имени какъ бы мстятъ ей за то, что она выше всего ставитъ знатность происхожденія и богатство. Но они вотъ плачутъ, удятъ рыбу, играютъ въ карты, смѣются и сердятся, какъ всѣ.

Треплевъ *(входитъ безъ шляпы, съ ружьемъ и съ убитою чайкой).* Вы однѣ здѣсь?

Нина. Одна.

(Треплевъ кладетъ у ея ногъ чайку).

Нина. Что это значитъ?

Треплевъ. Я имѣлъ подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у вашихъ ногъ.

Нина. Что съ вами? *(поднимаетъ чайку и глядитъ на нее).*

Треплевъ *(послѣ паузы).* Скоро такимъ же образомъ я убью самого себя.

Нина. Я васъ не узнаю.

Треплевъ. Да, послѣ того, какъ я пересталъ узнавать васъ. Вы измѣнились ко мнѣ, вашъ взглядъ холоденъ, мое присутствіе стѣсняетъ васъ.

Нина. Въ послѣднее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вотъ эта чайка тоже, повидимому, символъ, но, простите, я не понимаю... *(кладетъ чайку на скамью).* Я слишкомъ проста, чтобы понимать васъ.

Треплевъ. Это началось съ того вечера, когда такъ глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощаютъ неуспѣха. Я все сжегъ, все до послѣдняго клочка. Если бы вы знали, какъ я несчастливъ! Ваше охлажденіе страшно, невѣроятно, точно я проснулся и вижу вотъ, будто это озеро вдругъ высохло, или утекло въ землю. Вы только-что сказали, что вы слишкомъ просты, чтобы понимать меня. О, что тутъ понимать?! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновеніе; уже считаете меня заурядnымъ, ничтожнымъ, какихъ много... *(топнувъ ногой).* Какъ это я хорошо понимаю, какъ понимаю! У меня въ мозгу точно гвоздь, будь онъ проклятъ вмѣстѣ съ моимъ слабоуміемъ, которое сосетъ мою кровь, сосетъ, какъ змѣя... *(увидѣвъ Тригорина, который идетъ, читая книжку).* Вотъ идетъ истинный талантъ; ступаетъ, какъ Гамлетъ, и тоже съ книжкой *(дразнитъ).* «Слова, слова, слова»... Это солнце еще не подошло къ вамъ, а вы уже улыбаетесь, взглядъ вашъ растаялъ въ его лучахъ. Не стану мѣшать вамъ *(уходитъ быстро).*

Тригоринъ *(записывая въ книжку).* Нюхаетъ табакъ и пьетъ водку... Всегда въ черномъ. Ее любитъ учитель...

Нина. Здравствуйте, Борисъ Алексѣевичъ!

Тригоринъ. Здравствуйте. Обстоятельства неожиданно сложились такъ, что, кажется, мы сегодня уѣзжаемъ. Мы съ вами едва ли еще увидимся когда-нибудь. А жаль. Мнѣ приходится не часто встрѣчать молодыхъ дѣвушекъ, молодыхъ и интересныхъ, я уже забылъ и не могу себѣ ясно представить, какъ чувствуютъ себя въ 18—19 лѣтъ, и потому у меня въ повѣстяхъ и разсказахъ молодыя дѣвушки обыкновенно фальшивы. Я бы вотъ хотѣлъ хоть одинъ часъ побывать на вашемъ мѣстѣ, чтобы узнать, какъ вы думаете, и вообще, что вы за штучка.

Нина. А я хотѣла бы побывать на вашемъ мѣстѣ.

Тригоринъ. Зачѣмъ?

Нина. Чтобы узнать, какъ чувствуетъ себя извѣстный талантливый писатель. Какъ чувствуется извѣстность? Какъ вы ощущаете то, что вы извѣстны?

Тригоринъ. Какъ? Должно-быть, никакъ. Объ этомъ я никогда не думалъ *(подумавъ)*. Что-нибудь изъ двухъ: или вы преувеличиваете мою извѣстность, или же вообще она никакъ не ощущается.

Нина. А если читаете про себя въ газетахъ?

Тригоринъ. Когда хвалятъ, пріятно, а когда бранятъ, то потомъ два дня чувствуешь себя не въ духѣ.

Нина. Чудный міръ! Какъ я завидую вамъ, если бы вы знали! Жребій людей различенъ. Одни едва влачатъ свое скучное, незамѣтное существованіе, всѣ похожіе другъ на друга, всѣ несчастные; другимъ же, какъ, напримѣръ, вамъ,—вы одинъ изъ милліона,—выпала на долю жизнь интересная, свѣтлая, полная значенія... Вы счастливы...

Тригоринъ. Я? *(пожимая плечами)*. Гм... Вы вотъ говорите объ извѣстности, о счастьѣ, о какой-то свѣтлой, интересной жизни, а для меня всѣ эти хорошія слова, простите, все равно, что мармеладъ, котораго я никогда не ѣмъ. Вы очень молоды и очень добры.

Нина. Ваша жизнь прекрасна!

Тригоринъ. Что же въ ней особенно хорошаго? *(смотритъ на часы)*. Я долженъ сейчасъ идти и писать. Извините, мнѣ некогда... *(смѣется)*. Вы, какъ говорится, наступили на мою самую любимую мозоль, и вотъ я начинаю волноваться и немного сердиться. Впрочемъ, давайте говорить. Будемъ говорить о моей прекрасной, свѣтлой жизни... Ну-съ, съ чего начнемъ? *(подумавъ немного)*. Бываютъ насиль-

ственныя представленія, когда человѣкъ день и ночь думаетъ, напримѣръ, все о лунѣ, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолѣваетъ меня одна неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ... Едва кончилъ повѣсть, какъ уже почему-то долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей четвертую... Пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, и иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вотъ я съ вами, я волнуюсь, а между тѣмъ каждое мгновеніе помню, что меня ждетъ неоконченная повѣсть. Вижу вотъ облако, похожее на рояль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ-нибудь въ разсказѣ, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнетъ геліотропомъ. Скорѣе мотаю на-усъ: приторный запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера. Ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось, пригодится! Когда кончаю работу, бѣгу въ театръ или удить рыбу; тутъ бы и отдохнуть, забыться, анъ — нѣтъ, въ головѣ уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжетъ, и уже тянетъ къ столу, и надо спѣшить опять писать и писать. И такъ всегда, всегда, и нѣтъ мнѣ покоя отъ самого себя, и я чувствую, что съѣдаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то въ пространство, я обираю пыль съ лучшихъ своихъ цвѣтовъ, рву самые цвѣты и топчу ихъ корни. Развѣ я не сумасшедшій? Развѣ мои близкіе и знакомые держатъ себя со мною, какъ со здоровымъ? «Что пописываете? Чѣмъ насъ подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мнѣ кажется, что это вниманіе знакомыхъ, похвалы, восхищеніе, — все это обманъ, меня обманываютъ, какъ больного, и я иногда боюсь, что, вотъ-вотъ, подкрадутся ко мнѣ сзади, схватятъ и повезутъ, какъ Поприщина, въ сумасшедшій домъ. А въ тѣ годы, въ молодые, лучшіе годы, когда я начиналъ, мое писательство было одимъ сплошнымъ мученіемъ. Маленькій писатель, особенно когда ему не везетъ, кажется себѣ неуклюжимъ, неловкимъ, лишнимъ, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродитъ онъ около людей, причастныхъ къ литературѣ и къ искусству, непризнанный, никѣмъ не замѣчаемый, боясь прямо и смѣло глядѣть въ глаза, точно страстный игрокъ, у котораго нѣтъ денегъ.

Я не видѣлъ своего читателя, но почему-то въ моемъ воображеніи онъ представлялся мнѣ недружелюбнымъ, недовѣрчивымъ. Я боялся публики, она была страшна мнѣ, и когда мнѣ приходилось ставить свою новую пьесу, то мнѣ казалось всякій разъ, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны. О, какъ это ужасно! Какое это было мученіе!

Нина. Позвольте, но развѣ вдохновеніе и самый процессъ творчества не даютъ вамъ высокихъ, счастливыхъ минутъ?

Тригоринъ. Да. Когда пишу, пріятно. И корректуру читать пріятно, но... едва вышло изъ печати, какъ я не выношу, и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не слѣдовало бы писать вовсе, и мнѣ досадно, на душѣ дрянно... *(смѣясь).* А публика читаетъ: «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого», или: «Прекрасная вещь, но «Отцы и дѣти» Тургенева лучше». И такъ до гробовой доски все будетъ только мило и талантливо, мило и талантливо — больше ничего, а какъ умру, знакомые, проходя мимо могилы, будутъ говорить: «Здѣсь лежитъ Тригоринъ. Хорошій былъ писатель, но онъ писалъ хуже Тургенева».

Нина. Простите, я отказываюсь понимать васъ. Вы просто избалованы успѣхомъ.

Тригоринъ. Какимъ успѣхомъ? Я никогда не нравился себѣ. Я не люблю себя, какъ писателя. Хуже всего, что я въ какомъ-то чаду и часто не понимаю, что̀ я пишу... Я люблю вотъ эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждаетъ во мнѣ страсть, непреодолимое желаніе писать. Но вѣдь я не пейзажистъ только, я вѣдь еще гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если я писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, говорить о наукѣ, о правахъ человѣка и проч. и проч., и я говорю обо всемъ, тороплюсь, меня со всѣхъ сторонъ подгоняютъ, сердятся, я мечусь изъ стороны въ сторону, какъ лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходятъ впередъ и впередъ, а я все отстаю и отстаю, какъ мужикъ, опоздавшій на поѣздъ, и, въ концѣ-концовъ чувствую, что я умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я фальшивъ и фальшивъ до мозга костей.

Нина. Вы заработались и у васъ нѣтъ времени и охоты сознать свое значеніе. Пусть вы недовольны собою, но для другихъ вы велики и прекрасны! Если бы я была такимъ писателемъ, какъ вы, то я отдала бы толпѣ всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ея только въ томъ, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колесницѣ.

Тригоринъ. Ну, на колесницѣ... Агамемнонъ я, что ли? *(оба улыбнулись).*

Нина. За такое счастье, какъ быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близкихъ, нужду, разочарованіе, я жила бы подъ крышей и ѣла бы только ржаной хлѣбъ, страдала бы отъ недовольства собою, отъ сознанія своихъ несовершенствъ, но за то бы ужъ я потребовала славы... настоящей, шумной славы... *(закрываетъ лицо руками).* Голова кружится... Уфъ!..

Голосъ Аркадиной *(изъ дому).* Борисъ Алексѣевичъ!

Тригоринъ. Меня зовутъ... Должно-быть, укладываться. А не хочется уѣзжать *(оглядывается на озеро).* Ишь вѣдь, какая благодать!.. Хорошо!

Нина. Видите на томъ берегу домъ и садъ?

Тригоринъ. Да.

Нина. Это усадьба моей покойной матери. Я тамъ родилась. Я всю жизнь провела около этого озера и знаю на немъ каждый островокъ.

Тригоринъ. Хорошо у васъ тутъ! *(увидѣвъ чайку).* А это что?

Нина. Чайка. Константинъ Гаврилычъ убилъ.

Тригоринъ. Красивая птица. Право, не хочется уѣзжать. Вотъ уговорите-ка Ирину Николаевну, чтобы она осталась *(записываетъ въ книжку).*

Нина. Что это вы пишете?

Тригоринъ. Такъ, записываю... Сюжетъ мелькнулъ... *(пряча книжку).* Сюжетъ для небольшого разсказа: на берегу озера съ дѣтства живетъ молодая дѣвушка, такая, какъ вы; любитъ озеро, какъ чайка, и счастлива, и свободна, какъ чайка. Но случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ ее, какъ вотъ эту чайку.

(Пауза).

(Въ окнѣ показывается Аркадина).

Аркадина. Борисъ Алексѣевичъ, гдѣ вы?

Тригоринъ. Сейчасъ! *(идетъ и оглядывается на Нину; у окна, Аркадиной).* Что?

Аркадина. Мы остаемся.

(Тригоринъ уходитъ въ домъ).

Нина *(подходитъ къ рампѣ; послѣ нѣкотораго раздумья).* Сонъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая въ домѣ Сорина. Направо и налѣво двери. Буфетъ. Шкапъ съ лѣкарствами. Посреди комнаты столъ. Чемоданъ и картонки; замѣтны приготовленія къ отъѣзду. Тригоринъ завтракаетъ, Маша стоитъ у стола.

Маша. Все это я разсказываю вамъ, какъ писателю. Можете воспользоваться. Я вамъ по совѣсти: если бы онъ ранилъ себя серьезно, то я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вотъ взяла и рѣшила: вырву эту любовь изъ своего сердца, съ корнемъ вырву.

Тригоринъ. Какимъ же образомъ?

Маша. Замужъ выхожу. За Медвѣденка.

Тригоринъ. Это за учителя?

Маша. Да.

Тригоринъ. Не понимаю, какая надобность.

Маша. Любить безнадежно, цѣлые годы все ждать чего-то... А какъ выйду замужъ, будетъ уже не до любви, новыя заботы заглушатъ все старое. И все-таки, знаете ли, перемѣна. Не повторить ли намъ?

Тригоринъ. А не много ли будетъ?

Маша. Ну, вотъ! *(наливаетъ по рюмкѣ).* Вы не смотрите на меня такъ. Женщины пьютъ чаще, чѣмъ вы думаете. Меньшинство пьетъ открыто, какъ я, а большинство тайно. Да. И все водку или коньякъ *(чокается).* Желаю вамъ! Вы человѣкъ простой, жалко съ вами разставаться *(пьютъ).*

Тригоринъ. Мнѣ самому не хочется уѣзжать.

Маша. А вы попросите, чтобы она осталась.

Тригоринъ. Нѣтъ, теперь не останется. Сынъ ведетъ себя крайне безтактно. То стрѣлялся, а теперь, говорятъ, собирается меня на дуэль вызвать. А чего ради? Дуется, фыр-

кает, проповѣдует новыя формы... Но вѣдь всѣм хватит мѣста, и новым и старым,—зачѣм толкаться?

Маша. Ну, и ревность. Впрочем, это не мое дѣло.

(Пауза. Яковъ проходитъ слѣва направо съ чемоданомъ; входитъ Нина и останавливается у окна).

Маша. Мой учитель не очень-то уменъ, но добрый человѣкъ и бѣднякъ, и меня сильно любитъ. Его жалко. И его мать старушку жалко. Ну-съ, позвольте пожелать вамъ всего хорошаго. Не поминайте лихомъ *(крѣпко пожимаетъ руку)*. Очень вамъ благодарна за ваше доброе расположеніе. Пришлите же мнѣ ваши книжки, непремѣнно съ автографомъ. Только не пишите «многоуважаемой», а просто такъ: «Марьѣ, родства не помнящей, неизвѣстно для чего живущей на этомъ свѣтѣ». Прощайте! *(уходитъ)*.

Нина *(протягивая въ сторону Тригорина руку, сжатую въ кулакъ)*. Чётъ или нечетъ?

Тригоринъ. Чётъ.

Нина *(вздохнувъ)*. Нѣтъ. У меня въ рукѣ только одна горошина. Я загадала: идти мнѣ въ актрисы или нѣтъ? Хоть бы посовѣтовалъ кто.

Тригоринъ. Тутъ совѣтовать нельзя *(пауза)*.

Нина. Мы разстаемся и... пожалуй, болѣе уже не увидимся. Я прошу васъ принять отъ меня на память вотъ этотъ маленькій медальонъ. Я приказала вырѣзать ваши иниціалы... а съ этой стороны названіе вашей книжки: «Дни и ночи».

Тригоринъ. Какъ граціозно! *(цѣлуетъ медальонъ)*. Прелестный подарокъ!

Нина. Иногда вспоминайте обо мнѣ.

Тригоринъ. Я буду вспоминать. Я буду вспоминать васъ, какою вы были въ тотъ ясный день — помните? — недѣлю назадъ, когда вы были въ свѣтломъ платьѣ... мы разговаривали... еще тогда на скамьѣ лежала бѣлая чайка.

Нина *(задумчиво)*. Да, чайка... *(пауза)*. Больше намъ говорить нельзя, сюда идутъ... Передъ отъѣздомъ дайте мнѣ двѣ минуты, умоляю васъ... *(уходитъ влѣво; одновременно выходятъ справа Аркадина, Соринъ во фракѣ со звѣздой, потомъ Яковъ, озабоченный укладкой)*.

Аркадина. Оставайся-ка, старикъ, дома. Тебѣ ли съ твоимъ ревматизмомъ разъѣзжать по гостямъ? *(Тригорину)*. Это кто сейчасъ вышелъ? Нина?

Тригоринъ. Да.

Аркадина. Pardon, мы помѣшали... *(садится)*. Кажется, все уложила. Замучилась.

Тригоринъ *(читаетъ на медальонѣ)*. «Дни и ночи», страница 121, строки 11 и 12.

Яковъ *(убирая со стола)*. Удочки тоже прикажете уложить?

Тригоринъ. Да, онѣ мнѣ еще понадобятся. А книги отдай кому-нибудь.

Яковъ. Слушаю.

Тригоринъ *(про себя)*. Страница 121, строки 11 и 12. Что же въ этихъ строкахъ? *(Аркадиной)*. Тутъ въ домѣ есть мои книжки?

Аркадина. У брата въ кабинетѣ, въ угловомъ шкапу.

Тригоринъ. Страница 121... *(уходитъ)*.

Аркадина. Право, Петруша, остался бы дома...

Соринъ. Вы уѣзжаете, безъ васъ мнѣ будетъ тяжело дома.

Аркадина. А въ городѣ что же?

Соринъ. Особеннаго ничего, но все же *(смѣется)*. Будетъ закладка земскаго дома и все такое... Хочется хоть на часъ-другой воспрянуть отъ этой пискариной жизни, а то очень ужъ я залежался, точно старый мундштукъ. Я приказалъ подавать лошадей къ часу, въ одно время и выѣдемъ.

Аркадина *(послѣ паузы)*. Ну, живи тутъ, не скучай, не простуживайся. Наблюдай за сыномъ. Береги его. Наставляй. *(пауза)*. Вотъ уѣду, такъ и не буду знать, отчего стрѣлялся Константинъ. Мнѣ кажется, главной причиной была ревность, и чѣмъ скорѣе я увезу отсюда Тригорина, тѣмъ лучше.

Соринъ. Какъ тебѣ сказать? Были и другія причины. Понятная вещь, человѣкъ молодой, умный, живетъ въ деревнѣ, въ глуши, безъ денегъ, безъ положенія, безъ будущаго. Никакихъ занятій. Стыдится и боится своей праздности. Я его чрезвычайно люблю, и онъ ко мнѣ привязанъ, но все же, въ концѣ-концовъ, ему кажется, что онъ лишній въ домѣ, что онъ тутъ нахлѣбникъ, приживалъ. Понятная вещь, самолюбіе...

Аркадина. Горе мнѣ съ нимъ! *(въ раздумьѣ)*. Поступить бы ему на службу, что ли...

Соринъ *(насвистываетъ, потомъ нерѣшительно)*. Мнѣ

кажется, было бы самое лучшее, если бы ты... дала ему немного денегъ. Прежде всего ему нужно одѣться по-человѣчески и все. Посмотри, одинъ и тотъ же сюртучишко онъ таскаетъ три года, ходитъ безъ пальто... *(смѣется)*. Да и погулять малому не мѣшало бы... Поѣхать за границу, что ли... Это вѣдь не дорого стоитъ.

Аркадина. Все-таки... Пожалуй, на костюмъ я еще могу, но чтобъ за границу... Нѣтъ, въ настоящее время и на костюмъ не могу *(рѣшительно)*. Нѣтъ у меня денегъ!

(Соринъ смѣется).

Аркадина. Нѣтъ!

Соринъ *(насвистываетъ)*. Такъ-съ. Прости, милая, не сердись. Я тебѣ вѣрю... Ты великодушная, благородная женщина.

Аркадина *(сквозь слезы)*. Нѣтъ у меня денегъ!

Соринъ. Будь у меня деньги, понятная вещь, я бы самъ далъ ему, но у меня ничего нѣтъ, ни пятачка *(смѣется)*. Всю мою пенсію у меня забираетъ управляющій и тратитъ на земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, и деньги мои пропадаютъ даромъ. Пчелы дохнутъ, коровы дохнутъ, лошадей мнѣ никогда не даютъ...

Аркадина. Да, у меня есть деньги, но вѣдь я артистка; одни туалеты разорили совсѣмъ.

Соринъ. Ты добрая, милая... Я тебя уважаю... Да... Но опять со мною что-то того... *(пошатывается)*. Голова кружится *(держится за столъ)*. Мнѣ дурно и все.

Аркадина *(испуганно)*. Петруша! *(стараясь поддержать его)*. Петруша, дорогой мой... *(кричитъ)*. Помогите мнѣ! Помогите!..

(Входятъ Треплевъ съ повязкой на головѣ, Медвѣденко).

Аркадина. Ему дурно!

Соринъ. Ничего, ничего... *(улыбается и пьетъ воду)*. Уже прошло... и все...

Треплевъ *(матери)*. Не пугайся, мама, это не опасно. Съ дядей теперь это часто бываетъ *(дядѣ)*. Тебѣ, дядя, надо полежать.

Соринъ. Немножко, да... А все-таки въ городъ я поѣду... Полежу и поѣду... понятная вещь... *(идетъ, опираясь на трость)*.

Медвѣденко *(ведетъ его подъ руку)*. Есть загадка: утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ...

Соринъ *(смѣется)*. Именно. А ночью на спинѣ. Благодарю васъ, я самъ могу идти...

Медвѣденко. Ну, вотъ, церемоніи!.. *(онъ и Сорин*ъ *уходятъ)*.

Аркадина. Какъ онъ меня напугалъ!

Треплевъ. Ему нездорово жить въ деревнѣ. Тоскуетъ. Вотъ если бы ты, мама, вдругъ расщедрилась и дала ему взаймы тысячи полторы-двѣ, то онъ могъ бы прожить въ городѣ цѣлый годъ.

Аркадина. У меня нѣтъ денегъ. Я актриса, а не банкирша.

(Пауза).

Треплевъ. Мама, перемѣни мнѣ повязку. Ты это хорошо дѣлаешь.

Аркадина *(достаетъ изъ аптечнаго шкапа іодоформъ и ящикъ съ перевязочнымъ матеріаломъ)*. А докторъ опоздалъ.

Треплевъ. Обѣщалъ быть къ десяти, а уже полдень.

Аркадина. Садись *(снимаетъ у него съ головы повязку)*. Ты какъ въ чалмѣ. Вчера одинъ пріѣзжій спрашивалъ на кухнѣ, какой ты національности. А у тебя почти совсѣмъ зажило. Остались самые пустяки *(цѣлуетъ его въ голову)*. А ты безъ меня опять не сдѣлаешь чикъ-чикъ?

Треплевъ. Нѣтъ, мама. То была минута безумнаго отчаянія, когда я не могъ владѣть собою. Больше это не повторится *(цѣлуетъ ей руку)*. У тебя золотыя руки. Помню, очень давно, когда ты еще служила на казенной сценѣ,— я тогда былъ маленькимъ,— у насъ во дворѣ была драка, сильно побили жилицу-прачку. Помнишь? Ее подняли безъ чувствъ... ты все ходила къ ней, носила лѣкарства, мыла въ корытѣ ея дѣтей. Неужели не помнишь?

Аркадина. Нѣтъ *(накладываетъ новую повязку)*.

Треплевъ. Двѣ балерины жили тогда въ томъ же домѣ, гдѣ мы... Ходили къ тебѣ кофе пить...

Аркадина. Это помню.

Треплевъ. Богомольныя онѣ такія были *(пауза)*. Въ послѣднее время, вотъ въ эти дни, я люблю тебя такъ же нѣжно и беззавѣтно, какъ въ дѣтствѣ. Кромѣ тебя, теперь у меня никого не осталось. Только зачѣмъ, зачѣмъ ты поддаешься вліянію этого человѣка?

Аркадина. Ты не понимаешь его, Константинъ. Это благороднѣйшая личность...

Треплевъ. Однако, когда ему доложили, что я собираюсь вызвать его на дуэль, благородство не помѣшало ему сыграть труса. Уѣзжаетъ. Позорное бѣгство!

Аркадина. Какой вздоръ! Я сама прошу его уѣхать отсюда.

Треплевъ. Благороднѣйшая личность! Вотъ мы съ тобою почти ссоримся изъ-за него, а онъ теперь гдѣ-нибудь въ гостиной или въ саду смѣется надъ нами... развиваетъ Нину, старается окончательно убѣдить ее, что онъ геній.

Аркадина. Для тебя наслажденіе говорить мнѣ непріятности. Я уважаю этого человѣка и прошу при мнѣ не выражаться о немъ дурно.

Треплевъ. А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считалъ его геніемъ, но, прости, я лгать не умѣю, отъ его произведеній мнѣ претитъ.

Аркадина. Это зависть. Людямъ не талантливымъ, но съ претензіями, ничего больше не остается, какъ порицать настоящіе таланты. Нечего сказать, утѣшеніе!

Треплевъ *(иронически)*. Настоящіе таланты! *(гнѣвно)*. Я талантливѣе васъ всѣхъ, коли на то пошло! *(срываетъ съ головы повязку)*. Вы, рутинеры, захватили первенство въ искусствѣ и считаете законнымъ и настоящимъ лишь то, что дѣлаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я васъ! Не признаю ни тебя, ни его!

Аркадина. Декадентъ!..

Треплевъ. Отправляйся въ свой милый театръ и играй тамъ въ жалкихъ, бездарныхъ пьесахъ!

Аркадина. Никогда я не играла въ такихъ пьесахъ. Оставь меня! Ты и жалкаго водевиля написать не въ состояніи. Кіевскій мѣщанинъ! Приживалъ!

Треплевъ. Скряга!

Аркадина. Оборвышъ!

(Треплевъ садится и тихо плачетъ).

Аркадина. Ничтожество! *(пройдясь въ волненіи)*. Не плачь. Не нужно плакать... *(плачетъ)*. Не надо... *(цѣлуетъ его въ лобъ, въ щеки, въ голову)*. Милое мое дитя, прости... Прости свою грѣшную мать. Прости меня несчастную.

Треплевъ *(обнимаетъ ее)*. Если бы ты знала! Я все потерялъ. Она меня не любитъ, я уже не могу писать... пропали всѣ надежды...

Аркадина. Не отчаивайся... Все обойдется. Онъ сейчасъ

уѣдетъ, она опять тебя полюбитъ *(утираетъ ему слезы)*. Будетъ. Мы уже помирились.

Треплевъ *(цѣлуетъ ей руки)*. Да, мама.

Аркадина *(нѣжно)*. Помирись и съ нимъ. Не надо дуэли... Вѣдь не надо?

Треплевъ. Хорошо... Только, мама, позволь мнѣ не встрѣчаться съ нимъ. Мнѣ это тяжело... выше силъ... *(входитъ Тригоринъ)*. Вотъ... Я выйду... *(быстро убираетъ въ шкапъ лѣкарства)*. А повязку ужо докторъ сдѣлаетъ...

Тригоринъ *(ищетъ въ книжкѣ)*. Страница 121... строки 11 и 12... Вотъ... *(читаетъ)*. «Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

(Треплевъ подбираетъ съ полу повязку и уходитъ).

Аркадина *(поглядѣвъ на часы)*. Скоро лошадей подадутъ.

Тригоринъ *(про себя)*. Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее.

Аркадина. У тебя, надѣюсь, все уже уложено?

Тригоринъ *(нетерпѣливо)*. Да, да... *(въ раздумьѣ)*. Отчего въ этомъ призывѣ чистой души послышалась мнѣ печаль и мое сердце такъ болѣзненно сжалось?.. Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее *(Аркадиной)*. Останемся еще на одинъ день!

(Аркадина отрицательно качаетъ головой).

Тригоринъ. Останемся!

Аркадина. Милый, я знаю, что̀ удерживаетъ тебя здѣсь. Но имѣй надъ собою власть. Ты немного опьянѣлъ, отрезвись.

Тригоринъ. Будь ты тоже трезва, будь умна, разсудительна, умоляю тебя, взгляни на все это, какъ истинный другъ... *(жметъ ей руку)*. Ты способна на жертвы... Будь моимъ другомъ, отпусти меня...

Аркадина *(въ сильномъ волненіи)*. Ты такъ увлеченъ?

Тригоринъ. Меня манитъ къ ней! Быть-можетъ, это именно то, что̀ мнѣ нужно.

Аркадина. Любовь провинціальной дѣвочки? О, какъ ты мало себя знаешь!

Тригоринъ. Иногда люди спятъ на ходу, такъ вотъ я говорю съ тобою, а самъ будто сплю и вижу ее во снѣ... Мною овладѣли сладкія, дивныя мечты... Отпусти...

Аркадина *(дрожа)*. Нѣтъ, нѣтъ... Я обыкновенная жен-

щина, со смою нельзя говорить такъ... Не мучай меня, Борисъ... Мнѣ страшно...

Тригоринъ. Если захочешь, ты можешь быть необыкновенною. Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая въ міръ грезъ, — на землѣ только она одна можетъ дать счастье! Такой любви я не испыталъ еще... Въ молодости было некогда, я обивалъ пороги редакцій, боролся съ нуждой... Теперь вотъ она, эта любовь, пришла, наконецъ, манитъ... Какой же смыслъ бѣжать отъ нея?

Аркадина *(съ гнѣвомъ).* Ты сошелъ съ ума!

Тригоринъ. И пускай.

Аркадина. Вы всѣ сговорились сегодня мучить меня! *(плачетъ).*

Тригоринъ *(беретъ себя за голову).* Не понимаетъ! Не хочетъ понять!

Аркадина. Неужели я уже такъ стара и безобразна, что со мною можно, не стѣсняясь, говорить о другихъ женщинахъ? *(обнимаетъ его и цѣлуетъ).* О, ты обезумѣлъ! Мой прекрасный, дивный... Ты, послѣдняя страница моей жизни! *(становится на колѣни).* Моя радость, моя гордость, мое блаженство... *(обнимаетъ его колѣни).* Если ты покинешь меня, хотя на одинъ часъ, то я не переживу, сойду съ ума, мой изумительный, великолѣпный, мой повелитель...

Тригоринъ. Сюда могутъ войти *(помогаетъ ей встать).*

Аркадина. Пусть, я не стыжусь моей любви къ тебѣ *(цѣлуетъ ему руки).* Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пущу... *(смѣется).* Ты мой... ты мой... И этотъ лобъ мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои... Ты весь мой. Ты такой талантливый, умный, лучшій изъ всѣхъ теперешнихъ писателей, ты единственная надежда Россіи... У тебя столько искренности, простоты, свѣжести, здороваго юмора... Ты можешь однимъ штрихомъ передать главное, что̀ характерно для лица или пейзажа, люди у тебя, какъ живые. О, тебя нельзя читать безъ восторга! Ты думаешь, это оміамъ? Я льщу? Ну, посмотри мнѣ въ глаза... посмотри... Похожа я на лгунью? Вотъ и видишь, я одна умѣю цѣнить тебя; одна говорю тебѣ правду, мой милый, чудный... Поѣдешь? Да? Ты меня не покинешь?..

Тригоринъ. У меня нѣтъ своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный —

неужели это можетъ нравиться женщинѣ? Бери меня, увози, но только не отпускай отъ себя ни на шагъ...

Аркадина *(про себя)*: Теперь онъ мой *(развязно, какъ ни въ чемъ не бывало)*. Впрочемъ, если хочешь, можешь остаться. Я уѣду сама, а ты пріѣдешь потомъ, черезъ недѣлю. Въ самомъ дѣлѣ, куда тебѣ спѣшить?

Тригоринъ. Нѣтъ, ужъ поѣдемъ вмѣстѣ.

Аркадина. Какъ хочешь. Вмѣстѣ, такъ вмѣстѣ... *(пауза)*. *(Тригоринъ записываетъ въ книжку)*.

Аркадина. Что ты?

Тригоринъ. Утромъ слышалъ хорошее выраженіе: «Дѣвичій боръ...» Пригодится *(потягивается)*. Значитъ, ѣхать? Опять вагоны, станціи, буфеты, отбивныя котлеты, разговоры...

Шамраевъ *(входитъ)*. Имѣю честь съ прискорбіемъ заявить, что лошади поданы. Пора уже, многоуважаемая, ѣхать на станцію: поѣздъ приходитъ въ два и пять минутъ. Такъ вы же, Ирина Николаевна, сдѣлайте милость, не забудьте навести справочку: гдѣ теперь актеръ Суздальцевъ? Живъ ли? Здоровъ ли? Вмѣстѣ пивали когда-то... Въ «Ограбленной почтѣ» игралъ неподражаемо... Съ нимъ тогда, помню, въ Елисаветградѣ служилъ трагикъ Измайловъ, тоже личность замѣчательная... Не торопитесь, многоуважаемая, пять минутъ еще можно. Разъ въ одной мелодрамѣ они играли заговорщиковъ, и, когда ихъ вдругъ накрыли, то надо было сказать: «Мы попали въ западню», а Измайловъ—«Мы попали въ запендю»... *(хохочетъ)*. Запандю!.. *(пока онъ говоритъ, Яковъ хлопочетъ около чемодановъ, горничная приноситъ Аркадиной шляпу, манто, зонтикъ, перчатки; всѣ помогаютъ Аркадиной одѣться. Изъ лѣвой двери выглядываетъ поваръ, который немного погодя входитъ нерѣшительно. Входитъ Полина Андреевна, потомъ Соринъ и Медвѣденко)*.

Полина Андреевна *(съ корзиночкой)*. Вотъ вамъ сливъ на дорогу... Очень сладкія. Можетъ, захотите полакомиться...

Аркадина. Вы очень добры, Полина Андреевна.

Полина Андреевна. Прощайте, моя дорогая! Если что было не такъ, то простите *(плачетъ)*.

Аркадина *(обнимаетъ ее)*. Все было хорошо, все было хорошо. Только вотъ плакать не нужно.

Полина Андреевна. Время наше уходитъ!

Аркадина. Что же дѣлать!

Соринъ *(въ пальто съ пелериной, въ шляпѣ, съ палкой, выходитъ изъ лѣвой двери; проходя черезъ комнату).* Сестра, пора, какъ бы не опоздать, въ концѣ концовъ. Я иду садиться *(уходитъ).*

Медвѣденко. А я пойду пѣшкомъ на станцію... провожать. Я живо... *(уходитъ)*

Аркадина. До свиданья, мои дорогіе... Если будемъ живы и здоровы, лѣтомъ опять увидимся... *(горничная, Яковъ и поваръ цѣлуютъ у нея руку).* Не забывайте меня *(подаетъ повару рубль).* Вотъ вамъ рубль на троихъ.

Поваръ. Покорнѣйше благодаримъ, барыня. Счастливой вамъ дороги! Много вами довольны!

Яковъ. Дай Богъ часъ добрый!

Шамраевъ. Письмецомъ бы осчастливили! Прощайте, Борисъ Алексѣевичъ!

Аркадина. Гдѣ Константинъ? Скажите ему, что я уѣзжаю. Надо проститься. Ну, не поминайте лихомъ *(Якову).* Я дала рубль повару. Это на троихъ.

(Всѣ уходятъ вправо. Сцена пуста. За сценой шумъ, какой бываетъ, когда провожаютъ. Горничная возвращается, чтобы взять со стола корзину со сливами, и опять уходитъ).

Тригоринъ *(возвращаясь).* Я забылъ свою трость. Она, кажется, тамъ на террасѣ *(идетъ и у лѣвой двери встрѣчается съ Ниной, которая входитъ).* Это вы? Мы уѣзжаемъ...

Нина. Я чувствовала, что мы еще увидимся *(возбужденно).* Борисъ Алексѣевичъ, я рѣшила безповоротно, жребій брошенъ, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будетъ здѣсь, я ухожу отъ отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уѣзжаю, какъ и вы... въ Москву. Мы увидимся тамъ.

Тригоринъ *(оглянувшись).* Остановитесь въ «Славянскомъ Базарѣ...» Дайте мнѣ тотчасъ же знать... Молчановка, домъ Грохольскаго... Я тороплюсь... *(пауза).*

Нина. Еще одну минуту...

Тригоринъ *(вполголоса).* Вы такъ прекрасны... О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся! *(она склоняется къ нему на грудь).* Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нѣжную улыбку... эти кроткія черты,

выраженіе ангельской чистоты... Дорогая моя... *(продолжительный поцѣлуй).*

Занавѣсъ.

Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ два года.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Одна изъ гостиныхъ въ домѣ Сорина, обращенная Константиномъ Треплевымъ въ рабочій кабинетъ. Направо и налѣво двери, ведущія во внутренніе покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кромѣ обычной гостиной мебели, въ правомъ углу письменный столъ, возлѣ лѣвой двери турецкій диванъ, шкапъ съ книгами, книги на окнахъ, на стульяхъ. — Вечеръ. Горитъ одна лампа подъ колпакомъ. Полумракъ. Слышно, какъ шумятъ деревья и воетъ вѣтеръ въ трубахъ. Стучитъ сторожъ. Медвѣденко и Маша входятъ.

Маша *(окликаетъ).* Константинъ Гаврилычъ! Константинъ Гаврилычъ! *(осматриваясь).* Нѣтъ никого. Старикъ каждую минуту все спрашиваетъ, гдѣ Костя, гдѣ Костя... Жить безъ него не можетъ...

Медвѣденко. Боится одиночества *(прислушиваясь).* Какая ужасная погода! Это уже вторыя сутки.

Маша *(припускаетъ огня въ лампѣ).* На озерѣ волны. Громадныя.

Медвѣденко. Въ саду темно. Надо бы сказать, чтобы сломали въ саду тотъ театръ. Стоитъ голый, безобразный, какъ скелетъ, и занавѣсъ отъ вѣтра хлопаетъ. Когда я вчера вечеромъ проходилъ мимо, то мнѣ показалось, будто кто въ немъ плакалъ.

Маша. Ну, вотъ... *(пауза).*

Мѣдвѣденко. Поѣдемъ, Маша, домой.

Маша *(качаетъ отрицательно головой).* Я здѣсь останусь ночевать.

Медвѣденко *(умоляюще).* Маша, поѣдемъ! Нашъ ребеночекъ, небось, голоденъ.

Маша. Пустяки. Его Матрена покормитъ *(пауза).*

Медвѣденко. Жалко. Уже третью ночь безъ матери.

Маша. Скучный ты сталъ. Прежде, бывало, хоть пофилософствуешь, а теперь все ребенокъ, домой, ребенокъ, домой—и больше отъ тебя ничего не услышишь.

Медвѣденко. Поѣдемъ, Маша.

Маша. Поѣзжай самъ.

Медвѣденко. Твой отецъ не дастъ мнѣ лошади.

Маша. Дастъ. Ты попроси, онъ и дастъ.

Медвѣденко. Пожалуй, попрошу. Значитъ, ты завтра пріѣдешь?

Маша *(нюхаетъ табакъ)*. Ну, завтра. Пристalъ... *(Входятъ Треплевъ и Полина Андреевна; Треплевъ принесъ подушки и одѣяло, а Полина Андреевна постельное бѣлье; кладутъ на турецкій диванъ, затѣмъ Треплевъ идетъ къ своему столу и садится).*

Маша. Зачѣмъ это, мама?

Полина Андреевна. Петръ Николаевичъ просилъ постлать ему у Кости.

Маша. Давайте, я... *(постилаетъ постель).*

Полина Андреевна *(вздохнувъ)*. Старый, что малый... *(подходитъ къ письменному столу и, облокотившись, смотритъ въ рукопись; пауза).*

Медвѣденко. Такъ я пойду. Прощай, Маша *(цѣлуетъ у жены руку)*. Прощайте, мамаша *(хочетъ цѣловать руку у тещи)*.

Полина Андреевна *(досадливо)*. Ну! Иди съ Богомъ.

(Треплевъ молча подаетъ руку; Медвѣденко уходитъ).

Полина Андреевна *(глядя въ рукопись)*. Никто не думалъ и не гадалъ, что изъ васъ, Костя, выйдетъ настоящій писатель. А вотъ, слава Богу, и деньги стали вамъ присылать изъ журналовъ *(проводитъ рукой по его волосамъ)*. И красивый сталъ... Милый Костя, хорошій, будьте поласковѣе съ моей Машенькой!..

Маша *(постилая)*. Оставьте его, мама.

Полина Андреевна *(Треплеву)*. Она славненькая *(пауза)*. Женщинѣ, Костя, ничего не нужно, только взгляни на нее ласково. По себѣ знаю.

(Треплевъ встаетъ изъ-за стола и молча уходитъ).

Маша. Вотъ и разсердили. Надо было приставать!

Полина Андреевна. Жалко мнѣ тебя, Машенька.

Маша. Очень нужно!

Полина Андреевна. Сердце мое за тебя переболѣло. Я вѣдь все вижу, все понимаю.

Маша. Все глупости. Безнадежная любовь — это только въ романахъ. Пустяки. Не нужно только распускать себя и все чего-то ждать, ждать у моря погоды... Разъ въ сердцѣ

завелась любовь, надо ее вонъ. Вотъ обѣщали перевести мужа въ другой уѣздъ. Какъ переѣдемъ туда,—все забуду... съ корнемъ изъ сердца вырву.

(Черезъ двѣ комнаты играютъ меланхолическій вальсъ).

Полина Андреевна. Костя играетъ. Значитъ, тоскуетъ.

Маша *(дѣлаетъ безшумно два-три тура вальса).* Главное, мама, передъ глазами не видѣть. Только бы дали моему Семену переводъ, а тамъ, повѣрьте, въ одинъ мѣсяцъ забуду. Пустяки все это.

(Открывается лѣвая дверь, Дорнъ и Медвѣденко катятъ въ креслѣ Сорина).

Медвѣденко. У меня теперь въ домѣ шестеро. А мука̀ семь гривенъ пудъ.

Дорнъ. Вотъ тутъ и вертись.

Медвѣденко. Вамъ хорошо смѣяться. Денегъ у васъ куры не клюютъ.

Дорнъ. Денегъ? За тридцать лѣтъ практики, мой другъ, безпокойной практики, когда я не принадлежалъ себѣ ни днемъ, ни ночью, мнѣ удалось скопить только двѣ тысячи, да и тѣ я прожилъ недавно за границей. У меня ничего нѣтъ.

Маша *(мужу).* Ты не уѣхалъ?

Медвѣденко *(виновато).* Что-жъ? Когда не даютъ лошади!

Маша *(съ горькой досадой, вполголоса).* Глаза бы мои тебя не видѣли!

(Кресло останавливается въ лѣвой половинѣ комнаты; Полина Андреевна, Маша и Дорнъ садятся возлѣ. Медвѣденко, опечаленный, отходитъ въ сторону).

Дорнъ. Сколько у васъ перемѣнъ, однако! Изъ гостиной сдѣлали кабинетъ.

Маша. Здѣсь Константину Гаврилычу удобнѣе работать. Онъ можетъ, когда угодно, выходить въ садъ и тамъ думать.

(Стучитъ сторожъ).

Сринъ. Гдѣ сестра?

Дорнъ. Поѣхала на станцію встрѣчать Тригорина. Сейчасъ вернется.

Сринъ. Если вы нашли нужнымъ выписать сюда сестру, значитъ, я опасно боленъ *(помолчавъ)*. Вотъ исторія, я опасно боленъ, а между тѣмъ мнѣ не даютъ никакихъ лѣкарствъ.

Дорнъ. А чего вы хотите? Валеріановыхъ капель? Соды? Хины?

Соринъ. Ну, начинается философія. О, что за наказаніе! *(кивнувъ головой на диванъ).* Это для меня постлано?

Полина Андреевна. Для васъ, Петръ Николаевичъ.

Соринъ. Благодарю васъ.

Дорнъ *(напѣваетъ).* «Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ»...

Соринъ. Вотъ хочу дать Костѣ сюжетъ для повѣсти. Она должна называться такъ: «Человѣкъ, который хотѣлъ». «L'homme qui a voulu». Въ молодости когда-то хотѣлъ я сдѣлаться литераторомъ — и не сдѣлался; хотѣлъ красиво говорить—и говорилъ отвратительно *(дразнитъ себя):* «и все и все такое, того, не того»... и, бывало, резюме везешь, везешь, даже въ потъ ударитъ; хотѣлъ жениться—и не женился; хотѣлъ всегда жить въ городѣ — и вотъ кончаю свою жизнь въ деревнѣ и все.

Дорнъ. Хотѣлъ стать дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ—и сталъ.

Соринъ *(смѣется).* Къ этому я не стремился. Это вышло само собою.

Дорнъ. Выражать недовольство жизнью въ шестьдесятъ два года, согласитесь,—это не великодушно.

Соринъ. Какой упрямецъ. Поймите, жить хочется!

Дорнъ. Это легкомысліе. По законамъ природы всякая жизнь должна имѣть конецъ.

Соринъ. Вы разсуждаете, какъ сытый человѣкъ. Вы сыты и потому равнодушны къ жизни, вамъ все равно. Но умирать и вамъ будетъ страшно.

Дорнъ. Страхъ смерти—животный страхъ... Надо подавлять его. Сознательно боятся смерти только вѣрующіе въ вѣчную жизнь, которымъ страшно бываетъ своихъ грѣховъ. А вы, во-первыхъ, невѣрующій, во-вторыхъ—какіе у васъ грѣхи? Вы 25 лѣтъ прослужили по судебному вѣдомству—только всего.

Соринъ *(смѣется).* 28...

(Входитъ Треплевъ и садится на скамеечкѣ у ногъ Сорина. Маша все время не отрываетъ отъ него глазъ).

Дорнъ. Мы мѣшаемъ Константину Гавриловичу работать.

Треплевъ. Нѣтъ, ничего.

(Пауза).

Медвѣденко. Позвольте васъ спросить, докторъ, какой городъ за границей вамъ больше понравился?

Дорнъ. Генуя.

Треплевъ. Почему Генуя?

Дорнъ. Тамъ превосходная уличная толпа. Когда вечеромъ выходишь изъ отеля, то вся улица бываетъ запружена народомъ. Движешься потомъ въ толпѣ безъ всякой цѣли, туда-сюда, по ломанной линіи, живешь съ нею вмѣстѣ, сливаешься съ нею психически и начинаешь вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ возможна одна міровая душа, въ родѣ той, которую когда-то въ вашей пьесѣ играла Нина Зарѣчная. Кстати, гдѣ теперь Зарѣчная? Гдѣ она и какъ?

Треплевъ. Должно-быть, здорова.

Дорнъ. Мнѣ говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь. Въ чемъ дѣло?

Треплевъ. Это, докторъ, длинная исторія.

Дорнъ. А вы покороче (*пауза*).

Треплевъ. Она убѣжала изъ дому и сошлась съ Тригоринымъ. Это вамъ извѣстно?

Дорнъ. Знаю.

Треплевъ. Былъ у нея ребенокъ. Ребенокъ умеръ. Тригоринъ разлюбилъ ее и вернулся къ своимъ прежнимъ привязанностямъ, какъ и слѣдовало ожидать. Впрочемъ, онъ никогда не покидалъ прежнихъ, а, по безхарактерности, какъ-то ухитрился и тутъ и тамъ. Насколько я могъ понять изъ того, что мнѣ извѣстно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Дорнъ. А сцена?

Треплевъ. Кажется, еще хуже. Дебютировала она подъ Москвой въ дачномъ театрѣ, потомъ уѣхала въ провинцію. Тогда я не упускалъ ея изъ виду и нѣкоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большія роли, но играла грубо, безвкусно, съ завываніями, съ рѣзкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты.

Дорнъ. Значитъ, все-таки есть талантъ?

Треплевъ. Понять было трудно. Должно-быть, есть. Я ее видѣлъ, но она не хотѣла меня видѣть, и прислуга не пускала меня къ ней въ номеръ. Я понималъ ея настроеніе и не настаивалъ на свиданіи (*пауза*). Что же вамъ еще сказать? Потомъ я, когда уже вернулся домой, получалъ отъ нея письма. Письма умныя, теплыя, интересныя; она не жаловалась, но я чувствовалъ, что она глубоко несчастна;

что ни строчка, то больной, натянутый нервъ. И воображеніе немного разстроено. Она подписывалась Чайкой. Въ «Русалкѣ» мельникъ говоритъ, что онъ воронъ, такъ она въ письмахъ все повторяла, что она чайка. Теперь она здѣсь.

Дорнъ. То-есть какъ, здѣсь?

Треплевъ. Въ городѣ, на постояломъ дворѣ. Уже дней пять, какъ живетъ тамъ въ номерѣ. Я-было поѣхалъ къ ней, и вотъ Марья Ильинишна ѣздила, но она никого не принимаетъ. Семенъ Семеновичъ увѣряетъ, будто вчера послѣ обѣда видѣлъ ее въ полѣ, въ двухъ верстахъ отсюда.

Медвѣденко. Да, я видѣлъ. Шла въ ту сторону, къ городу. Я поклонился, спросилъ, отчего не идетъ къ намъ въ гости. Она сказала, что придетъ.

Треплевъ. Не придетъ она *(пауза)*. Отецъ и мачеха не хотятъ ее знать. Вездѣ разставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее къ усадьбѣ *(отходитъ съ докторомъ къ письменному столу)*. Какъ легко, докторъ, быть философомъ на бумагѣ, и какъ это трудно на дѣлѣ!

Соринъ. Прелестная была дѣвушка.

Дорнъ. Что-съ?

Соринъ. Прелестная, говорю, была дѣвушка. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Соринъ былъ даже въ нее влюбленъ нѣкоторое время.

Дорнъ. Старый ловеласъ.

(Слышенъ смѣхъ Шамраева).

Полина Андреевна. Кажется, наши пріѣхали со станціи...

Треплевъ. Да, я слышу маму.

(Входитъ Аркадина, Тригоринъ, за ними Шамраевъ).

Шамраевъ *(входя)*. Мы всѣ старѣемъ, вывѣтриваемся, подъ вліяніемъ стихій, а вы, многоуважаемая, все еще молоды... Свѣтлая кофточка, живость... грація...

Аркадина. Вы опять хотите сглазить меня, скучный человѣкъ.

Тригоринъ *(Сорину)*. Здравствуйте, Петръ Николаевичъ! Что это вы все хвораете? Не хорошо! *(увидавъ Машу, радостно)*. Марья Ильинична!

Маша. Узнали? *(жметъ ему руку)*.

Тригоринъ. Замужемъ?

Маша. Давно.

Тригоринъ. Счастливы? *(раскланивается съ Дорномъ и съ Медвѣденкомъ, потомъ нерѣшительно подходитъ къ Тре-*

плеву). Ирина Николаевна говорила, что вы уже забыли старое и перестали гнѣваться.

(Треплевъ протягиваетъ ему руку).

Аркадина *(сыну).* Вотъ Борисъ Алексѣевичъ привезъ журналъ съ твоимъ новымъ разсказомъ.

Треплевъ *(принимая книгу, Тригорину).* Благодарю васъ. Вы очень любезны *(садятся).*

Тригоринъ. Вамъ шлютъ поклонъ ваши почитатели... Въ Петербургѣ и въ Москвѣ вообще заинтересованы вами и меня все спрашиваютъ про васъ. Спрашиваютъ: какой онъ, сколько лѣтъ, брюнетъ или блондинъ. Думаютъ все почему-то, что вы уже не молоды. И никто не знаетъ вашей настоящей фамиліи, такъ какъ вы печатаетесь подъ псевдонимомъ. Вы таинственны, какъ Желѣзная маска.

Треплевъ. Надолго къ намъ?

Тригоринъ. Нѣтъ, завтра же думаю въ Москву. Надо. Тороплюсь кончить повѣсть, и затѣмъ еще обѣщалъ дать что-нибудь въ сборникъ. Однимъ словомъ—старая исторія.

(Пока они разговариваютъ, Аркадина и Полина Андреевна ставятъ среди комнаты ломберный столъ и раскрываютъ его; Шамраевъ зажигаетъ свѣчи, ставитъ стулья. Достаютъ изъ шкапа лото).

Тригоринъ. Погода встрѣтила меня неласково. Вѣтеръ жестокій. Завтра утромъ, если утихнетъ, отправлюсь на озеро удить рыбу. Кстати надо осмотрѣть садъ и то мѣсто, гдѣ—помните?—играли вашу пьесу. У меня созрѣлъ мотивъ, надо только возобновить въ памяти мѣсто дѣйствія.

Маша *(отцу).* Папа, позволь мужу взять лошадь! Ему нужно домой.

Шамраевъ *(дразнитъ).* Лошадь... домой... *(строго).* Сама видѣла: сейчасъ посылали на станцію. Не гонять же опять.

Маша. Но вѣдь есть другія лошади... *(видя, что отецъ молчитъ, машетъ рукой).* Съ вами связываться...

Медвѣденко. Я, Маша, пѣшкомъ пойду. Право...

Полина Андреевна *(вздохнувъ).* Пѣшкомъ, въ такую погоду... *(садится за ломберный столъ).* Пожалуйте, господа.

Медвѣденко. Вѣдь всего только шесть верстъ... Прощай... *(цѣлуетъ жену руку).* Прощайте, мамаша *(тещa нехотя протягиваетъ ему для поцѣлуя руку).* Я бы никого не безпокоилъ, но ребеночекъ... *(кланяется всѣмъ).* Прощайте... *(уходитъ; походка виноватая).*

Шамраевъ. Небось, дойдетъ. Не генералъ.

Полина Андреевна *(стучитъ по столу)*. Пожалуйте, господа. Не будемъ терять времени, а то скоро ужинать позовутъ.

(Шамраевъ, Маша и Дорнъ садятся за столъ).

Аркадина *(Тригорину)*. Когда наступаютъ длинные осенніе вечера, здѣсь играютъ въ лото. Вотъ взгляните: старинное лото, въ которое еще играла съ нами покойная мать, когда мы были дѣтьми. Не хотите ли до ужина сыграть съ нами партію? *(садится съ Тригоринымъ за столъ)*. Игра скучная, но если привыкнуть къ ней, то ничего *(сдаетъ всѣмъ по три карты)*.

Треплевъ *(перелистывая журналъ)*. Свою повѣсть прочелъ, а моей даже не разрѣзалъ *(кладетъ журналъ на письменный столъ, потомъ направляется къ лѣвой двери; проходя мимо матери, цѣлуетъ ее въ голову)*.

Аркадина. А ты, Костя?

Треплевъ. Прости, что-то не хочется... Я пройдусь *(уходитъ)*.

Аркадина. Ставка—гривенникъ. Поставьте за меня, докторъ.

Дорнъ. Слушаю-съ.

Маша. Всѣ поставили? Я начинаю... Двадцать два!

Аркадина. Есть.

Маша. Три!..

Дорнъ. Такъ-съ.

Маша. Поставили три? Восемь! Восемьдесятъ одинъ! Десять!

Шамраевъ. Не спѣши.

Аркадина. Какъ меня въ Харьковѣ принимали, батюшки мои, до сихъ поръ голова кружится!

Маша. Тридцать четыре!

(За сценой играютъ меланхолическій вальсъ).

Аркадина. Студенты овацію устроили... Три корзины, два вѣнка и вотъ... *(снимаетъ съ груди брошь и бросаетъ на столъ)*...

Шамраевъ. Да, это вещь...

Маша. Пятьдесятъ!..

Дорнъ. Ровно пятьдесятъ?

Аркадина. На мнѣ былъ удивительный туалетъ... Что-что, а ужъ одѣться я не дура.

Полина Андреевна. Костя играетъ. Тоскуетъ, бѣдный.

Шамраевъ. Въ газетахъ бранятъ его очень.

Маша. Семьдесятъ семь!

Аркадина. Охота обращать вниманіе.

Тригоринъ. Ему не везетъ. Все никакъ не можетъ попасть

въ свой настоящій тонъ. Что-то странное, неопредѣленное, порой даже похожее на бредъ. Ни одного живого лица.

Маша. Одиннадцать!

Аркадина *(оглянувшись на Сорина)*. Петруша, тебѣ скучно? *(пауза)*. Спитъ.

Дорнъ. Спитъ дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Маша. Семь! Девяносто!

Тригоринъ. Если бы я жилъ въ такой усадьбѣ, у озера, то развѣ я сталъ бы писать? Я поборолъ бы въ себѣ эту страсть и только и дѣлалъ бы, что удилъ рыбу.

Маша. Двадцать восемь!

Тригоринъ. Поймалъ ерша или окуня—это такое блаженство!

Дорнъ. А я вѣрю въ Константина Гавриловича. Что-то есть. Что-то есть! Онъ мыслитъ образами, разсказы его красочны, ярки, и я ихъ сильно чувствую. Жаль только, что онъ не имѣетъ опредѣленныхъ задачъ. Производитъ впечатлѣніе, и больше ничего, а вѣдь на одномъ впечатлѣніи далеко не уѣдешь. Ирина Николаевна, вы рады что у васъ сынъ писатель?

Аркадина. Представьте, я еще не читала. Все некогда.

Маша. Двадцать шесть!

(Треплевъ тихо входитъ и идетъ къ своему столу).

Шамраевъ *(Тригорину)*. А у насъ, Борисъ Алексѣевичъ, осталась ваша вещь.

Тригоринъ. Какая?

Шамраевъ. Какъ-то Константинъ Гавриловичъ застрѣлилъ чайку, и вы поручили мнѣ заказать изъ нея чучело.

Тригоринъ. Не помню *(раздумывая)*. Не помню!

Маша. Шестьдесятъ шесть! Одинъ!

Треплевъ *(распахиваетъ окно, прислушивается)*. Какъ темно! Не понимаю, отчего я испытываю такое безпокойство.

Аркадина. Костя, закрой окно, а то дуетъ.

(Треплевъ закрываетъ окно).

Маша. Восемьдесятъ восемь!

Тригоринъ. У меня партія, господа.

Аркадина *(весело)*. Браво! браво!

Шамраевъ. Браво!

Аркадина. Этому человѣку всегда и вездѣ везетъ *(встаетъ)*. А теперь пойдемте закусить чего-нибудь. Наша знаменитость не обѣдала сегодня. Послѣ ужина будемъ продолжать *(къ сыну)*. Костя, оставь свои рукописи, пойдемъ ѣсть.

Треплевъ *(послѣ паузы)*. Не хорошо, если кто-нибудь встрѣтитъ ее въ саду и потомъ скажетъ мамѣ. Это можетъ огорчить маму...

(Въ продолженіе двухъ минутъ молча рветъ всѣ свои рукописи и бросаетъ подъ столъ, потомъ отпираетъ правую дверь и уходитъ).

Дорнъ *(стараясь отворить лѣвую дверь)*. Странно. Дверь какъ будто заперта... *(входитъ и ставитъ на мѣсто кресло)*. Скачка съ препятствіями.

(Входятъ Аркадина, Полина Андреевна, за ними Яковъ съ бутылками и Маша, потомъ Шамраевъ и Тригоринъ).

Аркадина. Красное вино и пиво для Бориса Алексѣевича ставьте сюда, на столъ. Мы будемъ играть и пить. Давайте садиться, господа.

Полина Андреевна *(Якову)*. Сейчасъ же подавай и чай *(зажигаетъ свѣчи, садится за ломберный столъ)*.

Шамраевъ *(подводитъ Тригорина къ шкапу)*. Вотъ вещь, о которой я давеча говорилъ... *(достаетъ изъ шкапа чучело чайки)*. Вашъ заказъ.

Тригоринъ *(глядя на чайку)*. Не помню! *(подумавъ)*. Не помню!

(Направо за сценой выстрѣлъ; всѣ вздрагиваютъ).

Аркадина *(испуганно)*. Что такое?

Дорнъ. Ничего. Это, должно-быть, въ моей походной аптекѣ что-нибудь лопнуло. Не безпокойтесь *(уходитъ въ правую дверь, черезъ полминуты возвращается)*. Такъ и есть. Лопнула стклянка съ эѳиромъ *(напѣваетъ)*. «Я вновь предъ тобою стою очарованъ»...

Аркадина *(садясь за столъ)*. Фуй, я испугалась. Это мнѣ напомнило, какъ... *(закрываетъ лицо руками)*. Даже въ глазахъ потемнѣло...

Дорнъ *(перелистывая журналъ, Тригорину)*. Тутъ мѣсяца два назадъ была напечатана одна статья... письмо изъ Америки, и я хотѣлъ васъ спросить, между прочимъ... *(беретъ Тригорина за талію и отводитъ къ рампѣ)*... такъ какъ я очень интересуюсь этимъ вопросомъ... *(тономъ ниже, вполголоса)*. Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дѣло въ томъ, что Константинъ Гавриловичъ застрѣлился...

Занавѣсъ.

Оглавленіе

XIII ТОМА.

	стр.
Медвѣдь. (Шутка въ одномъ дѣйствіи)	5
Предложеніе. (Шутка въ одномъ дѣйствіи) . . .	21
Ивановъ (Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ)	37
Лебединая пѣсня (Калхасъ). (Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи). . .	99
Трагикъ по-неволѣ. (Шутка въ одномъ дѣйствіи) . .	109
Чайка. (Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ)	117

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ант. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ приложеніемъ портрета Антона Чехова.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЬЕСЫ. Дядя Ваня. Сцены изъ деревенской жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ. Свадьба. Сцена въ одномъ дѣйствіи. Юбилей. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Три сестры. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. О вредѣ табака. Сцена-монологъ въ одномъ дѣйствіи.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ДЯДЯ ВАНЯ.

Сцены изъ деревенской жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Серебряковъ, Александръ Владиміровичъ, отставной профессоръ.
Елена Андреевна, его жена, 27-ми лѣтъ.
Софья Александровна (Соня), его дочь отъ перваго брака.
Войницкая, Марія Васильевна, вдова тайнаго совѣтника, мать первой жены профессора.
Войницкій, Иванъ Петровичъ, ея сынъ.
Астровъ, Михаилъ Львовичъ, врачъ.
Телѣгинъ, Илья Ильичъ, обѣднѣвшій помѣщикъ.
Марина, старая няня.
Работникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Серебрякова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ. Видна часть дома съ террасой. На аллеѣ подъ старымъ тополемъ столъ, сервированный для чая. Скамьи, стулья; на одной изъ скамей лежитъ гитара. Недалеко отъ стола качели.—Третій часъ дня. Пасмурно.

Марина (сырая, малоподвижная старушка, сидитъ у самовара, вяжетъ чулокъ) и Астровъ (ходитъ возлѣ).

Марина *(наливаетъ стаканъ)*. Кушай, батюшка.

Астровъ *(нехотя принимаетъ стаканъ)*. Что-то не хочется.

Марина. Можетъ, водочки выпьешь?

Астровъ. Нѣтъ. Я не каждый день водку пью. Къ тому же душно *(пауза)*. Нянька, сколько прошло, какъ мы знакомы?

Марина *(раздумывая)*. Сколько? Дай Богъ память... Ты пріѣхалъ сюда, въ эти края... когда?.. еще жива была Вѣра Петровна, Сонечкина мать. Ты при ней къ намъ двѣ зимы ѣздилъ... Ну, значитъ, лѣтъ одиннадцать прошло *(подумавъ)*. А, можетъ, и больше...

Астровъ. Сильно я измѣнился съ тѣхъ поръ?

Марина. Сильно. Тогда ты молодой былъ, красивый, а теперь постарѣлъ. И красота уже не та. Тоже сказать—и водочку пьешь.

Астровъ. Да... Въ десять лѣтъ другимъ человѣкомъ сталъ. А какая причина? Заработался, нянька. Отъ утра до ночи все на ногахъ, покою не знаю, а ночью лежишь подъ одѣяломъ и боишься, какъ бы къ больному не потащили. За все время, пока мы съ тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободнаго. Какъ не постарѣть? Да и сама-

по-себѣ жизнь скучна, глупа, грязна... Затягиваетъ эта жизнь. Кругомъ тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь съ ними года два-три и мало-по-малу самъ, незамѣтно для себя, становишься чудакомъ. Неизбѣжная участь *(закручивая свои длинные усы)*. Ишь, громадные усы выросли... Глупые усы. Я сталъ чудакомъ, нянька... Поглупѣть-то я еще не поглупѣлъ, Богъ милостивъ, мозги на своемъ мѣстѣ, но чувства какъ-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мнѣ не нужно, никого я не люблю... Вотъ развѣ тебя только люблю *(цѣлуетъ ее въ голову)*. У меня въ дѣтствѣ была такая же нянька.

Марина. Можетъ, ты кушать хочешь?

Астровъ. Нѣтъ. Въ Великомъ посту на третьей недѣлѣ поѣхалъ я въ Малицкое на эпидемію... Сыпной тифъ... Въ избахъ народъ въ повалку... Грязь, вонь, дымъ, телята на полу, съ больными вмѣстѣ... Поросята тутъ же... Возился я цѣлый день, не присѣлъ, маковой росинки во рту не было, а пріѣхалъ домой, не даютъ отдохнуть—привезли съ желѣзной дороги стрѣлочника; положилъ я его на столъ, чтобы ему операцію дѣлать, а онъ возьми и умри у меня подъ хлороформомъ. И когда вотъ не нужно, чувства проснулись во мнѣ, и защемило мою совѣсть, точно это я умышленно убилъ его... Сѣлъ я, закрылъ глаза—вотъ этакъ, и думаю: тѣ, которые будутъ жить черезъ сто-двѣсти лѣтъ послѣ насъ и для которыхъ мы теперь пробиваемъ дорогу, помянутъ ли насъ добрымъ словомъ? Нянька, вѣдь не помянутъ!

Марина. Люди не помянутъ, зато Богъ помянетъ.

Астровъ. Вотъ спасибо. Хорошо ты сказала.

(Входитъ Войницкій).

Войницкій *(выходитъ изъ дому; онъ выспался послѣ завтрака и имѣетъ помятый видъ; садится на скамью, поправляетъ свой щегольской галстукъ)*. Да... *(пауза)* Да...

Астровъ. Выспался?

Войницкій. Да... Очень *(зѣваетъ)*. Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь живетъ профессоръ со своею супругой, жизнь выбилась изъ колеи... Сплю не во-время, за завтракомъ и обѣдомъ ѣмъ разные кабули, пью вина... не здорово все это! Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали—мое почтеніе, а теперь работаетъ одна Соня, а я сплю, ѣмъ, пью... Не хорошо!

Марина *(покачавъ головой)*. Порядки! Профессоръ встаетъ въ 12 часовъ, а самоваръ кипитъ съ утра, все его дожидается. Безъ нихъ обѣдали всегда въ первомъ часу, какъ вездѣ у людей, а при нихъ въ седьмомъ. Ночью профессоръ читаетъ и пишетъ, и вдругъ часу во второмъ звонокъ... Что такое, батюшки? Чаю! Буди для него народъ, ставь самоваръ... Порядки!

Астровъ. И долго они еще здѣсь проживутъ?

Войницкій *(свиститъ)* Сто лѣтъ. Профессоръ рѣшилъ поселиться здѣсь.

Марина. Вотъ и теперь. Самоваръ уже два часа на столѣ, а они гулять пошли.

Войницкій. Идутъ, идутъ... Не волнуйся.

(Слышны голоса; изъ глубины сада, возвращаясь съ прогулки, идутъ Серебряковъ, Елена Андреевна, Соня и Телѣгинъ).

Серебряковъ. Прекрасно, прекрасно... Чудесные виды.

Телѣгинъ. Замѣчательные, ваше превосходительство.

Соня. Мы завтра поѣдемъ въ лѣсничество, папа. Хочешь?

Войницкій. Господа, чай пить!

Серебряковъ. Друзья мои, пришлите мнѣ чай въ кабинетъ, будьте добры! Мнѣ сегодня нужно еще кое-что сдѣлать.

Соня. А въ лѣсничествѣ тебѣ непремѣнно понравится...

(Елена Андреевна, Серебряковъ и Соня уходятъ въ домъ; Телѣгинъ идетъ къ столу и садится возлѣ Марины).

Войницкій. Жарко, душно, а нашъ великій ученый въ пальто, въ калошахъ, съ зонтикомъ и въ перчаткахъ.

Астровъ. Стало-быть, бережетъ себя.

Войницкій. А какъ она хороша! Какъ хороша! Во всю свою жизнь не видѣлъ женщины красивѣе.

Телѣгинъ. Ѣду ли я по полю, Марина Тимоѳеевна, гуляю ли въ тѣнистомъ саду, смотрю ли на этотъ столъ, я испытываю неизъяснимое блаженство! Погода очаровательная, птички поютъ, живемъ мы всѣ въ мирѣ и согласіи,— чего еще намъ? *(принимая стаканъ)*. Чувствительно вамъ благодаренъ.

Войницкій *(мечтательно)*. Глаза... Чудная женщина!

Астровъ. Разскажи-ка что-нибудь, Иванъ Петровичъ.

Войницкій *(вяло)*. Что тебѣ разсказать?

Астровъ. Новаго нѣтъ ли чего?

Войницкій. Ничего. Все старо. Я тотъ же, что и былъ, пожалуй, сталъ хуже, такъ какъ облѣнился, ничего не дѣ-

лаю и только ворчу, какъ старый хрѣнъ. Моя старая галка, maman, все еще лепечетъ про женскую эмансипацію; однимъ глазомъ смотритъ въ могилу, а другимъ ищетъ въ своихъ умныхъ книжкахъ зарю новой жизни.

Астровъ. А профессоръ?

Войницкій. А профессоръ попрежнему отъ утра до глубокой ночи сидитъ у себя въ кабинетѣ и пишетъ. «Напрягши умъ. наморщивши чело, все оды пишемъ, пишемъ, и ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ». Бѣдная бумага! Онъ бы лучше свою автобіографію написалъ. Какой это превосходный сюжетъ! Отставной профессоръ, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла... Подагра, ревматизмъ, мигрень, отъ ревности и зависти вспухла печонка... Живетъ эта вобла въ имѣньѣ своей первой жены, живетъ поневолѣ, потому что жить въ городѣ ему не по карману. Вѣчно жалуется на свои несчастья, хотя, въ сущности, самъ необыкновенно счастливъ *(нервно)*. Ты только подумай, какое счастье! Сынъ простого дьячка, бурсакъ, добился ученыхъ степеней и каѳедры, сталъ его превосходительствомъ, зятемъ сенатора и проч., и проч. Все это неважно, впрочемъ. Но ты возьми вотъ что. Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ. Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно уже извѣстно, а для глупыхъ неинтересно,—значитъ, двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее. И въ то же время какое самомнѣніе! Какія претензіи! Онъ вышелъ въ отставку, и его не знаетъ ни одна живая душа, онъ совершенно неизвѣстенъ; значитъ, двадцать пять лѣтъ онъ занималъ чужое мѣсто. А посмотри: шагаетъ, какъ полубогъ!

Астровъ. Ну, ты, кажется, завидуешь.

Войницкій. Да, завидую! А какой успѣхъ у женщинъ! Ни одинъ Донъ-Жуанъ не зналъ такого полнаго успѣха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое созданіе, чистая, какъ вотъ это голубое небо, благородная, великодушная, имѣвшая поклонниковъ больше, чѣмъ онъ учениковъ,—любила его такъ, какъ могутъ любить одни только чистые ангелы такихъ же чистыхъ и прекрасныхъ, какъ они сами. Моя мать, его тещa, до сихъ поръ обожаетъ его, и до сихъ

поръ онъ внушаетъ ей священный ужасъ. Его вторая жена, красавица, умница—вы ее только-что видѣли—вышла за него, когда уже онъ былъ старъ, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блескъ. За что? Почему?

Астровъ. Она вѣрна профессору?

Войницкій. Къ сожалѣнію, да.

Астровъ. Почему же къ сожалѣнію?

Войницкій. Потому что эта вѣрность фальшива отъ начала до конца. Въ ней много риторики, но нѣтъ логики. Измѣнить старому мужу, котораго терпѣть не можешь,—это безнравственно; стараться же заглушить въ себѣ бѣдную молодость и живое чувство,—это не безнравственно.

Телѣгинъ *(плачущимъ голосомъ).* Ваня, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну, вотъ, право... Кто измѣняетъ женѣ или мужу, тотъ, значитъ, невѣрный человѣкъ, тотъ можетъ измѣнить и отечеству!

Войницкій *(съ досадой).* Затки фонтанъ, Вафля!

Телѣгинъ. Позволь, Ваня. Жена моя бѣжала отъ меня на другой день послѣ свадьбы съ любимымъ человѣкомъ по причинѣ моей непривлекательной наружности. Послѣ того я своего долга не нарушалъ. Я до сихъ поръ ее люблю и вѣренъ ей, помогаю, чѣмъ могу, и отдалъ свое имущество на воспитаніе дѣточекъ, которыхъ она прижила съ любимымъ человѣкомъ. Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уже прошла, красота подъ вліяніемъ законовъ природы поблекла, любимый человѣкъ скончался... Что же у нея осталось?

(Входятъ Соня и Елена Андреевна; немного погодя входитъ Марія Васильевна съ книгой; она садится и читаетъ; ей даютъ чаю и она пьетъ не глядя).

Соня *(торопливо, нянѣ).* Тамъ, нянечка, мужики пришли. Поди, поговори съ ними, а чай я сама... *(наливаетъ чай).*

(Няня уходитъ. Елена Андреевна беретъ свою чашку и пьетъ, сидя на качеляхъ).

Астровъ *(Еленѣ Андреевнѣ).* Я вѣдь къ вашему мужу. Вы писали, что онъ очень боленъ, ревматизмъ и еще что-то, а оказывается, онъ здоровехонекъ.

Елена Андреевна. Вчера вечеромъ онъ хандрилъ, жаловался на боли въ ногахъ, а сегодня ничего...

Астровъ. А я-то, сломя голову, скакалъ тридцать верстъ.

Ну, да ничего, не впервой. Зато ужъ останусь у васъ до завтра и, по крайней мѣрѣ, высплюсь quantum satis.

Соня. И прекрасно. Это такая рѣдкость, что вы у насъ ночуете. Вы, небось, не обѣдали?

Астровъ. Нѣтъ-съ, не обѣдалъ.

Соня. Такъ вотъ кстати и пообѣдаете. Мы теперь обѣдаемъ въ седьмомъ часу *(пьетъ)*. Холодный чай!

Телѣгинъ. Въ самоварѣ уже значительно понизилась температура.

Елена Андреевна. Ничего, Иванъ Иванычъ, мы и холодный выпьемъ.

Телѣгинъ. Виноватъ-съ... Не Иванъ Иванычъ, а Илья Ильичъ-съ... Илья Ильичъ Телѣгинъ, или, какъ нѣкоторые зовутъ меня по причинѣ моего рябого лица, Вафля. Я когда-то крестилъ Сонечку, и его превосходительство, вашъ супругъ, знаетъ меня очень хорошо. Я теперь у васъ живу-съ, въ этомъ имѣніи-съ... Если изволили замѣтить, я каждый день съ вами обѣдаю.

Соня. Илья Ильичъ нашъ помощникъ, правая рука *(нѣжно)*. Давайте, крестненькій, я вамъ еще налью.

Марія Васильевна. Ахъ!

Соня. Что съ вами, бабушка?

Марія Васильевна. Забыла я сказать Александру,.. потеряла память... сегодня получила я письмо изъ Харькова отъ Павла Алексѣевича... Прислалъ свою новую брошюру...

Астровъ. Интересно?

Марія Васильевна. Интересно, но какъ-то странно. Опровергаетъ то, что семь лѣтъ назадъ самъ же защищалъ. Это ужасно!

Войницкій. Ничего нѣтъ ужаснаго. Пейте, maman, чай.

Марія Васильевна. Но я хочу говорить!

Войницкій. Но мы уже пятьдесятъ лѣтъ говоримъ и говоримъ, и читаемъ брошюры. Пора бы ужъ и кончить.

Марія Васильевна. Тебѣ почему-то непріятно слушать, когда я говорю. Прости, Жанъ, но въ послѣдній годъ ты такъ измѣнился, что я тебя совершенно не узнаю... Ты былъ человѣкомъ опредѣленныхъ убѣжденій, свѣтлою личностью...

Войницкій. О, да! Я былъ свѣтлою личностью, отъ которой никому не было свѣтло... *(пауза)*. Я былъ свѣтлою личностью... Нельзя сострить ядовитѣй! Теперь мнѣ 47 лѣтъ.

До прошлаго года я такъ же, какъ вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашею этою схоластикой, чтобы не видѣть настоящей жизни,—и думалъ, что дѣлаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю съ досады, отъ злости, что такъ глупо проворонилъ время, когда могъ бы имѣть все, въ чемъ отказывать мнѣ теперь моя старость!

Соня. Дядя Ваня, скучно!

Марія Васильевна *(сыну)*. Ты точно обвиняешь въ чемъ-то свои прежнія убѣжденія... Но виноваты не они, а ты самъ. Ты забывалъ, что убѣжденія сами-по-себѣ ничто, мертвая буква... Нужно было дѣло дѣлать.

Войницкій. Дѣло? Не всякій способенъ быть пишущимъ perpetuum mobile, какъ вашъ герръ профессоръ.

Марія Васильевна. Что ты хочешь этимъ сказать?

Соня *(умоляюще)*. Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю васъ!

Войницкій. Я молчу. Молчу и извиняюсь.

(Пауза).

Елена Андреевна. А хорошая сегодня погода... Не жарко...

(Пауза).

Войницкій. Въ такую погоду хорошо повѣситься...

(Телѣгинъ настраиваетъ гитару. Марина ходитъ около дома и кличетъ куръ).

Марина. Цыпъ, цыпъ, цыпъ...

Соня. Нянечка, зачѣмъ мужики приходили?

Марина. Все то же, опять все насчетъ пустоши. Цыпъ цыпъ, цыпъ...

Соня. Кого ты это?

Марина. Пеструшка ушла съ цыплятами... Вороны бы не потаскали... *(уходитъ)*.

(Телѣгинъ играетъ польку; всѣ молча слушаютъ; входитъ работникъ).

Работникъ. Господинъ докторъ здѣсь? *(Астрову)*. Пожалуйте, Михаилъ Львовичъ, за вами пріѣхали.

Астровъ. Откуда?

Работникъ. Съ фабрики.

Астровъ *(съ досадой)*. Покорно благодарю. Что-жъ, надо ѣхать... *(ищетъ глазами фуражку)*. Досадно, чортъ подери...

Соня. Какъ это непріятно, право... Съ фабрики пріѣзжайте обѣдать.

Астровъ. Нѣтъ, ужъ поздно будетъ. Гдѣ ужъ... Куда ужъ... *(работнику)*. Вотъ что, притащи-ка мнѣ, любезный, рюмку водки, въ самомъ дѣлѣ *(работникъ уходитъ)*. Гдѣ ужъ... куда ужъ... *(нашелъ фуражку)*. У Островскаго въ какой-то пьесѣ есть человѣкъ съ большими усами и малыми способностями... Такъ это я. Ну, честь имѣю, господа... *(Еленѣ Андреевнѣ)*. Если когда-нибудь заглянете ко мнѣ, вотъ вмѣстѣ съ Софьей Александровной, то буду искренно радъ. У меня небольшое имѣньишко, всего десятинъ тридцать, но, если интересуетесь, образцовый садъ и питомникъ, какого не найдете за тысячу верстъ кругомъ. Рядомъ со мною казенное лѣсничество... Лѣсничій тамъ старъ, болѣетъ всегда, такъ что, въ сущности, я завѣдую всѣми дѣлами.

Елена Андреевна. Мнѣ уже говорили, что вы очень любите лѣса. Конечно, можно принести большую пользу, но развѣ это не мѣшаетъ вашему настоящему призванію? Вѣдь вы докторъ.

Астровъ. Одному Богу извѣстно, въ чемъ наше настоящее призваніе.

Елена Андреевна. И интересно?

Астровъ. Да, дѣло интересное.

Войницкій *(съ ироніей)*. Очень!

Елена Андреевна *(Астрову)*. Вы еще молодой человѣкъ, вамъ на видъ... ну, 36—37 лѣтъ... и, должно-быть, не такъ интересно, какъ вы говорите. Все лѣсъ и лѣсъ. Я думаю, однообразно.

Соня. Нѣтъ, это чрезвычайно интересно. Михаилъ Львовичъ каждый годъ сажаетъ новые лѣса, и ему уже прислали бронзовую медаль и дипломъ. Онъ хлопочетъ, чтобы не истребляли старыхъ. Если вы выслушаете его, то согласитесь съ нимъ вполнѣ. Онъ говоритъ, что лѣса украшаютъ землю, что они учатъ человѣка понимать прекрасное и внушаютъ ему величавое настроеніе. Лѣса смягчаютъ суровый климатъ. Въ странахъ, гдѣ мягкій климатъ, меньше тратится силъ на борьбу съ природой и потому тамъ мягче и нѣжнѣе человѣкъ; тамъ люди красивы, гибки, легко возбудимы, рѣчь ихъ изящна, движенія граціозны. У нихъ процвѣтаютъ науки и искусства, философія ихъ не мрачна, отношенія къ женщинѣ полны изящнаго благородства...

Войницкій *(смѣясь)*. Браво, браво!.. Все это мило, но не убѣдительно, такъ что *(Астрову)* позволь мнѣ, мой другъ,

продолжать топить печи дровами и строить сараи изъ дерева.

Астровъ. Ты можешь топить печи торфомъ, а сараи строить изъ камня. Ну, я допускаю, руби лѣса изъ нужды, но зачѣмъ истреблять ихъ? Русскіе лѣса трещатъ подъ топоромъ, гибнутъ милліарды деревьевъ, опустошаются жилища звѣрей и птицъ, мелѣютъ и сохнутъ рѣки, исчезаютъ безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у лѣнираго человѣка не хватаетъ смысла нагнуться и поднять съ земли топливо *(Еленѣ Андреевнѣ)*. Не правда ли, сударыня? Надо быть безразсуднымъ варваромъ, чтобы жечь въ своей печкѣ эту красоту, разрушать то, чего мы не можемъ создать. Человѣкъ одаренъ разумомъ и творческою силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сихъ поръ онъ не творилъ, а разрушалъ. Лѣсовъ все меньше и меньше, рѣки сохнутъ, дичь перевелась, климатъ испорченъ и съ каждымъ днемъ земля становится все бѣднѣе и безобразнѣе *(Войницкому)*. Вотъ ты глядишь на меня съ ироніей и все, что я говорю, тебѣ кажется не серьезнымъ и... и, быть-можетъ, это въ самомъ дѣлѣ чудачество, но, когда я прохожу мимо крестьянскихъ лѣсовъ, которые я спасъ отъ порубки, или когда я слышу, какъ шумитъ мой молодой лѣсъ, посаженный моими руками, я сознаю, что климатъ немножко и въ моей власти, и что, если черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ счастливъ, то въ этомъ немножко буду виноватъ и я. Когда я сажаю березку и потомъ вижу, какъ она зеленѣетъ и качается отъ вѣтра, душа моя наполняется гордостью, и я... *(увидѣвъ работника, который принесъ на подносѣ рюмку водки)*. Однако... *(пьетъ)* мнѣ пора. Все это, вѣроятно, чудачество, въ концѣ-концовъ. Честь имѣю кланяться! *(идетъ къ дому)*.

Соня *(беретъ его подъ руку и идетъ вмѣстѣ)*. Когда же вы пріѣдете къ намъ?

Астровъ. Не знаю...

Соня. Опять черезъ мѣсяцъ?..

(Астровъ и Соня уходятъ въ домъ; Марія Васильевна и Телѣгинъ остаются возлѣ стола; Елена Андреевна и Войницкій идутъ къ террасѣ).

Елена Андреевна. А вы, Иванъ Петровичъ, опять вели себя невозможно. Нужно было вамъ раздражать Марію

Васильевну, говорить о perpetuum mobile! И сегодня за завтракомъ вы опять спорили съ Александромъ. Какъ это мелко!

Войницкій. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Ненавидѣть Александра не за что, онъ такой же, какъ всѣ. Не хуже васъ.

Войницкій. Если бы вы могли видѣть свое лицо, свои движенія... Какая вамъ лѣнь жить! Ахъ, какая лѣнь!

Елена Андреевна. Ахъ, и лѣнь, и скучно! Всѣ бранятъ моего мужа, всѣ смотрятъ на меня съ сожалѣніемъ: несчастная, у нея старый мужъ! Это участіе ко мнѣ—о, какъ я его понимаю! Вотъ какъ сказалъ сейчасъ Астровъ: всѣ вы безразсудно губите лѣса, и скоро на землѣ ничего не останется. Точно такъ вы безразсудно губите человѣка и скоро, благодаря вамъ, на землѣ не останется ни вѣрности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видѣть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что,—правъ этотъ докторъ,—во всѣхъ васъ сидитъ бѣсъ разрушенія. Вамъ не жаль ни лѣсовъ, ни птицъ, ни женщинъ, ни другъ друга...

Войницкій. Не люблю я этой философіи! *(пауза).*

Елена Андреевна. У этого доктора утомленное, нервное лицо. Интересное лицо. Сонѣ, очевидно, онъ нравится, она влюблена въ него, и я ее понимаю. При мнѣ онъ былъ здѣсь уже три раза, но я застѣнчива и ни разу не поговорила съ нимъ, какъ слѣдуетъ, не обласкала его. Онъ подумалъ, что я зла. Вѣроятно, Иванъ Петровичъ, оттого мы съ вами такіе друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня такъ, я этого не люблю.

Войницкій. Могу ли я смотрѣть на васъ иначе, если я люблю васъ? Вы мое счастье, жизнь, моя молодость! Я знаю, шансы мои на взаимность ничтожны, равны нулю, но мнѣ ничего не нужно, позвольте мнѣ только глядѣть на васъ, слышать вашъ голосъ...

Елена Андреевна. Тише, васъ могутъ услышать! *(идутъ въ домъ).*

Войницкій *(идя за нею).* Позвольте мнѣ говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будетъ для меня величайшимъ счастьемъ...

Елена Андреевна. Это мучительно... *(оба уходятъ въ домъ).*

(Тельшинъ бьетъ по струнамъ и играетъ польку; Марія Васильевна что-то записываетъ на поляхъ брошюры).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Столовая въ домѣ Серебрякова.—Ночь.—Слышно, какъ въ саду стучитъ сторожъ.

Серебряковъ (сидитъ въ креслѣ передъ открытымъ окномъ и дремлетъ) и Елена Андреевна (сидитъ подлѣ него и тоже дремлетъ).

Серебряковъ *(очнувшись)*. Кто здѣсь? Соня, ты?

Елена Андреевна. Это я.

Серебряковъ. Ты, Леночка... Невыносимая боль!

Елена Андреевна. У тебя пледъ упалъ на полъ *(кутаетъ ему ноги)*. Я, Александръ, затворю окно.

Серебряковъ. Нѣтъ, мнѣ душно... Я сейчасъ задремалъ и мнѣ снилось, будто у меня лѣвая нога чужая. Проснулся отъ мучительной боли. Нѣтъ, это не подагра, скорѣе ревматизмъ. Который теперь часъ?

Елена Андреевна. Двадцать минутъ перваго *(пауза)*.

Серебряковъ. Утромъ поищи въ библіотекѣ Батюшкова. Кажется, онъ есть у насъ.

Елена Андреевна. А?

Серебряковъ. Поищи утромъ Батюшкова. Помнится, онъ былъ у насъ. Но отчего мнѣ такъ тяжело дышать?

Елена Андреевна. Ты усталъ. Вторую ночь не спишь.

Серебряковъ. Говорятъ, у Тургенева отъ подагры сдѣлалась грудная жаба. Боюсь, какъ бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Чортъ бы ее побралъ. Когда я постарѣлъ, я сталъ себѣ противенъ. Да и вамъ всѣмъ, должно-быть, противно на меня смотрѣть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости такимъ тономъ, какъ будто всѣ мы виноваты, что ты старъ.

Серебряковъ. Тебѣ же первой я противенъ.

(Елена Андреевна отходитъ и садится поодаль).

Серебряковъ. Конечно, ты права. Я не глупъ и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старикъ, почти трупъ. Что-жъ? Развѣ я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сихъ поръ живъ. Но погодите, скоро я

освобожу васъ всѣхъ. Недолго мнѣ еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Я изнемогаю... Бога ради молчи.

Серебряковъ. Выходитъ такъ, что, благодаря мнѣ, всѣ изнемогли, скучаютъ, губятъ свою молодость, одинъ только я наслаждаюсь жизнью и доволенъ. Ну, да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучилъ!

Серебряковъ. Я всѣхъ замучилъ. Конечно.

Елена Андреевна *(сквозь слезы).* Невыносимо! Скажи, что ты хочешь отъ меня?

Серебряковъ. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, такъ замолчи. Я прошу.

Серебряковъ. Странное дѣло, заговоритъ Иванъ Петровичъ, или эта старая идіотка, Марья Васильевна,—и ничего, всѣ слушаютъ, но скажи я хоть одно слово, какъ всѣ начинаютъ чувствовать себя несчастными. Даже голосъ мой противенъ. Ну, допустимъ, я противенъ, я эгоистъ, я деспотъ,—но неужели я даже въ старости не имѣю нѣкотораго права на эгоизмъ? Неужели я не заслужилъ? Неужели же, я спрашиваю, я не имѣю права на покойную старость, на вниманіе къ себѣ людей?

Елена Андреевна. Никто не оспариваетъ у тебя твоихъ правъ *(окно хлопаетъ отъ вѣтра).* Вѣтеръ поднялся, я закрою окно *(закрываетъ).* Сейчасъ будетъ дождь. Никто у тебя твоихъ правъ не оспариваетъ.

(Пауза; сторожъ въ саду стучитъ и поетъ пѣсню).

Серебряковъ. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть къ своему кабинету, къ аудиторіи, къ почтеннымъ товарищамъ—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, очутиться въ этомъ склепѣ, каждый день видѣть тутъ глупыхъ людей, слушать ничтожные разговоры... Я хочу жить, я люблю успѣхъ, люблю извѣстность, шумъ, а тутъ—какъ въ ссылкѣ. Каждую минуту тосковать о прошломъ, слѣдить за успѣхами другихъ, бояться смерти... Не могу! Нѣтъ силъ! А тутъ еще не хотятъ простить мнѣ моей старости!

Елена Андреевна. Погоди, имѣй терпѣніе: черезъ пять-шесть лѣтъ и я буду стара.

(Входитъ Соня).

Соня. Папа, ты самъ приказалъ послать за докторомъ Астровымъ, а когда онъ пріѣхалъ, ты отказываешься принять его. Это не деликатно. Только напрасно побезпокоили человѣка...

Серебряковъ. На что мнѣ твой Астровъ? Онъ столько же понимаетъ въ медицинѣ, какъ я въ астрономіи.

Соня. Не выписывать же сюда для твоей подагры цѣлый медицинскій факультетъ.

Серебряковъ. Съ этимъ юродивымъ я и разговаривать не стану.

Соня. Это какъ угодно *(садится)*. Мнѣ все равно.

Серебряковъ. Который теперь часъ?

Елена Андреевна. Первый.

Серебряковъ. Душно... Соня, дай мнѣ со стола капли!

Соня. Сейчасъ *(подаетъ капли)*.

Серебряковъ *(раздраженно)*. Ахъ, да не эти! Ни о чемъ нельзя попросить!

Соня. Пожалуйста, не капризничай. Можетъ-быть, это нѣкоторымъ и нравится, но меня избавь, сдѣлай милость! Я этого не люблю. И мнѣ некогда, мнѣ нужно завтра рано вставать, у меня сѣнокосъ.

(Входитъ Войницкій въ халатѣ и со свѣчой)

Войницкій. На дворѣ гроза собирается *(молнія)*. Вона какъ! Hélène и Соня, идите спать, я пришелъ васъ смѣнить.

Серебряковъ *(испуганно)*. Нѣтъ, нѣтъ! Не оставляйте меня съ нимъ! Нѣтъ. Онъ меня заговоритъ!

Войницкій. Но надо же дать имъ покой! Онѣ уже другую ночь не спятъ.

Серебряковъ. Пусть идутъ спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во-имя нашей прежней дружбы, не протестуй. Послѣ поговоримъ.

Войницкій *(съ усмѣшкой)*. Прежней нашей дружбы... Прежней...

Соня. Замолчи, дядя Ваня.

Серебряковъ *(женѣ)*. Дорогая моя, не оставляй меня съ нимъ! Онъ меня заговоритъ.

Войницкій. Это становится даже смѣшно.

(Входитъ Марина со свѣчой).

Соня. Ты бы ложилась, нянечка. Уже поздно.

Марина. Самоваръ со стола не убранъ. Не очень-то ляжешь.

Серебряковъ. Всѣ не спятъ, изнемогаютъ, одинъ только я блаженствую.

Марина *(подходитъ къ Серебрякову, нѣжно)*. Что, ба-

тюшка? Больно? У меня у самой ноги гудутъ, такъ и гудутъ *(поправляетъ пледъ)*. Это у васъ давняя болѣзнь. Вѣра Петровна, покойница, Сонечкина мать, бывало, ночи не спитъ, убивается... Очень ужъ она васъ любила... *(пауза)*. Старые, что̀ малые, хочется, чтобы пожалѣлъ кто, а старыхъ-то никому не жалко *(цѣлуетъ Серебрякова въ плечо)*. Пойдемъ, батюшка, въ постель... Пойдемъ, свѣтикъ... Я тебя липовымъ чаемъ напою, ножки твои согрѣю... Богу за тебя помолюсь...

Серебряковъ *(растроганный)*. Пойдемъ, Марина.

Марина. У самой-то у меня ноги такъ и гудутъ, такъ и гудутъ! *(ведетъ его вмѣстѣ съ Соней)*. Вѣра Петровна, бывало, все убивается, все плачетъ... Ты, Сонюшка, тогда была еще мала, глупа... Иди, иди, батюшка... *(Серебряковъ, Соня и Марина уходятъ)*.

Елена Андреевна. Я замучилась съ нимъ. Едва на ногахъ стою.

Войницкій. Вы съ нимъ, а я съ самимъ собою. Вотъ уже третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно въ этотъ домѣ. Ваша мать ненавидитъ все, кромѣ своихъ брошюръ и профессора; профессоръ раздраженъ, мнѣ не вѣритъ, васъ боится; Соня злится на отца, злится на меня и не говоритъ со мною вотъ уже двѣ недѣли; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я раздражена и сегодня разъ двадцать принималась плакать... Неблагополучно въ этомъ домѣ.

Войницкій. Оставимъ философію!

Елена Андреевна. Вы, Иванъ Петровичъ, образованы и умны и, кажется, должны бы понимать, что міръ погибаетъ не отъ разбойниковъ, не отъ пожаровъ, а отъ ненависти, вражды, отъ всѣхъ этихъ мелкихъ дрязгъ... Ваше бы дѣло не ворчать, а мирить всѣхъ.

Войницкій. Сначала помирите меня съ самимъ собою! Дорогая моя... *(припадаетъ къ ея рукѣ)*.

Елена Андреевна. Оставьте! *(отнимаетъ руку)*. Уходите!

Войницкій. Сейчасъ пройдетъ дождь и все въ природѣ освѣжится и легко вздохнетъ. Одного только меня не освѣжитъ гроза. Днемъ и ночью, точно домовой, душитъ меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлаго нѣтъ, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелѣпости. Вотъ вамъ моя жизнь и моя

любовь: куда мнѣ ихъ дѣвать, что̀ мнѣ съ ними дѣлать? Чувство мое гибнетъ даромъ, какъ лучъ солнца, попавшій въ яму, и самъ я гибну.

Елена Андреевна. Когда вы мнѣ говорите о своей любви, я какъ-то тупѣю и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вамъ *(хочетъ идти)*. Спокойной ночи.

Войницкій *(загораживая ей дорогу)*. И если бы вы знали, какъ я страдаю отъ мысли, что рядомъ со мною въ этомъ же домѣ гибнетъ другая жизнь—ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философія мѣшаетъ вамъ? Поймите же, поймите...

Елена Андреевна *(пристально смотритъ на него)*. Иванъ Петровичъ, вы пьяны!

Войницкій Можетъ-быть, можетъ-быть...

Елена Андреевна. Гдѣ докторъ?

Войницкій. Онъ тамъ... у меня ночуетъ. Можетъ-быть, можетъ-быть... Все можетъ быть!

Елена Андреевна. И сегодня пили? Къ чему это?

Войницкій. Все-таки на жизнь похоже... Не мѣшайте мнѣ, Hélène!

Елена Андреевна. Раньше вы никогда не пили и никогда вы такъ много не говорили... Идите спать! Мнѣ съ вами скучно.

Войницкій *(припадая къ ея рукѣ)*. Дорогая моя... чудная!

Елена Андреевна *(съ досадой)*. Оставьте меня. Это, наконецъ, противно *(уходитъ)*.

Войницкій *(одинъ)*. Ушла... *(пауза)*. Десять лѣтъ тому назадъ я встрѣчалъ ее у покойной сестры. Тогда ей было 17, а мнѣ 37 лѣтъ. Отчего я тогда не влюбился въ нее и не сдѣлалъ ей предложенія? Вѣдь это было такъ возможно! И была бы она теперь моею женой... Да... Теперь оба мы проснулись бы отъ грозы; она испугалась бы грома, а я держалъ бы ее въ своихъ объятіяхъ и шепталъ: «не бойся, я здѣсь». О, чудныя мысли, какъ хорошо, я даже смѣюсь... но, Боже мой, мысли путаются въ головѣ... Зачѣмъ я старъ? Зачѣмъ она меня не понимаетъ? Ея риторика, лѣнивая мораль, вздорныя, лѣнивыя мысли о погибели міра—все это мнѣ глубоко ненавистно *(пауза)*. О, какъ я обманутъ! Я обожалъ этого профессора, этого жалкаго подагрика, я работалъ на него, какъ волъ! Я и Соня выжимали изъ

этого имѣнія послѣдніе соки; мы, точно кулаки, торговали постнымъ масломъ, горохомъ, творогомъ, сами не доѣдали куска, чтобы изъ грошей и копеекъ собирать тысячи и посылать ему. Я гордился имъ и его наукой, я жилъ, я дышалъ имъ! Все, что онъ писалъ и изрекалъ, казалось мнѣ геніальнымъ... Боже, а теперь? Вотъ онъ въ отставкѣ, и теперь виденъ весь итогъ его жизни: послѣ него не останется ни одной страницы труда, онъ совершенно неизвѣстенъ, онъ ничто! Мыльный пузырь! И я обманутъ... вижу,— глупо обманутъ... *(входитъ Астровъ въ сюртукѣ, безъ жилета и безъ галстука; онъ навеселѣ; за нимъ Телѣгинъ съ гитарой).*

Астровъ. Играй!

Телѣгинъ. Всѣ спятъ-съ!

Астровъ. Играй!

(Телѣгинъ тихо наигрываетъ).

Астровъ *(Войницкому).* Ты одинъ здѣсь? Дамъ нѣтъ? *(подбоченясь, тихо поетъ).* «Ходи хата, ходи печь, хозяину негдѣ лечь»... А меня гроза разбудила. Важный дождикъ. Который теперь часъ?

Войницкій. А чортъ его знаетъ.

Астровъ. Мнѣ какъ будто бы послышался голосъ Елены Андреевны.

Войницкій. Сейчасъ она была здѣсь.

Астровъ. Роскошная женщина *(осматриваетъ склянки на столѣ).* Лѣкарства. Какихъ только тутъ нѣтъ рецептовъ! И харьковскіе, и московскіе, и тульскіе... Всѣмъ городамъ надоѣлъ своею подагрой. Онъ боленъ или притворяется?

Войницкій. Боленъ *(пауза).*

Астровъ. Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

Войницкій. Оставь меня.

Астровъ. А то, можетъ-быть, въ профессоршу влюбленъ?

Войницкій. Она мой другъ.

Астровъ. Уже?

Войницкій. Что значитъ это «уже»?

Астровъ. Женщина можетъ быть другомъ мужчины лишь въ такой послѣдовательности: сначала пріятель, потомъ любовница, а затѣмъ ужъ другъ.

Войницкій. Пошляческая философія.

Астровъ. Какъ? Да... Надо сознаться,—становлюсь пошля-

комъ. Видишь, я и пьянъ. Обыкновенно, я напиваюсь такъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Когда бываю въ такомъ состояніи, то становлюсь нахальнымъ и наглымъ до крайности. Мнѣ тогда все ни почемъ! Я берусь за самыя трудныя операціи и дѣлаю ихъ прекрасно; я рисую самые широкіе планы будущаго; въ это время я уже не кажусь себѣ чудакомъ и вѣрю, что приношу человѣчеству громадную пользу... громадную! И въ это время у меня своя собственная философская система, и всѣ вы, братцы, представляетесь мнѣ такими букашками... микробами *(Телѣгину)*. Вафля, играй!

Телѣгинъ. Дружочекъ, я радъ бы для тебя всею душой, но пойми же,—въ домѣ спятъ!

Астровъ. Играй!

(Телѣгинъ тихо наигрываетъ).

Астровъ. Выпить бы надо. Пойдемъ, тамъ, кажется, у насъ еще коньякъ остался. А какъ разсвѣтетъ, ко мнѣ поѣдемъ. Идеть? У меня есть фельдшеръ, который никогда не скажетъ «идетъ», а «идётъ». Мошенникъ страшный. Такъ идётъ? *(увидѣвъ входящую Соню)*. Извините, я безъ галстука *(быстро уходитъ; Телѣгинъ идетъ за нимъ)*.

Соня. А ты, дядя Ваня, опять напился съ докторомъ. Подружились ясные соколы. Ну, тотъ уже всегда такой, а ты-то съ чего? Въ твои годы это совсѣмъ не къ лицу.

Войницкій. Годы тутъ ни при чемъ. Когда нѣтъ настоящей жизни, то живутъ миражами. Все-таки лучше, чѣмъ ничего.

Соня. Сѣно у насъ все скошено, идутъ каждый день дожди, все гніетъ, а ты занимаешься миражами. Ты совсѣмъ забросилъ хозяйство... Я работаю одна, совсѣмъ изъ силъ выбилась... *(испуганно)*. Дядя, у тебя на глазахъ слезы!

Войницкій. Какія слезы? Ничего нѣтъ... вздоръ... Ты сейчасъ взглянула на меня, какъ покойная твоя мать. Милая моя... *(жадно цѣлуетъ ея руки и лицо)*. Сестра моя... милая сестра моя... гдѣ она теперь? Если бы она знала! Ахъ, если бы она знала!

Соня. Что? Дядя, что знала?

Войницкій. Тяжело, не хорошо... Ничего... Послѣ... Ничего... Я уйду... *(уходитъ)*.

Соня *(стучитъ въ дверь)*. Михаилъ Львовичъ! Вы не спите? На минутку!

Астровъ *(за дверью)*. Сейчасъ! *(немного погодя входитъ: онъ уже въ жилеткѣ и галстукѣ)*. Что прикажете?

Соня. Сами вы пейте, если это вамъ не противно, но, умоляю, не давайте пить дядѣ. Ему вредно.

Астровъ. Хорошо. Мы не будемъ больше пить *(пауза)*. Я сейчасъ уѣду къ себѣ. Рѣшено и подписано. Пока запрягутъ, будетъ уже разсвѣтъ.

Соня. Дождь идетъ. Погодите до утра.

Астровъ. Гроза идетъ мимо, только краемъ захватитъ. Поѣду. И, пожалуйста, больше не приглашайте меня къ вашему отцу. Я ему говорю—подагра, а онъ—ревматизмъ; я прошу лежать, онъ сидитъ. А сегодня такъ и вовсе не сталъ говорить со мною.

Соня. Избалованъ *(ищетъ въ буфетѣ)*. Хотите закусить?

Астровъ. Пожалуй, дайте.

Соня. Я люблю по ночамъ закусывать. Въ буфетѣ, кажется, что-то есть. Онъ въ жизни, говорятъ, имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ, и его дамы избаловали. Вотъ берите сыръ *(оба стоятъ у буфета и ѣдятъ)*.

Астровъ. Я сегодня ничего не ѣлъ, только пилъ. У вашего отца тяжелый характеръ *(достаетъ изъ буфета бутылку)*. Можно? *(выпиваетъ рюмку)*. Здѣсь никого нѣтъ и можно говорить прямо. Знаете, мнѣ кажется, что въ вашемъ домѣ я не выжилъ бы одного мѣсяца, задохнулся бы въ этомъ воздухѣ... Вашъ отецъ, который весь ушелъ въ свою падагру и въ книги, дядя Ваня со своею хандрой, ваша бабушка, наконецъ, ваша мачеха...

Соня. Что мачеха?

Астровъ. Въ человѣкѣ должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нѣтъ, но... вѣдь она только ѣстъ, спитъ, гуляетъ, чаруетъ всѣхъ насъ своею красотой—и больше ничего. У нея нѣтъ никакихъ обязанностей, на нее работаютъ другіе... Вѣдь такъ? А праздная жизнь не можетъ быть чистою *(пауза)*. Впрочемъ, быть-можетъ, я отношусь слишкомъ строго. Я не удовлетворенъ жизнью, какъ вашъ дядя Ваня, и оба мы становимся брюзгами.

Соня. А вы недовольны жизнью?

Астровъ. Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уѣздную, русскую, обывательскую, терпѣть не могу и презираю ее всѣми силами моей души. А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-Богу, въ ней рѣшительно ничего хорошаго. Знаете, когда идешь темною ночью по

лѣсу, и если въ это время вдали свѣтитъ огонекъ, то не замѣчаешь ни утомленія, ни потемокъ, ни колючихъ вѣтокъ, которыя бьютъ тебя по лицу... Я работаю,—вамъ это извѣстно,—какъ никто въ уѣздѣ, судьба бьетъ меня не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нѣтъ огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю.

Соня. Никого?

Астровъ. Никого. Нѣкоторую нѣжность я чувствую только къ вашей нянькѣ—по старой памяти. Мужики однообразны очень, не развиты, грязно живутъ, а съ интеллигенціей трудно ладить. Она утомляетъ. Всѣ они, наши добрые знакомые, мелко мыслятъ, мелко чувствуютъ и не видятъ дальше своего носа—просто-на-просто глупы. А тѣ, которые поумнѣе и покрупнѣе, истеричны, заѣдены анализомъ, рефлексомъ... Эти ноютъ, ненавистничаютъ, болѣзненно клевещутъ, подходятъ къ человѣку бокомъ, смотрятъ на него искоса и рѣшаютъ: «О, это психопатъ!» или: «Это фразеръ!» А когда не знаютъ, какой ярлыкъ прилѣпить къ моему лбу, то говорятъ:—«Это странный человѣкъ, странный!» Я люблю лѣсъ—это странно; я не ѣмъ мяса — это тоже странно. Непосредственнаго, чистаго, свободнаго отношенія къ природѣ и къ людямъ уже нѣтъ... Нѣтъ и нѣтъ! *(хочетъ выпить).*

Соня *(мѣшаетъ ему).* Нѣтъ, прошу васъ, умоляю, не пейте больше.

Астровъ. Отчего?

Соня. Это такъ не идетъ къ вамъ! Вы изящны, у васъ такой нѣжный голосъ... Даже больше, вы, какъ никто изъ всѣхъ, кого я знаю,—вы прекрасны. Зачѣмъ же вы хотите походить на обыкновенныхъ людей, которые пьютъ и играютъ въ карты? О, не дѣлайте этого, умоляю васъ! Вы говорите всегда, что люди не творятъ, а только разрушаютъ то, что имъ дано свыше. Зачѣмъ же, зачѣмъ вы разрушаете самого себя? Не надо, не надо, умоляю, заклинаю васъ.

Астровъ *(протягиваетъ ей руку).* Не буду больше пить.

Соня. Дайте мнѣ слово.

Астровъ. Честное слово.

Соня *(крѣпко пожимаетъ руку).* Благодарю!

Астровъ. Баста! Я отрезвѣлъ. Видите, я уже совсѣмъ

трезвъ и такимъ останусь до конца дней моихъ *(смотритъ на часы)*. Итакъ, будемъ продолжать. Я говорю: мое время уже ушло, поздно мнѣ... Постарѣлъ, заработался, испошлился, притупились всѣ чувства, и, кажется, я уже не могъ бы привязаться къ человѣку. Я никого не люблю и... уже не полюблю. Что меня еще захватываетъ, такъ это красота. Неравнодушенъ я къ ней. Мнѣ кажется, что если бы вотъ Елена Андреевна захотѣла, то могла бы вскружить мнѣ голову въ одинъ день... Но вѣдь это не любовь, не привязанность... *(закрываетъ рукой глаза и вздрагиваетъ)*.

Сонл. Что съ вами?

Астровъ. Такъ... Въ Великомъ посту у меня больной умеръ подъ хлороформомъ.

Соня. Объ этомъ пора забыть *(пауза)*. Скажите мнѣ, Михаилъ Львовичъ... Если бы у меня была подруга, или младшая сестра, и если бы вы узнали, что она... ну, положимъ, любитъ васъ, то какъ бы вы отнеслись къ этому?

Астровъ *(пожавъ плечами)*. Не знаю. Должно-быть, никакъ. Я далъ бы ей понять, что полюбить ее не могу... да и не тѣмъ моя голова занята. Какъ ни какъ, а если ѣхать, то уже пора. Прощайте, голубушка, а то мы такъ до утра не кончимъ *(пожимаетъ руку)*. Я пройду черезъ гостиную, если позволите, а то боюсь, какъ бы вашъ дядя меня не задержалъ *(уходитъ)*.

Соня *(одна)*. Онъ ничего не сказалъ мнѣ... Душа и сердце его все еще скрыты отъ меня, но отчего же я чувствую себя такою счастливою? *(смѣется отъ счастья)*. Я ему сказала: вы изящны, благородны, у васъ такой нѣжный голосъ... Развѣ это вышло некстати? Голосъ его дрожитъ, ласкаетъ... вотъ я чувствую его въ воздухѣ. А когда я сказала ему про младшую сестру, онъ не понялъ... *(ломая руки)*. О, какъ это ужасно, что я некрасива! Какъ ужасно! А я знаю, что я некрасива, знаю, знаю... Въ прошлое воскресенье, когда выходили изъ церкви, я слышала какъ говорили про меня, и одна женщина сказала: «она добрая, великодушная, но жаль, что она такъ некрасива»... Не красива...

(Входитъ Елена Андреевна).

Елена Андреевна *(открываетъ окна)*. Прошла гроза. Какой хорошій воздухъ! *(пауза)*. Гдѣ докторъ?

Соня. Ушелъ *(пауза)*.

Елена Андреевна. Софи!

Соня. Что?

Елена Андреевна. До какихъ поръ вы будете дуться на меня? Другъ другу мы не сдѣлали никакого зла. Зачѣмъ же намъ быть врагами? Полноте...

Соня. Я сама хотѣла... *(обнимаетъ ее)*. Довольно сердиться.

Елена Андреевна. И отлично *(обѣ взволнованы)*.

Соня. Папа легъ?

Елена Андреевна. Нѣтъ, сидитъ въ гостиной... Не говоримъ мы другъ съ другомъ по цѣлымъ недѣлямъ и Богъ знаетъ, изъ-за чего... *(увидѣвъ, что буфетъ открытъ)*. Что это?

Соня. Михаилъ Львовичъ ужиналъ.

Елена Андреевна. И вино есть... Давайте, выпьемъ брудершафтъ.

Соня. Давайте.

Елена Андреевна. Изъ одной рюмочки... *(наливаетъ)*. Этакъ лучше. Ну, значитъ—ты?

Соня. Ты. *(Пьютъ и цѣлуются)*. Я давно уже хотѣла мириться, да все какъ-то совѣстно было... *(плачетъ)*.

Елена Андреевна. Что же ты плачешь?

Соня. Ничего, это я такъ.

Елена Андреевна. Ну, будетъ, будетъ... *(плачетъ)*. Чудачка, и я заплакала... *(пауза)*. Ты на меня сердита за то, что я будто вышла за твоего отца по расчету... Если вѣришь клятвамъ, то клянусь тебѣ,—я выходила за него по любви. Я увлеклась имъ, какъ ученымъ и извѣстнымъ человѣкомъ. Любовь была не настоящая, искусственная, но вѣдь мнѣ казалось тогда, что она настоящая. Я не виновата. А ты съ самой нашей свадьбы не переставала казнить меня своими умными подозрительными глазами.

Соня. Ну, миръ, миръ! Забудемъ.

Елена Андреевна. Не надо смотрѣть такъ — тебѣ это не идетъ. Надо всѣмъ вѣрить, иначе жить нельзя *(пауза)*.

Соня. Скажи мнѣ по совѣсти, какъ другъ... Ты счастлива?

Елена Андреевна. Нѣтъ.

Соня. Я это знала. Еще одинъ вопросъ. Скажи откровенно,—ты хотѣла бы, чтобы у тебя былъ молодой мужъ?

Елена Андреевна. Какая ты еще дѣвочка. Конечно, хотѣла бы *(смѣется)*. Ну, спроси еще что-нибудь, спроси...

Соня. Тебѣ докторъ нравится?

Елена Андреевна. Да, очень.

Соня *(смѣется)*. У меня глупое лицо... да? Вотъ онъ ушелъ, а я все слышу его голосъ и шаги, а посмотрю на темное окно,—тамъ мнѣ представляется его лицо. Дай мнѣ высказаться... Но я не могу говорить такъ громко, мнѣ стыдно. Пойдемъ ко мнѣ въ комнату, тамъ поговоримъ. Я тебѣ кажусь глупою? Сознайся... Скажи мнѣ про него что-нибудь...

Елена Андреевна. Что же?

Соня. Онъ умный... Онъ все умѣетъ, все можетъ... Онъ и лѣчитъ, и сажаетъ лѣсъ...

Елена Андреевна. Не въ лѣсѣ и не въ медицинѣ дѣло... Милая моя, пойми, это талантъ! А ты знаешь, что значитъ талантъ? Смѣлость, свободная голова, широкій размахъ... Посадитъ деревцо и уже загадываетъ, что будетъ отъ этого черезъ тысячу лѣтъ, уже мерещится ему счастье человѣчества. Такіе люди рѣдки, ихъ нужно любить... Онъ пьетъ, бываетъ грубоватъ,—но что за бѣда? Талантливый человѣкъ въ Россіи не можетъ быть чистенькимъ. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на дорогахъ, морозы, метели, разстоянія громадныя, народъ грубый, дикій, кругомъ нужда, болѣзни, а при такой обстановкѣ тому, кто работаетъ и борется изо-дня-въ-день, трудно сохранить себя къ сорока годамъ чистенькимъ и трезвымъ... *(цѣлуетъ ее)*. Я отъ души тебѣ желаю, ты стоишь счастья... *(встаетъ)*. А я нудная, эпизодическое лицо... И въ музыкѣ, и въ домѣ мужа, во всѣхъ романахъ — вездѣ, однимъ словомъ, я была только эпизодическимъ лицомъ. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то я очень, очень несчастна! *(ходитъ въ волненіи по сценѣ)*. Нѣтъ мнѣ счастья на этомъ свѣтѣ. Нѣтъ! Что ты смѣешься?

Соня *(смѣется, закрывъ лицо)*. Я такъ счастлива... счастлива!

Елена Андреевна. Мнѣ хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь.

Соня. Сыграй *(обнимаетъ ее)*. Я не могу спать... Сыграй!

Елена Андреевна. Сейчасъ. Твой отецъ не спитъ. Когда

онъ боленъ, его раздражаетъ музыка. Поди, спроси. Если онъ ничего, то сыграю. Поди.

Соня. Сейчасъ *(уходитъ).*

(Въ саду стучитъ сторожъ).

Елена Андреевна. Давно уже я не играла. Буду играть и плакать, плакать, какъ дура *(въ окно).* Это ты стучишь, Ефимъ?

Голосъ сторожа. Я!

Елена Андреевна. Не стучи, баринъ нездоровъ.

Голосъ сторожа. Сейчасъ уйду! *(подсвистываетъ).* Эй, вы, Жучка, Мальчикъ! Жучка! *(пауза).*

Соня *(вернувшись).* Нельзя!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Серебрякова. Три двери: направо, налѣво и посрединѣ.—День.

Войницкій, Соня (сидятъ) и Елена Андреевна (ходитъ по сценѣ, о чемъ-то думая).

Войницкій. Герръ профессоръ изволилъ выразить желаніе, чтобы сегодня всѣ мы собрались вотъ въ этой гостиной къ часу дня (*смотритъ на часы*). Безъ четверти часъ. Хочетъ о чемъ-то повѣдать міру.

Елена Андреевна. Вѣроятно, какое-нибудь дѣло.

Войницкій. Никакихъ у него нѣтъ дѣлъ. Пишетъ чепуху, брюзжитъ и ревнуетъ, больше ничего.

Соня (*тономъ упрека*). Дядя!

Войницкій. Ну, ну, виноватъ (*указываетъ на Елену Андреевну*). Полюбуйтесь: ходитъ и отъ лѣни шатается. Очень мило! Очень!

Елена Андреевна. Вы цѣлый день жужжите, все жужжите—какъ не надоѣстъ! (*съ тоской*). Я умираю отъ скуки, не знаю, что̀ мнѣ дѣлать.

Соня (*пожимая плечами*). Мало ли дѣла? Только бы захотѣла.

Елена Андреевна. Напримѣръ?

Соня. Хозяйствомъ занимайся, учи, лѣчи. Мало ли? Вотъ когда тебя и папы здѣсь не было, мы съ дядей Ваней сами ѣздили на базаръ мукой торговать.

Елена Андреевна. Не умѣю. Да и неинтересно. Это только въ идейныхъ романахъ учатъ и лѣчатъ мужиковъ, а какъ я, ни съ того, ни съ сего, возьму вдругъ и пойду ихъ лѣчить или учить?

Соня. А вотъ я такъ не понимаю, какъ это не идти и не учить. Погоди, и ты привыкнешь *(обнимаетъ ее)*. Не скучай, родная *(смѣясь)*. Ты скучаешь, не находишь себѣ мѣста, а скука и праздность заразительны. Смотри: дядя Ваня ничего не дѣлаетъ и только ходитъ за тобою, какъ тѣнь, я оставила свои дѣла и прибѣжала къ тебѣ, чтобы поговорить. Облѣнилась, не могу! Докторъ Михаилъ Львовичъ прежде бывалъ у насъ очень рѣдко, разъ въ мѣсяцъ, упросить его было трудно, а теперь онъ ѣздитъ сюда каждый день, бросилъ и свои лѣса, и медицину. Ты колдунья, должно-быть.

Войницкій. Что томитесь? *(живо)*. Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей! Въ вашихъ жилахъ течетъ русалочья кровь, будьте же русалкой! Дайте себѣ волю хоть разъ въ жизни, влюбитесь поскорѣе въ какого-нибудь водяного по самыя уши — и бултыхъ съ головой въ омутъ, чтобы герръ профессоръ и всѣ мы только руками развели!

Елена Андреевна *(съ гнѣвомъ)*. Оставьте меня въ покоѣ! Какъ это жестоко! *(хочетъ уйти)*.

Войницкій *(не пускаетъ ея)*. Ну, ну, моя радость, простите... Извиняюсь *(цѣлуетъ руку)* Миръ.

Елена Андреевна. У ангела не хватило бы терпѣнія, согласитесь.

Войницкій. Въ знакъ мира и согласія я принесу сейчасъ букетъ розъ; еще утромъ для васъ приготовилъ... Осеннія розы—прелестныя, грустныя розы... *(уходитъ)*.

Соня. Осеннія розы—прелестныя, грустныя розы... *(обѣ смотрятъ въ окно)*.

Елена Андреевна. Вотъ уже и сентябрь. Какъ-то мы проживемъ здѣсь зиму! *(пауза)*. Гдѣ докторъ?

Соня. Въ комнатѣ у дяди Вани. Что-то пишетъ. Я рада, что дядя Ваня ушелъ, мнѣ нужно поговорить съ тобою.

Елена Андреевна. О чемъ?

Соня. О чемъ? *(кладетъ ей голову на грудь)*.

Елена Андреевна. Ну, полно, полно... *(приглаживаетъ ей волосы)*. Полно.

Соня. Я не красива.

Елена Андреевна. У тебя прекрасные волосы.

Соня. Нѣтъ! *(оглядывается, чтобы взглянуть на себя въ зеркало).* Нѣтъ, когда женщина не красива, то ей говорятъ: «у васъ прекрасные глаза, у васъ прекрасные волосы»... Я его люблю уже шесть лѣтъ, люблю больше, чѣмъ свою мать; я каждую минуту слышу его, чувствую пожатіе его руки; и я смотрю на дверь, жду, мнѣ все кажется, что онъ сейчасъ войдетъ. И вотъ, ты видишь, я все прихожу къ тебѣ, чтобы поговорить о немъ. Теперь онъ бываетъ здѣсь каждый день, но не смотритъ на меня, не видитъ... Это такое страданіе! У меня нѣтъ никакой надежды, нѣтъ, нѣтъ! *(въ отчаяніи).* О, Боже, пошли мнѣ силы... Я всю ночь молилась... Я часто подхожу къ нему, сама заговариваю съ нимъ, смотрю ему въ глаза... У меня уже нѣтъ гордости, нѣтъ силъ владѣть собою... Не удержалась и вчера призналась дядѣ Ванѣ, что люблю... И вся прислуга знаетъ, что я его люблю. Всѣ знаютъ.

Елена Андреевна. А онъ?

Соня. Нѣтъ. Онъ меня не замѣчаетъ.

Елена Андреевна *(въ раздумьи).* Странный онъ человѣкъ... Знаешь что? Позволь, я поговорю съ нимъ... Я осторожно, намеками... *(пауза).* Право, до какихъ же поръ быть въ неизвѣстности... Позволь!

(Соня утвердительно киваетъ головой).

Елена Андреевна. И прекрасно. Любитъ или не любитъ— Это не трудно узнать. Ты не смущайся, голубка, не безпокойся,—я допрошу его осторожно, онъ и не замѣтитъ. Намъ только узнать: да, или нѣтъ? *(пауза).* Если нѣтъ, то пусть не бываетъ здѣсь. Такъ?

(Соня утвердительно киваетъ головой).

Елена Андреевна. Легче, когда не видишь. Откладывать въ долгій ящикъ не будемъ, допросимъ его теперь же. Онъ собирался показать мнѣ какіе-то чертежи... Поди скажи, что я желаю его видѣть.

Соня *(въ сильномъ волненіи).* Ты мнѣ скажешь всю правду?

Елена Андреевна. Да, конечно. Мнѣ кажется, что правда, какая бы она ни была, все-таки не такъ страшна, какъ неизвѣстность. Положись на меня, голубка.

Соня. Да, да... Я скажу, что ты хочешь видѣть его чертежи... *(идетъ и останавливается возлѣ двери).* Нѣтъ, неизвѣстность лучше... Все-таки надежда...

Елена Андреевна. Что ты?

Соня. Ничего *(уходитъ)*.

Елена Андреевна *(одна)*. Нѣтъ ничего хуже, когда знаешь чужую тайну и не можешь помочь *(раздумывая)*. Онъ не влюбленъ въ нее—это ясно, но отчего бы ему не жениться на ней? Она не красива, но для деревенскаго доктора, въ его годы, это была бы прекрасная жена. Умница, такая добрая, чистая.!. Нѣтъ, это не то, не то... *(пауза)*. Я понимаю эту бѣдную дѣвочку. Среди отчаянной скуки, когда вмѣсто людей кругомъ бродятъ какія-то сѣрыя пятна, слышатся одни пошлости, когда только и знаютъ, что ѣдятъ, пьютъ, спятъ, иногда пріѣзжаетъ онъ, непохожій на другихъ, красивый, интересный, увлекательный, точно среди потемокъ восходитъ мѣсяцъ ясный... Поддаться обаянію такого человѣка, забыться... Кажется, я сама увлеклась немножко. Да, мнѣ безъ него скучно, я вотъ улыбаюсь, когда думаю о немъ... Этотъ дядя Ваня говоритъ, будто въ моихъ жилахъ течетъ русалочья кровь. «Дайте себѣ волю хоть разъ въ жизни»... Что-жъ? Можетъ-быть, такъ и нужно... Улетѣть бы вольною птицей отъ всѣхъ васъ, отъ вашихъ сонныхъ физіономій, отъ разговоровъ, забыть, что всѣ вы существуете на свѣтѣ. Но я труслива, застѣнчива... Меня замучитъ совѣсть... Вотъ онъ бываетъ здѣсь каждый день, я угадываю, зачѣмъ онъ здѣсь, и уже чувствую себя виноватою, готова пасть передъ Соней на колѣни, извиняться, плакать...

Астровъ *(входитъ съ картограммой)*. Добрый день! *(пожимаетъ руку)*. Вы хотѣли видѣть мою живопись?

Елена Андреевна. Вчера вы обѣщали показать мнѣ свои работы... Вы свободны?

Астровъ. О, конечно *(растягиваетъ на ломберномъ столѣ картограмму и укрѣпляетъ ее кнопками)*. Вы гдѣ родились?

Елена Андреевна *(помогая ему)*. Въ Петербургѣ.

Астровъ. А получили образованіе?

Елена Андреевна. Въ консерваторіи.

Астровъ. Для васъ, пожалуй, это неинтересно.

Елена Андреевна. Почему? Я, правда, деревни не знаю, но я много читала.

Астровъ. Здѣсь въ домѣ есть мой собственный столъ... Въ комнатѣ у Ивана Петровича. Когда я утомлюсь совершенно, до полнаго отупѣнія, то все бросаю и бѣгу сюда,

и вотъ забавляюсь этой штукой часъ-другой... Иванъ Петровичъ и Софья Александровна щелкаютъ на счетахъ, а я сижу подлѣ нихъ за своимъ столомъ и мажу — и мнѣ тепло, покойно, и сверчокъ кричитъ. Но это удовольствіе я позволяю себѣ не часто, разъ въ мѣсяцъ... *(показывая на картограммѣ).* Теперь смотрите сюда. Картина нашего уѣзда, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ назадъ. Темно- и свѣтло-зеленая краска означаетъ лѣса; половина всей площади занята лѣсомъ. Гдѣ по зелени положена красная сѣтка, тамъ водились лоси, козы... Я показываю тутъ и флору, и фауну. На этомъ озерѣ жили лебеди, гуси, утки, и, какъ говорятъ старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей. Кромѣ селъ и деревень, видите, тамъ и сямъ разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяныя мельницы... Рогатаго скота и лошадей было много. По голубой краскѣ видно. Напримѣръ, въ этой волости голубая краска легла густо; тутъ были цѣлые табуны, и на каждый дворъ приходилось по три лошади *(пауза).* Теперь посмотрите ниже. То, что было 25 лѣтъ назадъ. Тутъ ужъ подъ лѣсомъ только одна треть всей площади. Козъ уже нѣтъ, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже блѣднѣе. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Переходимъ къ третьей части; картина уѣзда въ настоящемъ. Зеленая краска лежитъ кое-гдѣ, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... Отъ прежнихъ выселковъ, хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда нѣтъ. Въ общемъ, картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается еще какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, чтобы стать полнымъ. Вы скажете, что тутъ культурныя вліянія, что старая жизнь естественно должна была уступить мѣсто новой. Да, я понимаю, если бы на мѣстѣ этихъ истребленныхъ лѣсовъ пролегли шоссе, желѣзныя дороги, если бы тутъ были заводы, фабрики, школы,—народъ сталъ бы здоровѣе, богаче, умнѣе, но вѣдь тутъ ничего подобнаго! Въ уѣздѣ тѣ же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары... Тутъ мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ вслѣдствіе непосильной борьбы за существованіе; это вырожденіе отъ косности, отъ невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія, когда озябшій, голодный, больной человѣкъ, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своихъ дѣтей, ин-

стинктивно, безсознательно хватается за все, чѣмъ только можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ все, не думая о завтрашнемъ днѣ... Разрушено уже почти все, но взамѣнъ не создано еще ничего *(холодно)*. Я по лицу вижу, что это вамъ не интересно.

Елена Андреевна. Но я въ этомъ такъ мало понимаю...

Астровъ. И понимать тутъ нечего, просто неинтересно.

Елена Андреевна. Откровенно говоря, мысли мои не тѣмъ заняты. Простите. Мнѣ нужно сдѣлать вамъ маленькій допросъ, и я смущена, не знаю, какъ начать.

Астровъ. Допросъ?

Елена Андреевна. Да, допросъ, но... довольно невинный. Сядемъ! *(садятся)*. Дѣло касается одной молодой особы. Мы будемъ говорить, какъ честные люди, какъ пріятели, безъ обиняковъ. Поговоримъ и забудемъ, о чемъ была рѣчь. Да?

Астровъ. Да.

Елена Андреевна. Дѣло касается моей падчерицы Сони. Она вамъ нравится?

Астровъ. Да, я ее уважаю.

Елена Андреевна. Она вамъ нравится, какъ женщина?

Астровъ *(не сразу)*. Нѣтъ.

Елена Андреевна. Еще два-три слова—и конецъ. Вы ничего не замѣчали?

Астровъ. Ничего.

Елена Андреевна *(беретъ его за руку)*. Вы не любите ея, по глазамъ вижу... Она страдаетъ... Поймите это и... перестаньте бывать здѣсь.

Астровъ *(встаетъ)*. Время мое уже ушло... Да и некогда... *(пожавъ плечами)*. Когда мнѣ? *(онъ смущенъ)*.

Елена Андреевна. Фу, какой непріятный разговоръ! Я такъ волнуюсь, точно протащила на себѣ тысячу пудовъ. Ну, слава Богу, кончили. Забудемъ, будто не говорили вовсе, и... и уѣзжайте. Вы умный человѣкъ, поймете... *(пауза)*. Я даже красная вся стала.

Астровъ. Если бы вы сказали мѣсяцъ-два назадъ, то я, пожалуй, еще подумалъ бы, но теперь... *(пожимаетъ плечами)*. А если она страдаетъ, то, конечно... Только одного не понимаю: зачѣмъ вамъ понадобился этотъ допросъ? *(глядитъ ей въ глаза и грозитъ пальцемъ)*. Вы—хитрая!

Елена Андреевна. Что это значитъ?

Астровъ *(смѣясь)*. Хитрая! Положимъ, Соня страдаетъ, я охотно допускаю, но къ чему этотъ вашъ допросъ? *(мѣшая ей говорить, живо)*. Позвольте, не дѣлайте удивленнаго лица, вы отлично знаете, зачѣмъ я бываю здѣсь каждый день... Зачѣмъ и ради кого бываю, это вы отлично знаете. Хищница милая, не смотрите на меня такъ, я старый воробей...

Елена Андреевна *(въ недоумѣніи)*. Хищница? Ничего не понимаю.

Астровъ. Красивый, пушистый хорекъ... Вамъ нужны жертвы! Вотъ я уже цѣлый мѣсяцъ ничего не дѣлаю, бросилъ все, жадно ищу васъ—и это вамъ ужасно нравится, ужасно... Ну, что-жъ? Я побѣжденъ, вы это знали и безъ допроса *(скрестивъ руки и нагнувъ голову)*. Покоряюсь. На-те, ѣшьте!

Елена Андреевна. Вы съ ума сошли!

Астровъ *(смѣется сквозь зубы)*. Вы застѣнчивы...

Елена Андреевна. О, я лучше и выше, чѣмъ вы думаете! Клянусь вамъ *(хочетъ уйти)*.

Астровъ *(загораживая ей дорогу)*. Я сегодня уѣду, бывать здѣсь не буду, но... *(беретъ ее за руку, оглядывается)* гдѣ мы будемъ видѣться? Говорите скорѣе: гдѣ? Сюда могутъ войти, говорите скорѣе... *(страстно)*. Какая чудная, роскошная... Одинъ поцѣлуй... Мнѣ поцѣловать только ваши ароматные волосы...

Елена Андреевна. Клянусь вамъ...

Астровъ *(мѣшая ей говорить)*. Зачѣмъ клясться? Не надо клясться. Не надо лишнихъ словъ... О, какая красивая! Какія руки! *(цѣлуетъ руки)*.

Елена Андреевна. Но довольно, наконецъ... уходите... *(отнимаетъ руки)*. Вы забылись.

Астровъ. Говорите же, говорите, гдѣ мы завтра увидимся? *(беретъ ее за талію)*. Ты видишь, это неизбѣжно, намъ надо видѣться *(цѣлуетъ ее; въ это время входитъ Войницкій съ букетомъ розъ и останавливается у двери)*.

Елена Андреевна *(не видя Войницкаго)*. Поцадите... оставьте меня... *(кладетъ Астрову голову на грудь)*. Нѣтъ! *(хочетъ уйти)*.

Астровъ *(удерживая ее за талію)*. Пріѣзжай завтра въ лѣсничество... часамъ къ двумъ... Да? Да? Ты пріѣдешь?

Елена Андреевна *(увидѣвъ Войницкаго)*. Пустите! *(въ сильномъ смущеніи отходитъ къ окну)*. Это ужасно.

Войницкій *(кладетъ букетъ на стулъ; волнуясь, вытираетъ платкомъ лицо и за воротникомъ).* Ничего... Да... Ничего.

Астровъ *(будируя).* Сегодня, многоуважаемый Иванъ Петровичъ, погода не дурна. Утромъ было пасмурно, словно какъ бы на дождь, а теперь солнце. Говоря по совѣсти, осень выдалась прекрасная... и озими ничего себѣ *(свертываетъ картограмму въ трубку).* Вотъ только что: дни коротки стали... *(уходитъ).*

Елена Андреевна *(быстро подходитъ къ Войницкому).* Вы постараетесь, вы употребите все ваше вліяніе, чтобы я и мужъ уѣхали отсюда сегодня же! Слышите? Сегодня же!

Войницкій *(вытирая лицо).* А? Ну, да... хорошо... Я, Hélène, все видѣлъ, все...

Елена Андреевна *(нервно).* Слышите? Я должна уѣхать отсюда сегодня же!

(Входятъ Серебряковъ, Соня, Телѣгинъ и Марина).

Телѣгинъ. Я самъ, ваше превосходительство, что-то не совсѣмъ здоровъ. Вотъ уже два дня хвораю. Голова что-то того...

Серебряковъ. Гдѣ же остальные? Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринтъ. Двадцать шесть громадныхъ комнатъ, разбредутся всѣ, и никого никогда не найдешь *(звонитъ).* Пригласите сюда Марью Васильевну и Елену Андреевну!

Елена Андреевна. Я здѣсь.

Серебряковъ. Прошу, господа, садиться.

Соня *(подойдя къ Еленѣ Андреевнѣ, нетерпѣливо).* Что онъ сказалъ?

Елена Андреевна. Послѣ.

Соня. Ты дрожишь? Ты взволнована? *(пытливо всматривается въ ея лицо).* Я понимаю... Онъ сказалъ, что уже больше не будетъ бывать здѣсь... да? *(пауза).* Скажи! да?

(Елена Андреевна утвердительно киваетъ головой).

Серебряковъ *(Телѣгину).* Съ нездоровьемъ еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, такъ это строя деревенской жизни. У меня такое чувство, какъ будто я съ земли свалился на какую-то чужую планету. Садитесь, господа, прошу васъ. Соня! *(Соня не слышитъ его, она стоитъ, печально опустивъ голову).* Соня! *(пауза).* Не слышитъ *(Маринѣ).* И ты, няня, садись *(няня садится и вяжетъ чулокъ).* Прошу, господа. Повѣсьте, такъ сказать, ваши уши на гвоздь вниманія *(смѣется).*

Войницкій *(волнуясь)*. Я, быть-можетъ, не нуженъ? Могу уйти?

Серебряковъ. Нѣтъ, ты здѣсь нужнѣе всѣхъ.

Войницкій. Что вамъ отъ меня угодно?

Серебряковъ. Вамъ... Что же ты сердишься? *(пауза)*. Если я въ чемъ виноватъ передъ тобою, то извини, пожалуйста.

Войницкій. Оставь этотъ тонъ. Приступимъ къ дѣлу... Что тебѣ нужно?

(Входитъ Марія Васильевна).

Серебряковъ. Вотъ и maman. Я начинаю, господа *(пауза)*. Я пригласилъ васъ, господа, чтобы объявить вамъ, что къ намъ ѣдетъ ревизоръ. Впрочемъ, шутки въ сторону. Дѣло серьезное. Я, господа, собралъ васъ, чтобы попросить у васъ помощи и совѣта, и, зная всегдашнюю вашу любезность, надѣюсь, что получу ихъ. Человѣкъ я ученый, книжный и всегда былъ чуждъ практической жизни. Обойтись безъ указаній свѣдущихъ людей я не могу и прошу тебя, Иванъ Петровичъ, вотъ васъ, Илья Ильичъ, васъ, maman... Дѣло въ томъ, что manet omnes una nox, то-есть всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; я старъ, боленъ и потому нахожу своевременнымъ регулировать свои имущественныя отношенія постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себѣ я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-дѣвушка *(пауза)*. Продолжать жить въ деревнѣ мнѣ невозможно. Мы для деревни не созданы. Жить же въ городѣ на тѣ средства, какія мы получаемъ отъ этого имѣнія, невозможно. Если продать, положимъ, лѣсъ, то это мѣра экстраординарная, которою нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такія мѣры, которыя гарантировали бы намъ постоянную, болѣе или менѣе опредѣленную цифру дохода. Я придумалъ одну такую мѣру и имѣю честь предложить ее на ваше обсужденіе. Минуя детали, изложу ее въ общихъ чертахъ. Наше имѣніе даетъ въ среднемъ размѣрѣ не болѣе двухъ процентовъ. Я предлагаю продать его. Если вырученныя деньги мы обратимъ въ процентныя бумаги, то будемъ получать отъ четырехъ до пяти процентовъ, и я думаю, что будетъ даже излишекъ въ нѣсколько тысячъ, который намъ позволитъ купить въ Финляндіи небольшую дачу.

Войницкій. Постой... Мнѣ кажется, что мнѣ измѣняетъ мой слухъ. Повтори, что ты сказалъ.

Серебряковъ. Деньги обратить въ процентныя бумаги и на излишекъ, какой останется, купить дачу въ Финляндіи.

Войницкій. Не Финляндія... Ты еще что-то другое сказалъ.

Серебряковъ. Я предлагаю продать имѣніе.

Войницкій. Вотъ это самое. Ты продашь имѣніе, превосходно, богатая идея... А куда прикажешь дѣваться мнѣ со старухой-матерью и вотъ съ Соней.

Серебряковъ. Все это своевременно мы обсудимъ. Не сразу же.

Войницкій. Постой. Очевидно, до сихъ поръ у меня не было ни капли здраваго смысла. До сихъ поръ я имѣлъ глупость думать, что это имѣніе принадлежитъ Сонѣ. Мой покойный отецъ купилъ это имѣніе въ приданое для моей сестры. До сихъ поръ я былъ наивенъ, понималъ законы не по-турецки и думалъ, что имѣніе отъ сестры перешло къ Сонѣ.

Серебряковъ. Да, имѣніе принадлежитъ Сонѣ. Кто споритъ? Безъ согласія Сони я не рѣшусь продать его. Къ тому же я предполагаю сдѣлать это для блага Сони.

Войницкій. Это непостижимо, непостижимо! Или я съ ума сошелъ, или... или...

Марія Васильевна. Жанъ, не противорѣчь Александру. Вѣрь, онъ лучше насъ знаетъ, что хорошо и что дурно.

Войницкій. Нѣтъ, дайте мнѣ воды *(пьетъ воду)*. Говорите, что хотите, что хотите!

Серебряковъ. Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проектъ идеаленъ. Если всѣ найдутъ его негоднымъ, то я не буду настаивать *(пауза)*.

Телѣгинъ *(въ смущеніи)*. Я, ваше превосходительство, питаю къ наукѣ не только благоговѣніе, но и родственныя чувства. Брата моего Григорія Ильича жены братъ, можетъ, изволите знать, Константинъ Трофимовичъ Лакедемоновъ, былъ магистромъ...

Войницкій. Постой, Вафля, мы о дѣлѣ... Погоди, послѣ... *(Серебрякову)*. Вотъ спроси ты у него. Это имѣніе куплено у его дяди.

Серебряковъ. Ахъ, зачѣмъ мнѣ спрашивать? Къ чему?

Войницкій. Это имѣніе было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысячъ. Отецъ уплатилъ только семьдесятъ и осталось долгу двадцать пять тысячъ. Теперь слушайте... Имѣніе это не было бы куплено, если бы я не

отказался отъ наслѣдства въ пользу сестры, которую горячо любилъ. Мало того, я десять лѣтъ работалъ, какъ волъ, и выплатилъ весь долгъ.

Серебряковъ. Я жалѣю, что началъ этотъ разговоръ.

Войницкій. Имѣніе чисто отъ долговъ и не разстроено только благодаря моимъ личнымъ усиліямъ. И вотъ, когда я сталъ старъ, меня хотятъ выгнать отсюда въ шею!

Серебряковъ. Я не понимаю, чего ты добиваешься!

Войницкій. Двадцать пять лѣтъ я управлялъ этимъ имѣніемъ, работалъ, высылалъ тебѣ деньги, какъ самый добросовѣстный приказчикъ, и за все время ты ни разу не поблагодарилъ меня. Все время—и въ молодости, и теперь—я получалъ отъ тебя жалованья пятьсотъ рублей въ годъ—нищенскія деньги!—и ты ни разу не догадался прибавить мнѣ хоть одинъ рубль!

Серебряковъ. Иванъ Петровичъ, почемъ же я зналъ? Я человѣкъ не практическій и ничего не понимаю. Ты могъ бы самъ прибавить себѣ, сколько угодно.

Войницкій. Зачѣмъ я не кралъ? Отчего вы всѣ не презираете меня за то, что я не кралъ? Это было бы справедливо, и теперь я не былъ бы нищимъ!

Марія Васильевна (*строго*). Жанъ!

Телѣгинъ (*волнуясь*). Ваня, дружочекъ, не надо, не надо... я дрожу... Зачѣмъ портить хорошія отношенія? (*цѣлуетъ его*). Не надо.

Войницкій. Двадцать пять лѣтъ я вотъ съ этою матерью, какъ кротъ, сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ... Всѣ наши мысли и чувства принадлежали тебѣ одному. Днемъ мы говорили о тебѣ, о твоихъ работахъ, гордились тобою, съ благоговѣніемъ произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которыя я теперь глубоко презираю!

Телѣгинъ. Не надо, Ваня не надо... Не могу...

Серебряковъ (*гнѣвно*). Не понимаю, что тебѣ нужно?

Войницкій. Ты для насъ былъ существомъ высшаго порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты объ искусствѣ, но ничего не понимаешь въ искусствѣ! Всѣ твои работы, которыя я любилъ, не стоятъ гроша мѣднаго! Ты морочилъ насъ!

Серебряковъ. Господа. Да уймите же его, наконецъ! Я уйду!

Елѣна Андреевна. Иванъ Петровичъ, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкій. Не замолчу! *(загораживая Серебрякову дорогу).* Постой, я не кончилъ! Ты погубилъ мою жизнь! Я не жилъ, не жилъ! По твоей милости я истребилъ, уничтожилъ лучшіе годы своей жизни! Ты мой злѣйшій врагъ!

Телѣгинъ. Я не могу... не могу... Я уйду... *(въ сильномъ волненіи уходитъ).*

Серебряковъ. Что ты хочешь отъ меня? И какое ты имѣешь право говорить со мною такимъ тономъ? Ничтожество! Если имѣніе твое, то бери его, я не нуждаюсь въ немъ!

Елена Андреевна. Я сію же минуту уѣзжаю изъ этого ада! *(кричитъ).* Я не могу дольше выносить!

Войницкій. Пропала жизнь! Я талантливъ, уменъ, смѣлъ... Если бы я жилъ нормально, то изъ меня могъ бы выйти Шопенгауэръ, Достоевскій... Я зарапортовался! Я съ ума схожу... Матушка, я въ отчаяніи! Матушка!

Марія Васильевна *(строго).* Слушайся Александра!

Соня *(становится передъ няней на колѣни и прижимается къ ней).* Нянечка! Нянечка!

Войницкій. Матушка! Что мнѣ дѣлать? Не нужно, не говорите! Я самъ знаю, что мнѣ дѣлать! *(Серебрякову).* Будешь ты меня помнить! *(уходитъ въ среднюю дверь).*

(Марія Васильевна идетъ за нимъ).

Серебряковъ. Господа, что же это такое, наконецъ? Уберите отъ меня этого сумасшедшаго! Не могу я жить съ нимъ подъ одною крышей! Живетъ тутъ *(указываетъ на среднюю дверь)*, почти рядомъ со мною... Пусть перебирается въ деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться съ нимъ въ одномъ домѣ я не могу,..

Елена Андреевна *(мужу).* Мы сегодня уѣдемъ отсюда! Необходимо распорядиться сію же минуту.

Серебряковъ. Ничтожнѣйшій человѣкъ!

Соня *(стоя на колѣняхъ, оборачивается къ отцу; нервно, сквозь слезы).* Надо быть милосерднымъ, папа! Я и дядя Ваня такъ несчастны! *(сдерживая отчаяніе).* Надо быть милосерднымъ! Вспомни, когда ты былъ помоложе, дядя Ваня и бабушка по ночамъ переводили для тебя книги, переписывали твои бумаги... всѣ ночи, всѣ ночи! Я и дядя Ваня работали безъ отдыха, боялись потратить на себя копейку и все посылали тебѣ... Мы не ѣли даромъ хлѣба!

Я говорю не то, не то я говорю, но ты долженъ понять насъ, папа. Надо быть милосерднымъ!

Елена Андреевна *(взволнованная, мужу)*. Александръ, ради Бога объяснись съ нимъ... Умоляю.

Серебряковъ. Хорошо, я объяснюсь съ нимъ... Я ни въ чемъ его не обвиняю, я не сержусь, но согласитесь, поведеніе его по меньшей мѣрѣ странно. Извольте, я пойду къ нему *(уходитъ въ среднюю дверь)*.

Елена Андреевна. Будь съ нимъ помягче, успокой его... *(уходитъ за нимъ)*.

Соня *(прижимаясь къ нянѣ)*. Нянечка! Нянечка!

Марина. Ничего, дѣточка. Погогочутъ гусаки—и перестанутъ... Погогочутъ—и перестанутъ...

Соня. Нянечка!

Марина *(гладитъ ее по головѣ)*. Дрожишь, словно въ морозъ! Ну, ну, сиротка, Богъ милостивъ. Липоваго чайку, или малинки, оно и пройдетъ... Не горюй, сиротка... *(глядя на среднюю дверь съ сердцемъ)*. Ишь, расходились, гусаки, чтобъ вамъ пусто!

(За сценой выстрѣлъ; слышно, какъ вскрикиваетъ Елена Андреевна; Соня вздрагиваетъ).

Марина. У, чтобъ тебя!

Серебряковъ *(вбѣгаетъ, пошатываясь отъ испуга)*. Удержите его! Удержите! Онъ сошелъ съ ума!

(Елена Андреевна и Войницкій борются въ дверяхъ).

Елена Андреевна *(стараясь отнять у него револьверъ)*. Отдайте! Отдайте, вамъ говорятъ!

Войницкій. Пустите, Hélène! Пустите меня! *(освободившись, вбѣгаетъ и ищетъ глазами Серебрякова)*. Гдѣ онъ? А, вотъ онъ! *(стрѣляетъ въ него)*. Бацъ! *(пауза)*. Не попалъ? Опять промахъ?! *(съ гнѣвомъ)*. А, чортъ, чортъ... чортъ бы побралъ... *(бьетъ револьверомъ объ полъ и въ изнеможеніи садится на стулъ. Серебряковъ ошеломленъ; Елена Андреевна прислонилась къ стѣнѣ, ей дурно)*.

Елена Андреевна. Увезите меня отсюда! Увезите, убейте, но... я не могу здѣсь оставаться, не могу!

Войницкій *(въ отчаяніи)*. О, что я дѣлаю! Что я дѣлаю!

Соня *(тихо)*. Нянечка! Нянечка!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната Ивана Петровича; тутъ его спальня тутъ же и контора имѣнія. У окна большой столъ съ приходо-расходными книгами и бумагами всякаго рода, конторка, шкапы, вѣсы. Столъ поменьше для Астрова; на этомъ столѣ принадлежности для рисованія, краски; возлѣ папка. Клѣтка со скворцомъ. На стѣнѣ карта Африки, видимо, никому здѣсь не нужная. Громадный диванъ, обитый клеенкой. Налѣво—дверь, ведущая въ покои; направо—дверь въ сѣни; подлѣ правой двери положенъ половикъ, чтобы не нагрязнили мужики.—Осенній вечеръ. Тишина.

Телѣгинъ и Марина сидятъ другъ противъ друга и мотаютъ чулочную шерсть.

Телѣгинъ. Вы скорѣе, Марина Тимоѳеевна, а то сейчасъ позовутъ прощаться. Уже приказали лошадей подавать.

Марина *(старается мотать быстрѣе).* Немного осталось.

Телѣгинъ. Въ Харьковъ уѣзжаютъ. Тамъ жить будутъ.

Марина. И лучше.

Телѣгинъ. Напужались... Елена Андреевна «одного часа, говоритъ, не желаю жить здѣсь... уѣдемъ, да уѣдемъ... Поживемъ, говоритъ, въ Харьковѣ, оглядимся и тогда за вещами пришлемъ...» Налегкѣ уѣзжаютъ. Значитъ, Марина Тимоѳеевна, не судьба имъ жить тутъ. Не судьба... Фатальное предопредѣленіе.

Марина. И лучше. Давеча подняли шумъ, пальбу—срамъ одинъ!

Телѣгинъ. Да, сюжетъ, достойный кисти Айвазовскаго.

Марина. Глаза бы мои не глядѣли *(пауза).* Опять заживемъ, какъ было, по-старому. Утромъ въ восьмомъ часу чай, въ первомъ часу обѣдъ, вечеромъ—ужинать садиться; все своимъ порядкомъ, какъ у людей... по-христіански *(со вздохомъ).* Давно уже я, грѣшница, лапши не ѣла.

Телѣгинъ. Да, давненько у насъ лапши не готовили *(пауза).* Давненько... Сегодня утромъ, Марина Тимоѳеевна, иду я деревней, а лавочникъ мнѣ вслѣдъ: «Эй, ты, приживалъ!» И такъ мнѣ горько стало!

Марина. А ты безъ вниманія, батюшка. Всѣ мы у Бога приживалы. Какъ ты, какъ Соня, какъ Иванъ Петровичъ—никто безъ дѣла ни сидитъ, всѣ трудимся! Всѣ... Гдѣ Соня?

Телѣгинъ. Въ саду. Съ докторомъ все ходитъ, Ивана Петровича ищетъ. Боятся, какъ бы онъ на себя рукъ не наложилъ.

Марина. А гдѣ его пистолетъ?

Телѣгинъ *(шопотомъ)*. Я въ погребѣ спряталъ!

Марина *(съ усмѣшкой)*. Грѣхи!

(Входятъ со двора Войницкій и Астровъ).

Войницкій. Оставь меня *(Маринѣ и Телѣгину)*. Уйдите отсюда, оставьте меня одного хоть на одинъ часъ! Я не терплю опеки.

Телѣгинъ. Сію минуту, Ваня *(уходитъ на цыпочкахъ)*.

Марина. Гусакъ: го-го-го! *(собираетъ шерсть и уходитъ)*.

Войницкій. Оставь меня!

Астровъ. Съ большимъ удовольствіемъ, мнѣ давно уже нужно уѣхать отсюда, но, повторяю, я не уѣду, пока ты не возвратишь того, что взялъ у меня.

Войницкій. Я у тебя ничего не бралъ.

Астровъ. Серьезно говорю — не задерживай. Мнѣ давно уже пора ѣхать.

Войницкій. Ничего я у тебя не бралъ *(оба садятся)*.

Астровъ. Да? Что-жъ, погожу еще немного, а потомъ извини, придется употребить насиліе. Свяжемъ тебя и обыщемъ. Говорю это совершенно серьезно.

Войницкій. Какъ угодно *(пауза)*. Разыграть такого дурака: стрѣлять два раза и ни разу не попасть! Этого я себѣ никогда не прощу!

Астровъ. Пришла охота стрѣлять, ну, и палилъ бы въ лобъ себѣ самому.

Войницкій *(пожавъ плечами)*. Странно. Я покушался на убійство, а меня не арестовываютъ, не отдаютъ подъ судъ. Значитъ, считаютъ меня сумасшедшимъ *(злой смѣхъ)*. Я—сумасшедшій, а не сумасшедшіе тѣ, которые подъ личиной профессора, ученаго мага, прячутъ свою бездарность, тупость, свое воиющее безсердечіе. Не сумасшедшія тѣ, которыя выходятъ за стариковъ и потомъ у всѣхъ на глазахъ обманываютъ ихъ. Я видѣлъ, видѣлъ, какъ ты обнималъ ее!

Астровъ. Да-съ, обнималъ-съ, а тебѣ вотъ *(дѣлаетъ носъ)*.

Войницкій *(глядя на дверь)*. Нѣтъ, сумасшедшая земля, которая еще держитъ васъ!

Астровъ. Ну, и глупо.

Войницкій. Что-жъ, я—сумасшедшій, невмѣняемъ, я имѣю право говорить глупости.

Астровъ. Стара штука. Ты не сумасшедшій, а просто

чудакъ. Шутъ гороховый. Прежде и я всякаго чудака считалъ больнымъ, ненормальнымъ, а теперь я такого мнѣнія, что нормальное состояніе человѣка—это быть чудакомъ. Ты вполнѣ нормаленъ.

Войницкій *(закрываетъ лицо руками).* Стыдно! Если бы ты зналъ, какъ мнѣ стыдно! Это острое чувство стыда не можетъ сравниться ни съ какою болью *(съ тоской).* Невыносимо! *(склоняется къ столу).* Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

Астровъ. Ничего.

Войницкій. Дай мнѣ чего-нибудь! О, Боже мой... Мнѣ 47 лѣтъ; если, положимъ, я проживу до 60-ти, то мнѣ остается еще тринадцать. Долго! Какъ я проживу эти тринадцать лѣтъ? Что буду дѣлать, чѣмъ наполню ихъ? О, понимаешь... *(судорожно жметъ Астрову руку)* понимаешь, если бы можно было прожить остатокъ жизни какъ-нибудь по-новому. Проснуться бы въ ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты началъ снова, что все прошлое забыто, разсѣялось, какъ дымъ *(плачетъ).* Начать новую жизнь... Подскажи мнѣ, какъ начать... съ чего начать...

Астровъ *(съ досадой).* Э, ну тебя! Какая еще тамъ новая жизнь! Наше положеніе, твое и мое, безнадежно.

Войницкій. Да?

Астровъ. Я убѣжденъ въ этомъ.

Войницкій. Дай мнѣ чего-нибудь... *(показывая на сердце).* Жжетъ здѣсь.

Астровъ *(кричитъ сердито).* Перестань! *(смягчившись).* Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и которые будутъ презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно,—тѣ, быть-можетъ, найдутъ средство, какъ быть счастливыми, а мы... У насъ съ тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будемъ почивать въ своихъ гробахъ, то насъ посѣтятъ видѣнія, быть-можетъ, даже пріятныя *(вздохнувъ).* Да, братъ. Во всемъ уѣздѣ было только два порядочныхъ, интеллигентныхъ человѣка: я да ты. Но въ какія-нибудь десять лѣтъ жизнь обывательская, жизнь презрѣнная затянула насъ; она своими гнилыми испареніями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, какъ всѣ *(живо).* Но ты мнѣ зубовъ не заговаривай, однако. Ты отдай то, что взялъ у меня.

Войницкій. Я у тебя ничего не бралъ.

Астровъ. Ты взялъ у меня изъ дорожной аптеки баночку съ морфіемъ *(пауза)*. Послушай, если тебѣ, во что бы то ни стало, хочется покончить съ собою, то ступай въ лѣсъ и застрѣлись тамъ. Морфій же отдай, а то пойдутъ разговоры, догадки, подумаютъ, что это я тебѣ далъ... Съ меня же довольно и того, что мнѣ придется вскрывать тебя... Ты думаешь, это интересно? *(входитъ Соня)*.

Войницкій. Оставь меня.

Астровъ *(Сонѣ)*. Софья Александровна, вашъ дядя утащилъ изъ моей аптеки баночку съ морфіемъ и не отдаетъ. Скажите ему, что это... не умно, наконецъ. Да и некогда мнѣ. Мнѣ пора ѣхать.

Соня. Дядя Ваня, ты взялъ морфій? *(пауза)*.

Астровъ. Онъ взялъ. Я въ этомъ увѣренъ.

Соня. Отдай. Зачѣмъ ты насъ пугаешь? *(нѣжно)*. Отдай, дядя Ваня! Я, быть-можетъ, несчастна не меньше твоего, однакоже не прихожу въ отчаяніе. Я терплю и буду терпѣть, пока жизнь моя не кончится сама собою... Терпи и ты *(пауза)*. Отдай! *(цѣлуетъ ему руки)*. Дорогой, славный дядя, милый, отдай! *(плачетъ)*. Ты добрый, ты пожалѣешь насъ и отдашь. Терпи, дядя! Терпи!

Войницкій *(достаетъ изъ стола баночку и подаетъ ее Астрову)*. На, возьми! *(Сонѣ)*. Но надо скорѣе работать, скорѣе дѣлать что-нибудь, а то не могу... не могу...

Соня. Да, да, работать. Какъ только проводимъ нашихъ, сядемъ работать... *(нервно перебираетъ на столѣ бумаги)*. У насъ все запущено.

Астровъ *(кладетъ баночку въ аптеку и затягиваетъ ремни)*. Теперь можно и въ путь.

Елена Андреевна *(входитъ)*. Иванъ Петровичъ, вы здѣсь? Мы сейчасъ уѣзжаемъ. Идите къ Александру, онъ хочетъ что-то сказать вамъ.

Соня. Иди, дядя Ваня *(беретъ Войницкаго подъ руку)*. Пойдемъ. Папа и ты должны помириться. Это необходимо.

(Соня и Войницкій уходятъ).

Елена Андреевна. Я уѣзжаю *(подаетъ Астрову руку)*. Прощайте.

Астровъ. Уже?

Елена Андреевна. Лошади уже поданы.

Астровъ. Прощайте.

Елена Андреевна. Сегодня вы обѣщали мнѣ, что уѣдете отсюда.

Астровъ. Я помню. Сейчасъ уѣду *(пауза)*. Испугались? *(беретъ ее за руку)*. Развѣ это такъ страшно?

Елена Андреевна. Да.

Астровъ. А то остались бы! А? Завтра въ лѣсничествѣ...

Елена Андреевна. Нѣтъ... Уже рѣшено... И потому я гляжу на васъ такъ храбро, что уже рѣшенъ отъѣздъ... Я объ одномъ васъ прошу: думайте обо мнѣ лучше. Мнѣ хочется, чтобы вы меня уважали.

Астровъ. Э! *(жестъ нетерпѣнія)*. Останьтесь, прошу васъ. Сознайтесь, дѣлать вамъ на этомъ свѣтѣ нечего, цѣли жизни у васъ никакой, занять вамъ своего вниманія нечѣмъ, и, рано или поздно, все равно поддадитесь чувству,—это неизбѣжно. Такъ ужъ лучше это не въ Харьковѣ и не гдѣнибудь въ Курскѣ, а здѣсь, на лонѣ природы... Поэтично, по крайней мѣрѣ, даже очень красиво... Здѣсь есть лѣсничество, полуразрушенныя усадьбы во вкусѣ Тургенева...

Елена Андреевна. Какой вы смѣшной... Я сердита на васъ, но все же... буду вспоминать о васъ съ удовольствіемъ. Вы интересный, оригинальный человѣкъ. Больше мы съ вами уже никогда не увидимся, а потому — зачѣмъ скрывать? Я даже увлеклась вами немножко. Ну, давайте пожмемъ другъ другу руки и разойдемся друзьями. Не поминайте лихомъ.

Астровъ *(пожалъ руку)*. Да, уѣзжайте... *(въ раздумьѣ)*. Какъ будто бы вы и хорошій, душевный человѣкъ, но какъ будто бы и что-то странное во всемъ вашемъ существѣ. Вотъ вы пріѣхали сюда съ мужемъ, и всѣ, которые здѣсь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дѣла и все лѣто заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба — онъ и вы — заразили всѣхъ насъ вашею праздностью. Я увлекся, цѣлый мѣсяцъ ничего не дѣлалъ, а въ это время люди болѣли, въ лѣсахъ моихъ, лѣсныхъ порослях, мужики пасли свой скотъ... Итакъ, куда бы ни ступили вы и вашъ мужъ, всюду вы вносите разрушеніе... Я шучу, конечно, но все же... странно, и я убѣжденъ, что если бы вы остались, то опустошеніе произошло бы громадное. И я бы погибъ, да и вамъ бы... не сдобровать. Ну, уѣзжайте. Finita la comedia!

Елена Андреевна *(беретъ съ его стола карандашъ и бы-*

стро прячетъ). Этотъ карандашъ я беру себѣ на память.

Астровъ. Какъ-то странно... Были знакомы и вдругъ почему-то... никогда уже больше не увидимся. Такъ и все на свѣтѣ... Пока здѣсь никого нѣтъ, пока дядя Ваня не вошелъ съ букетомъ, позвольте мнѣ... поцѣловать васъ... На прощанье... Да? *(цѣлуетъ ее въ щеку).* Ну, вотъ... и прекрасно.

Елена Андреевна. Желаю вамъ всего хорошаго *(оглянувшись).* Куда ни шло, разъ въ жизни! *(обнимаетъ его порывисто, и оба тотчасъ же быстро отходятъ другъ отъ друга).* Надо уѣзжать.

Астровъ. Уѣзжайте поскорѣе. Если лошади поданы, то отправляйтесь.

Елена Андреевна. Сюда идутъ, кажется *(оба прислушиваются).*

Астровъ. Finita!

(Входятъ Серебряковъ, Войницкій, Марія Васильевна съ книгой, Телѣгинъ и Соня).

Серебряковъ *(Войницкому).* Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Послѣ того, что случилось, въ эти нѣсколько часовъ я такъ много пережилъ и столько передумалъ, что. кажется, могъ бы написать въ назиданіе потомству цѣлый трактатъ о томъ, какъ надо жить. Я охотно принимаю твои извиненія и самъ прошу извинить меня. Прощай! *(цѣлуется съ Войницкимъ три раза).*

Войницкій. Ты будешь аккуратно получать то же, что получалъ и раньше. Все будетъ по-старому.

(Елена Андреевна обнимаетъ Соню).

Серебряковъ *(цѣлуетъ у Маріи Васильевны руку).* Maman...

Марія Васильевна *(цѣлуя его).* Александръ, снимитесь опять и пришлите мнѣ вашу фотографію. Вы знаете, какъ вы мнѣ дороги.

Телѣгинъ. Прощайте, ваше превосходительство! Насъ не забывайте!

Серебряковъ *(поцѣловавъ дочь).* Прощай... Всѣ прощайте! *(подавая руку Астрову).* Благодарю васъ за пріятное общество... Я уважаю вашъ образъ мыслей, ваши увлеченія, порывы, но позвольте старику внести въ мой прощальный привѣтъ только одно замѣчаніе: надо, господа, дѣло дѣлать! Надо дѣло дѣлать! *(общій поклонъ).* Всего хорошаго! *(уходитъ; за нимъ идутъ Марія Васильевна и Соня).*

Войницкій *(крѣпко цѣлуетъ руку у Елены Андреевны).* Прощайте... Простите... Никогда больше не увидимся.

Елена Андреевна *(растроганная).* Прощайте, голубчикъ *(цѣлуетъ его въ голову и уходитъ).*

Астровъ *(Телѣгину).* Скажи тамъ, Вафля, чтобы заодно кстати подавали и мнѣ лошадей.

Телѣгинъ. Слушаю, дружочекъ *(уходитъ).*

(Остаются только Астровъ и Войницкій).

Астровъ *(убираетъ со стола краски и прячетъ ихъ въ чемоданъ).* Что же ты не идешь проводить?

Войницкій. Пусть уѣзжаютъ, а я... я не могу. Мнѣ тяжело. Надо поскорѣй занять себя чѣмъ-нибудь... Работать, работать! *(роется въ бумагахъ на столѣ).*

(Пауза; слышны звонки).

Астровъ. Уѣхали. Профессоръ радъ, небось. Его теперь сюда и калачомъ не заманишь.

Марина *(входитъ).* Уѣхали *(садится въ кресло и вяжетъ чулокъ).*

Соня *(входитъ).* Уѣхали *(утираетъ глаза).* Дай Богъ благополучно *(дядѣ).* Ну, дядя Ваня, давай дѣлать что-нибудь.

Войницкій. Работать, работать...

Соня. Давно, давно уже мы не сидѣли вмѣстѣ за этимъ столомъ *(зажигаетъ на столѣ лампу).* Чернилъ, кажется, нѣтъ... *(беретъ чернильницу, идетъ къ шкапу и наливаетъ чернилъ).* А мнѣ грустно, что они уѣхали.

Марія Васильевна *(медленно входитъ).* Уѣхали! *(садится и погружается въ чтеніе).*

Соня *(садится за столъ и перелистываетъ конторскую книгу).* Напишемъ, дядя Ваня, прежде всего счета. У насъ страшно запущено. Сегодня опять присылали за счетомъ. Пиши. Ты пиши одинъ счетъ, я—другой...

Войницкій *(пишетъ).* «Счетъ... господину...» *(оба пишутъ молча).*

Марина *(зѣваетъ).* Баиньки захотѣлось...

Астровъ. Тишина. Перья скрипятъ, сверчокъ кричитъ. Тепло, уютно... Не хочется уѣзжать отсюда *(слышны бубенчики).* Вотъ подаютъ лошадей... Остается, стало-быть, проститься съ вами, друзья мои, проститься со своимъ столомъ и—айда! *(укладываетъ картограммы въ папку).*

Марина. И чего засуетился? Сидѣлъ бы.

Астровъ. Нельзя.

Войницкій *(пишетъ)*. «И стараго долга осталось два семьдесятъ пять»...

(Входитъ работникъ).

Работникъ. Михаилъ Львовичъ, лошади поданы.

Астровъ. Слышалъ *(подаетъ ему аптечку, чемоданъ и папку)*. Вотъ, возьми это. Гляди, чтобы не помять папку.

Работникъ. Слушаю *(уходитъ)*.

Астровъ. Ну-съ... *(идетъ проститься)*.

Соня. Когда же мы увидимся?

Астровъ. Не раньше лѣта, должно-быть. Зимой едва ли... Само собою, если случится что, то дайте знать — пріѣду *(пожимаетъ руки)*. Спасибо за хлѣбъ, за соль, за ласку... однимъ словомъ, за все *(идетъ къ нянѣ и цѣлуетъ ее въ голову)*. Прощай, старая.

Марина. Такъ и уѣдешь безъ чаю?

Астровъ. Не хочу, нянька.

Марина. Можетъ, водочки выпьешь?

Астровъ *(нерѣшительно)*. Пожалуй...

(Марина уходитъ).

Астровъ *(послѣ паузы)*. Моя пристяжная что-то захромала. Вчера еще замѣтилъ, когда Петрушка водилъ поить.

Войницкій. Перековать надо.

Астровъ. Придется въ Рождественномъ заѣхать къ кузнецу. Не миновать *(подходитъ къ картѣ Африки и смотритъ на нее)*. А, должно-быть, въ этой самой Африкѣ теперь жарища—страшное дѣло!

Войницкій. Да, вѣроятно.

Марина *(возвращается съ подносомъ, на которомъ рюмка водки и кусочекъ хлѣба)*. Кушай.

(Астровъ пьетъ водку).

Марина. На здоровье, батюшка *(низко кланяется)*. А ты бы хлѣбцемъ закусилъ.

Астровъ. Нѣтъ, я и такъ... Затѣмъ, всего хорошаго! *(Маринѣ)*. Не провожай меня, нянька. Не надо.

(Онъ уходитъ; Соня идетъ за нимъ со свѣчой, чтобы проводить его; Марина садится въ свое кресло).

Войницкій *(пишетъ)*. «2-го февраля масла постнаго 20 фунтовъ... 16-го февраля опять масла постнаго 20 фунтовъ... Гречневой крупы...» *(пауза)*.

(Слышны бубенчики).

Марина. Уѣхалъ.

(Пауза).

Соня *(возвращается, ставитъ свѣчу на столъ).* Уѣхалъ...

Войницкій *(сосчиталъ на счетахъ и записываетъ).* Итого... пятнадцать... двадцать пять...

(Соня садится и пишетъ).

Марина *(зѣваетъ).* Охъ, грѣхи наши...

(Тельминъ входитъ на цыпочкахъ, садится у двери и тихо настраиваетъ гитару).

Войницкій *(Сонѣ, проведя рукой по ея волосамъ).* Дитя мое, какъ мнѣ тяжело? О, если бъ ты знала, какъ мнѣ тяжело!

Соня. Что же дѣлать, надо жить! *(пауза).* Мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалится надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой — и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... *(становится передъ нимъ на колѣни и кладетъ голову на его руки; утомленнымъ голосомъ).* Мы отдохнемъ!

(Тельминъ тихо играетъ на гитарѣ).

Соня. Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка. Я вѣрую, вѣрую... *(вытираетъ ему платкомъ слезы).* Бѣдный, бѣдный, дядя Ваня, ты плачешь... *(сквозь слезы).* Ты не зналъ въ своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнемъ... *(обнимаетъ его).* Мы отдохнемъ!

(Стучитъ сторожъ).

(Тельминъ тихо напрываетъ; Марія Васильевна пишетъ на поляхъ брошюры; Марина вяжетъ чулокъ).

Соня. Мы отдохнемъ!

Занавѣсъ медленно опускается.

СВАДЬБА.

Сцена въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евдокимъ Захаровичъ Жигаловъ, отставной коллежскій регистраторъ.
Настасья Тимофеевна, его жена.
Дашенька, ихъ дочь.
Эпаминондъ Максимовичъ Апломбовъ, ея женихъ.
Ѳедоръ Яковлевичъ Ревуновъ-Карауловъ, капитанъ 2-го ранга въ отставкѣ.
Андрей Андреевичъ Нюнинъ, агентъ страхового общества.
Анна Мартыновна Змѣюкина, акушерка 30 лѣтъ, въ ярко-пунцовомъ платьѣ.
Иванъ Михайловичъ Ять, телеграфистъ.
Харлампій Спиридоновичъ Дымба, грекъ кондитеръ.
Дмитрій Степановичъ Мозговой, матросъ изъ Добровольнаго флота.
Шафера, кавалеры, лакеи и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ залъ кухмистера Андронова.

Ярко освѣщенная зала. Большой столъ, накрытый для ужина. Около стола хлопочутъ лакеи во фракахъ. За сценой музыка играетъ послѣднюю фигуру кадрили.

Змѣюкина, Ять и шаферъ (идетъ черезъ сцену).

Змѣюкина. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Ять *(идя за ней).* Сжальтесь! Сжальтесь!

Змѣюкина. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Шаферъ *(спѣша за ними).* Господа, такъ нельзя! Куда же вы? А гран-ронъ? Гран-ронъ силь-ву-пле! *(уходятъ).*

(Входятъ Настасья Тимофеевна и Апломбовъ).

Настасья Тимофеевна. Чѣмъ тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцовать.

Апломбовъ. Я не Спиноза какой-нибудь, чтобъ выдѣлывать ногами кренделя. Я человѣкъ положительный и съ характеромъ, и не вижу никакого развлеченія въ пустыхъ удовольствіяхъ. Но дѣло не въ танцахъ. Простите, maman, но я многаго не понимаю въ вашихъ поступкахъ. Напримѣръ, кромѣ предметовъ домашней необходимости, вы обѣщали также дать мнѣ за вашей дочерью два выигрышныхъ билета. Гдѣ они?

Настасья Тимофеевна. Голова у меня что-то разболѣлась... Должно, къ непогодѣ... Быть оттепели!

Апломбовъ. Вы мнѣ зубовъ не заговаривайте. Сегодня же я узналъ, что ваши билеты въ залогѣ. Извините, maman, но такъ поступаютъ одни только эксплоататоры. Я вѣдь это не изъ эгоистицизма—мнѣ ваши билеты не нужны, но я изъ принципа, и надувать себя никому не позволю. Я вашу дочь осчастливилъ и, если вы мнѣ не отдадите сегодня билетовъ, то я вашу дочь съ кашей съѣмъ. Я человѣкъ благородный!

Настасья Тимофеевна *(оглядывая столъ и считая приборы)*. Разъ, два, три, четыре, пять...

Лакей. Поваръ спрашиваетъ, какъ прикажете подавать мороженое: съ ромомъ, съ мадерой, или безъ никого?

Апломбовъ. Съ ромомъ. Да скажи хозяину, что вина мало. Скажи, чтобъ еще го-сотерну поставилъ *(Настасьѣ Тимофеевнѣ)*. Вы также обѣщали и уговоръ такой былъ, что сегодня за ужиномъ будетъ генералъ. А гдѣ онъ, спрашивается?

Настасья Тимофеевна. Это, батюшка, не я виновата.

Апломбовъ. Кто же?

Настасья Тимофеевна. Андрей Андреевичъ виноватъ... Вчерась онъ былъ и обѣщалъ привесть самаго настоящаго генерала *(вздыхаетъ)*. Должно, не нашелъ нигдѣ, а то привелъ бы... Нешто намъ жалко? Для родного дитя мы ничего не пожалѣемъ. Генералъ, такъ генералъ...

Апломбовъ. Но дальше... Всѣмъ, въ томъ числѣ и вамъ, maman, извѣстно, что за Дашенькой, пока я не сдѣлалъ ей предложенія, ухаживалъ этотъ телеграфистъ Ять. Зачѣмъ вы его пригласили? Развѣ вы не знали, что мнѣ это непріятно?

Настасья Тимофеевна. Охъ, какъ тебя? Эпаминондъ Максимычъ, еще и дня нѣтъ, какъ женился, а ужъ замучилъ ты и меня, и Дашеньку своими разговорами. А что будетъ черезъ годъ? Нудный ты, ухъ нудный!

Апломбовъ. Не нравится правду слушать? Ага! То-то! А вы поступайте благородно. Я отъ васъ хочу только одного: будьте благородны!

(Черезъ залу изъ одной двери въ другую проходятъ пары танцующихъ grand-rond. Въ передней парѣ шаферъ съ Дашенькой, въ задней Ять со Змѣюкиной. Послѣдняя пара отстаетъ и остается въ залѣ. Жигаловъ и Дымба входятъ и идутъ къ столу).

Шаферъ *(кричитъ)*. Променадъ! Мсье, променадъ! *(за сценой)* Променадъ!

(Пары уходятъ).

Ять *(Змѣюкиной)*. Сжальтесь! Сжальтесь, очаровательная Анна Мартыновна!

Змѣюкина. Ахъ, какой вы... Я уже вамъ сказала, что я сегодня не въ голосѣ.

Ять. Умоляю васъ, спойте! Одну только ноту! Сжальтесь! Одну только ноту!

Змѣюкина. Надоѣли... *(садится и машетъ вѣеромъ).*

Ять. Нѣтъ, вы просто безжалостны! У такого жестокаго созданія, позвольте вамъ выразиться, и такой чудный, чудный голосъ! Съ такимъ голосомъ, извините за выраженіе, не акушерствомъ заниматься, а концерты пѣть въ публичныхъ собраніяхъ! Напримѣръ, какъ божественно выходитъ у васъ вотъ эта фіоритура... вотъ эта... *(напѣваетъ).* «Я васъ любилъ, любовь еще напрасно...» Чудно!

Змѣюкина *(напѣваетъ).* «Я васъ любилъ, любовь еще быть можетъ...» Это?

Ять. Вотъ это самое! Чудно!

Змѣюкина. Нѣтъ, я не въ голосѣ сегодня... На-те, махайте на меня вѣеромъ... Жарко! *(Апломбову).* Эпаминондъ Максимычъ, что это вы въ меланхоліи? Развѣ жениху можно такъ? Какъ вамъ не стыдно, противный? Ну, о чемъ вы задумались?

Апломбовъ. Женитьба шагъ серьезный! Надо все обдумать всесторонне, обстоятельно.

Змѣюкина. Какіе вы всѣ противные скептики! Возлѣ васъ я задыхаюсь.. Дайте мнѣ атмосферы! Слышите? Дайте мнѣ атмосферы! *(напѣваетъ).*

Ять. Чудно! Чудно!

Змѣюкина. Махайте на меня, махайте, а то я чувствую, у меня сейчасъ будетъ разрывъ сердца. Скажите, пожалуйста, отчего мнѣ такъ душно?

Ять. Это оттого, что вы вспотѣли-съ..

Змѣюкина. Фуй, какъ вы вульгарны! Не смѣйте такъ выражаться!

Ять. Виноватъ! Конечно, вы привыкли, извините за выраженіе, къ аристократическому обществу и...

Змѣюкина. Ахъ, оставьте меня въ покоѣ! Дайте мнѣ поэзіи, восторговъ! Махайте, махайте...

Жигаловъ *(Дымбѣ).* Повторимъ, что ли? *(наливаетъ).* Пить во всякую минуту можно. Главное дѣйствіе, Харлампій Спиридонычъ, чтобъ дѣло свое не забывать. Пей, да дѣло разумѣй... А ежели насчетъ выпить, то почему не выпить? Выпить можно... За ваше здоровье! *(пьютъ).* А тигры у васъ въ Греціи есть?

Дымба. Есть.

Жигаловъ. А львы?

Дымба. И львы есть. Это въ Россіи ницего нѣту, а въ Греціи все есть. Тамъ у меня и отецъ, и дядя, и братья, а тутъ ницего нѣту.

Жигаловъ. Гм... А кашалоты въ Греціи есть?

Дымба. Все есть.

Настасья Тимофеевна *(мужу).* Что-жъ зря-то пить и закусывать? Пора бы ужъ всѣмъ садиться. Не тыкай вилкой въ омары... Это для генерала поставлено. Можетъ, еще придетъ...

Жигаловъ. А омары въ Греціи есть?

Дымба. Есть... Тамъ все есть.

Жигаловъ. Гм... А коллежскіе регистраторы есть?

Змѣюкина. Воображаю, какая въ Греціи атмосфера!

Жигаловъ. И должно-быть, жульничества много. Греки вѣдь все равно, что армяне или цыганы. Продаетъ тебѣ губку, или золотую рыбку, а самъ такъ и норовитъ, чтобъ содрать съ тебя лишнее. Повторимъ, что ли?

Настасья Тимофеевна. Что-жъ зря повторять? Всѣмъ бы ужъ пора садиться. Двѣнадцатый часъ...

Жигаловъ. Садиться, такъ садиться. Господа, покорнѣйше прошу! Пожалуйте! *(кричитъ).* Ужинать! Молодые люди!

Настасья Тимофеевна. Дорогіе гости, милости просимъ! Садитесь!

Змѣюкина *(садясь за столъ).* Дайте мнѣ поэзіи! А онъ мятежный ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой. Дайте мнѣ бурю!

Ять *(въ сторону).* Замѣчательная женщина! Влюбленъ! По уши влюбленъ!

(Входятъ Дашенька, Мозговой, шафера, кавалеры, барышни, и проч. Всѣ шумно усаживаются за столъ; минутная пауза; музыка играетъ маршъ).

Мозговой *(вставая).* Господа! Я долженъ сказать вамъ слѣдующее... У насъ приготовлено очень много тостовъ и рѣчей. Не будемъ дожидаться и начнемъ сейчасъ же. Господа, предлагаю выпить тостъ за новобрачныхъ!

(Музыка играетъ тушъ. Ура. Чоканье).

Мозговой. Горько!

Всѣ. Горько! Горько! *(Апломбовъ и Дашенька цѣлуются).*

Ять. Чудно! Чудно! Я долженъ вамъ выразиться, господа, и отдать должную справедливость, что эта зала и вообще

помѣщеніе великолѣпны! Превосходно, очаровательно! Только знаете, чего не хватаетъ для полнаго торжества? Электрическаго освѣщенія, извините за выраженіе! Во всѣхъ странахъ уже введено электрическое освѣщеніе, и одна только Россія отстала.

Жигаловъ *(глубокомысленно).* Электричество... Гм... А по моему взгляду, электрическое освѣщеніе—одно только жульничество... Всунутъ туда уголекъ, да и думаютъ глаза отвести! Нѣтъ, братъ, ужъ если ты даешь освѣщеніе, то ты давай не уголекъ, а что-нибудь существенное, этакое что-нибудь особенное, чтобъ было за что взяться! Ты давай огня — понимаешь? — огня, который натуральный, а не умственный!

Ять. Ежели бы вы видѣли электрическую батарею, изъ чего она составлена, то иначе бы разсуждали.

Жигаловъ. И не желаю видѣть. Жульничество. Народъ простой надуваютъ... Соки послѣдніе выжимаютъ... Знаемъ ихъ, этихъ самыхъ... А вы, господинъ молодой человѣкъ, чѣмъ за жульничество заступаться, лучше бы выпили и другимъ налили. Да, право!

Апломбовъ. Я съ вами, папаша, вполнѣ согласенъ. Къ чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и самъ поговорить о всевозможныхъ открытіяхъ въ научномъ смыслѣ, но вѣдь на это есть другое время! *(Дашенькѣ).* Ты какого мнѣнія, машеръ?

Дашенька. Они хочутъ свою образованность показать и всегда говорятъ о непонятномъ.

Настасья Тимофеевна. Слава Богу, прожили вѣкъ безъ образованія и вотъ ужъ третью дочку за хорошаго человѣка выдаемъ. А ежели мы, по-вашему, выходимъ необразованные, такъ зачѣмъ вы къ намъ ходите? Шли бы къ своимъ образованнымъ!

Ять. Я, Настасья Тимофеевна, всегда уважалъ ваше семейство, а ежели я насчетъ электрическаго освѣщенія, такъ это еще не значитъ, что я изъ гордости. Даже вотъ выпить могу. Я всегда отъ всѣхъ чувствъ желалъ Дарьѣ Евдокимовнѣ хорошаго жениха. Въ наше время, Настасья Тимофеевна, трудно выйти за хорошаго человѣка. Нынче каждый норовитъ вступить въ бракъ изъ-за интереса, изъ-за денегъ...

Апломбовъ. Это намекъ!

Ять (*струсивъ*). И никакого тутъ нѣтъ намека... Я не говорю о присутствующихъ... Это я такъ... вообще... Помилуйте! Всѣ знаютъ, что вы изъ-за любви... Приданое пустяшное.

Настасья Тимофеевна. Нѣтъ, не пустяшное! Ты говори, сударь, да не заговаривайся. Кромѣ того, что тысячу рублей чистыми деньгами, мы три салопа даемъ, постель и всю мебель. Подика-сь, найди въ другомъ мѣстѣ такое приданое!

Ять. Я ничего... Мебель, дѣйствительно, хорошая и... и салопы, конечно, но я въ томъ смыслѣ, что вотъ они обижаются, что я намекнулъ.

Настасья Тимофеевна. А вы не намекайте. Мы васъ по вашимъ родителямъ почитаемъ и на свадьбу пригласили, а вы разныя слова. А ежели вы знали, что Эпаминондъ Максимычъ изъ интересу женится, то что же вы раньше молчали? (*слезливо*). Я ее, можетъ, вскормила, вспоила, взлелѣяла... берегла пуще алмаза изумруднаго, дѣточку мою...

Апломбовъ. И вы повѣрили? Покорнѣйше васъ благодарю! Очень вамъ благодаренъ! (*Ятю*). А вы, г. Ять, хоть и знакомый мнѣ, а я вамъ не позволю строить въ чужомъ домѣ такія безобразія! Позвольте вамъ выйти вонъ!

Ять. То-есть какъ?

Апломбовъ. Желаю, чтобы и вы были такимъ же честнымъ человѣкомъ, какъ я! Однимъ словомъ, позвольте вамъ выйти вонъ! (*Музыка играетъ тушъ*).

Кавалеры (*Апломбову*). Да оставь! Будетъ тебѣ! Ну, стоитъ ли? Садись! Оставь!

Ять. Я ничего... Я вѣдь... Не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте мнѣ сначала пять рублей, что вы брали у меня въ прошломъ году на жилетку пике, извините за выраженіе. Выпью вотъ еще и... и уйду, только вы сначала долгъ отдайте.

Кавалеры. Ну, будетъ, будетъ! Довольно! Стоитъ ли изъза пустяковъ?

Шаферъ (*кричитъ*). За здоровье родителей невѣсты, Евдокима Захарыча и Настасьи Тимофеевны!

(*Музыка играетъ тушъ. Ура*).

Жигаловъ (*растроганный кланяется во всѣ стороны*). Благодарю васъ! Дорогіе гости! Очень вамъ благодаренъ, что вы насъ не забыли и пожаловали, не побрезгали!.. И

не подумайте, чтобъ я былъ выжига какой, или жульничество съ моей стороны, а просто изъ чувствъ! Отъ прямоты души! Для хорошихъ людей ничего не пожалѣю! Благодаримъ покорно! *(цѣлуется).*

Дашенька *(матери).* Маманя, что же вы плачете? Я такъ счастлива!

Апломбовъ. Maman взволнована предстоящей разлукой. Но я посовѣтовалъ бы ей лучше вспомнить нашъ недавній разговоръ.

Ять. Не плачьте, Настасья Тимофеевна! Вы подумайте: что такое слезы человѣческія? Малодушная психіатрія и больше ничего!

Жигаловъ. А рыжики въ Греціи есть?

Дымба. Есть. Тамъ все есть.

Жигаловъ. А вотъ груздей, небось, нѣту.

Дымба. И грузди есть. Все есть.

Мозговой. Харлампій Спиридонычъ, ваша очередь читать рѣчь! Господа, пусть говоритъ рѣчь!

Всѣ *(Дымбѣ).* Рѣчь! рѣчь! Ваша очередь!

Дымба. Зацѣмъ? Я не понимаю которое... Сто такое?

Змѣюкина. Нѣтъ, нѣтъ! Не смѣйте отказываться! Ваша очередь! Вставайте!

Дымба *(встаетъ, смущенно).* Я могу говорить такое... Которая Россія и которая Греція. Теперь которые люди въ Россіи и которые въ Греціи... И которые по морю плаваютъ каравія, по русскому знацитъ корабли, а по землѣ разныя которыя зелѣзныя дороги. Я хоросо понимаю... Мы греки, вы русскіе и мнѣ ницего не надо... Я могу говорить такое... которая Россія и которая Греція. *(Входитъ Нюнинъ).*

Нюнинъ. Постойте, господа, не ѣшьте! Погодите. Настасья Тимофеевна, на минуточку! Пожалуйте сюда! *(ведетъ Настасью Тимофеевну въ сторону, запыхавшись).* Послушайте... Сейчасъ придетъ генералъ... Наконецъ, нашелъ-таки... Просто замучился... Генералъ настоящій, солидный такой, старый, лѣтъ, пожалуй, восемьдесятъ, а то и девяносто...

Настасья Тимофеевна. Когда же онъ придетъ?

Нюнинъ. Сію минуту. Будете всю жизнь мнѣ благодарны. Не генералъ, а малина, Буланже! Не пѣхота какая-нибудь, не инфантерія, а флотскій! По чину онъ капитанъ второго

ранга, а по-ихнему, морскому, это все равно, что генералъ-маіоръ, или въ гражданской — дѣйствительный статскій совѣтникъ. Рѣшительно все равно. Даже выше.

Настасья Тимофеевна. А ты меня не обманываешь, Андрюшенька?

Нюнинъ. Ну вотъ, мошенникъ я, что ли? Будьте покойны.

Настасья Тимофеевна *(вздыхая).* Не хочется зря деньги тратить, Андрюшенька...

Нюнинъ. Будьте покойны! Не генералъ, а картина! *(Возвышая голосъ).* Я и говорю: «Совсѣмъ, говорю, забыли насъ, ваше превосходительство! Не хорошо, ваше превосходительство, старыхъ знакомыхъ забывать! Настасья, говорю, Тимофеевна на васъ въ большой претензіи!» *(идетъ къ столу и садится).* А онъ и говоритъ:—«Помилуй, мой другъ, какъ же я пойду, если я съ женихомъ не знакомъ?» Э, полноте, ваше превосходительство, что за церемоніи? Женихъ, говорю, человѣкъ прекраснѣйшій, душа нараспашку. Служитъ, говорю, оцѣнщикомъ въ ссудной кассѣ, но вы не подумайте, ваше превосходительство, что это какой-нибудь замухрышка, или червонный валетъ. Въ ссудныхъ кассахъ, говорю, нынче и благородныя дамы служатъ. Похлопалъ онъ меня по плечу, выкурили мы съ нимъ по гаванской сигарѣ, и вотъ теперь онъ ѣдетъ... Погодите, господа, не ѣшьте...

Апломбовъ. А когда онъ пріѣдетъ?

Нюнинъ. Сію минуту. Когда я уходилъ отъ него, онъ уже калоши надѣвалъ. Погодите, господа, не ѣшьте.

Апломбовъ. Такъ надо приказать, чтобъ маршъ играли...

Нюнинъ *(кричитъ).* Эй, музыканты! Маршъ!

(Музыка минуту играетъ маршъ).

Лакей *(докладываетъ).* Господинъ Ревуновъ-Карауловъ!

(Жигаловъ, Настасья Тимофеевна и Нюнинъ бѣгутъ навстрѣчу. Входитъ Ревуновъ-Карауловъ).

Настасья Тимофеевна *(кланяясь).* Милости просимъ, ваше превосходительство! Очень пріятно!

Ревуновъ. Весьма!

Жигаловъ. Мы, ваше превосходительство, люди не знатные, не высокіе, люди простые, но не подумайте, что съ нашей стороны какое-нибудь жульничество. Для хорошихъ

людей у насъ первое мѣсто, мы ничего не пожалѣемъ. Милости просимъ!

Ревуновъ. Весьма радъ!

Нюнинъ. Позвольте представить, ваше превосходительство! Новобрачный Эпаминондъ Максимычъ Апломбовъ, со своей новорожд... то-есть съ новобрачной супругой! Иванъ Михайлычъ Ять, служащій на телеграфѣ! Иностранецъ греческаго званія по кондитерской части Харлампій Спиридонычъ Дымба! Осипъ Лукичъ Бабельмандебскій! И прочіе, и прочіе... Остальные всѣ — чепуха. Садитесь, ваше превосходительство!

Ревуновъ. Весьма! Виноватъ, господа, я хочу сказать Андрюшѣ два слова. *(Отводитъ Нюнина въ сторону).* Я, братецъ, немножко сконфуженъ... Зачѣмъ ты зовешь меня вашимъ превосходительствомъ? Вѣдь я не генералъ! Капитанъ 2-го ранга—это даже ниже полковника.

Нюнинъ *(говоритъ ему въ ухо, какъ глухому).* Знаю, но, Ѳедоръ Яковлевичъ, будьте добры, позвольте намъ называть васъ вашимъ превосходительствомъ! Семья здѣсь, знаете ли, патріархальная, уважаетъ старшихъ, любитъ чинопочитаніе...

Ревуновъ. Да, если такъ, то конечно... *(Идя къ столу).* Весьма!

Настасья Тимофеевна. Садитесь, ваше превосходительство! Будьте такіе добрые! Кушайте, ваше превосходительство! Только извините, у себя тамъ вы привыкли къ деликатности, а у насъ просто!

Ревуновъ *(не разслышавъ).* Что-съ? Гм... Да-съ. *(Пауза).* Да-съ... Встарину люди всегда жили просто и были довольны. Я человѣкъ, который въ чинахъ, и то живу просто... Сегодня Андрюша приходитъ ко мнѣ и зоветъ меня сюда на свадьбу. Какъ же, говорю, я пойду, если я не знакомъ? Это не ловко! А онъ говоритъ: «люди они простые, патріархальные, всякому гостю рады...» Ну, конечно, если такъ... то отчего же? Очень радъ. Дома мнѣ одинокому скучно, а если мое присутствіе на свадьбѣ можетъ доставить кому-нибудь удовольствіе, то сдѣлай, говорю, одолженіе...

Жигаловъ. Значитъ отъ души, ваше превосходительство? Уважаю! Самъ я человѣкъ простой, безъ всякаго жульни-

чества, и уважаю такихъ. Кушайте, ваше превосходительство.

Апломбовъ. Вы давно въ отставкѣ, ваше превосходительство?

Ревуновъ. А? Да, да... такъ... Это вѣрно. Да-съ... Но позвольте, что же это, однако? Селедка горькая... и хлѣбъ горькій. Невозможно ѣсть!

Всѣ. Горько! Горько!

(Апломбовъ и Дашенька цѣлуются).

Ревуновъ. Хе-хе-хе... Ваше здоровье *(пауза)*. Да-съ... Встарину все просто было и всѣ были довольны... Я люблю простоту... Я вѣдь старый, въ отставку вышелъ въ 1865 году... Мнѣ семьдесятъ два года... Да. Конечно, не безъ того, и прежде любили при случаѣ показать пышность, но... *(увидѣвъ Мозгового)* Вы того... матросъ, сталобыть?

Мозговой. Точно такъ.

Ревуновъ. Ага... Такъ... Да... Морская служба всегда была трудная. Есть надъ чѣмъ задуматься и голову поломать. Всякое незначительное слово имѣетъ, такъ сказать, свой особый смыслъ! Напримѣръ: марсовые по вантамъ на фокъ и гротъ! Что это значитъ? Матросъ небось понимаетъ! Хе-хе. Тонкость, что твоя математика!

Нюнинъ. За здоровье его превосходительства Федора Яковлевича Ревунова-Караулова! *(Музыка играетъ туш. Ура).*

Ять. Вотъ вы, ваше превосходительство, изволили сейчасъ выразиться насчетъ трудностей флотской службы. А развѣ телеграфная легче? Теперь, ваше превосходительство, никто не можетъ поступить на телеграфную службу, если не умѣетъ читать и писать по-французски и по-нѣмецки. Но самое трудное у насъ, это передача телеграммъ. Ужасно трудно! Извольте послушать. *(Стучитъ вилкой по столу, подражая телеграфному станку).*

Ревуновъ. Что же это значитъ?

Ять. Это значитъ: я уважаю васъ, ваше превосходительство, за добродѣтели. Вы думаете, легко? А вотъ еще. *(стучитъ).*

Ревуновъ. Вы погромче... Не слышу...

Ять. А это значитъ: мадамъ, какъ я счастливъ, что держу васъ въ своихъ объятіяхъ!

Ревуновъ. Вы про какую это мадамъ? Да... (*Мозговому*). А вотъ, если идя полнымъ вѣтромъ и надо... и надо поставить брамсели и бомъ-брамсели! Тутъ ужъ надо командовать: салинговые къ вантамъ на брамсели и бомъ-брамсели... и въ это время, какъ на реяхъ отдаютъ паруса, внизу становятся на брамъ и бомъ-брамъ шкоты, фалы и брасы...

Шаферъ (*вставая*). Милостивые государи и милостивыя госуд...

Ревуновъ (*перебивая*). Да-съ... Мало ли разныхъ командъ... Да... Брамъ и бомъ-брамъ-шкоты тянуть ишелъ фалы!! Хорошо? Но что это значитъ и какой смыслъ? А очень просто! Тянутъ, знаете ли, брамъ и бомъ-брамъ-шкоты и поднимаютъ фалы... всѣ вдругъ! причемъ уравниваютъ бомъ-брамъ-шкоты и бомъ-брамъ-фалы при подъемѣ, а въ это время, глядя по надобности, потравливаютъ брасы сихъ парусовъ, а когда ужъ, стало-быть, шкоты натянуты, фалы всѣ до мѣста подняты, то брамъ и бомъ-брамъ-барсы вытягиваются и реи брасопятся соотвѣтственно направленію вѣтра...

Нюнинъ (*Ревунову*). Федоръ Яковлевичъ, хозяйка проситъ васъ поговорить о чемъ-нибудь другомъ. Это непонятно гостямъ и скучно...

Ревуновъ. Что? Кому скучно? (*Мозговому*) Молодой человѣкъ! А вотъ ежели корабль лежитъ бейдевиндъ правымъ галсомъ подъ всѣми парусами и надо сдѣлать черезъ фордевиндъ. Какъ надо командовать? А вотъ какъ: свистать всѣхъ наверхъ, поворотъ черезъ фордевиндъ!.. Хе-хе...

Нюнинъ Федоръ Яковлевичъ, довольно! Кушайте.

Ревуновъ. Какъ только всѣ выбѣжали, сейчасъ командуютъ: По мѣстамъ стоять, поворотъ черезъ фордевиндъ! Эхъ, жизнь! Командуешь, а самъ смотришь, какъ матросы, какъ молнія, разбѣгаются по мѣстамъ и разносятъ брамы и брасы. Этакъ не вытерпишь и крикнешь: молодцы ребята! (*поперхнулся и кашляетъ*).

Шаферъ (*спѣшитъ воспользоваться наступившей паузой*). Въ сегодняшній, такъ сказать, день, въ который мы, собравшись всѣ въ кучу для чествованія нашего любимаго...

Ревуновъ (*перебивая*). Да-съ! И вѣдь все это надо помнить! Напримѣръ: фока-шкотъ, грота-шкотъ раздернуть!..

Шаферъ (*обиженно*). Что-жъ онъ перебиваетъ? Этакъ мы ни одной рѣчи не скажемъ!

Настасья Тимофеевна. Мы люди темные, ваше превосходительство, ничего этого самаго не понимаемъ, а вы лучше разскажите намъ что-нибудь касающее...

Ревуновъ *(не разслышавъ).* Я уже ѣлъ, благодарю. Вы говорите: гуся? Благодарю... Да. Старину вспомнилъ... А вѣдь пріятно, молодой человѣкъ! Плывешь себѣ по морю, горя не знаючи, и... *(дрогнувшимъ голосомъ)* помните этотъ восторгъ, когда дѣлаютъ поворотъ о вершталъ! Какой морякъ не зажжется при воспоминаніи объ этомъ маневрѣ?! Вѣдь какъ только раздалась команда: свистать всѣхъ наверхъ, поворотъ о вершлагъ—словно электрическая искра пробѣжала по всѣмъ. Начиная отъ командира и до послѣдняго матроса—всѣ встрепенулись...

Змѣюкина. Скучно! Скучно! *(общій ропотъ).*

Ревуновъ *(не разслышавъ).* Благодарю, я ѣлъ. *(Съ увлеченіемъ).* Все приготовилось и впилось глазами въ старшаго офицера... На фоковые и гротовые брасы на правую на крюссельные брасы на лѣвую, на контро-брасъ на лѣвую, командуетъ старшій офицеръ. Все моментально исполняется... Фока-шкотъ, кливеръ-шкотъ раздернуть... право на бортъ! *(Встаетъ).* Корабль покатился къ вѣтру и, наконецъ, паруса начинаютъ заполаскивать. Старшій офицеръ:—на брасахъ, на брасахъ не зѣвать, а самъ впился глазами въ гротъ-марсель и, когда, наконецъ, и этотъ парусъ заполоскалъ, т. е. моментъ поворота наступилъ, раздается громовая команда: грото-марса буллель отдай, пшелъ брасы! Тутъ все летитъ, трещитъ — столпотвореніе вавилонское: — все исполняется безъ ошибки. Поворотъ удался!

Настасья Тимофеевна *(вспыхнувъ).* Генералъ, а безобразите... Постыдились бы на старости лѣтъ!

Ревуновъ. Котлетъ? Нѣтъ не ѣлъ... благодарю васъ.

Настасья Тимофеевна *(громко).* Я говорю, постыдились бы на старости лѣтъ! Генералъ, а безобразите!

Нюнинъ *(смущенно).* Господа, ну вотъ... стоитъ ли? Право...

Ревуновъ. Во-первыхъ, я не генералъ, а капитанъ 2-го ранга, что по военной табели о рангахъ соотвѣтствуетъ подполковнику.

Настасья Тимофеевна. Ежели не генералъ, то за что же вы деньги взяли? И мы вамъ не за то деньги платили, чтобъ вы безобразили'

Ревуновъ *(въ недоумѣніи)*. Какія деньги?

Настасья Тимофеевна. Извѣстно, какія. Небось получили черезъ Андрея Андреевича четвертную... *(Нюнину)*. А тебѣ, Андрюшенька, грѣхъ! Я тебя не просила такого нанимать!

Нюнинъ. Ну вотъ... Оставьте! Стоитъ ли?

Ревуновъ. Наняли... заплатили... Что такое?

Апломбовъ. Позвольте, однако... Вы вѣдь получили отъ Андрея Андреевича 25 рублей?

Ревуновъ. Какіе 25 рублей? *(Сообразивъ)*. Вотъ оно что! Теперь я все понимаю... Какая гадость! Какая гадость!

Апломбовъ. Вѣдь вы получили деньги?

Ревуновъ. Никакихъ я денегъ не получалъ! Подите прочь! *(Выходитъ изъ-за стола)*. Какая гадость! Какая низость! Оскорбить такъ стараго человѣка, моряка, заслуженнаго офицера!.. Будь это порядочное общество, я могъ бы вызвать на дуэль, а теперь что я могу сдѣлать? *(Растерянно)*. Гдѣ дверь? Въ какую сторону идти? Человѣкъ, выведи меня! Человѣкъ! *(Идетъ)*. Какая низость! Какая гадость! *(Уходитъ)*.

Настасья Тимофеевна. Андрюшенька, гдѣ же 25 рублей?

Нюнинъ. Ну, стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ? Велика важность! Тутъ всѣ радуются, а вы чортъ знаетъ о чемъ... *(Кричитъ)*. За здоровье молодыхъ! Музыка, маршъ! Музыка! *(Музыка играетъ маршъ)*. За здоровье молодыхъ!

Змѣюкина. Мнѣ душно! Дайте мнѣ атмосферы! Возлѣ васъ и задыхаюсь!

Ять *(въ восторгѣ)*. Чудная! Чудная! *(Шумъ)*.

Шаферъ *(стараясь перекричать)*. Милостивые государи и милостивыя государыни! Въ сегодняшній, такъ сказать, день...

Занавѣсъ.

ЮБИЛЕЙ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Шипучинъ, Андрей Андреевичъ, Предсѣдатель правленія N—скаго Общества Взаимнаго Кредита, нестарый человѣкъ, съ моноклемъ.
Татьяна Алексѣевна, его жена 25 лѣтъ.
Хиринъ, Кузьма Николаевичъ, бухгалтеръ банка, старикъ.
Мерчуткина, Настасья Ѳедоровна, старуха въ салопѣ.
Члены банка.
Служащіе въ банкѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ N-скомъ Банкѣ Взаимнаго Кредита.

Кабинетъ предсѣдателя правленія. Налѣво дверь, ведущая въ контору банка. Два письменныхъ стола. Обстановка съ претензіей на изысканную роскошь: бархатная мебель, цвѣты, статуи, ковры, телефонъ.—Полдень.

Хиринъ (одинъ: онъ въ валенкахъ).

Хиринъ *(кричитъ въ дверь).* Пошлите взять въ антекѣ валеріановыхъ капель на 15 копеекъ, да велите принести въ директорскій кабинетъ свѣжей воды! Сто разъ вамъ говорить! *(идетъ къ столу).* Совсѣмъ замучился. Пишу уже четвертыя сутки и глазъ не смыкаю; отъ утра до вечера пишу здѣсь, а отъ вечера до утра — дома *(кашляетъ).* А тутъ еще воспаленіе во всемъ тѣлѣ. Знобъ, жаръ, кашель, ноги ломитъ и въ глазахъ этакія... междометія *(садится).* Нашъ кривляка, этотъ мерзавецъ, предсѣдатель правленія, сегодня на общемъ собраніи будетъ читать докладъ: «Нашъ банкъ въ настоящемъ и въ будущемъ». Какой Гамбетта, подумаешь... *(пишетъ).* Два... одинъ... одинъ... шесть... ноль... семь... Затѣмъ, шесть... ноль... одинъ... шесть... Ему хочется пыль пустить, а я вотъ сиди и работай для него, какъ каторжный!.. Онъ въ этотъ докладъ одной только поэзіи напустилъ и больше ничего, а я вотъ день-деньской на счетахъ щелкай, чортъ бы его душу драль!.. *(щелкаетъ на счетахъ).* Терпѣть не могу! *(пишетъ).* Значитъ, одинъ... три... семь... два... одинъ... ноль... Обѣщалъ наградить за труды. Если сегодня все обойдется благополучно и удастся очки втереть публикѣ, то обѣщалъ золотой жетонъ и триста наградныхъ... Увидимъ. *(Пишетъ).* Ну, а если труды мои пропадутъ даромъ, то, братъ, не взыщи... Я человѣкъ вспыльчивый... Я, братъ, подъ горячую руку могу и преступленіе совершить... Да!

(За сценой шумъ и аплодисменты. Голосъ Шипучина: «Благодарю! благодарю! Тронутъ!» Входитъ Шипучинъ. Онъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ; въ рукахъ только-что поднесенный ему альбомъ).

Шипучинъ *(стоя въ дверяхъ и обращаясь въ контору).* Этотъ вашъ подарокъ, дорогіе сослуживцы, я буду хранить до самой смерти, какъ воспоминаніе о счастливѣйшихъ дняхъ моей жизни! Да, милостивые государи! Еще разъ благодарю! *(посылаетъ воздушный поцѣлуй и идетъ къ Хирину).* Мой дорогой, мой почтеннѣйшій Кузьма Николаевичъ!

(Все время, пока онъ на сценѣ, служащіе изрѣдка входятъ съ бумагами для подписи и уходятъ).

Хиринъ *(вставая).* Честь имѣю поздравить васъ, Андрей Андреичъ, съ пятнадцатилѣтней годовщиной нашего банка и желаю, чтобъ...

Шипучинъ *(крѣпко пожимаетъ руку).* Благодарю, мой дорогой! Благодарю! Для сегодняшняго знаменитаго дня, ради юбилея, полагаю, можно и поцѣловаться!.. *(цѣлуются).* Очень, очень радъ! Спасибо вамъ за службу... за все, за все спасибо! Если мною, пока я имѣю честь быть предсѣдателемъ правленія этого банка, сдѣлано что-нибудь полезное, то этимъ я обязанъ прежде всего своимъ сослуживцамъ *(вздыхаетъ).* Да, батенька, 15 лѣтъ! 15 лѣтъ, не будь я Шипучинъ! *(живо).* Ну, что мой докладъ? Подвигается?

Хиринъ. Да. Осталось всего страницъ пять.

Шипучинъ. Прекрасно. Значитъ, къ тремъ часамъ будетъ готовъ?

Хиринъ. Если никто не помѣшаетъ, то кончу. Пустяки осталось.

Шипучинъ. Великолѣпно. Великолѣпно, не будь я Шипучинъ! Общее собраніе будетъ въ четыре. Пожалуйста, голубчикъ. Дайте-ка мнѣ первую половину, я проштудирую... Дайте скорѣе... *(беретъ докладъ).* На этотъ докладъ я возлагаю громадныя надежды... Это мое profession de foi, или, лучше сказать, мой фейерверкъ... Фейерверкъ, не будь я Шипучинъ! *(садится и про себя читаетъ докладъ).* Усталъ я, однако, адски... Ночью у меня былъ припадочекъ падагры, все утро провелъ въ хлопотахъ и побѣгушкахъ, потомъ эти волненія, овацiи, эта ажитація... усталъ!

Хиринъ *(пишетъ)*. Два. . ноль... ноль... три... девять... два... ноль... Отъ цифръ въ глазахъ зелено... Три... одинъ... шесть... четыре... одинъ... пять... *(щелкаетъ на счетахъ)*.

Шипучинъ. Тоже непріятность... Сегодня утромъ была у меня ваша супруга и опять жаловалась на васъ. Говорила, что вчера вечеромъ вы за нею и за свояченицей съ ножомъ гонялись. Кузьма Николаичъ, на что это похоже? Ай-ай!

Хиринъ *(сурово)*. Осмѣлюсь ради юбилея, Андрей Андреичъ, обратиться къ вамъ съ просьбой. Прошу васъ, хотя бы изъ уваженія къ моимъ каторжнымъ трудамъ, не вмѣшивайтесь въ мою семейную жизнь. Прошу!

Шипучинъ *(вздыхаетъ)*. Невозможный у васъ характеръ, Кузьма Николаичъ! Человѣкъ вы прекрасный, почтенный, а съ женщинами держите себя, какъ какой-нибудь Джэкъ. Право. Не понимаю, за что вы ихъ такъ ненавидите?

Хиринъ. А я вотъ не понимаю: за что вы ихъ такъ любите? *(пауза)*.

Шипучинъ. Служащіе поднесли сейчасъ альбомъ, а члены банка, какъ я слышалъ, хотятъ поднести мнѣ адресъ и серебряный жбанъ... *(играя моноклемъ)*. Хорошо, не будь я Шипучинъ! Это не лишнее... Для репутаціи банка необходима нѣкоторая помпа, чортъ возьми! Вы свой человѣкъ, вамъ все, конечно, извѣстно... Адресъ сочинялъ я самъ, серебряный жбанъ купилъ тоже я самъ... Ну, и переплетъ для адреса 45 рублей, но безъ этого нельзя. Сами бы они не догадались *(оглядывается)*. Обстановочка-то какова! Что за обстановка! Вотъ говорятъ, что я мелоченъ, что мнѣ нужно, чтобы только замки у дверей были почищены, чтобъ служащіе носили модные галстуки, да у подъѣзда стоялъ толстый швейцаръ. Ну, нѣтъ, судари мои. Замки у дверей и толстый швейцаръ—не мелочь. Дома у себя я могу быть мѣщаниномъ, ѣсть и спать по-свински, пить запоемъ...

Хиринъ. Прошу, пожалуйста, безъ намековъ!

Шипучинъ. Ахъ, никто не намекаетъ! Какой у васъ невозможный характеръ... Такъ вотъ я и говорю: дома у себя я могу быть мѣщаниномъ, парвеню и слушаться своихъ привычекъ, но здѣсь все должно быть en grand. Здѣсь банкъ! Здѣсь каждая деталь должна импонировать, такъ сказать, и имѣть торжественный видъ *(поднимаетъ съ пола бумажку и бросаетъ ее въ каминъ)*. Заслуга моя именно

въ томъ, что я высоко поднялъ репутацію банка!.. Великое дѣло—тонъ! Великое, не будь я Шипучинъ *(оглядѣвъ Хирина)*. Дорогой мой, каждую минуту сюда можетъ явиться депутація отъ членовъ банка, а вы въ валенкахъ, въ этомъ шарфѣ... въ какомъ-то пиджакѣ дикаго цвѣта... Могли бы надѣть фракъ, ну, наконецъ, черный сюртукъ...

Хиринъ. Для меня здоровье дороже вашихъ членовъ банка. У меня воспаленіе всего тѣла.

Шипучинъ *(волнуясь)*. Но согласитесь, что это безпорядокъ! Вы нарушаете ансамбль!

Хиринъ. Если придетъ депутація, то я спрятаться могу. Не велика бѣда... *(пишетъ)*. Семь... одинъ... семь... два... одинъ... пять... ноль. Я и самъ безпорядковъ не люблю... Семь... два... девять... *(щелкаетъ на счетахъ)*. Терпѣть не могу безпорядковъ! Вотъ хорошо бы вы сдѣлали, если бы не приглашали сегодня на юбилейный обѣдъ дамъ...

Шипучинъ. Пустяки какіе...

Хиринъ. Я знаю, вы для шику напустите ихъ сегодня полную залу, но, глядите, онѣ вамъ все дѣло испортятъ. Отъ нихъ всякій вредъ и безпорядокъ.

Шипучинъ. Напротивъ, женское общество возвышаетъ!

Хиринъ. Да... Ваша супруга, кажется, образованная, а въ понедѣльникъ на прошлой недѣлѣ такое выпалила, что я потомъ дня два только руками разводилъ. Вдругъ при постороннихъ спрашиваетъ:—«Правда ли, что у насъ въ банкѣ мужъ накупилъ акцій Дряжско-Пряжскаго банка, которыя упали на биржѣ? Ахъ, мой мужъ такъ безпокоится!» Это при постороннихъ-то! И зачѣмъ вы откровенничаете съ ними, не понимаю! Хотите, чтобы онѣ васъ подъ уголовщину подвели?

Шипучинъ. Ну, довольно, довольно! Для юбилея это все слишкомъ мрачно. Кстати, вы мнѣ напомнили *(смотритъ на часы)*. Сейчасъ должна пріѣхать моя супружница. Въ сущности слѣдовало бы съѣздить на вокзалъ, встрѣтить ее бѣдняжку, но нѣтъ времени и... и усталъ. Признаться, я не радъ ей! То-есть я радъ, но для меня было бы пріятнѣе, если бы она еще денька два пожила у своей матери. Она потребуетъ, чтобы я сегодня провелъ весь вечеръ съ нею, а, между тѣмъ, у насъ сегодня предполагается послѣ обѣда маленькая экскурсія... *(вздрагиваетъ)*. Однако, у меня уже начинается нервная дрожь. Нервы такъ напряжены,

что достаточно, кажется, малѣйшаго пустяка, чтобы я расплакался! Нѣтъ, надо быть крѣпкимъ, не будь я Шипучинъ! *(Входитъ Татьяна Алексѣевна, въ ватерпруфѣ и съ дорожной сумочкой черезъ плечо).*

Шипучинъ. Ба! Легка на поминѣ!

Татьяна Алексѣевна. Милый! *(бѣжитъ къ мужу, продолжительный поцѣлуй).*

Шипучинъ. А мы только-что о тебѣ говорили!.. *(смотритъ на часы).*

Татьяна Алексѣевна *(запыхавшись).* Соскучился? Здоровъ? А я еще дома не была, съ вокзала прямо сюда. Нужно тебѣ разсказать многое, многое... не могу утерпѣть... Раздѣваться я не буду, я на минутку *(Хирину).* Здравствуйте, Кузьма Николаичъ! *(мужу).* Дома у насъ все благополучно?

Шипучинъ. Все. А ты за эту недѣлю пополнѣла, похорошѣла... Ну, какъ съѣздила?

Татьяна Алексѣевна. Превосходно. Кланяются тебѣ мама и Катя. Василій Андреичъ велѣлъ тебя поцѣловать *(цѣлуетъ).* Тетя прислала тебѣ банку варенья и всѣ сердятся, что ты не пишешь. Зина велѣла тебя поцѣловать *(цѣлуетъ).* Ахъ, если бъ ты зналъ, что было! Что было! Мнѣ даже страшно разсказывать! Ахъ, что было! Но я вижу по глазамъ, что ты мнѣ не радъ!

Шипучинъ. Напротивъ... Милая... *(цѣлуетъ).*

Хиринъ *(сердито кашляетъ).*

Татьяна Алексѣевна *(вздыхаетъ).* Ахъ, бѣдная Катя, бѣдная Катя! Мнѣ ее такъ жаль, такъ жаль!

Шипучинъ. У насъ, милая, сегодня юбилей, всякую минуту можетъ явиться сюда депутація отъ членовъ банка, а ты не одѣта.

Татьяна Алексѣевна. Правда, юбилей! Поздравляю, господа... Желаю вамъ... Значитъ, сегодня собраніе, обѣдъ... Это я люблю. А помнишь, тотъ прекрасный адресъ, который ты такъ долго сочинялъ для членовъ банка? Его сегодня будутъ тебѣ читать?

Хиринъ *(сердито кашляетъ).*

Шипучинъ *(смущенно).* Милая, объ этомъ не говорятъ... Право, ѣхала бы домой.

Татьяна Алексѣевна. Сейчасъ, сейчасъ. Въ одну минуту разскажу и уѣду. Я тебѣ все съ самаго начала. Ну-съ...

Когда ты меня проводилъ, я, помнишь, сѣла рядомъ съ той полной дамой и стала читать. Въ вагонѣ я не люблю разговаривать. Три станціи все читала и ни съ кѣмъ ни одного слова... Ну, наступилъ вечеръ и такія, знаешь, пошли все мрачныя мысли! Напротивъ сидѣлъ молодой человѣкъ, ничего себѣ такъ, не дурненькій, брюнетъ... Ну, разговорились... Подошелъ морякъ, потомъ студентъ какой-то... *(смѣется)*. Я сказала имъ, что я не замужемъ... Какъ они за мной ухаживали! Болтали мы до самой полночи, брюнетъ разсказывалъ ужасно смѣшные анекдоты, а морякъ все пѣлъ. У меня грудь заболѣла отъ смѣха. А когда морякъ— ахъ, эти моряки! когда морякъ узналъ нечаянно, что меня зовутъ Татьяной, то знаешь, что онъ пѣлъ? *(поетъ басомъ)*. Онѣгинъ, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну!.. *(хохочетъ)*.

Хиринъ *(сердито кашляетъ)*.

Шипучинъ. Однако, Танюша, мы мѣшаемъ Кузьмѣ Николаичу. Поѣзжай домой, милая... Послѣ...

Татьяна Алексѣевна. Ничего, ничего, пусть и онъ послушаетъ, это очень интересно. Я сейчасъ кончу. На станцію выѣхалъ за мной Сережа. Подвернулся тутъ какой-то молодой человѣкъ, податной инспекторъ, кажется... ничего себѣ, славненькій, особенно глаза... Сережа представилъ его, и мы поѣхали втроемъ... Погода была чудная...

(За сценой голоса: — «Нельзя! Нельзя! Что вамъ угодно?» Входитъ Мерчуткина).

Мерчуткина *(въ дверяхъ, отмахиваясь)*. Чего хватаете-то?— Вотъ еще! Мнѣ самого нужно!.. *(входитъ, Шипучину)*. Честь имѣю, ваше превосходительство... Жена губернскаго секретаря, Настасья Ѳедоровна Мерчуткина-съ.

Шипучинъ. Что вамъ угодно?

Мерчуткина. Изволите ли видѣть, ваше превосходительство, мужъ мой, губернскій секретарь Мерчуткинъ, былъ боленъ пять мѣсяцевъ, и пока онъ лежалъ дома и лѣчился, ему безъ всякой причины отставку дали, ваше превосходительство, а когда я пошла за его жалованьемъ, то они, изволите ли видѣть, взяли и вычли изъ его жалованья 24 руб. 36 коп. За что? спрашиваю. «А онъ, говорятъ, изъ товарищеской кассы бралъ и за него другіе ручались». Какъ же такъ? Нешто онъ могъ безъ моего согласія брать? Такъ нельзя, ваше превосходительство! Я женщина бѣдная, только

и кормлюсь жильцами... Я слабая, беззащитная... Отъ всѣхъ обиду терплю и ни отъ кого добраго слова не слышу.

Шипучинъ. Позвольте... *(беретъ отъ нея прошеніе и читаетъ его стоя).*

Татьяна Алексѣевна *(Хирину).* Но нужно сначала... На прошлой недѣлѣ вдругъ я получаю отъ мамы письмо. Пишетъ, что сестрѣ Катѣ сдѣлалъ предложеніе нѣкій Грендилевскій. Прекрасный, скромный молодой человѣкъ, но безъ всякихъ средствъ и никакого опредѣленнаго положенія. И на бѣду, представьте себѣ, Катя увлеклась имъ. Что тутъ дѣлать? Мама пишетъ, чтобы я не медля пріѣхала и повліяла на Катю...

Хиринъ *(сурово).* Позвольте, вы меня сбили! Вы — мама да Катя, а я вотъ сбился и ничего не понимаю.

Татьяна Алексѣевна. Экая важность! А вы слушайте, когда съ вами дама говоритъ! Отчего вы сегодня такой сердитый? Влюблены? *(смѣется).*

Шипучинъ *(Мерчуткиной).* Позвольте однако, какъ же это? Я ничего не понимаю...

Татьяна Алексѣевна. Влюблены? Ага! Покраснѣлъ!

Шипучинъ *(жене).* Танюша, поди, милая, на минутку въ контору. Я сейчасъ.

Татьяна Алексѣевна. Хорошо *(уходитъ).*

Шипучинъ. Я ничего не понимаю. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсѣмъ къ намъ не относится. Вы потрудитесь обратиться въ то вѣдомство, гдѣ служилъ вашъ мужъ.

Мерчуткина. Я, батюшка, въ пяти мѣстахъ уже была, нигдѣ даже прошенія не приняли. Я ужъ и голову потеряла, да спасибо зятю Борису Матвѣичу, надоумилъ къ вамъ сходить. «Вы, говоритъ, мамаша, обратитесь къ г. Шипучину; они вліятельный человѣкъ, все могутъ»... Помогите, ваше превосходительство!

Шипучинъ. Мы, госпожа Мерчуткина, ничего не можемъ для васъ сдѣлать. Поймите вы: вашъ мужъ, насколько я могу судить, служилъ по военно-медицинскому вѣдомству, а наше учрежденіе совершенно частное, коммерческое, у насъ банкъ. Какъ не понять этого!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, а что мужъ мой боленъ былъ, у меня докторское свидѣтельство есть. Вотъ оно, извольте поглядѣть...

Шипучинъ *(раздраженно)*. Прекрасно, я вѣрю вамъ, но повторяю, это къ намъ не относится.

(За сценой смѣхъ Татьяны Алексѣевны; потомъ мужской смѣхъ).

Шипучинъ *(взглянувъ на дверь)*. Она тамъ мѣшаетъ служащимъ *(Мерчуткиной)*. Странно и даже смѣшно. Неужели вашъ мужъ не знаетъ, куда вамъ обращаться?

Мерчуткина. Онъ, ваше превосходительство, у меня ничего не знаетъ. Зарядилъ одно: «не твое дѣло! пошла вонъ!» да и все тутъ...

Шипучинъ. Повторяю, сударыня: вашъ мужъ служилъ по военно-медицинскому вѣдомству, а здѣсь банкъ, учрежденіе частное, коммерческое...

Мерчуткина. Такъ, такъ, такъ... Понимаю, батюшка. Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, прикажите выдать мнѣ хоть 15 рублей! Я согласна не все сразу.

Шипучинъ *(вздыхаетъ)*. Уфъ!

Хиринъ. Андрей Андреичъ, этакъ я никогда доклада не кончу!

Шипучинъ Сейчасъ. *(Мерчуткиной)*. Вамъ не втолкуешь. Да поймите же, что обращаться къ намъ съ подобной просьбой такъ же странно, какъ подавать прошеніе о разводѣ, напримѣръ, въ аптеку, или въ пробирную палатку.

(Стукъ въ дверь. Голосъ Татьяны Алексѣевны: «Андрей, можно войти?»).

Шипучинъ *(кричитъ)*. Погоди, милая, сейчасъ! *(Мерчуткиной)*. Вамъ не доплатили, но мы-то тутъ при чемъ? И къ тому же, сударыня, у насъ сегодня юбилей, мы заняты... и можетъ сюда войти кто-нибудь сейчасъ... Извините...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, пожалѣйте меня сироту! Я женщина слабая, беззащитная... Замучилась до смерти... И съ жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бѣгай, а тутъ еще зять безъ мѣста.

Шипучинъ. Госпожа Мерчуткина, я... Нѣтъ, извините, я не могу съ вами говорить! У меня даже голова закружилась... Вы и намъ мѣшаете, и время понапрасну теряете... *(вздыхаетъ, въ сторону)*. Вотъ пробка, не будь я Шипучинъ! *(Хирину)*. Кузьма Николаичъ, объясните вы, пожалуйста, госпожѣ Мерчуткиной... *(машетъ рукой и уходитъ въ правленіе)*.

Хиринъ *(подходитъ къ Мерчуткиной. Сурово).* Что вамъ угодно?

Мерчуткина. Я женщина слабая, беззащитная... На видъ, можетъ, я крѣпкая, а ежели разобрать, такъ во мнѣ ни одной жилочки нѣтъ здоровой! Еле на ногахъ стою и аппетита рѣшилась. Кофей сегодня пила и безъ всякаго удовольствія.

Хиринъ. Я васъ спрашиваю, что вамъ угодно?

Мерчуткина. Прикажите, батюшка, выдать мнѣ 15 рублей, а остальные хоть черезъ мѣсяцъ.

Хиринъ. Но вѣдь вамъ, кажется, было сказано русскимъ языкомъ: здѣсь банкъ!

Мерчуткина. Такъ, такъ... А если нужно, я могу медицинское свидѣтельство представить.

Хиринъ. У васъ на плечахъ голова, или что?

Мерчуткина. Миленькій, вѣдь, я по закону прошу. Мнѣ чужого не нужно.

Хиринъ. Я васъ, мадамъ, спрашиваю: у васъ голова на плечахъ, или что? Ну, чортъ меня подери совсѣмъ, мнѣ некогда съ вами разговаривать! Я занятъ *(указываетъ на дверь).* Прошу!

Мерчуткина *(удивленная).* А деньги какъ же?..

Хиринъ. Однимъ словомъ, у васъ на плечахъ не голова, а вотъ что... *(стучитъ пальцемъ по столу, потомъ себѣ по лбу).*

Мерчуткина *(обидѣвшись).* Что? Ну, нечего, нечего... Своей женѣ постукай... Я губернская секретарша... Со мной не очень!

Хиринъ *(вспыливъ, вполголоса).* Вонъ отсюда!

Мерчуткина. Но, но, но... Не очень!

Хиринъ *(вполголоса).* Ежели ты не уйдешь сію секунду, то я за дворникомъ пошлю! Вонъ! *(топочетъ ногами).*

Мерчуткина. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы такихъ... Скважина!

Хиринъ. Кажется, во всю свою жизнь не видалъ противнѣе... Уфъ! Даже въ голову ударило... *(тяжело дышитъ).* Я тебѣ еще разъ говорю... Слышишь? Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя въ порошокъ сотру! У меня такой характеръ, что я могу изъ тебя на весь вѣкъ калѣку сдѣлать! Я могу преступленіе совершить!

Мерчуткина. Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Не испугалась. Видали мы такихъ.

Хиринъ *(въ отчаяніи).* Видѣть ея не могу! Мнѣ дурно! Я не могу! *(идетъ къ столу и садится).* Напустили бабъ полонъ банкъ, не могу я доклада писать! Не могу!

Мерчуткина. Я не чужое прошу, а свое, по закону. Ишь, срамникъ! Въ присутственномъ мѣстѣ въ валенкахъ сидитъ... Мужикъ... *(входятъ Шипучинъ и Татьяна Алексѣевна).*

Татьяна Алексѣевна *(входя за мужемъ).* Поѣхали мы на вечеръ къ Бережницкимъ. На Катѣ было голубенькое фуляровое платье съ легкимъ кружевомъ и съ открытой шейкой... Ей очень къ лицу высокая прическа, и я ее сама причесала... Какъ одѣлась и причесалась, ну просто очарованіе!

Шипучинъ *(уже съ мигренью).* Да, да... очарованіе... Сейчасъ могутъ придти сюда.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Шипучинъ *(уныло).* Что еще? Что вамъ угодно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство!.. *(указываетъ на Хирина).* Вотъ этотъ, вотъ самый... вотъ этотъ постучалъ себѣ пальцемъ по лбу, а потомъ по столу... Вы велѣли ему мое дѣло разобрать, а онъ насмѣхается и всякія слова. Я женщина слабая, беззащитная...

Шипучинъ. Хорошо, сударыня, я разберу... приму мѣры... Уходите... послѣ!.. *(въ сторону).* У меня подагра начинается!..

Хиринъ *(подходитъ къ Шипучину, тихо).* Андрей Андреичъ, прикажите послать за швейцаромъ, пусть ее въ три шеи погонитъ! Вѣдь это что такое?

Шипучинъ *(испуганно).* Нѣтъ, нѣтъ! Она визгъ подниметъ, а въ этомъ домѣ много квартиръ.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Хиринъ *(плачущимъ голосомъ).* Но вѣдь мнѣ докладъ надо писать! Я не успѣю!.. *(возвращается къ столу).* Я не могу!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, когда же я получу? Мнѣ нынче деньги надобны.

Шипучинъ *(въ сторону, съ негодованіемъ).* За-мѣ-ча-тель-но подлая баба *(ей, мягко).* Сударыня, я уже вамъ говорилъ. Здѣсь банкъ, учрежденіе частное, коммерческое.

Мерчуткина. Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, будьте отцомъ роднымъ... Ежели медицинскаго свидѣтель-

ства мало, то я могу и изъ участка удостовѣреніе представить. Прикажите выдать мнѣ деньги!

Шипучинъ *(тяжело вздыхаетъ)*. Уфъ!

Татьяна Алексѣевна *(Мерчуткиной)*. Бабушка, вамъ же говорятъ, что вы мѣшаете. Какая вы право.

Мерчуткина. Красавица, матушка, за меня похлопотать некому. Одно только званіе, что пью и ѣмъ, а кофей нынѣ пила безъ всякаго удовольствія.

Шипучинъ *(въ изнеможеніи, Мерчуткиной)*. Сколько вы хотите получить?

Мерчуткина. 24 рубля 36 копеекъ.

Шипучинъ. Хорошо!.. *(достаетъ изъ бумажника 25 руб. и подаетъ ей)*. Вотъ вамъ 25 рублей. Берите и... уходите!

Хиринъ *(сердито кашляетъ)*.

Мерчуткина. Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство... *(прячетъ деньги)*.

Татьяна Алексѣевна *(садясь около мужа)*. Однако, мнѣ пора домой... *(посмотрѣвъ на часы)*. Но я еще не кончила... Въ одну минуточку кончу и уйду... Что было! Ахъ, что было! Итакъ, поѣхали мы на вечеръ къ Бережницкимъ... Ничего себѣ, весело было, но не особенно... Былъ, конечно, и Катинъ вздыхатель Грендилевскій... Ну, я съ Катей поговорила, поплакала, повліяла на нее, она тутъ же на вечерѣ объяснилась съ Грендилевскимъ и отказала ему. Ну, думаю, все устроилось, какъ нельзя лучше: маму успокоила, Катю спасла и теперь сама могу быть спокойна... Что же ты думаешь? Передъ самымъ ужиномъ идемъ мы съ Катей по аллеѣ и вдругъ... *(волнуясь)*. И вдругъ слышимъ выстрѣлъ... Нѣтъ, я не могу говорить объ этомъ хладнокровно! *(обмахивается платкомъ)*. Нѣтъ, не могу!

Шипучинъ *(вздыхаетъ)*. Уфъ!

Татьяна Алексѣевна *(плачетъ)*. Бѣжимъ къ бесѣдкѣ, а тамъ... тамъ лежитъ бѣдный Грендилевскій... съ пистолетомъ въ рукѣ...

Шипучинъ. Нѣтъ, я этого не вынесу! Я не вынесу! *(Мерчуткиной)*. Вамъ что еще нужно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на мѣсто?

Татьяна Алексѣевна *(плача)*. Выстрѣлилъ себѣ прямо въ сердце... вотъ тутъ... Катя упала безъ чувствъ, бѣдняжка... А онъ самъ страшно испугался, лежитъ и... и проситъ

послать за докторомъ. Скоро пріѣхалъ докторъ и... и спасъ несчастнаго...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на мѣсто?

Шипучинъ. Нѣтъ, я не вынесу! *(плачетъ)* Не вынесу! *(протягиваетъ къ Хирину обѣ руки, въ отчаяніи).* Прогоните ее! Прогоните, умоляю васъ!

Хиринъ *(подходя къ Татьянѣ Алексѣевнѣ).* Вонъ отсюда!

Шипучинъ. Не ее, а вотъ эту... вотъ эту ужасную... *(указываетъ на Мерчуткину)* вотъ эту!

Хиринъ *(не понявъ его, Татьянѣ Алексѣевнѣ).* Вонъ отсюда! *(топочетъ ногами).* Вонъ пошла!

Татьяна Алексѣевна. Что? Что вы? Съ ума сошли?

Шипучинъ. Это ужасно! Я несчастный человѣкъ! Гоните ее! Гоните!

Хиринъ *(Татьянѣ Алексѣевнѣ).* Вонъ! Искалѣчу! Исковеркаю! Преступленіе совершу!

Татьяна Алексѣевна *(бѣжитъ отъ него, онъ за ней).* Да какъ вы смѣете! Вы нахалъ! *(кричитъ)* Андрей! Спаси! Андрей! *(взвизгиваетъ).*

Шипучинъ *(бѣжитъ за ними).* Перестаньте! Умоляю васъ! Тише! Пощадите меня!

Хиринъ *(гонится за Мерчуткиной).* Вонъ отсюда! Ловите! Бейте! Рѣжьте ее!

Шипучинъ *(кричитъ).* Перестаньте! Прошу васъ! Умоляю!

Мерчуткина. Батюшки... батюшки!.. *(взвизгиваетъ).* Батюшки!..

Татьяна Алексѣевна *(кричитъ).* Спасите! Спасите!.. Ахъ, ахъ... дурно! Дурно! *(вскакиваетъ на стулъ, потомъ падаетъ на диванъ и стонетъ, какъ въ обморокѣ).*

Хиринъ *(гонится за Мерчуткиной).* Бейте ее! Лупите! Рѣжьте!

Мерчуткина. Ахъ, ахъ... батюшки, въ глазахъ темно! Ахъ! *(падаетъ безъ чувствъ на руки Шипучина).*

(Стукъ въ дверь и голосъ за сценой:— «Депутація!»

Шипучинъ. Депутація... репутація... оккупація...

Хиринъ *(топочетъ ногами).* Вонъ, чортъ бы меня далъ! *(засучиваетъ рукава).* Дайте мнѣ ее! Преступленіе могу совершить!

(Входитъ депутація изъ пяти человѣкъ; всѣ во фракахъ. У одного въ рукахъ адресъ въ бархатномъ переплетѣ, у

другого — жбанъ. Въ дверь изъ правленія смотрятъ служащіе. Татьяна Алексѣевна на диванъ, Мерчуткина на рукахъ у Шипучина, обѣ тихо стонутъ).

Членъ банка *(громко читаетъ).* «Многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевичъ! Бросая ретроспективный взглядъ на прошлое нашего финансоваго учрежденія и пробѣгая умственнымъ взоромъ исторію его постепеннаго развитія, мы получаемъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе. Правда, въ первое время его существованія, небольшіе размѣры основного капитала, отсутствіе какихъ-либо серьезныхъ операцій, а также неопредѣленность цѣлей ставили ребромъ Гамлетовскій вопросъ: «быть, или не быть?» и въ одно время даже раздавались голоса въ пользу закрытія банка. Но вотъ, во главѣ учрежденія становитесь вы. Ваши знанія, энергія и присущій вамъ тактъ были причиною необычайнаго успѣха и рѣдкаго процвѣтанія. Репутація банка... *(кашляетъ)* репутація банка...

Мерчуткина *(стонетъ).* Охъ! Охъ!

Татьяна Алексѣевна *(стонетъ).* Воды! Воды!

Членъ банка *(продолжаетъ).* Репутація... *(кашляетъ)* репутація банка поднята вами на такую высоту, что наше учрежденіе можетъ нынѣ соперничать съ лучшими заграничными учрежденіями...

Шипучинъ. Депутація... репутація... оккупація... шли два пріятеля вечернею порой и дѣльный разговоръ вели между собой... Не говори, что молодость сгубила, что ревностью истерзана моей.

Членъ банка *(продолжаетъ въ смущеніи).* Затѣмъ, бросая объективный взглядъ на настоящее, мы, многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевичъ... *(понизивъ тонъ).* Въ такомъ случаѣ мы послѣ... Мы лучше послѣ... *(Уходятъ въ смущеніи).*

Занавѣсъ.

ТРИ СЕСТРЫ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прозоровъ, Андрей Сергѣевичъ.
Наталья Ивановна, его невѣста, потомъ жена.
Ольга, **Маша**, **Ирина** } его сестры.
Кулыгинъ, Ѳедоръ Ильичъ, учитель гимназіи, мужъ Маши.
Вершининъ, Александръ Игнатьевичъ, подполковникъ, батарейный командиръ.
Тузенбахъ, Николай Львовичъ, баронъ, поручикъ.
Соленый, Василій Васильевичъ, штабсъ-капитанъ.
Чебутыкинъ, Иванъ Романовичъ, военный докторъ.
Федотикъ, Алексѣй Петровичъ, подпоручикъ.
Родэ, Владиміръ Карловичъ, подпоручикъ.
Ферапонтъ, сторожъ изъ земской управы, старикъ.
Анѳиса, нянька, старуха 80 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ домѣ Прозоровыхъ. Гостиная съ колоннами, за которыми виденъ большой залъ. Полдень; на дворѣ солнечно, весело. Въ залѣ накрываютъ столъ для завтрака. Ольга въ синемъ форменномъ платьѣ учительницы женской гимназіи, все время поправляетъ ученическія тетрадки, стоя и на ходу; Маша въ черномъ платьѣ, со шляпкой на колѣняхъ сидитъ и читаетъ книжку; Ирина въ бѣломъ платьѣ стоитъ задумавшись.

Ольга. Отецъ умеръ ровно годъ назадъ, какъ разъ въ этотъ день, пятаго мая, въ твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шелъ снѣгъ. Мнѣ казалось, я не переживу, ты лежала въ обморокѣ, какъ мертвая. Но вотъ прошелъ годъ, и мы вспоминаемъ объ этомъ легко, ты уже въ бѣломъ платьѣ, лицо твое сіяетъ *(часы бьютъ двѣнадцать)*. И тогда также били часы *(пауза)*. Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбищѣ стрѣляли. Онъ былъ генералъ, командовалъ бригадой, между тѣмъ, народу шло мало. Впрочемъ, былъ дождь тогда. Сильный дождь и снѣгъ.

Ирина. Зачѣмъ вспоминать!

(За колоннами, въ залъ около стола показываются баронъ Тузенбахъ, Чебутыкинъ и Соленый).

Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отецъ получилъ бригаду и выѣхалъ съ нами изъ Москвы одиннадцать лѣтъ назадъ и, я отлично помню, въ началѣ мая, вотъ въ эту пору въ Москвѣ уже все въ цвѣту, тепло, все залито солнцемъ. Одиннадцать лѣтъ прошло, а я помню тамъ все, какъ будто

выѣхали вчера. Боже мой! Сегодня утромъ проснулась, увидѣла массу свѣта, увидѣла весну, и радость заволновалась въ моей душѣ, захотѣлось на родину страстно.

Чебутыкинъ. Чорта съ два!

Тузенбахъ. Конечно, вздоръ.

Маша *(задумавшись надъ книжкой, тихо насвистываетъ пѣсню).*

Ольга. Не свисти, Маша. Какъ это ты можешь! *(пауза).* Оттого, что я каждый день въ гимназіи и потомъ даю уроки до вечера, у меня постоянно болитъ голова и такія мысли, точно я уже состарилась. И въ самомъ дѣлѣ, за эти четыре года, пока служу въ гимназіи, я чувствую, какъ изъ меня выходятъ каждый день по каплямъ и силы, и молодость. И только растетъ и крѣпнетъ одна мечта...

Ирина. Уѣхать въ Москву. Продать домъ, покончить все здѣсь и въ Москву...

Ольга. Да! Скорѣе въ Москву.

(Чебутыкинъ и Тузенбахъ смѣются).

Ирина. Братъ, вѣроятно, будетъ профессоромъ, онъ все равно не станетъ жить здѣсь. Только вотъ остановка за бѣдной Машей.

Ольга. Маша будетъ пріѣзжать въ Москву на все лѣто, каждый годъ.

Маша *(тихо насвистываетъ пѣсню).*

Ирина. Богъ дастъ, все устроится *(глядя въ окно).* Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душѣ такъ свѣтло! Сегодня утромъ вспомнила, что я именинница, и вдругъ почувствовала радость, и вспомнила дѣтство, когда еще была жива мама. И какія чудныя мысли волновали меня, какія мысли!

Ольга. Сегодня ты вся сіяешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей былъ бы хорошъ, только онъ располнѣлъ очень, это къ нему не идетъ. А я постарѣла, похудѣла сильно, оттого, должно-быть, что сержусь въ гимназіи на дѣвочекъ. Вотъ сегодня я свободна, я дома, и у меня не болитъ голова, я чувствую себя моложе, чѣмъ вчера. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, только... Все хорошо, все отъ Бога, но мнѣ кажется, если бы я вышла замужъ и цѣлый день сидѣла дома, то это было бы лучше *(пауза).* Я бы любила мужа.

Тузенбахъ *(Соленому).* Такой вы вздоръ говорите, надоѣло

васъ слушать *(входя въ гостиную)*. Забылъ сказать. Сегодня у васъ съ визитомъ будетъ нашъ новый батарейный командиръ Вершининъ *(садится у піанино)*.

Ольга. Ну, что-жъ! Очень рада.

Ирина. Онъ старый?

Тузенбахъ. Нѣтъ, ничего. Самое большее, лѣтъ сорокъ, сорокъ пять *(тихо напѣваетъ)*. Повидимому, славный малый. Не глупъ, это—несомнѣнно. Только говоритъ много.

Ирина. Интересный человѣкъ?

Тузенбахъ. Да, ничего себѣ, только жена, теща и двѣ дѣвочки. Притомъ женатъ во второй разъ. Онъ дѣлаетъ визиты и вездѣ говоритъ, что у него жена и двѣ дѣвочки. И здѣсь скажетъ. Жена какая-то полоумная, съ длинной дѣвической косой, говоритъ однѣ высокопарныя вещи, философствуетъ и часто покушается на самоубійство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушелъ отъ такой, но онъ терпитъ и только жалуется.

Соленый *(входя изъ залы въ гостиную съ Чебутыкинымъ)*. Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудовъ. Изъ этого я заключаю, что два человѣка сильнѣе одного не вдвое, а втрое, даже больше...

Чебутыкинъ *(читаетъ на ходу газету)*. При выпаденіи волосъ... два золотника нафталина на полбутылки спирта... растворить и употреблять ежедневно... *(записываетъ въ книжку)*. Запишемъ-съ! *(Соленому)*. Такъ вотъ, я говорю вамъ, пробочка втыкается въ бутылочку, и сквозь нее проходитъ стеклянная трубочка... Потомъ вы берете щепоточку самыхъ простыхъ, обыкновеннѣйшихъ квасцовъ...

Ирина. Иванъ Романычъ, милый Иванъ Романычъ!

Чебутыкинъ. Что, дѣвочка моя, радость моя?

Ирина. Скажите мнѣ, отчего я сегодня такъ счастлива? Точно я на парусахъ, надо мной широкое голубое небо и носятся большія бѣлыя птицы. Отчего это? Отчего?

Чебутыкинъ *(цѣлуя ей обѣ руки, нѣжно)*. Птица моя бѣлая...

Ирина. Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мнѣ вдругъ стало казаться, что для меня все ясно на этомъ свѣтѣ, и я знаю, какъ надо жить. Милый Иванъ Романычъ, я знаю все. Человѣкъ долженъ трудиться, работать въ потѣ лица, кто бы онъ ни былъ, и въ этомъ одномъ заключается смыслъ и цѣль его жизни, его счастье,

его восторги. Какъ хорошо быть рабочимъ, который встаетъ чуть свѣтъ и бьетъ на улицѣ камни, или пастухомъ, или учителемъ, который учитъ дѣтей, или машинистомъ на желѣзной дорогѣ... Боже мой, не то что человѣкомъ, лучше быть воломъ, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чѣмъ молодой женщиной, которая встаетъ въ двѣнадцать часовъ дня, потомъ пьетъ въ постели кофе, потомъ два часа одѣвается... о, какъ это ужасно! Въ жаркую погоду такъ иногда хочется пить, какъ мнѣ захотѣлось работать. И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мнѣ въ вашей дружбѣ, Иванъ Романычъ.

Чебутыкинъ *(нѣжно)*. Откажу, откажу...

Ольга. Отецъ пріучилъ насъ вставать въ семь часовъ. Теперь Ирина просыпается въ семь и, по крайней мѣрѣ, до девяти лежитъ и о чемъ-то думаетъ. А лицо серьезное! *(смѣется)*.

Ирина. Ты привыкла видѣть меня дѣвочкой, и тебѣ странно, когда у меня серьезное лицо. Мнѣ двадцать лѣтъ!

Тузенбахъ. Тоска по трудѣ, о Боже мой, какъ она мнѣ понятна! Я не работалъ ни разу въ жизни. Родился я въ Петербургѣ, холодномъ и праздномъ, въ семьѣ, которая никогда не знала труда и никакихъ заботъ. Помню, когда я пріѣзжалъ домой изъ корпуса, то лакей стаскивалъ съ меня сапоги, я капризничалъ въ это время, а моя мать смотрѣла на меня съ благоговѣніемъ и удивлялась, когда другіе на меня смотрѣли иначе. Меня оберегали отъ труда. Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ, уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какія-нибудь 25—30 лѣтъ работать будетъ уже каждый человѣкъ. Каждый!

Чебутыкинъ. Я не буду работать.

Тузенбахъ. Вы не въ счетъ.

Соленый. Черезъ двадцать пять лѣтъ васъ уже не будетъ на свѣтѣ, слава Богу. Года черезъ два-три вы умрете отъ кондрашки, или я вспылю и всажу вамъ пулю въ лобъ, ангелъ мой *(вынимаетъ изъ кармана флаконъ съ духами и опрыскиваетъ себѣ грудь, руки)*.

Чебутыкинъ *(смѣется)*. А я въ самомъ дѣлѣ никогда

ничего не дѣлалъ. Какъ вышелъ изъ университета, такъ не ударилъ пальцемъ о палецъ, даже ни одной книжки не прочелъ, а читалъ только однѣ газеты... *(вынимаетъ изъ кармана другую газету).* Вотъ... Знаю по газетамъ, что былъ, положимъ, Добролюбовъ, а что онъ тамъ писалъ— не знаю... Богъ его знаетъ... *(слышно, какъ стучатъ въ полъ изъ нижняго этажа).* Вотъ... Зовутъ меня внизъ, кто-то ко мнѣ пришелъ. Сейчасъ приду... погодите... *(торопливо уходитъ, расчесывая бороду).*

Ирина. Это онъ что-то выдумалъ.

Тузенбахъ. Да. Ушелъ съ торжественной физіономіей, очевидно, принесетъ вамъ сейчасъ подарокъ.

Ирина. Какъ это непріятно!

Ольга. Да, это ужасно. Онъ всегда дѣлаетъ глупости.

Маша. У лукоморья дубъ зеленый, златая цѣпь на дубѣ томъ... Златая цѣпь на дубѣ томъ... *(встаетъ и напѣваетъ тихо).*

Ольга. Ты сегодня не веселая, Маша.

Маша *(напѣвая, надѣваетъ шляпу).*

Ольга. Куда ты?

Маша. Домой.

Ирина. Странно...

Тузенбахъ. Уходить съ именинъ!

Маша. Все равно... Приду вечеромъ. Прощай, моя хорошая... *(цѣлуетъ Ирину).* Желаю тебѣ еще разъ, будь здорова, будь счастлива. Въ прежнее время, когда былъ живъ отецъ, къ намъ на именины приходило всякій разъ по тридцать-сорокъ офицеровъ, было шумно, а сегодня только полтора человѣка и тихо, какъ въ пустынѣ... Я уйду... Сегодня я въ мерлехлюндіи, не весело мнѣ, и ты не слушай меня *(смѣясь сквозь слезы).* Послѣ поговоримъ, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

Ирина *(недовольная).* Ну, какая ты...

Ольга *(со слезами).* Я понимаю тебя, Маша.

Соленый. Если философствуетъ мужчина, то это будетъ философистика, или тамъ софистика; если же философствуетъ женщина, или двѣ женщины, то ужъ это будетъ— потяни меня за палецъ.

Маша. Что вы хотите этимъ сказать, ужасно страшный человѣкъ?

Соленый. Ничего. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ *(пауза)*.

Маша *(Ольгѣ, сердито)*. Не реви!

(Входятъ Анѳиса и Ферапонтъ съ тортомъ).

Анѳиса. Сюда, батюшка мой. Входи, ноги у тебя чистыя *(Иринѣ)*. Изъ земской управы, отъ Протопопова, Михаила Иваныча... Пирогъ.

Ирина. Спасибо. Поблагодари *(принимаетъ тортъ)*.

Ферапонтъ. Чего?

Ирина *(громче)*. Поблагодари!

Ольга. Нянечка, дай ему пирога. Ферапонтъ, иди, тамъ тебѣ пирога дадутъ.

Ферапонтъ. Чего?

Анѳиса. Пойдемъ, батюшка, Ферапонтъ Спиридонычъ. Пойдемъ... *(уходитъ съ Ферапонтомъ)*.

Маша. Не люблю я Протопопова, этого Михаила Потапыча, или Иваныча. Его не слѣдуетъ приглашать.

Ирина. Я не приглашала.

Маша. И прекрасно.

(Входитъ Чебутыкинъ, за нимъ солдатъ съ серебрянымъ самоваромъ; гулъ изумленія и недовольства).

Ольга *(закрываетъ лицо руками)*. Самоваръ! Это ужасно! *(уходитъ въ залу къ столу)*.

Ирина. Голубчикъ, Иванъ Романычъ, что вы дѣлаете!

Тузенбахъ *(смѣется)*. Я говорилъ вамъ.

Маша. Иванъ Романычъ, у васъ просто стыда нѣтъ!

Чебутыкинъ. Милыя мои, хорошія мои, вы у меня единственныя, вы для меня самое дорогое, что только есть на свѣтѣ. Мнѣ скоро шестьдесятъ, я старикъ, одинокій, ничтожный старикъ... Ничего во мнѣ нѣтъ хорошаго, кромѣ этой любви къ вамъ, и если бы не вы, то я бы давно уже не жилъ на свѣтѣ... *(Ирину)*. Милая, дѣточка моя, я зналъ васъ со дня вашего рожденія... носилъ на рукахъ... я любилъ покойницу маму...

Ирина. Но зачѣмъ такіе дорогіе подарки!

Чебутыкинъ *(сквозь слезы, сердито)*. Дорогіе подарки... Ну васъ совсѣмъ! *(денщику)*. Неси самоваръ туда... *(дразнитъ)*. Дорогіе подарки... *(денщикъ уноситъ самоваръ въ залъ)*.

Анѳиса *(проходя черезъ гостиную)*. Милыя, полковникъ незнакомый. Ужъ пальто снялъ, дѣточки, сюда идетъ. Ари-

нушка, ты же будь ласковая, вѣжливенькая... *(уходя)*. И завтракать уже давно пора... Господи...

Тузенбахъ. Вершининъ, должно-быть.

(Входитъ Вершининъ).

Тузенбахъ. Подполковникъ Вершининъ!

Вершининъ *(Машѣ и Иринѣ)*. Честь имѣю представиться: Вершининъ. Очень, очень радъ, что, наконецъ, я у васъ. Какія вы стали! Ай! ай!

Ирина. Садитесь, пожалуйста. Намъ очень пріятно.

Вершининъ *(весело)*. Какъ я радъ, какъ я радъ! Но вѣдь васъ три сестры. Я помню — три дѣвочки. Лицъ ужъ не помню, но что у вашего отца, полковника Прозорова, были три маленькихъ дѣвочки, я отлично помню и видѣлъ собственными глазами. Какъ идетъ время! Ой, ой. какъ идетъ время!

Тузенбахъ. Александръ Игнатьевичъ изъ Москвы.

Ирина. Изъ Москвы? Вы изъ Москвы?

Вершининъ. Да, оттуда. Вашъ покойный отецъ былъ тамъ батарейнымъ командиромъ, а я въ той же бригадѣ офицеромъ *(Машѣ)*. Вотъ ваше лицо немножко помню, кажется.

Маша. А я васъ—нѣтъ!

Ирина. Оля! Оля! *(кричитъ въ залу)*. Оля, иди же!

Ольга *(входитъ изъ залы въ гостиную)*.

Ирина. Подполковникъ Вершининъ, оказывается, изъ Москвы.

Вершининъ. Вы, стало-быть, Ольга Сергѣевна, старшая... А вы Марія... А вы Ирина—младшая...

Ольга. Вы изъ Москвы?

Вершининъ. Да. Учился въ Москвѣ и началъ службу въ Москвѣ, долго служилъ тамъ, наконецъ, получилъ здѣсь батарею—перешелъ сюда, какъ видите. Я васъ не помню собственно, помню только, что васъ было три сестры. Вашъ отецъ сохранился у меня въ памяти, вотъ закрою глаза и вижу, какъ живого. Я у васъ бывалъ въ Москвѣ...

Ольга. Мнѣ казалось, я всѣхъ помню, и вдругъ...

Вершининъ. Меня зовутъ Александромъ Игнатьевичемъ...

Ирина. Александръ Игнатьевичъ, вы изъ Москвы... Вотъ неожиданность!

Ольга. Вѣдь мы туда переѣзжаемъ.

Ирина. Думаемъ, къ осени уже будемъ тамъ. Нашъ родной городъ, мы родились тамъ.. На Старой Басманной улицѣ... *(обѣ смѣются отъ радости).*

Маша. Неожиданно земляка увидѣли *(живо).* Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у насъ говорили: «влюбленный маіоръ». Вы были тогда поручикомъ и въ кого-то были влюблены, и васъ всѣ дразнили почему-то маіоромъ...

Вершининъ *(смѣется).*—Вотъ, вотъ... Влюбленный майоръ, это такъ...

Маша. У васъ были тогда только усы... О, какъ вы постарѣли! *(сквозь слезы).* Какъ вы постарѣли!

Вершининъ. Да, когда меня звали влюбленнымъ маіоромъ, я былъ еще молодъ, былъ влюбленъ. Теперь не то.

Ольга. Но у васъ еще ни одного сѣдого волоса. Вы постарѣли, но еще не стары.

Вершининъ. Однако, уже сорокъ третій годъ. Вы давно изъ Москвы?

Ирина. Одиннадцать лѣтъ. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка... *(сквозь слезы).* И я заплачу.

Маша. Я ничего. А на какой вы улицѣ жили?

Вершининъ. На Старой Басманной.

Ольга. И мы тамъ тоже...

Вершининъ. Одно время я жилъ на Нѣмецкой улицѣ. Съ Нѣмецкой улицы я хаживалъ въ Красныя казармы. Тамъ по пути угрюмый мостъ, подъ мостомъ вода шумитъ. Одинокому становится грустно на душѣ *(пауза).* А здѣсь какая широкая, какая богатая рѣка! Чудесная рѣка!

Ольга. Да, но только холодно. Здѣсь холодно и комары...

Вершининъ. Что вы! Здѣсь такой здоровый, хорошій, славянскій климатъ. Лѣсъ, рѣка... и здѣсь тоже березы. Милыя, скромныя березы, я люблю ихъ больше всѣхъ деревьевъ. Хорошо здѣсь жить. Только странно, вокзалъ желѣзной дороги въ двадцати верстахъ... И никто не знаетъ, почему это такъ.

Соленый. А я знаю, почему это такъ *(всѣ глядятъ на него).* Потому что, если бы вокзалъ былъ близко, то не былъ бы далеко, а если онъ далеко, то, значитъ, не близко.

(Неловкое молчаніе).

Тузенбахъ. Шутникъ, Василій Васильичъ.

Ольга. Теперь и я вспомнила васъ. Помню.

Вершининъ. Я вашу матушку зналъ.

Чебутыкинъ. Хорошая была, царство ей небесное.

Ирина. Мама въ Москвѣ погребена.

Ольга. Въ Ново-Дѣвичьемъ...

Маша. Представьте, я уже начинаю забывать ея лицо. Такъ и о насъ не будутъ помнить. Забудутъ.

Вершининъ. Да. Забудутъ. Такова ужъ судьба наша, ничего не подѣлаешь. То, что кажется намъ серьезнымъ, значительнымъ, очень важнымъ,—придетъ время,—будетъ забыто, или будетъ казаться неважнымъ *(пауза)*. И интересно, мы теперь совсѣмъ не можемъ знать, что̀ собственно будетъ считаться высокимъ, важнымъ, и что жалкимъ, смѣшнымъ. Развѣ открытіе Коперника, или, положимъ, Колумба не казалось въ первое время не нужнымъ, смѣшнымъ, а какой-нибудь пустой вздоръ, написанный чудакомъ, не казался истиной? И можетъ статься, что наша теперяшняя жизнь, съ которой мы такъ миримся, будетъ со временемъ казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть-можетъ, даже грѣшной...

Тузенбахъ. Кто знаетъ? А, быть-можетъ, нашу жизнь назовутъ высокой и вспомнятъ о ней съ уваженіемъ. Теперь нѣтъ пытокъ, нѣтъ казней, нашествій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько страданій!

Соленый *(тонкимъ голосомъ)*. Ципъ, ципъ, ципъ... Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать.

Тузенбахъ. Василій Васильичъ, прошу васъ оставить меня въ покоѣ... *(садится на другое мѣсто)*. Это скучно, наконецъ.

Соленый *(тонкимъ голосомъ)*. Ципъ, ципъ, ципъ...

Тузенбахъ *(Вершинину)*. Страданія, которыя наблюдаются теперь,—ихъ такъ много!—говорятъ все-таки объ извѣстномъ нравственномъ подъемѣ, котораго уже достигло общество...

Вершининъ. Да, да, конечно.

Чебутыкинъ. Вы только-что сказали, баронъ, нашу жизнь назовутъ высокой; но люди все же низенькіе... *(встаетъ)*. Глядите, какой я низенькій. Это для моего утѣшенія надо говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь.

(За сценой игра на скрипкѣ).

Маша. Это Андрей играетъ, нашъ братъ.

Ирина. Онъ у насъ ученый. Должно-быть, будетъ про-

фессоромъ. Папа былъ военнымъ, а его сынъ избралъ себѣ ученую карьеру.

Маша. По желанію папы.

Ольга. Мы сегодня его задразнили. Онъ, кажется, влюбленъ немножко.

Ирина. Въ одну здѣшнюю барышню. Сегодня она будетъ у насъ, по всей вѣроятности.

Маша. Ахъ, какъ она одѣвается! Не то, чтобы некрасиво, не модно, а просто жалко. Какая-то странная, яркая, желтоватая юбка съ этакой пошленькой бахрамой и красная кофточка. И щеки такія вымытыя, вымытыя! Андрей не влюбленъ — я не допускаю, все-таки у него вкусъ есть, а просто онъ такъ, дразнитъ насъ, дурачится. Я вчера слышала, она выходитъ за Протопопова, предсѣдателя здѣшней управы. И прекрасно... *(въ боковую дверь).* Андрей, поди сюда! Милый, на минутку!

(Входитъ Андрей).

Ольга. Это мой братъ, Андрей Сергѣичъ.

Вершининъ. Вершининъ.

Андрей. Прозоровъ *(утираетъ вспотѣвшее лицо).* Вы къ намъ батарейнымъ командиромъ?

Ольга. Можешь представить, Александръ Игнатьичъ изъ Москвы.

Андрей. Да? Ну, поздравляю, теперь мои сестрицы не дадутъ вамъ покою.

Вершининъ. Я уже успѣлъ надоѣсть вашимъ сестрамъ.

Ирина. Посмотрите, какую рамочку для портрета подарилъ мнѣ сегодня Андрей! *(показываетъ рамочку).* Это онъ самъ сдѣлалъ.

Вершининъ *(глядя на рамочку и не зная, что сказать).* Да... вещь...

Ирина. И вотъ ту рамочку, что надъ піанино, онъ тоже сдѣлалъ.

Андрей *(машетъ рукой и отходитъ).*

Ольга. Онъ у насъ и ученый, и на скрипкѣ играетъ, и выпиливаетъ разныя штучки, однимъ словомъ, мастеръ на всѣ руки. Андрей, не уходи! У него манера — всегда уходить. Поди сюда!

(Маша и Ирина берутъ его подъ руки и со смѣхомъ ведутъ назадъ).

Маша. Иди, иди!

Андрей. Оставьте, пожалуйста.

Маша. Какой смѣшной! Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленнымъ маіоромъ, и онъ нисколько не сердился.

Вершининъ. Нисколько!

Маша. А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипачъ!

Ирина. Или влюбленный профессоръ!..

Ольга. Онъ влюбленъ! Андрюша влюбленъ!

Ирина *(аплодируя).* Браво, браво! Бисъ! Андрюшка влюбленъ!

Чебутыкинъ *(подходитъ сзади къ Андрею и беретъ его обѣими руками за талію).* Для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела! *(хохочетъ; онъ все время съ газетой).*

Андрей. Ну, довольно, довольно... *(утираетъ лицо).* Я всю ночь не спалъ и теперь немножко не въ себѣ, какъ говорится. До четырехъ часовъ читалъ, потомъ легъ, но ничего не вышло. Думалъ о томъ, о семъ, а тутъ ранній разсвѣтъ, солнце такъ и лѣзетъ въ спальню. Хочу за лѣто, пока буду здѣсь, перевести одну книжку съ англійскаго.

Вершининъ. А вы читаете по-англійски?

Андрей. Да. Отецъ, царство ему небесное, угналъ насъ воспитаніемъ. Это смѣшно и глупо, но въ этомъ все-таки надо сознаться, послѣ его смерти я сталъ полнѣть и вотъ располнѣлъ въ одинъ годъ, точно мое тѣло освободилось отъ гнета. Благодаря отцу, я и сестры знаемъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, а Ирина знаетъ еще по-итальянски. Но чего это стоило!

Маша. Въ этомъ городѣ знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придатокъ, въ родѣ шестого пальца. Мы знаемъ много лишняго!

Вершининъ. Вотъ-те на! *(смѣется).* Знаете много лишняго! Мнѣ кажется, нѣтъ и не можетъ быть такого скучнаго и унылаго города, въ которомъ былъ бы не нуженъ умный, образованный человѣкъ. Допустимъ, что среди ста тысячъ населенія этого города, конечно отсталаго и грубаго, такихъ, какъ вы, только три. Само собою разумѣется, вамъ не побѣдить окружающей васъ темной массы; въ теченіе вашей жизни, мало-по-малу, вы должны будете уступить и затеряться въ стотысячной толпѣ, васъ заглушитъ жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь безъ вліянія; такихъ, какъ вы, послѣ васъ явится уже, быть-

можетъ, шесть, потомъ двѣнадцать и такъ далѣе, пока наконецъ, такія, какъ вы, не станутъ большинствомъ. Черезъ двѣсти, триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней; онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ *(смѣется)*. А вы жалуетесь, что знаете много лишняго.

Маша *(снимаетъ шляпу)*. Я остаюсь завтракать.

Ирина *(со вздохомъ)*. Право, все это слѣдовало бы записать...

(Андрея нѣтъ, онъ незамѣтно ушелъ).

Тузенбахъ. Черезъ много лѣтъ, вы говорите, жизнь на землѣ будетъ прекрасной, изумительной. Это правда. Но, чтобы участвовать въ ней теперь, хотя издали, нужно приготовляться къ ней, нужно работать...

Вершининъ *(встаетъ)*. Да. Сколько, однако, у васъ цвѣтовъ! *(оглядываясь)*. И квартира чудесная. Завидую! А я всю жизнь мою болтался по квартиркамъ съ двумя стульями, съ однимъ диваномъ, и съ печами, которыя всегда дымятъ. У меня въ жизни не хватало именно вотъ такихъ цвѣтовъ... *(потираетъ руки)*. Эхъ! Ну, да что!

Тузенбахъ. Да, нужно работать. Вы, небось, думаете: расчувствовался нѣмецъ. Но я, честное слово, русскій и по-нѣмецки даже не говорю. Отецъ у меня православный... *(пауза)*.

Вершининъ *(ходитъ по сцепѣ)*. Я часто думаю; что, если бы начать жизнь снова, притомъ сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, какъ говорится, начерно, другая—начисто! Тогда каждый изъ насъ, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мѣрѣ создалъ бы для себя иную обстановку жизни, устроилъ бы себѣ такую квартиру съ цвѣтами, съ массою свѣта... У меня жена, двое дѣвочекъ, притомъ жена дама нездоровая и такъ далѣе, и такъ далѣе, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нѣтъ, нѣтъ!

(Входитъ Кулыгинъ въ форменномъ фракѣ).

Кулыгинъ *(подходитъ къ Ирипѣ)*. Дорогая сестра, позволь мнѣ поздравить тебя съ днемъ твоего ангела и пожелать

искренно, отъ души, здоровья и всего того, что можно пожелать дѣвушкѣ твоихъ лѣтъ. И потомъ поднести тебѣ въ подарокъ вотъ эту книжку *(подастъ книжку)*. Исторія нашей гимназіи за пятьдесятъ лѣтъ, написанная мною. Пустяшная книжка, написана отъ нечего дѣлать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! *(Вершинину)*. Кулыгинъ, учитель здѣшней гимназіи. Надворный совѣтникъ *(Иринѣ)*. Въ этой книжкѣ ты найдешь списокъ всѣхъ, кончившихъ курсъ въ нашей гимназіи за эти пятьдесятъ лѣтъ. Feci, quod potui, faciant meliora potentes *(цѣлуетъ Машу)*.

Ирина. Но вѣдь на Пасху ты уже подарилъ мнѣ такую книжку.

Кулыгинъ *(смѣется)*. Не можетъ быть! Въ такомъ случаѣ отдай назадъ, или вотъ лучше отдай полковнику. Возьмите, полковникъ. Когда-нибудь прочтете отъ скуки.

Вершининъ. Благодарю васъ *(собирается уйти)*. Я чрезвычайно радъ, что познакомился...

Ольга. Вы уходите? Нѣтъ, нѣтъ!

Ирина. Вы останетесь у насъ завтракать. Пожалуйста.

Ольга. Прошу васъ!

Вершининъ *(кланяется)*. Я, кажется, попалъ на именины. Простите, я не зналъ, не поздравилъ васъ... *(уходитъ съ Ольгой въ залу)*.

Кулыгинъ. Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будемъ же отдыхать, будемъ веселиться каждый сообразно съ своимъ возрастомъ и положеніемъ. Ковры надо будетъ убрать на лѣто и спрятать до зимы... Персидскимъ порошкомъ, или нафталиномъ... Римляне были здоровы, потому что умѣли трудиться, умѣли и отдыхать, у нихъ была mens sana in corpore sano. Жизнь ихъ текла по извѣстнымъ формамъ. Нашъ директоръ говоритъ: главное во всякой жизни—это ея форма... Что теряетъ свою форму, то кончается—и въ нашей обыденной жизни то же самое *(беретъ Машу за талію, смѣясь)*. Маша меня любитъ. Моя жена меня любитъ. И оконныя занавѣски тоже туда съ коврами... Сегодня я веселъ, въ отличномъ настроеніи духа. Маша, въ четыре часа сегодня мы у директора. Устраивается прогулка педагоговъ и ихъ семействъ.

Маша. Не пойду я.

Кулыгинъ *(огорченный)*. Милая Маша, почему?

Маша. Послѣ объ этомъ... *(сердито)*. Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста... *(отходитъ)*.

Кулыгинъ. А затѣмъ вечеръ проведемъ у директора. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, этотъ человѣкъ старается прежде всего быть общественнымъ. Превосходная, свѣтлая личность. Великолѣпный человѣкъ. Вчера, послѣ совѣта, онъ мнѣ говоритъ: «Усталъ, Ѳедоръ Ильичъ! Усталъ!» *(смотритъ на стѣнные часы, потомъ на свои)*. Ваши часы спѣшатъ на семь минутъ. Да, говоритъ, усталъ!

(За сценой игра на скрипкѣ).

Ольга. Господа, милости просимъ, пожалуйте завтракать! Пирогъ!

Кулыгинъ. Ахъ, милая моя Ольга, милая моя! Я вчера работалъ съ утра до одиннадцати часовъ вечера, усталъ и сегодня чувствую себя счастливымъ *(уходитъ въ залу къ столу)*. Милая моя...

Чебутыкинъ *(кладетъ газету въ карманъ, причесываетъ бороду)*. Пирогъ? Великолѣпно!

Маша *(Чебутыкину строго)*. Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вамъ вредно пить.

Чебутыкинъ. Эва! У меня ужъ прошло. Два года, какъ запоя не было *(нетерпѣливо)*. Э, матушка, да не все ли равно!

Маша. Все-таки не смѣйте пить. Не смѣйте *(сердито, но такъ, чтобы не слышалъ мужъ)*. Опять, чортъ подери, скучать цѣлый вечеръ у директора!

Тузенбахъ. Я бы не пошелъ на вашемъ мѣстѣ... Очень просто.

Чебутыкинъ. Не ходите, дуся моя.

Маша. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая... *(идетъ въ залу)*.

Чебутыкинъ *(идетъ къ ней)*. Ну-у!

Соленый *(проходя въ залу)*. Цыпъ, цыпъ, цыпъ...

Тузенбахъ. Довольно, Василій Васильичъ. Будетъ.

Соленый. Цыпъ, цыпъ, цыпъ...

Кулыгинъ *(весело)*. Ваше здоровье, полковникъ! Я педагогъ, и здѣсь въ домѣ свой человѣкъ, Машинъ мужъ... Она добрая, очень добрая...

Вершининъ. Я выпью вотъ этой темной водки... *(пьетъ)*. Ваше здоровье! *(Ольгѣ)*. Мнѣ у васъ такъ хорошо!..

(Въ гостиной остаются только Ирина и Тузенбахъ).

Ирина. Маша сегодня не въ духѣ. Она вышла замужъ восемнадцати лѣтъ, когда онъ казался ей самымъ умнымъ человѣкомъ. А теперь не то. Онъ самый добрый, но не самый умный.

Ольга (*нетерпѣливо*). Андрей, иди же, наконецъ!

Андрей (*за сценой*). Сейчасъ (*входитъ и идетъ къ столу*).

Тузенбахъ. О чемъ вы думаете?

Ирина. Такъ. Я не люблю и боюсь этого вашего Соленаго. Онъ говоритъ однѣ глупости...

Тузенбахъ. Странный онъ человѣкъ. Мнѣ и жаль его, и досадно, но больше жаль. Мнѣ кажется, онъ застѣнчивъ... Когда мы вдвоемъ съ нимъ, то онъ бываетъ очень уменъ и ласковъ, а въ обществѣ онъ грубый человѣкъ, бреттеръ. Не ходите, пусть пока сядутъ за столъ. Дайте мнѣ побыть около васъ. О чемъ вы думаете? (*пауза*). Вамъ двадцать лѣтъ, мнѣ еще нѣтъ тридцати. Сколько лѣтъ намъ осталось впереди, длинный, длинный рядъ дней, полныхъ моей любви къ вамъ...

Ирина. Николай Львовичъ, не говорите мнѣ о любви.

Тузенбахъ (*не слушая*). У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда, и эта жажда въ душѣ слилась съ любовью къ вамъ, Ирина, и, какъ нарочно, вы прекрасны, и жизнь мнѣ кажется такой прекрасной! О чемъ вы думаете?

Ирина. Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У насъ, трехъ сестеръ, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала насъ, какъ сорная трава... Текутъ у меня слезы. Это не нужно... (*быстро вытираетъ лицо, улыбается*). Работать нужно, работать. Оттого намъ невесело и смотримъ мы на жизнь такъ мрачно, что не знаемъ труда. Мы родились отъ людей, презиравшихъ трудъ...

(*Наталія Ивановна входитъ; она въ розовомъ платьѣ, съ зеленымъ поясомъ*).

Наташа. Тамъ уже завтракать садятся... Я опоздала... (*мелькомъ глядится въ зеркало, поправляется*). Кажется, причесана ничего себѣ... (*увидѣвъ Ирину*). Милая Ирина Сергѣевна, поздравляю васъ! (*цѣлуетъ крѣпко и продолжительно*). У васъ много гостей, мнѣ, право, совѣстно... Здравствуйте, баронъ!

Ольга (*входя въ гостиную*). Ну, вотъ и Наталія Ивановна. Здравствуйте, моя милая! (*цѣлуются*).

Наташа. Съ именинницей. У васъ такое большое общество, я смущена ужасно...

Ольга. Полно, у насъ все свои *(вполголоса испуганно)*. На васъ зеленый поясъ! Милая, это не хорошо!

Наташа. Развѣ есть примѣта?

Ольга. Нѣтъ, просто не идетъ... и какъ-то странно..

Наташа *(плачущимъ голосомъ)*. Да? Но вѣдь это не зеленый, а скорѣе матовый *(идетъ за Ольгой въ залу)*.

(Въ залъ садятся завтракать; въ гостиной ни души).

Кулыгинъ. Желаю тебѣ, Ирина, жениха хорошаго. Пора тебѣ ужъ выходить.

Чебутыкинъ. Наталья Ивановна, и вамъ женишка желаю.

Кулыгинъ. У Натальи Ивановны уже есть женишокъ.

Маша *(стучитъ вилкой по тарелкѣ)*. Выпью рюмочку винца! Эхъ-ма, жизнь малиновая, гдѣ наша не пропадала!

Кулыгинъ. Ты ведешь себя на три съ минусомъ.

Вершининъ. А наливка вкусная. На чемъ это настоено?

Соленый. На тараканахъ.

Ирина *(плачущимъ голосомъ)*. Фу! Фу! Какое отвращеніе!..

Ольга. За ужиномъ будетъ жареная индѣйка и сладкій пирогъ съ яблоками. Слава Богу, сегодня цѣлый день я дома, вечеромъ—дома... Господа, вечеромъ приходите.

Вершининъ. Позвольте и мнѣ придти вечеромъ!

Ирина. Пожалуйста.

Наташа. У нихъ попросту.

Чебутыкинъ. Для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела *(смѣется)*.

Андрей *(сердито)*. Перестаньте, господа! Не надоѣло вамъ.

(Федотикъ и Родэ входятъ съ большой корзиной цвѣтовъ).

Федотикъ. Однако, уже завтракаютъ.

Родэ *(громко и картавя)*. Завтракаютъ? Да, уже завтракаютъ...

Федотикъ. Погоди минутку! *(снимаетъ фотографію)*. Разъ! Погоди еще немного... *(снимаетъ другую фотографію)*. Два! Теперь готово! *(берутъ корзину и идутъ въ залу, гдѣ ихъ встрѣчаютъ съ шумомъ)*.

Родэ *(громко)*. Поздравляю, желаю всего, всего! Погода сегодня очаровательная, одно великолѣпіе. Сегодня все утро гулялъ съ гимназистами. Я преподаю въ гимназіи гимнастику...

Федотикъ. Можете двигаться, Ирина Сергѣевна, можете! *(снимая фотографію).* Вы сегодня интересны *(вынимаетъ изъ кармана волчокъ).* Вотъ, между прочимъ, волчокъ... Удивительный звукъ...

Ирина. Какая прелесть!

Маша. У лукоморья дубъ зеленый, златая цѣпь на дубѣ томъ... Златая цѣпь на дубѣ томъ... *(плаксиво).* Ну, зачѣмъ я это говорю? Привязалась ко мнѣ эта фраза съ самаго утра...

Кулыгинъ. Тринадцать за столомъ!

Родэ *(громко).* Господа, неужели вы придаете значеніе предразсудкамъ? *(смѣхъ).*

Кулыгинъ. Если тринадцать за столомъ, то, значитъ, есть тутъ влюбленные. Ужъ не вы ли, Иванъ Романовичъ, чего добраго... *(смѣхъ).*

Чебутыкинъ. Я старый грѣшникъ, а вотъ отчего Наталья Ивановна сконфузилась, рѣшительно понять не могу.

(Громкій смѣхъ; Наташа выбѣгаетъ изъ залы въ гостиную, за ней Андрей).

Андрей. Полно, не обращайте вниманія! Погодите... постойте, прошу васъ...

Наташа. Мнѣ стыдно... Я не знаю, что со мной дѣлается, а они поднимаютъ меня на смѣхъ. То, что я сейчасъ вышла изъ-за стола, неприлично, но я не могу... не могу... *(закрываетъ лицо руками).*

Андрей. Дорогая моя, прошу васъ, умоляю, не волнуйтесь. Увѣряю васъ, они шутятъ, они отъ добраго сердца. Дорогая моя, моя хорошая, они всѣ добрые, сердечные люди, и любятъ меня и васъ. Идите сюда къ окну, насъ здѣсь не видно имъ... *(оглядывается).*

Наташа. Я такъ не привыкла бывать въ обществѣ!..

Андрей. О, молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь такъ!.. Вѣрьте мнѣ, вѣрьте... Мнѣ такъ хорошо, душа полна любви, восторга... О, насъ не видятъ! Не видятъ! За что, за что я полюбилъ васъ, когда полюбилъ—о, ничего не понимаю. Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я васъ люблю, люблю... какъ никого никогда... *(Поцѣлуй).*

(Два офицера входятъ, и увидѣвъ цѣлующуюся пару, останавливаются въ изумленіи).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорація перваго акта.

Восемь часовъ вечера. За сценой на улицѣ едва слышно играютъ на гармоникѣ. Нѣтъ огня. Входитъ Наталья Ивановна въ капотѣ, со свѣчой; она идетъ и останавливается у двери, которая ведетъ въ комнату Андрея.

Наташа. Ты, Андрюша, что дѣлаешь? Читаешь? Ничего, я такъ только... *(идетъ, отворяетъ другую дверь и, заглянувъ въ нее, затворяетъ).* Огня нѣтъ ли...

Андрей *(входитъ съ книгой въ рукѣ).* Ты что, Наташа?

Наташа. Смотрю, огня нѣтъ ли... Теперь масляница, прислуга сама не своя, гляди да и гляди, чтобъ чего не вышло. Вчера въ полночь прохожу черезъ столовую, а тамъ свѣча горитъ. Кто зажегъ, такъ и не добилась толку *(ставитъ свѣчу).* Который часъ?

Андрей *(взглянувъ на часы).* Девятаго четверть.

Наташа. А Ольги и Ирины до сихъ поръ еще нѣтъ. Не пришли. Все трудятся бѣдняжки. Ольга на педагогическомъ совѣтѣ, Ирина на телеграфѣ... *(вздыхаетъ).* Сегодня утромъ говорю твоей сестрѣ: «Побереги, говорю, себя, Ирина, голубчикъ». И не слушаетъ. Четверть девятаго, говоришь? Я боюсь, Бобикъ нашъ совсѣмъ нездоровъ. Отчего онъ холодный такой? Вчера у него былъ жаръ, а сегодня холодный весь... Я такъ боюсь!

Андрей. Ничего, Наташа. Мальчикъ здоровъ.

Наташа. Но все-таки лучше пускай діэта. Я боюсь. И сегодня въ десятомъ часу, говорили, ряженые у насъ будутъ, лучше бы они не приходили, Андрюша.

Андрей. Право, я не знаю. Ихъ вѣдь звали.

Наташа. Сегодня мальчишечка проснулся утромъ и глядитъ на меня, и вдругъ улыбнулся; значитъ, узналъ. «Бобикъ, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А онъ смѣется. Дѣти понимаютъ, отлично понимаютъ. Такъ, значитъ, Андрюша, я скажу, чтобы ряженыхъ не принимали.

Андрей *(нерѣшительно).* Да вѣдь это какъ сестры. Онѣ тутъ хозяйки.

Наташа. И онѣ тоже, я имъ скажу. Онѣ добрыя... *(идетъ).* Къ ужину я велѣла простокваши. Докторъ говоритъ, тебѣ нужно одну простоквашу ѣсть, иначе не похудѣешь *(оста-*

навливается). Бобикъ холодный. Я боюсь, ему холодно въ его комнатѣ, пожалуй. Надо бы хоть до теплой погоды помѣстить его въ другой комнатѣ. Напримѣръ, у Ирины комната, какъ разъ для ребенка: и сухо, и цѣлый день солнце. Надо ей сказать, она пока можетъ съ Ольгой въ одной комнатѣ... Все равно днемъ дома не бываетъ, только ночуетъ... *(пауза).* Андрюшанчикъ, отчего ты молчишь?

Андрей. Такъ, задумался... Да и нечего говорить...

Наташа. Да... Что-то я хотѣла тебѣ сказать... Ахъ, да. Тамъ изъ управы Ферапонтъ пришелъ, тебя спрашиваетъ.

Андрей *(зѣваетъ).* Позови его.

(Наташа уходитъ; Андрей, нагнувшись къ забытой ею свѣчѣ, читаетъ книгу. Входитъ Ферапонтъ; онъ въ старомъ трепанномъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, уши повязаны).

Андрей. Здравствуй, душа моя. Что скажешь?

Ферапонтъ. Предсѣдатель прислалъ книжку и бумагу какую-то. Вотъ... *(подаетъ книгу и пакетъ).*

Андрей. Спасибо. Хорошо. Отчего же ты пришелъ такъ не рано? Вѣдь девятый часъ уже.

Ферапонтъ. Чего?

Андрей *(громче).* Я говорю, поздно пришелъ, уже девятый часъ.

Ферапонтъ. Такъ точно. Я пришелъ къ вамъ, еще свѣтло было, да не пускали все. Баринъ, говорятъ, занятъ. Ну, что-жъ. Занятъ, такъ занятъ, спѣшить мнѣ некуда *(думая, что Андрей спрашиваетъ его о чемъ-то).* Чего?

Андрей. Ничего *(разсматривая книгу).* Завтра пятница, у насъ нѣтъ присутствія, но я все равно приду... займусь. Дома скучно... *(пауза).* Милый дѣдъ, какъ странно мѣняется, какъ обманываетъ жизнь! Сегодня отъ скуки, отъ нечего дѣлать, я взялъ въ руки вотъ эту книгу—старыя университетскія лекціи, и мнѣ стало смѣшно... Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, гдѣ предсѣдательствуетъ Протопоповъ, я секретарь, и самое большое, на что я могу надѣяться, это—быть членомъ земской управы! Мнѣ быть членомъ здѣшней земской управы, мнѣ, которому снится каждую ночь, что я профессоръ московскаго университета, знаменитый ученый, которымъ гордится русская земля!

Ферапонтъ. Не могу знать... Слышу-то плохо.

Андрей. Если бы ты слышалъ какъ слѣдуетъ, то я, быть-можетъ, и не говорилъ бы съ тобой. Мнѣ нужно говорить съ кѣмъ-нибудь, а жена меня не понимаетъ, сестеръ я боюсь почему-то, боюсь, что онѣ засмѣютъ меня, застыдятъ... Я не пью, трактировъ не люблю, но съ какимъ удовольствіемъ я посидѣлъ бы теперь въ Москвѣ у Тѣстова, или въ Большомъ Московскомъ, голубчикъ мой.

Ферапонтъ. А въ Москвѣ, въ управѣ давеча разсказывалъ подрядчикъ, какіе-то купцы ѣли блины; одинъ, который съѣлъ сорокъ блиновъ, будто померъ. Не то сорокъ, не то пятьдесятъ. Не упомню.

Андрей. Сидишь въ Москвѣ, въ громадной залѣ ресторана, никого не знаешь и тебя никто не знаетъ, и въ то же время не чувствуешь себя чужимъ. А здѣсь ты всѣхъ знаешь и тебя всѣ знаютъ, но чужой, чужой... Чужой и одинокій.

Ферапонтъ. Чего? *(пауза).* И тотъ же подрядчикъ сказывалъ—можетъ, и вретъ, будто поперекъ всей Москвы канатъ протянутъ.

Андрей. Для чего?

Ферапонтъ. Не могу знать. Подрядчикъ говорилъ.

Андрей. Чепуха *(читаетъ книгу).* Ты былъ когда-нибудь въ Москвѣ?

Ферапонтъ *(послѣ паузы).* Не былъ. Не привелъ Богъ *(пауза).* Мнѣ идти?

Андрей. Можешь идти. Будь здоровъ *(Ферапонтъ уходитъ).* Будь здоровъ *(читая).* Завтра утромъ придешь, возьмешь тутъ бумаги... Ступай... *(пауза).* Онъ ушелъ *(звонокъ).* Да, дѣла... *(потягивается и не спѣша уходитъ къ себѣ).*

(За сценой поетъ нянька, укачивая ребенка. Входятъ Маша и Вершининъ. Пока они потомъ бесѣдуютъ, горничная зажигаетъ лампу и свѣчи).

Маша. Не знаю *(пауза).* Не знаю. Конечно, много значитъ привычка. Послѣ смерти отца, напримѣръ, мы долго не могли привыкнуть къ тому, что у насъ уже нѣтъ денщиковъ. Но и помимо привычки, мнѣ кажется, говоритъ во мнѣ просто справедливость. Можетъ-быть, въ другихъ мѣстахъ и не такъ, но въ нашемъ городѣ самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди—это военные.

Вершининъ. Мнѣ пить хочется. Я бы выпилъ чаю.

Маша *(взглянувъ на часы)*. Скоро дадутъ. Меня выдали замужъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и я своего мужа боялась, потому что онъ былъ учителемъ, а я тогда едва кончила курсъ. Онъ казался мнѣ тогда ужасно ученымъ, умнымъ и важнымъ. А теперь ужъ не то, къ сожалѣнію.

Вершининъ. Такъ... да.

Маша. Про мужа я не говорю, къ нему я привыкла, но между штатскими вообще такъ много людей грубыхъ, не любезныхъ, не воспитанныхъ. Меня волнуетъ, оскорбляетъ грубость, я страдаю, когда вижу, что человѣкъ недостаточно тонокъ, недостаточно мягокъ, любезенъ. Когда мнѣ случается быть среди учителей, товарищей мужа, то я просто страдаю.

Вершининъ. Да-съ... Но мнѣ кажется, все равно, что штатскій, что военный, одинаково интересно, по крайней мѣрѣ, въ этомъ городѣ! Все равно! Если послушать здѣшняго интеллигента, штатскаго или военнаго, то съ женой онъ замучился, съ домомъ замучился, съ имѣніемъ замучился, съ лошадьми замучился... Русскому человѣку въ высшей степени свойствененъ возвышенный образъ мыслей, но скажите, почему въ жизни онъ хватаетъ такъ невысоко? Почему?

Маша. Почему?

Вершининъ. Почему онъ съ дѣтьми замучился, съ женой замучился? А почему жена и дѣти съ нимъ замучились?

Маша. Вы сегодня немножко не въ духѣ.

Вершининъ. Можетъ быть. Я сегодня не обѣдалъ, ничего не ѣлъ съ утра. У меня дочь больна немножко, а когда болѣютъ мои дѣвочки, то мною овладѣваетъ тревога, меня мучаетъ совѣсть за то, что у нихъ такая мать. О, если бы вы видѣли ее сегодня! Что за ничтожество. Мы начали браниться съ семи часовъ утра, а въ девять я хлопнулъ дверью и ушелъ *(пауза)*. Я никогда не говорю объ этомъ, и странно, жалуюсь только вамъ одной *(цѣлуетъ руку)*. Не сердитесь на меня. Кромѣ васъ одной, у меня нѣтъ никого, никого... *(пауза)*.

Маша. Какой шумъ въ печкѣ. У насъ не задолго до смерти отца гудѣло въ трубѣ. Вотъ точно такъ.

Вершининъ. Вы съ предразсудками?

Маша. Да.

Вершининъ. Странно это *(цѣлуетъ руку)*. Вы великолѣпная, чудная женщина. Великолѣпная, чудная! Здѣсь темно, но я вижу блескъ вашихъ глазъ.

Маша *(садится на другой стулъ)*. Здѣсь свѣтлѣй...

Вершининъ. Я люблю, люблю, люблю... Люблю ваши глаза, ваши движенія, которыя мнѣ снятся... Великолѣпная, чудная женщина!

Маша *(тихо смѣясь)*. Когда вы говорите со мной такъ, то я почему-то смѣюсь, хотя мнѣ страшно. Не повторяйте, прошу васъ... *(вполголоса)*. А, впрочемъ, говорите, мнѣ все равно... *(закрываетъ лицо руками)*. Мнѣ все равно. Сюда идутъ, говорите о чемъ-нибудь другомъ...

(Ирина и Тузенбахъ входятъ черезъ залу).

Тузенбахъ. У меня тройная фамилія. Меня зовутъ баронъ Тузенбахъ-Кроне-Альтшауеръ, но я русскій, православный, какъ вы. Нѣмецкаго у меня осталось мало, развѣ только терпѣливость, упрямство, съ какимъ я надоѣдаю вамъ. Я провожаю васъ каждый вечеръ.

Ирина. Какъ я устала!

Тузенбахъ. И каждый день буду приходить на телеграфъ и провожать васъ домой, буду десять, двадцать лѣтъ, пока вы не прогоните *(увидѣвъ Машу и Вершинина, радостно)*. Это вы? Здравствуйте.

Ирина. Вотъ я и дома, наконецъ (*Машѣ*). Сейчасъ приходитъ одна дама, телеграфируетъ своему брату въ Саратовъ, что у ней сегодня сынъ умеръ, и никакъ не можетъ вспомнить адреса. Такъ и послала безъ адреса, просто въ Саратовъ. Плачетъ. И я ей нагрубила ни съ того, ни съ сего. «Мнѣ, говорю, некогда». Такъ глупо вышло. Сегодня у насъ ряженые?

Маша. Да.

Ирина *(садится въ кресло)*. Отдохнуть. Устала.

Тузенбахъ *(съ улыбкой)*. Когда вы приходите съ должности, то кажетесь такой молоденькой, несчастненькой... *(пауза)*.

Ирина. Устала. Нѣтъ, не люблю я телеграфа, не люблю.

Маша. Ты похудѣла... *(насвистываетъ)*. И помолодѣла, и на мальчишку стала похожа лицомъ.

Тузенбахъ. Это отъ прически.

Ирина. Надо поискать другую должность, а эта не по мнѣ.

Чего я такъ хотѣла, о чемъ мечтала, того-то именно въ ней и нѣтъ. Трудъ безъ поэзіи, безъ мыслей... (*стукъ въ полъ*). Докторъ стучитъ (*Тузенбаху*). Милый, постучите. Я не могу... устала...

Тузенбахъ (*стучитъ въ полъ*).

Ирина. Сейчасъ придетъ. Надо бы принять какія-нибудь мѣры. Вчера докторъ и нашъ Андрей были въ клубѣ и опять проигрались. Говорятъ, Андрей двѣсти рублей проигралъ.

Маша (*равнодушно*). Что-жъ теперь дѣлать?

Ирина. Двѣ недѣли назадъ проигралъ, въ декабрѣ проигралъ. Скорѣе бы все проигралъ, быть-можетъ, уѣхали бы изъ этого города. Господи Боже мой, мнѣ Москва снится каждую ночь, я совсѣмъ какъ помѣшанная (*смѣется*). Мы переѣзжаемъ туда въ іюнѣ, а до іюня осталось еще... февраль, мартъ, апрѣль, май... почти полгода!

Маша. Надо только, чтобы Наташа не узнала какъ-нибудь о проигрышѣ.

Ирина. Ей, я думаю, все равно.

(*Чебутыкинъ, только-что вставшій съ постели,—онъ отдыхалъ послѣ обѣда,—входитъ въ залу и причесываетъ бороду, потомъ садится тамъ за столъ и вынимаетъ изъ кармана газету*).

Маша. Вотъ пришелъ... Онъ заплатилъ за квартиру?

Ирина (*смѣется*). Нѣтъ. За восемь мѣсяцевъ ни копеечки. Очевидно, забылъ.

Маша (*смѣется*). Какъ онъ важно сидитъ! (*всѣ смѣются; пауза*).

Ирина. Что вы молчите, Александръ Игнатьичъ?

Вершининъ. Не знаю. Чаю хочется. Полжизни за стаканъ чаю! Съ утра ничего не ѣлъ...

Чебутыкинъ. Ирина Сергѣевна!

Ирина. Что вамъ?

Чебутыкинъ. Пожалуйте сюда. Venez ici. (*Ирина идетъ и садится за столъ*). Я безъ васъ не могу (*Ирина раскладываетъ пасьянсъ*).

Вершининъ. Что-жъ? Если не даютъ чаю, то давайте хоть пофилософствуемъ.

Тузенбахъ. Давайте. О чемъ?

Вершининъ. О чемъ? Давайте помечтаемъ... напримѣръ, о той жизни, какая будетъ послѣ насъ, лѣтъ черезъ двѣсти-триста.

Тузенбахъ. Что-жъ? Послѣ насъ будутъ летать на воздушныхъ шарахъ, измѣнятся пиджаки, откроютъ, быть-можетъ, шестое чувство и разовьютъ его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайнъ и счастливая. И черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ такъ же вздыхать: «ахъ, тяжко жить!» — и вмѣстѣ съ тѣмъ точно такъ же, какъ теперь, онъ будетъ бояться и не хотѣть смерти.

Вершининъ (*подумавъ*). Какъ вамъ сказать? Мнѣ кажется, все на землѣ должно измѣниться мало-по-малу, и уже мѣняется на нашихъ глазахъ. Черезъ двѣсти, триста, наконецъ, тысячу лѣтъ,—дѣло не въ срокѣ, — настанетъ новая счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну, страдаемъ, мы творимъ ее—и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье.

Маша (*тихо смѣется*).

Тузенбахъ. Что вы?

Маша. Не знаю. Сегодня весь день смѣюсь съ утра.

Вершининъ. Я кончилъ тамъ же, гдѣ и вы, въ академіи я не былъ; читаю я много, но выбирать книгъ не умѣю и читаю, быть-можетъ, совсѣмъ не то, что нужно, а между тѣмъ, чѣмъ больше живу, тѣмъ больше хочу знать. Мои волосы сѣдѣютъ, я почти старикъ уже, но знаю мало, ахъ какъ мало! Но все же, мнѣ кажется, самое главное и настоящее я знаю, крѣпко знаю. И какъ бы мнѣ хотѣлось доказать вамъ, что счастья нѣтъ, не должно быть и не будетъ для насъ... Мы должны только работать и работать, а счастье это удѣлъ нашихъ далекихъ потомковъ (*пауза*). Не я, то хоть потомки потомковъ моихъ.

(*Ѳедотикъ и Родэ показываются въ залѣ; они садятся и напѣваютъ тихо, наигрывая на гитарѣ*).

Тузенбахъ. По-вашему, даже не мечтать о счастьѣ! Но если я счастливъ!

Вершининъ. Нѣтъ.

Тузенбахъ (*всплеснувъ руками и смѣясь*). Очевидно, мы не понимаемъ другъ друга. Ну, какъ мнѣ убѣдить васъ?

Маша (*тихо смѣется*).

Тузенбахъ (*показывая ей палецъ*). Смѣйтесь! (*Вершинину*). Не то что черезъ двѣсти или триста, но и черезъ милліонъ лѣтъ жизнь останется такою же, какъ и была; она не мѣняется, остается постоянною, слѣдуя своимъ собственнымъ

законамъ, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла или, по крайней мѣрѣ, которыхъ вы никогда не узнаете. Перелетныя птицы, журавли, напримѣръ, летятъ и летятъ, и какія бы мысли, высокія или малыя, ни бродили въ ихъ головахъ, все же будутъ летѣть и не знать, зачѣмъ и куда. Они летятъ и будутъ летѣть, какіе бы философы ни завелись среди нихъ; и пускай философствуютъ, какъ хотятъ, лишь бы летѣли...

Маша. Все-таки смыслъ?

Тузенбахъ. Смыслъ... Вотъ снѣгъ идетъ. Какой смыслъ? *(пауза).*

Маша. Мнѣ кажется, человѣкъ долженъ быть вѣрующимъ, или долженъ искать вѣры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летятъ, для чего дѣти родятся, для чего звѣзды на небѣ... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трынь-трава *(пауза).*

Вершининъ. Все-таки жалко, что молодость прошла...

Маша. У Гоголя сказано: скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!

Тузенбахъ. А я скажу: трудно съ вами спорить, господа! Ну васъ совсѣмъ...

Чебутыкинъ *(читая газету).* Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ.

Ирина *(напѣваетъ тихо).*

Чебутыкинъ. Даже запишу себѣ это въ книжку *(записываетъ).* Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ *(читаетъ газету).*

Ирина *(раскладываетъ пасьянсъ, задумчиво).* Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ.

Тузенбахъ. Жребій брошенъ. Вы знаете, Марія Сергѣевна, я подалъ въ отставку.

Маша. Слышала. И ничего я не вижу въ этомъ хорошаго. Не люблю я штатскихъ.

Тузенбахъ. Все равно *(встаетъ)*... Я не красивъ, какой я военный? Ну, да все равно, впрочемъ... Буду работать. Хоть одинъ день въ моей жизни поработать такъ, чтобы придти вечеромъ домой, въ утомленіи повалиться въ постель и уснуть тотчасъ же *(уходя въ залу).* Рабочіе, должно-быть, спятъ крѣпко!

Федотикъ *(Иринѣ).* Сейчасъ на Московской у Пыжикова купилъ для васъ цвѣтныхъ карандашей. И вотъ этотъ ножичекъ...

Ирина. Вы привыкли обращаться со мной, какъ съ маленькой, но вѣдь я уже выросла *(беретъ карандаши и ножичекъ, радостно).* Какая прелесть!

Федотикъ. А для себя я купилъ ножикъ... вотъ поглядите... ножъ, еще другой ножъ, третій, это въ ушахъ ковырять, это ножнички, это ногти чистить...

Родэ *(громко).* Докторъ, сколько вамъ лѣтъ?

Чебутыкинъ. Мнѣ? Тридцать два *(смѣхъ).*

Федотикъ. Я сейчасъ покажу вамъ другой пасьянсъ... *(Раскладываетъ пасьянсъ).*

(Подаютъ самоваръ; Анѳиса около самовара; немного погодя приходитъ Наташа и тоже суетится около стола; приходитъ Соленый и, поздоровавшись, садится за столъ).

Вершининъ. Однако, какой вѣтеръ!

Маша. Да. Надоѣла зима. Я уже и забыла, какое лѣто.

Ирина. Выйдетъ пасьянсъ, я вижу. Будемъ въ Москвѣ.

Федотикъ. Нѣтъ, не выйдетъ. Видите, осьмерка легла на двойку пикъ *(смѣется).* Значитъ, вы не будете въ Москвѣ.

Чебутыкинъ *(читаетъ газету).* Цицикаръ. Здѣсь свирѣпствуетъ оспа.

Анѳиса *(подходя къ Машѣ).* Маша, чай кушать, матушка *(Вершинину).* Пожалуйте, ваше высокоблагородіе... простите, батюшка, забыла имя, отчество...

Маша. Принеси сюда, няня. Туда не пойду.

Ирина. Няня!

Анѳиса. Иду-у!

Наташа *(Соленому).* Грудныя дѣти прекрасно понимаютъ. «Здравствуй, говорю, Бобикъ. Здравствуй, милый!» Онъ взглянулъ на меня какъ-то особенно. Вы думаете, во мнѣ говоритъ только мать, но нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ! Это необыкновенный ребенокъ.

Соленый. Если бы этотъ ребенокъ былъ мой, то я изжарилъ бы его на сковородкѣ и съѣлъ бы *(идетъ со стаканомъ въ гостиную и садится въ уголъ).*

Наташа *(закрывъ лицо руками).* Грубый, невоспитанный человѣкъ!

Маша. Счастливъ тотъ, кто не замѣчаетъ, лѣто теперь или зима. Мнѣ кажется, если бы я была въ Москвѣ, то относилась бы равнодушно къ погодѣ...

Вершининъ. На-дняхъ я читалъ дневникъ одного фран-

цузскаго министра, писанный въ тюрьмѣ. Министръ былъ осужденъ за Панаму. Съ какимъ упоеніемъ, восторгомъ упоминаетъ онъ о птицахъ, которыхъ видитъ въ тюремномъ окнѣ и которыхъ не замѣчалъ раньше, когда былъ министромъ. Теперь, конечно, когда онъ выпущенъ на свободу, онъ уже попрежнему не замѣчаетъ птицъ. Также и вы не будете замѣчать Москвы, когда будете жить въ ней. Счастья у насъ нѣтъ и не бываетъ, мы только желаемъ его.

Тузенбахъ (*беретъ со стола коробку*). Гдѣ же конфеты?

Ирина. Соленый съѣлъ.

Тузенбахъ. Всѣ?

Анѳиса (*подавая чай*). Вамъ письмо, батюшка.

Вершининъ. Мнѣ? (*беретъ письмо*). Отъ дочери (*читаетъ*). Да, конечно... Я, извините, Марія Сергѣевна, уйду потихоньку. Чаю не буду пить (*встаетъ взволнованный*). Вѣчно эти исторіи...

Маша. Что такое? Не секретъ?

Вершининъ (*тихо*). Жена опять отравилась. Надо идти. Я пройду незамѣтно. Ужасно непріятно все это (*цѣлуетъ Машѣ руку*). Милая моя, славная, хорошая женщина... Я здѣсь пройду потихоньку... (*уходитъ*).

Анѳиса. Куда же онъ? А я чай подала... Экой какой.

Маша (*разсердившись*). Отстань! Пристаешь тутъ, покоя отъ тебя нѣтъ... (*идетъ съ чашкой къ столу*). Надоѣла ты мнѣ, старая!

Анѳиса. Что-жъ ты обижаешься? Милая!

Голосъ Андрея. Анѳиса!

Анѳиса (*дразнитъ*). Анѳиса! Сидитъ тамъ... (*уходитъ*).

Маша (*въ залъ у стола сердито*). Дайте же мнѣ сѣсть! (*кладетъ на столъ карты*). Разсѣлись тутъ съ картами. Пейте чай!

Ирина. Ты, Машка, злая.

Маша. Разъ я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня!

Чебутыкинъ (*смѣясь*). Не трогайте ея, не трогайте...

Маша. Вамъ шестьдесятъ лѣтъ, а вы, какъ мальчишка, всегда городите чортъ знаетъ что.

Наташа (*вздыхаетъ*). Милая Маша, къ чему употреблять въ разговорѣ такія выраженія? При твоей прекрасной наружности въ приличномъ свѣтскомъ обществѣ ты, я тебѣ прямо скажу, была бы просто очаровательна, если бы не

эти твои слова. Je vous prie, pardonnez moi, Marie, mais vous avez des maniéres un peu grossières.

Тузенбахъ *(сдерживая смѣхъ)*. Дайте мнѣ... дайте мнѣ... Тамъ, кажется, коньякъ...

Наташа. Il paraît, que mon Бобикъ déjà ne dort pas, проснулся. Онъ у меня сегодня нездоровъ. Я пойду къ нему, простите... *(уходитъ)*.

Ирина. А куда ушелъ Александръ Игнатьичъ?

Маша. Домой. У него опять съ женой что-то необычайное.

Тузенбахъ *(идетъ къ Соленому, въ рукахъ графинчикъ съ коньякомъ)*. Все вы сидите одинъ, о чемъ-то думаете — и не поймешь, о чемъ. Ну, давайте мириться. Давайте выпьемъ коньяку *(пьютъ)*. Сегодня мнѣ придется играть на піанино всю ночь, вѣроятно, играть всякій вздоръ... Куда ни шло!

Соленый. Почему мириться? Я съ вами не ссорился.

Тузенбахъ. Всегда вы возбуждаете такое чувство, какъ будто между нами что-то произошло. У васъ характеръ странный, надо сознаться.

Соленый *(декламируя)*. Я страненъ, не страненъ кто-жъ! Не сердись, Алеко!

Тузенбахъ. И при чемъ тутъ Алеко... *(пауза)*.

Соленый. Когда я вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь, то ничего, я какъ всѣ, но въ обществѣ я унылъ, застѣнчивъ и... говорю всякій вздоръ. Но все-таки я честнѣе и благороднѣе очень, очень многихъ. И могу это доказать.

Тузенбахъ. Я часто сержусь на васъ, вы постоянно придираетесь ко мнѣ, когда мы бываемъ въ обществѣ, но все же вы мнѣ симпатичны почему-то. Куда ни шло, напьюсь сегодня. Выпьемъ!

Соленый. Выпьемъ *(пьютъ)*. Я противъ васъ, баронъ, никогда ничего не имѣлъ. Но у меня характеръ Лермонтова *(тихо)*. Я даже немножко похожъ на Лермонтова... какъ говорятъ... *(достаетъ изъ кармана флаконъ съ духами и льетъ на руки)*.

Тузенбахъ. Подаю въ отставку. Баста! Пять лѣтъ все раздумывалъ и, наконецъ, рѣшилъ. Буду работать.

Соленый *(декламируя)*. Не сердись, Алеко... Забудь, забудь мечтанія свои...

(Пока они говорятъ, Андрей входитъ съ книгой тихо и садится у свѣчи).

Тузенбахъ. Буду работать.

Чебутыкинъ *(идя въ гостиную съ Ириной).* И угощеніе было тоже настоящее кавказское: супъ съ лукомъ, а на жаркое—чехартма, мясное.

Соленый. Черемша вовсе не мясо, а растеніе въ родѣ нашего лука.

Чебутыкинъ. Нѣтъ-съ, ангелъ мой. Чехартма не лукъ, а жаркое изъ баранины.

Соленый. А я вамъ говорю, черемша—лукъ.

Чебутыкинъ. А я вамъ говорю, чехартма—баранина.

Соленый. А я вамъ говорю, черемша—лукъ.

Чебутыкинъ. Что же я буду съ вами спорить! Вы никогда не были на Кавказѣ и не ѣли чехартмы.

Соленый. Не ѣлъ, потому что терпѣть не могу. Отъ черемши такой же запахъ, какъ отъ чеснока.

Андрей *(умоляюще).* Довольно, господа! Прошу васъ!

Тузенбахъ. Когда придутъ ряженые?

Ирина. Обѣщали къ девяти; значитъ, сейчасъ.

Тузенбахъ *(обнимаетъ Андрея).* Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои...

Андрей *(пляшетъ и поетъ).* Сѣни новыя, кленовыя...

Чебутыкинъ *(пляшетъ).* Рѣшетчаты-я! *(смѣхъ).*

Тузенбахъ *(цѣлуетъ Андрея).* Чортъ возьми, давайте выпьемъ. Андрюша, давайте выпьемъ на ты. И я съ тобой, Андрюша, въ Москву, въ университетъ.

Соленый. Въ какой? Въ Москвѣ два университета.

Андрей. Въ Москвѣ одинъ университетъ.

Соленый. А я вамъ говорю—два.

Андрей. Пускай хоть три. Тѣмъ лучше.

Соленый. Въ Москвѣ два университета! *(ропотъ и шиканье).* Въ Москвѣ два университета: старый и новый. А если вамъ неугодно слушать, если мои слова раздражаютъ васъ, то я могу не говорить. Я даже могу уйти въ другую комнату... *(уходитъ въ одну изъ дверей).*

Тузенбахъ. Браво, браво! *(смѣется).* Господа, начинайте. я сажусь играть! Смѣшной этотъ Соленый... *(садится за піанино, играетъ вальсъ).*

Маша *(танцуетъ вальсъ одна).* Баронъ пьянъ, баронъ пьянъ, баронъ пьянъ!

(Входитъ Наташа).

Наташа *(Чебутыкину).* Иванъ Романычъ! *(говоритъ о*

чемъ-то Чебутыкину, потомъ тихо уходитъ; Чебутыкинъ трогаетъ Тузенбаха за плечо и шепчетъ ему о чемъ-то).

Ирина. Что такое?

Чебутыкинъ. Намъ пора уходить. Будьте здоровы.

Тузенбахъ. Спокойной ночи. Пора уходить.

Ирина. Позвольте... А ряженые?..

Андрей *(сконфуженный).* Ряженыхъ не будетъ. Видишь ли, моя милая, Наташа говоритъ, что Бобикъ не совсѣмъ здоровъ, и потому... Однимъ словомъ, я не знаю мнѣ рѣшительно все равно.

Ирина *(пожимая плечами).* Бобикъ нездоровъ!

Маша. Гдѣ наша не пропадала! Гонять, стало-быть, надо уходить *(Иринѣ).* Не Бобикъ боленъ, а она сама... Вотъ! *(стучитъ пальцемъ по лбу).* Мѣщанка!

(Андрей уходитъ въ правую дверь къ себѣ, Чебутыкинъ идетъ за нимъ; въ залѣ прощаются).

Федотикъ. Какая жалость! Я разсчитывалъ провести вечерокъ, но если боленъ ребеночекъ, то, конечно... Я завтра принесу ему игрушекъ...

Родэ *(громко).* Я сегодня нарочно выспался послѣ обѣда, думалъ, что всю ночь буду танцовать. Вѣдь теперь только девять часовъ!

Маша. Выйдемъ на улицу, тамъ потолкуемъ. Рѣшимъ, что и какъ.

(Слышно: «Прощайте! Будьте здоровы!» Слышенъ веселый смѣхъ Тузенбаха. Всѣ уходятъ. Анюта и горничная убираютъ со стола, ѣдятъ они. Слышно, какъ поетъ нянька. Андрей въ пальто и шляпѣ и Чебутыкинъ тихо входятъ).

Чебутыкинъ. Жениться я не успѣлъ, потому что жизнь промелькнула, какъ молнія, да и потому, что безумно любилъ твою матушку, которая была замужемъ...

Андрей. Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно.

Чебутыкинъ. Такъ-то оно такъ, да одиночество. Какъ тамъ ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчикъ мой... Хотя въ сущности... конечно, рѣшительно все равно!

Андрей. Пойдемте скорѣй.

Чебутыкинъ. Что же спѣшить? Успѣемъ.

Андрей. Я боюсь, жена бы не остановила.

Чебутыкинъ. А!

Андрей. Сегодня я играть не стану, только такъ посижу.

Нездоровится... Что мнѣ дѣлать. Иванъ Романычъ, отъ одышки?

Чебутыкинъ. Что спрашивать! Не помню, голубчикъ. Не знаю.

Андрей. Пройдемъ кухней *(уходятъ)*.

(Звонокъ, потомъ опять звонокъ; слышны голоса, смѣхъ).

Ирина *(входитъ)*. Что тамъ?

Анеиса *(шопотомъ)*. Ряженые! *(звонокъ)*.

Ирина. Скажи, нянечка, дома нѣтъ никого. Пусть извинятъ.

(Анеиса уходитъ. Ирина въ раздумьи ходитъ по комнатѣ; она взволнована. Входитъ Соленый).

Соленый *(въ недоумѣніи)*. Никого нѣтъ... А гдѣ же всѣ?

Ирина. Ушли домой.

Соленый. Странно. Вы однѣ тутъ?

Ирина. Одна *(пауза)*. Прощайте.

Соленый. Давеча я велъ себя недостаточно сдержанно, нетактично. Но вы не такая, какъ всѣ, вы высоки и чисты, вамъ видна правда... Только вы одна можете понять меня. Я люблю, глубоко, безконечно люблю...

Ирина. Прощайте! Уходите.

Соленый. Я не могу жить безъ васъ *(идя за ней)*. О, мое блаженство! *(сквозь слезы)*. О, счастье! Роскошные, чудные, изумительные глаза, какихъ я не видѣлъ ни у одной женщины...

Ирина *(холодно)*. Перестаньте, Василій Васильичъ!

Соленый. Первый разъ я говорю о любви къ вамъ, и точно я не на землѣ, а на другой планетѣ *(третъ себѣ лобъ)*. Ну, да все равно. Насильно милъ не будешь, конечно... Но счастливыхъ соперниковъ у меня не должно быть... Не должно... Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, соперника я убью... О, чудная!

(Наташа проходитъ со свѣчой).

Наташа *(заглядываетъ въ одну дверь, въ другую и проходитъ мимо двери, ведущей въ комнату мужа)*. Тутъ Андрей. Пусть читаетъ. Вы простите, Василій Васильичъ, я не знала, что вы здѣсь, я по-домашнему.

Соленый. Мнѣ все равно. Прощайте! *(уходитъ)*.

Наташа. А ты устала, милая, бѣдная моя дѣвочка! *(цѣлуетъ Ирину)*. Ложилась бы спать пораньше.

Ирина. Бобикъ спитъ?

Наташа. Спитъ. Но неспокойно спитъ. Кстати, милая, я

хотѣла тебѣ сказать, да все то тебя нѣтъ, то мнѣ некогда... Бобику въ теперешней дѣтской, мнѣ кажется, холодно и сыро. А твоя комната такая хорошая для ребенка. Милая, родная, переберись пока къ Олѣ!

Ирина *(не понимая)*. Куда?

(Слышно, къ дому подъѣзжаетъ тройка съ бубенчиками).

Наташа. Ты съ Олей будешь въ одной комнатѣ, пока что, а твою комнату Бобику. Онъ такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобикъ, ты мой! Мой!» А онъ на меня смотритъ своими глазеночками *(звонокъ)*. Должно-быть, Ольга. Какъ она поздно.

(Горничная подходитъ къ Наташѣ и шепчетъ ей на ухо).

Наташа. Протопоповъ? Какой чудакъ. Пріѣхалъ Протопоповъ, зоветъ меня покататься съ нимъ на тройкѣ. *(смѣется)*. Какіе странные эти мужчины... *(звонокъ)*. Кто-то тамъ пришелъ. Поѣхать развѣ на четверть часика прокатиться... *(горничной)*. Скажи, сейчасъ *(звонокъ)*. Звонятъ... тамъ Ольга, должно-быть *(уходитъ)*.

(Горничная убираетъ; Ирина сидитъ задумавшись; входятъ Кулыгинъ, Ольга, за ними Вершининъ).

Кулыгинъ. Вотъ тебѣ и разъ. А говорили, что у нихъ будетъ вечеръ.

Вершининъ. Странно, я ушелъ недавно, полчаса назадъ, и ждали ряженыхъ...

Ирина. Всѣ ушли.

Кулыгинъ. И Маша ушла? Куда она ушла? А зачѣмъ Протопоповъ внизу ждетъ на тройкѣ? Кого онъ ждетъ?

Ирина. Не задавайте вопросовъ... Я устала.

Кулыгинъ. Ну, капризница...

Ольга. Совѣтъ только-что кончился. Я замучилась. Наша начальница больна, теперь я вмѣсто нея. Голова, голова болитъ, голова... *(садится)*. Андрей проигралъ вчера въ карты двѣсти рублей... Весь городъ говоритъ объ этомъ...

Кулыгинъ. Да, и я усталъ на совѣтѣ *(садится)*.

Вершининъ. Жена моя сейчасъ вздумала попугать меня, едва не отравилась. Все обошлось и я радъ, отдыхаю теперь... Стало-быть, надо уходить? Что-жъ, позвольте пожелать всего хорошаго. Ѳедоръ Ильичъ, поѣдемте со мной куда-нибудь! Я дома не могу оставаться, совсѣмъ не могу... Поѣдемте!

Кулыгинъ. Усталъ. Не поѣду *(встаетъ)*. Усталъ. Жена домой пошла?

Ирина. Должно-быть.

Кулыгинъ *(цѣлуетъ Ирину руку)*. Прощай. Завтра и послѣзавтра цѣлый день отдыхать. Всего хорошаго *(идетъ)*. Чаю очень хочется. Разсчитывалъ провести вечеръ въ пріятномъ обществѣ и—о, fallacem hominum spem!.. Винительный падежъ при восклицаніи...

Вершининъ. Значитъ, одинъ поѣду *(уходитъ съ Кулыгинымъ, посвистывая)*.

Ольга. Голова болитъ, голова... Андрей проигралъ... весь городъ говоритъ... Пойду лягу *(идетъ)*. Завтра я свободна... О, Боже мой, какъ это пріятно! Завтра свободна, послѣзавтра свободна... Голова болитъ, голова... *(уходитъ)*.

Ирина *(одна)*. Всѣ ушли. Никого нѣтъ.

(На улицѣ гармоника, нянька поетъ пѣсню).

Наташа *(въ шубѣ и шапкѣ идетъ черезъ залу; за ней горничная)*. Черезъ полчаса я буду дома. Только проѣдусь немножко *(уходитъ)*.

Ирина *(оставшись одна, тоскуетъ)*. Въ Москву! Въ Москву! Въ Москву!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Ольги и Ирины. Налѣво и направо постели, загороженныя ширмами. Третій часъ ночи. За сценой бьютъ въ набатъ по случаю пожара, начавшагося уже давно. Видно, что въ домѣ еще не ложились спать. На диванѣ лежитъ Маша, одѣтая, какъ обыкновенно, въ черное платье. Входятъ Ольга и Анѳиса.

Анѳиса. Сидятъ теперь внизу подъ лѣстницей... Я говорю—«пожалуйте наверхъ, нешто, говорю, можно такъ», плачутъ. «Папаша, говорятъ, не знаемъ гдѣ. Не дай Богъ, говорятъ, сгорѣлъ». Выдумали! И на дворѣ какія-то... тоже раздѣтыя.

Ольга *(вынимаетъ изъ шкапа платья)*. Вотъ это сѣренькое возьми... И вотъ это... Кофточку тоже... И эту юбку бери, нянечка... Что же это такое, Боже мой! Кирсановскій переулокъ весь сгорѣлъ, очевидно... Это возьми... Это возьми... *(кидаетъ ей на руки платье)*. Вершининны бѣдные напуга-

лись... Ихъ домъ едва не сгорѣлъ. Пусть у насъ переночуютъ... домой ихъ нельзя пускать... У бѣднаго Федотика все сгорѣло, ничего не осталось...

Анѳиса. Ферапонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу...

Ольга *(звонитъ)*. Не дозвонишься... *(въ дверь)*. Подите сюда, кто тамъ есть! *(въ открытую дверь видно окно, красное отъ зарева; слышно, какъ мимо дома проѣзжаетъ пожарная команда)*. Какой это ужасъ. И какъ надоѣло!

(Входитъ Ферапонтъ).

Ольга. Вотъ возьми снеси внизъ... Тамъ подъ лѣстницей стоятъ барышни Колотилины... отдай имъ. И это отдай...

Ферапонтъ. Слушаю. Въ двѣнадцатомъ году Москва тоже горѣла. Господи ты Боже мой! Французы удивлялись.

Ольга. Иди, ступай...

Ферапонтъ. Слушаю *(уходитъ)*.

Ольга. Нянечка, милая, все отдавай. Ничего намъ не надо, все отдавай, нянечка... Я устала, едва на ногахъ стою... Вершининыхъ нельзя отпускать домой... Дѣвочки лягутъ въ гостиной, а Александра Игнатьича внизъ къ барону... Ѳедотика тоже къ барону, или пусть у насъ въ залѣ... Докторъ, какъ нарочно, пьянъ, ужасно пьянъ, и къ нему никого нельзя. И жену Вершинина тоже въ гостиной.

Анѳиса *(утомленно)*. Олюшка, милая, не гони ты меня! Не гони!

Ольга. Глупости ты говоришь, няня. Никто тебя не гонитъ.

Анѳиса *(кладетъ ей голову на грудь)*. Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю... Слаба стану, всѣ скажутъ: пошла! А куда я пойду? Куда? Восемьдесятъ лѣтъ. Восемьдесятъ второй годъ...

Ольга. Ты посиди, нянечка... Устала ты, бѣдная... *(усаживаетъ ее)*. Отдохни, моя хорошая. Поблѣднѣла какъ!

(Наташа входитъ).

Наташа. Тамъ говорятъ, поскорѣе нужно составить общество для помощи погорѣльцамъ. Что-жъ? Прекрасная мысль. Вообще нужно поскорѣе помогать бѣднымъ людямъ, это обязанность богатыхъ. Бобикъ и Софочка спятъ себѣ, спятъ, какъ ни въ чемъ не бывало. У насъ такъ много народу вездѣ, куда ни пойдешь, полонъ домъ. Теперь въ городѣ инфлуэнца, боюсь, какъ бы не захватили дѣти.

Ольга *(не слушая ея)*. Въ этой комнатѣ не видно пожара, тутъ покойно...

Наташа. Да... Я, должно-быть, растрепанная *(передъ зеркаломъ)*. Говорятъ, я пополнѣла... и не правда! Ничуть! А Маша спитъ, утомилась, бѣдная... *(Анютѣ холодно)*. При мнѣ не смѣй сидѣть! Встань! Ступай отсюда! *(Анюта уходитъ; пауза)*. И зачѣмъ ты держишь эту старуху, не понимаю!

Ольга *(оторопѣвъ)*. Извини, я тоже не понимаю...

Наташа. Ни къ чему она тутъ. Она крестьянка, должна въ деревнѣ жить... Что за баловство! Я люблю въ домѣ порядокъ! Лишнихъ не должно быть въ домѣ *(гладитъ ее по щекѣ)*. Ты, бѣдняжка, устала! Устала наша начальница! А когда моя Софочка вырастетъ и поступитъ въ гимназію, я буду тебя бояться.

Ольга. Не буду я начальницей.

Наташа. Тебя выберутъ, Олечка. Это рѣшено.

Ольга. Я откажусь. Не могу... Это мнѣ не по силамъ... *(пьетъ воду)*. Ты сейчасъ такъ грубо обошлась съ няней... Прости, я не въ состояніи переносить... въ глазахъ потемнѣло...

Наташа *(взволнованно)*. Прости. Оля, прости... Я не хотѣла тебя огорчать.

(Маша встаетъ, беретъ подушку и уходитъ, сердитая)

Ольга. Пойми, милая... мы воспитаны, быть-можетъ, странно, но я не переношу этого. Подобное отношеніе угнетаетъ меня, я заболѣваю... я просто падаю духомъ!

Наташа. Прости, прости... *(цѣлуетъ ее)*.

Ольга. Всякая, даже малѣйшая грубость, неделикатно сказанное слово волнуетъ меня...

Наташа. Я часто говорю лишнее, это правда, но согласись, моя милая, она могла бы жить въ деревнѣ.

Ольга. Она уже тридцать лѣтъ у насъ.

Наташа. Но вѣдь теперь она не можетъ работать! Или я не понимаю, или же ты не хочешь меня понять. Она не способна къ труду, она только спитъ или сидитъ.

Ольга. И пускай сидитъ.

Наташа *(удивленно)*. Какъ пускай сидитъ? Но вѣдь она же прислуга *(сквозь слезы)*. Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у насъ горничная, кухарка... для чего же намъ еще эта старуха? Для чего?

(За сценой бьютъ въ набатъ.)

Ольга. Въ эту ночь я постарѣла на десять лѣтъ.

Наташа. Намъ нужно уговориться, Оля. Ты въ гимназіи, я—дома, у тебя ученье, у меня—хозяйство. И если я говорю что насчетъ прислуги, то знаю, что говорю; я знаю, что го-во-рю... И чтобъ завтра же не было здѣсь этой старой воровки, старой хрычевки... *(стучитъ ногами).* этой вѣдьмы!.. Не смѣть меня раздражать! Не смѣть *(спохватившись).* Право, если ты не переберешься внизъ, то мы всегда будемъ ссориться. Это ужасно.

(Входитъ Кулыгинъ).

Кулыгинъ. Гдѣ Маша? Пора бы уже домой. Пожаръ, говорятъ, стихаетъ *(потягивается).* Сгорѣлъ только одинъ кварталъ, а вѣдь былъ вѣтеръ, вначалѣ казалось, что горитъ весь городъ *(садится).* Утомился. Олечка моя милая... Я часто думаю: если бы не Маша, то я на тебѣ бы женился, Олечка. Ты очень хорошая... Замучился *(прислушивается).*

Ольга. Что?

Кулыгинъ. Какъ нарочно, у доктора запой, пьянъ онъ ужасно. Какъ нарочно! *(встаетъ).* Вотъ онъ идетъ сюда, кажется... Слышите? Да, сюда... *(смѣется).* Экій какой, право... Я спрячусь *(идетъ къ шкапу и становится въ углу).* Этакій разбойникъ.

Ольга. Два года не пилъ, а тутъ вдругъ взялъ и напился... *(уходитъ съ Наташей въ глубину комнаты).*

(Чебутыкинъ входитъ; не шатаясь, какъ трезвый, проходитъ по комнатѣ, останавливается, смотритъ, потомъ подходитъ къ рукомойнику и начинаетъ мыть руки).

Чебутыкинъ *(угрюмо).* Чортъ бы всѣхъ побралъ... подралъ... Думаютъ, что я докторъ, умѣю лѣчить всякія болѣзни, а я не знаю рѣшительно ничего, все позабылъ, что зналъ, ничего не помню, рѣшительно ничего *(Ольга и Наташа, незамѣтно для него, уходятъ).* Чортъ бы побралъ. Въ прошлую среду лѣчилъ на Засыпи женщину—умерла, и я виноватъ, что она умерла. Да... Кое-что я зналъ лѣтъ двадцать пять назадъ, а теперь ничего не помню. Ничего. Можетъ-быть, я и не человѣкъ, а только вотъ дѣлаю видъ, что у меня и руки, и ноги, и голова; можетъ-быть, я и не существую вовсе, а только кажется мнѣ, что я хожу, ѣмъ, сплю *(плачетъ).* О, если бы не существовать! *(перестаетъ плакать, угрюмо).* Чортъ знаетъ... Третьяго дня разговоръ

въ клубѣ; говорятъ, Шекспиръ. Вольтеръ... Я не читалъ, совсѣмъ не читалъ, а на лицѣ своемъ показалъ, будто читалъ. И другіе тоже, какъ я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморилъ въ среду, вспомнилась... и все вспомнилось и стало на душѣ криво, гадко, мерзко... пошелъ, запилъ...

(Ирина, Вершининъ и Тузенбахъ входятъ; на Тузенбахѣ штатское платье, новое и модное).

Ирина. Здѣсь посидимъ. Сюда никто не войдетъ.

Вершининъ. Если бы не солдаты, то сгорѣлъ бы весь городъ. Молодцы! *(потираетъ отъ удовольствія руки).* Золотой народъ! Ахъ, что за молодцы!

Кулыгинъ *(подходя къ нимъ).* Который часъ, господа?

Тузенбахъ. Уже четвертый часъ. Свѣтаетъ.

Ирина. Всѣ сидятъ въ залѣ, никто не уходитъ. И вашъ этотъ Соленый сидитъ... *(Чебутыкину).* Вы бы, докторъ, шли спать.

Чебутыкинъ. Ничего-съ... Благодарю-съ. *(причесываетъ бороду).*

Кулыгинъ *(смѣется).* Назюзюкался, Иванъ Романычъ! *(хлопаетъ по плечу).* Молодецъ! In vino veritas, говорили древніе.

Тузенбахъ. Меня все просятъ устроить концертъ въ пользу погорѣльцевъ.

Ирина. Ну, кто тамъ...

Тузенбахъ. Можно бы устроить, если захотѣть. Марья Сергѣевна, по-моему, играетъ на рояли чудесно.

Кулыгинъ. Чудесно играетъ!

Ирина. Она уже забыла. Три года не играла... или четыре.

Тузенбахъ. Здѣсь въ городѣ рѣшительно никто не понимаетъ музыки, ни одна душа, но я, я понимаю и честнымъ словомъ увѣряю васъ, что Марія Сергѣевна играетъ великолѣпно, почти талантливо.

Кулыгинъ. Вы правы, баронъ. Я ее очень люблю, Машу. Она славная.

Тузенбахъ. Умѣть играть такъ роскошно и въ то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимаетъ!

Кулыгинъ *(вздыхаетъ).* Да... Но прилично ли ей участвовать въ концертѣ? *(пауза).* Я вѣдь, господа, ничего не знаю. Можетъ-быть, это и хорошо будетъ. Долженъ признаться, нашъ директоръ хорошій человѣкъ, даже очень хо-

рошій, умнѣйшій, но у него такіе взгляды... Конечно, не его дѣло, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю съ нимъ.

Чебутыкинъ *(беретъ въ руки фарфоровые часы и разсматриваетъ ихъ).*

Вершининъ. На пожарѣ я загрязнился весь, ни на что не похожъ *(пауза).* Вчера я мелькомъ слышалъ, будто нашу бригаду хотятъ перевести куда-то далеко. Одни говорятъ въ Царство Польское, другіе—будто въ Читу.

Тузенбахъ. Я тоже слышалъ. Что-жъ? Городъ тогда совсѣмъ опустѣетъ.

Ирина. И мы уѣдемъ!

Чебутыкинъ *(роняетъ часы, которые разбиваются).* Вдребезги!

(Пауза; всѣ огорчены и сконфужены).

Кулыгинъ *(подбирая осколки).* Разбить такую дорогую вещь,—ахъ, Иванъ Романычъ, Иванъ Романычъ! Ноль съ минусомъ вамъ за поведеніе!

Ирина. Это часы покойной мамы.

Чебутыкинъ. Можетъ-быть... Мамы, такъ мамы. Можетъ, я не разбивалъ, а только кажется, что разбилъ. Можетъ-быть, намъ только кажется, что мы существуемъ, а на самомъ дѣлѣ насъ нѣтъ. Ничего я не знаю, никто ничего не знаетъ *(у двери).* Что смотрите? У Наташи романчикъ съ Протопоповымъ, а вы не видите... Вы вотъ сидите тутъ и ничего не видите, а у Наташи романчикъ съ Протопоповымъ... *(поетъ).* Не угодно ль этотъ финикъ вамъ принять... *(уходитъ).*

Вершининъ. Да... *(смѣется).* Какъ все это въ сущности странно! *(пауза).* Когда начался пожаръ, я побѣжалъ скорѣй домой; подхожу, смотрю—домъ нашъ цѣлъ и невредимъ и внѣ опасности, но мои двѣ дѣвочки стоятъ у порога въ одномъ бѣльѣ, матери нѣтъ, суетится народъ, бѣгаютъ лошади, собаки, и у дѣвочекъ на лицахъ тревога, ужасъ, мольба, не знаю что; сердце у меня сжалось, когда я увидѣлъ эти лица. Боже мой, думаю, что придется пережить еще этимъ дѣвочкамъ въ теченіе долгой жизни! Я хватаю ихъ, бѣгу и все думаю одно: что имъ придется пережить еще на этомъ свѣтѣ! *(набатъ; пауза).* Прихожу сюда, а мать здѣсь, кричитъ, сердится.

(Маша входитъ съ подушкой и садится на диванъ.)

Вершининъ. И когда мои дѣвочки стояли у порога въ одномъ бѣльѣ, и улица была красной отъ огня, былъ страшный шумъ, то я подумалъ, что нѣчто похожее происходило много лѣтъ назадъ, когда набѣгалъ неожиданно врагъ, грабилъ, зажигалъ... Между тѣмъ, въ сущности, какая разница между тѣмъ, что есть и что было! А пройдетъ еще немного времени, какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь такъ же будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой, все нынѣшнее будетъ казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и очень неудобнымъ и страшнымъ. О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь! *(смѣется).* Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мнѣ ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроеніе *(пауза).* Точно спятъ всѣ. Такъ я говорю: какая это будетъ жизнь! Вы можете себѣ только представить... Вотъ такихъ, какъ вы, въ городѣ теперь только три, но въ слѣдующихъ поколѣніяхъ будетъ больше, все больше и больше, и придетъ время, когда все измѣнится по-вашему, жить будутъ по-вашему, а потомъ и вы устарѣете, народятся люди, которые будутъ лучше васъ... *(смѣется).* Сегодня у меня какое-то особенное настроеніе. Хочется жить чертовски... *(поетъ).* Любви всѣ возрасты покорны, ея порывы благотворны... *(смѣется).*

Маша. Трамъ-тамъ-тамъ...

Вершининъ. Тамъ-тамъ...

Маша. Тра-ра-ра?

Вершининъ. Тра-та-та *(смѣется).*

(Входитъ Федотикъ).

Федотикъ *(танцуетъ).* Погорѣлъ, погорѣлъ! Весь до-чиста! *(смѣхъ).*

Ирина. Что-жъ за шутки. Все сгорѣло?

Федотикъ *(смѣется).* Все до-чиста. Ничего не осталось. И гитара сгорѣла, и фотографія сгорѣла, и всѣ мои письма... И хотѣлъ подарить вамъ записную книжечку — тоже сгорѣла.

(Входитъ Соленый).

Ирина. Нѣтъ, пожалуйста, уходите. Василій Васильичъ. Сюда нельзя.

Соленый. Почему же это барону можно, а мнѣ нельзя?

Вершининъ. Надо уходить, въ самомъ дѣлѣ. Какъ пожаръ?

Соленый. Говорятъ, стихаетъ. Нѣтъ, мнѣ положительно

странно. почему это барону можно, а мнѣ нельзя? *(вынимаетъ флаконъ съ духами и прыскается).*

Вершининъ. Трамъ-тамъ-тамъ.

Маша. Трамъ-тамъ.

Вершининъ *(смѣется, Соленому).* Пойдемте въ залу.

Соленый. Хорошо-съ, такъ и запишемъ. Мысль эту можно бъ болѣ пояснить, да боюсь, какъ бы гусей не раздразнить... *(глядя на Тузенбаха).* Цыпъ, цыпъ, цыпъ... *(уходитъ съ Вершининымъ и Федотикомъ).*

Ирина. Какъ накурилъ этотъ Соленый... *(въ недоумѣніи).* Баронъ спитъ! Баронъ! Баронъ!

Тузенбахъ *(очнувшись).* Усталъ я, однако... Кирпичный заводъ... Это я не брежу, а въ самомъ дѣлѣ, скоро поѣду на кирпичный заводъ, начну работать... Уже былъ разговоръ *(Иринѣ тихо).* Вы такая блѣдная, прекрасная, обаятельная... Мнѣ кажется, ваша блѣдность проясняетъ темный воздухъ, какъ свѣтъ... Вы печальны, вы недовольны жизнью... О, поѣдемте со мной, поѣдемте работать вмѣстѣ!

Маша. Николай Львовичъ, уходите отсюда.

Тузенбахъ *(смѣясь).* Вы здѣсь? Я не вижу *(цѣлуетъ Ирину руку).* Прощайте, я пойду... Я гляжу на васъ теперь, и вспоминается мнѣ, какъ когда-то давно, въ день вашихъ именинъ, вы, бодрая, веселая, говорили о радостяхъ труда... И какая мнѣ тогда мерещилась счастливая жизнь! Гдѣ она? *(цѣлуетъ руку).* У васъ слезы на глазахъ. Ложитесь спать, ужъ свѣтаетъ... начинается утро... Если бы мнѣ было позволено отдать за васъ жизнь свою!

Маша. Николай Львовичъ, уходите! Ну, что право...

Тузенбахъ. Ухожу... *(уходитъ).*

Маша *(ложась).* Ты спишь, Ѳедоръ?

Кулыгинъ. А?

Маша. Шелъ бы домой.

Кулыгинъ. Милая моя Маша, дорогая моя Маша...

Ирина. Она утомилась. Далъ бы ей отдохнуть, Ѳедя.

Кулыгинъ. Сейчасъ уйду... Жена моя хорошая, славная... Люблю тебя, мою единственную...

Маша *(сердито).* Amo, amas, amat, amamus, amatis, amant.

Кулыгинъ *(смѣется).* Нѣтъ, право, она удивительная. Женатъ я на тебѣ семь лѣтъ, а кажется, что вѣнчались только вчера. Честное слово. Нѣтъ, право, ты удивительная женщина. Я доволенъ, я доволенъ, я доволенъ!

Маша. Надоѣло, надоѣло, надоѣло... *(встаетъ и говоритъ сидя).* И вотъ не выходитъ у меня изъ головы... Просто возмутительно. Сидитъ гвоздемъ въ головѣ, не могу молчать. Я про Андрея... Заложилъ онъ этотъ домъ въ банкѣ и всѣ деньги забрала его жена, а вѣдь домъ принадлежитъ не ему одному, а намъ четверымъ! Онъ долженъ это знать, если онъ порядочный человѣкъ.

Кулыгинъ. Охота тебѣ, Маша! На что тебѣ? Андрюша кругомъ долженъ, ну, и Богъ съ нимъ.

Маша. Это во всякомъ случаѣ возмутительно *(ложится).*

Кулыгинъ. Мы съ тобой не бѣдны. Я работаю, хожу въ гимназію, потомъ уроки даю... Я честный человѣкъ. Простой... Omnia mea mecum porto, какъ говорится.

Маша. Мнѣ ничего не нужно, но меня возмущаетъ несправедливость *(пауза).* Ступай, Ѳедоръ.

Кулыгинъ *(цѣлуетъ ее).* Ты устала, отдохни съ полчасика, а я тамъ посижу, подожду. Спи... *(идетъ).* Я доволенъ, я доволенъ, я доволенъ *(уходитъ).*

Ирина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ измельчалъ нашъ Андрей, какъ онъ выдохся и постарѣлъ около этой женщины! Когда-то готовился въ профессора, а вчера хвалился, что попалъ, наконецъ, въ члены земской управы. Онъ членъ управы, а Протопоповъ предсѣдатель... Весь городъ говоритъ, смѣется, и только онъ одинъ ничего не знаетъ и не видитъ... И вотъ всѣ побѣжали на пожаръ, а онъ сидитъ у себя въ комнатѣ и никакого вниманія. Только на скрипкѣ играетъ *(нервно).* О, ужасно, ужасно, ужасно! *(плачетъ).* Я не могу, не могу переносить больше!.. Не могу, не могу!..

(Ольга входитъ, убираетъ около своего столика).

Ирина *(громко рыдаетъ).* Выбросьте меня, выбросьте, я больше не могу!..

Ольга *(испугавшись).* Что ты, что ты? Милая!

Ирина *(рыдая).* Куда? Куда все ушло? Гдѣ оно? О, Боже мой, Боже мой! Я все забыла, забыла... у меня перепуталось въ головѣ... Я не помню, какъ по-итальянски окно, или вотъ потолокъ... Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходитъ и никогда не вернется, никогда, никогда мы не уѣдемъ въ Москву... Я вижу, что не уѣдемъ...

Ольга. Милая, милая...

Ирина *(сдерживаясь).* О, я несчастная... Не могу я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была теле-

графисткой, теперь служу въ городской управѣ и ненавижу, и презираю все, что только мнѣ даютъ дѣлать... Мнѣ уже двадцать четвертый годъ, работаю уже давно, и мозгъ высохъ, похудѣла, подурнѣла, постарѣла, и ничего, ничего, никакого удовлетворенія, а время идетъ и все кажется, что уходишь отъ настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, въ какую-то пропасть. Я въ отчаяніи, и какъ я жива, какъ не убила себя до сихъ поръ, не понимаю...

Ольга. Не плачь, моя дѣвочка, не плачь... Я страдаю.

Ирина. Я не плачу, не плачу... Довольно... Ну, вотъ я уже не плачу. Довольно... Довольно!

Ольга. Милая, говорю тебѣ, какъ сестра, какъ другъ, если хочешь моего совѣта, выходи за барона!

Ирина *(тихо плачетъ)*.

Ольга. Вѣдь ты его уважаешь, высоко цѣнишь... Онъ, правда, некрасивый, но онъ такой порядочный, чистый... Вѣдь замужъ выходятъ не изъ любви, а для того, чтобы исполнить свой долгъ. Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю, и я бы вышла безъ любви. Кто бы ни посваталъ, все равно бы пошла, лишь бы порядочный человѣкъ. Даже за старика бы пошла...

Ирина. Я все ждала, переселимся въ Москву, тамъ мнѣ встрѣтится мой настоящій, я мечтала о немъ, любила... Но оказалось, все вздоръ, все вздоръ...

Ольга *(обнимаетъ сестру)*. Милая моя, прекрасная сестра, я все понимаю; когда баронъ Николай Львовичъ оставилъ военную службу и пришелъ къ намъ въ пиджакѣ, то показался мнѣ такимъ некрасивымъ, что я даже заплакала... Онъ спрашиваетъ: «что вы плачете?» Какъ я ему скажу! Но если бы Богъ привелъ ему жениться на тебѣ, то я была бы счастлива. Тутъ вѣдь другое, совсѣмъ другое.

(Наташа со свѣчой проходитъ черезъ сцену изъ правой двери въ лѣвую молча).

Маша *(садится)*. Она ходитъ такъ, какъ будто она подожгла.

Ольга. Ты, Маша, глупая. Самая глупая въ нашей семьѣ, это ты. Извини, пожалуйста *(пауза)*.

Маша. Мнѣ хочется каяться, милыя сестры. Томится душа моя. Покаюсь вамъ и ужъ больше никому, никогда... Скажу сію минуту *(тихо)*. Это моя тайна, но вы все

должны знать... Не могу молчать... *(пауза)*. Я люблю. люблю... Люблю этого человѣка... Вы его только-что видѣли... Ну, да что тамъ. Однимъ словомъ, люблю Вершинина...

Ольга *(идетъ къ себѣ за ширмы)*. Оставь это. Я все равно не слышу.

Маша. Что же дѣлать! *(берется за голову)*. Онъ казался мнѣ сначала страннымъ, потомъ я жалѣла его... потомъ полюбила... полюбила съ его голосомъ, его словами, несчастьями, двумя дѣвочками...

Ольга *(за ширмой)*. Я не слышу все равно. Какія бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

Маша. Э, глупая ты, Оля. Люблю—такая, значитъ, судьба моя. Значитъ, доля моя такая... И онъ меня любитъ... Это все страшно. Да? Не хорошо это? *(тянетъ Ирину за руку, привлекаетъ къ себѣ)*. О, моя милая... Какъ-то мы проживемъ нашу жизнь, что изъ насъ будетъ... Когда читаешь романъ какой-нибудь, то кажется, что все это старо, и все такъ понятно, а какъ сама полюбишь, то и видно тебѣ, что никто ничего не знаетъ и каждый долженъ рѣшать самъ за себя... Милыя мои, сестры мои... Призналась вамъ, теперь буду молчать... Буду теперь, какъ гоголевскій сумасшедшій... молчаніе... молчаніе...

(Андрей, за нимъ Ферапонтъ).

Андрей *(сердито)*. Что тебѣ нужно? Я не понимаю.

Ферапонтъ *(въ дверяхъ, нетерпѣливо)*. Я, Андрей Сергѣевичъ, ужъ говорилъ разъ десять.

Андрей. Во-первыхъ, я тебѣ не Андрей Сергѣевичъ, а ваше высокоблагородіе!

Ферапонтъ. Пожарные, ваше высокородіе, просятъ, позвольте на рѣку садомъ проѣхать. А то кругомъ ѣздіютъ, ѣздіютъ—чистое наказаніе.

Андрей. Хорошо. Скажи, хорошо *(Ферапонтъ уходитъ)*. Надоѣли. Гдѣ Ольга? *(Ольга выходитъ изъ-за ширмы)*. Я пришелъ къ тебѣ, дай мнѣ ключъ отъ шкапа, я затерялъ свой. У тебя есть такой маленькій ключикъ.

Ольга *(подаетъ ему молча ключъ, Ирина идетъ къ себѣ за ширму; пауза)*.

Андрей. А какой громадный пожаръ! Теперь стало утихать. Чортъ знаетъ, разозлилъ меня этотъ Ферапонтъ, я сказалъ ему глупость... Ваше высокоблагородіе... *(пауза)*.

Что же ты молчишь, Оля? *(пауза)*. Пора уже оставить эти глупости и не дуться такъ, здорово-живешь... Ты, Маша, здѣсь, Ирина здѣсь, ну вотъ прекрасно — объяснимся на чистоту, разъ навсегда. Что вы имѣете противъ меня? Что?

Ольга. Оставь, Андрюша. Завтра объяснимся *(волнуясь)*. Какая мучительная ночь!

Андрей *(онъ очень смущенъ)*. Не волнуйся. Я совершенно хладнокровно васъ спрашиваю: что вы имѣете противъ меня? Говорите прямо.

Голосъ Вершинина. Трамъ-тамъ-тамъ!

Маша *(встаетъ, громко)*. Тра-та-та! *(Ольгѣ)*. Прощай, Оля, Господь съ тобой *(идетъ за ширму, цѣлуетъ Ирину)*. Спи покойно... Прощай, Андрей. Уходи, онѣ утомлены... завтра объяснишься... *(уходитъ)*.

Ольга. Въ самомъ дѣлѣ, Андрюша, отложимъ до завтра... *(идетъ къ себѣ за ширму)*. Спать пора.

Андрей. Только скажу и уйду. Сейчасъ... Во-первыхъ, вы имѣете что-то противъ Наташи, моей жены, и это я замѣчаю съ самаго дня моей свадьбы. Наташа прекрасный, честный человѣкъ, прямой и благородный—вотъ мое мнѣніе. Свою жену я люблю и уважаю, понимаете, уважаю и требую, чтобы ее уважали также и другіе. Повторяю, она честный, благородный человѣкъ, а всѣ наши неудовольствія, простите, это просто капризы... *(пауза)*. Во-вторыхъ, вы какъ будто сердитесь за то, что я не профессоръ, не занимаюсь наукой. Но я служу въ земствѣ, я членъ земской управы и это свое служеніе считаю такимъ же святымъ и высокимъ, какъ служеніе наукѣ. Я членъ земской управы и горжусь этимъ, если желаете знать... *(пауза)*. Въ-третьихъ... Я еще имѣю сказать... Я заложилъ домъ, не испросивъ у васъ позволенія... Въ этомъ я виноватъ, да, и прошу меня извинить. Меня побудили къ этому долги... тридцать пять тысячъ... Я уже не играю въ карты, давно бросилъ, но главное, что могу сказать въ свое оправданіе, это то, что вы дѣвушки, вы получаете пенсію, я же не имѣлъ... заработка, такъ сказать... *(пауза)*.

Кулыгинъ *(въ дверь)*. Маши здѣсь нѣтъ? *(встревоженно)*. Гдѣ же она? Это странно... *(уходитъ)*.

Андрей. Не слушаютъ. Наташа превосходный, честный человѣкъ *(ходитъ по сцѣнѣ молча, потомъ останавли-*

вается). Когда я женился, я думалъ, что мы будемъ счастливы... всѣ счастливы... Но Боже мой... *(плачетъ).* Милыя мои сестры, дорогія сестры, не вѣрьте мнѣ, не вѣрьте... *(уходитъ).*

Кулыгинъ *(въ дверь, встревоженно).* Гдѣ Маша? Здѣсь Маши нѣтъ? Удивительное дѣло *(уходитъ).*

(Набатъ, сцена пустая).

Ирина *(за ширмами).* Оля! Кто это стучитъ въ полъ?

Ольга. Это докторъ Иванъ Романычъ. Онъ пьянъ.

Ирина. Какая безпокойная ночь! *(пауза).* Оля! *(выглядываетъ изъ-за ширмы).* Слышала? Бригаду берутъ отъ насъ, переводятъ куда-то далеко.

Ольга. Это слухи только.

Ирина. Останемся мы тогда одни... Оля!

Ольга. Ну?

Ирина. Милая, дорогая, я уважаю, я цѣню барона, онъ прекрасный человѣкъ, я выйду за него, согласна, только поѣдемъ въ Москву! Умоляю тебя, поѣдемъ! Лучше Москвы ничего нѣтъ на свѣтѣ! Поѣдемъ! Оля! Поѣдемъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Старый садъ при домѣ Прозоровыхъ. Длинная еловая аллея, въ концѣ которой видна рѣка. На той сторонѣ рѣки—лѣсъ. Направо терраса дома; здѣсь на столѣ бутылки и стаканы: видно, что только-что пили шампанское. Двѣнадцать часовъ дня. Съ улицы къ рѣкѣ черезъ садъ ходятъ изрѣдка прохожіе; быстро проходятъ человѣкъ пять солдатъ. Чебутыкинъ въ благодушномъ настроеніи, которое не покидаетъ его въ теченіе всего акта, сидитъ въ креслѣ, въ саду, ждетъ, когда его позовутъ; онъ въ фуражкѣ и съ палкой. Ирина, Кулыгинъ съ орденомъ на шеѣ, безъ усовъ, и Тузенбахъ, стоя на террасѣ, провожаютъ Федотика и Родэ, которые сходятъ внизъ; оба офицера въ походной формѣ.

Тузенбахъ *(цѣлуется съ Федотикомъ).* Вы хорошій, мы жили такъ дружно *(цѣлуется съ Родэ).* Еще разъ... Прощайте, дорогой мой!

Ирина. До свиданья!

Федотикъ. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся!

Кулыгинъ. Кто знаетъ! *(вытираетъ глаза, улыбается).* Вотъ и я заплакалъ.

Ирина. Когда-нибудь встрѣтимся.

Федотикъ. Лѣтъ черезъ десять-пятнадцать? Но тогда мы едва узнаемъ другъ друга, холодно поздороваемся... *(снимаетъ фотографію).* Стойте... Еще въ послѣдній разъ.

Родэ *(обнимаетъ Тузенбаха).* Не увидимся больше... *(цѣлуетъ руку Иринѣ).* Спасибо за все, за все!

Федотикъ *(съ досадой).* Да постой!

Тузенбахъ. Дастъ Богъ, увидимся. Пишите же намъ. Непремѣнно пишите.

Родэ *(окидываетъ взглядомъ садъ).* Прощайте, деревья! *(кричитъ).* Гопъ-гопъ! *(пауза).* Прощай, эхо!

Кулыгинъ. Чего добраго, женитесь тамъ, въ Польшѣ... Жена полька обниметъ и скажетъ: «кохане!» *(смѣется).*

Федотикъ *(взглянувъ на часы).* Осталось меньше часа. Изъ нашей батареи только Соленый пойдетъ на баржѣ, мы же со строевой частью. Сегодня уйдутъ три батареи дивизіонно, завтра опять три—и въ городѣ наступитъ тишина и спокойствіе.

Тузенбахъ. И скучища страшная.

Родэ. А Марія Сергѣевна гдѣ?

Кулыгинъ. Маша въ саду.

Федотикъ. Съ ней проститься.

Родэ. Прощайте, надо уходить, а то я заплачу... *(обнимаетъ быстро Тузенбаха и Кулыгина, цѣлуетъ руку Ирины).* Прекрасно мы здѣсь пожили...

Федотикъ *(Кулыгину).* Это вамъ на память... книжка съ карандашикомъ... Мы здѣсь пойдемъ къ рѣкѣ... *(отходятъ, оба оглядываются).*

Родэ *(кричитъ).* Гопъ-гопъ!

Кулыгинъ *(кричитъ).* Прощайте!

(Въ глубинѣ сцены Федотикъ и Родэ встрѣчаются съ Машей и прощаются съ нею; она уходитъ съ ними).

Ирина. Ушли... *(садится на нижнюю ступень террасы).*

Чебутыкинъ. А со мной забыли проститься.

Ирина. Вы же чего?

Чебутыкинъ. Да и я какъ-то забылъ. Впрочемъ, скоро увижусь съ ними, ухожу завтра. Да... Еще одинъ денекъ остался. Черезъ годъ дадутъ мнѣ отставку, опять пріѣду сюда и буду доживать свой вѣкъ около васъ. Мнѣ до пен-

сіи только одинъ годочекъ остался... *(кладетъ въ карманъ газету, вынимаетъ другую).* Пріѣду сюда къ вамъ и измѣню жизнь кореннымъ образомъ. Стану такимъ тихонькимъ, благо... благоугоднымъ, приличненькимъ...

Ирина. А вамъ надо бы измѣнить жизнь, голубчикъ. Надо бы какъ-нибудь.

Чебутыкинъ. Да. Чувствую *(тихо напѣваетъ).* Тарара..! бумбія... сижу на тумбѣ я...

Кулыгинъ. Неисправимъ Иванъ Романычъ! Неисправимъ.

Чебутыкинъ. Да вотъ къ вамъ бы на выучку. Тогда бы исправился.

Ирина. Ѳедоръ сбрилъ себѣ усы. Видѣть не могу!

Кулыгинъ. А что?

Чебутыкинъ. Я бы сказалъ, на что теперь похожа ваша физіономія, да не могу,

Кулыгинъ. Что-жъ! Такъ принято, это modus vivendi. Директоръ у насъ съ выбритыми усами, и я тоже, какъ сталъ инспекторомъ, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволенъ. Съ усами я, или безъ усовъ, и я одинаково доволенъ... *(садится).*

(Въ глубинѣ сцены Андрей провозитъ въ колясочкѣ спящаго ребенка).

Ирина. Иванъ Романычъ, голубчикъ, родной мой, я страшно обезпокоена. Вы вчера были на бульварѣ, скажите, что произошло тамъ?

Чебутыкинъ. Что произошло? Ничего. Пустяки *(читаетъ газету).* Все равно!

Кулыгинъ. Такъ разсказываютъ, будто Соленый и баронъ встрѣтились вчера на бульварѣ около театра...

Тузенбахъ. Перестаньте! Ну, что право... *(машетъ рукой и уходитъ въ домъ).*

Кулыгинъ. Около театра... Соленый сталъ придираться къ барону, а тотъ не стерпѣлъ, сказалъ что-то обидное...

Чебутыкинъ. Не знаю. Чепуха все.

Кулыгинъ. Въ какой-то семинаріи учитель написалъ на сочиненіи «чепуха», а ученикъ прочелъ «реникса» — думалъ что по-латыни написано *(смѣется).* Смѣшно, удивительно. Говорятъ, будто Соленый влюбленъ въ Ирину и будто возненавидѣлъ барона... Это понятно. Ирина очень хорошая дѣвушка. Она даже похожа на Машу, такая же задумчивая. Только у тебя, Ирина, характеръ мягче. Хотя и у Маши

впрочемъ, тоже очень хорошій характеръ. Я ее люблю, Машу.

(Въ глубинѣ сада за сценой: «Ау! Гопъ, гопъ!»).

Ирина *(вздрагиваетъ).* Меня какъ-то все пугаетъ сегодня *(пауза).* У меня уже все готово, я послѣ обѣда отправляю свои вещи. Мы съ барономъ завтра вѣнчаемся, завтра же уѣзжаемъ на кирпичный заводъ и послѣзавтра я уже въ школѣ, начинается новая жизнь. Какъ-то мнѣ поможетъ Богъ! Когда я держала экзаменъ на учительницу, то даже плакала отъ радости, отъ благости... *(пауза).* Сейчасъ пріѣдетъ подвода за вещами...

Кулыгинъ. Такъ-то оно такъ, только какъ-то все это не серьезно. Однѣ только идеи, а серьезнаго мало. Впрочемъ, отъ души тебѣ желаю.

Чебутыкинъ *(въ умиленіи).* Славная моя, хорошая... Золотая моя... Далеко вы ушли, не догонишь васъ. Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не можетъ летѣть. Летите, мои милыя, летите съ Богомъ! *(пауза).* Напрасно, Ѳедоръ Ильичъ, вы усы себѣ сбрили.

Кулыгинъ. Будетъ вамъ! *(вздыхаетъ).* Вотъ сегодня уйдутъ военные, и все опять пойдетъ по старому. Чтобы тамъ ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу. Судьба у людей разная... Тутъ въ акцизѣ служитъ нѣкто Козыревъ. Онъ учился со мной, его уволили изъ пятаго класса гимназіи за то, что никакъ не могъ понять ut consecutivum. Теперь онъ ужасно бѣдствуетъ, боленъ и я, когда встрѣчаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, ut consecutivum». — Да, говоритъ, именно consecutivum... а самъ кашляетъ. А мнѣ вотъ всю мою жизнь везетъ, я счастливъ, вотъ имѣю даже Станислава второй степени, и самъ теперь преподаю другимъ это ut consecutivum. Конечно, я умный человѣкъ, умнѣе очень многихъ, но счастье не въ этомъ...

(Въ домѣ играютъ на роялѣ «Молитву Дѣвы»).

Ирина. А завтра вечеромъ я уже не буду слышать этой «Молитвы Дѣвы», не буду встрѣчаться съ Протопоповымъ... *(пауза).* А Протопоповъ сидитъ тамъ въ гостиной; и сегодня пришелъ...

Кулыгинъ. Начальница еще не пріѣхала?

Ирина. Нѣтъ. За ней послали. Если бъ только вы знали, какъ мнѣ трудно жить здѣсь одной, безъ Оли... Она живетъ въ

гимназіи: она начальница, цѣлый день занята дѣломъ, а я одна, мнѣ скучно, нечего дѣлать, и ненавистна комната, въ которой живу... Я такъ и рѣшила: если мнѣ не суждено быть въ Москвѣ, то такъ тому и быть. Значитъ, судьба. Ничего не подѣлаешь. Все въ Божьей волѣ, это правда. Николай Львовичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... Что-жъ? Подумала и рѣшила. Онъ хорошій человѣкъ, удивительно даже, такой хорошій... И у меня вдругъ точно крылья выросли на душѣ, я повеселѣла, стало мнѣ легко и опять захотѣлось работать, работать... Только вотъ вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной...

Чебутыкинъ. Реникса. Чепуха.

Наташа *(въ окно)*. Начальница!

Кулыгинъ. Пріѣхала начальница. Пойдемъ.

(Уходитъ съ Ириной въ домъ).

Чебутыкинъ *(читаетъ газету и тихо напѣваетъ)*. Тара-ра... бумбія... сижу на тумбѣ я...

(Маша подходитъ; въ глубинѣ Андрей провозитъ колясочку).

Маша. Сидитъ себѣ здѣсь, посиживаетъ...

Чебутыкинъ. А что?

Маша *(садится)*. Ничего... *(пауза)*. Вы любили мою мать?

Чебутыкинъ. Очень.

Маша. А она васъ?

Чебутыкинъ *(послѣ паузы)*. Этого я уже не помню.

Маша. Мой здѣсь? Такъ когда-то наша кухарка Марья говорила про своего городового: мой. Мой здѣсь?

Чебутыкинъ. Нѣтъ еще.

Маша. Когда берешь счастье урывочками, по кусочкамъ, потомъ его теряешь, какъ я, то мало-по-малу грубѣешь, становишься злющей *(указываетъ себѣ на грудь)*. Вотъ тутъ у меня кипитъ... *(глядя на брата Андрея, который провозитъ колясочку)*. Вотъ Андрей нашъ, братецъ... Всѣ надежды пропали. Тысячи народа поднимали колоколъ, потрачено было много труда и денегъ, а онъ вдругъ упалъ и разбился. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего. Такъ и Андрей...

Андрей. И когда, наконецъ, въ домѣ успокоятся. Такой шумъ.

Чебутыкинъ. Скоро *(смотритъ на часы)*. У меня часы старинные, съ боемъ... *(заводитъ часы, они бьютъ)*. Первая, вторая и пятая батарея уйдутъ ровно въ часъ *(пауза)*. А я завтра.

Андрей. Навсегда?

Чебутыкинъ. Не знаю. Можетъ, черезъ годъ вернусь. Хотя, чортъ его знаетъ... все равно...

(Слышно, какъ гдѣ-то далеко играютъ на арфѣ и скрипкѣ).

Андрей. Опустѣетъ городъ. Точно его колпакомъ накроютъ *(пауза)*. Что-то произошло вчера около театра; всѣ говорятъ, а я не знаю.

Чебутыкинъ. Ничего. Глупости. Соленый сталъ придираться къ барону, а тотъ вспылилъ и оскорбилъ его, и вышло такъ въ концѣ концовъ, что Соленый обязанъ былъ вызвать его на дуэль *(смотритъ на часы)*. Пора бы, кажется, ужъ... Въ половинѣ перваго, въ казенной рощѣ, вотъ въ той, что отсюда видать за рѣкой... Пифъ-пафъ *(смѣется)*. Соленый воображаетъ, что онъ Лермонтовъ, и даже стихи пишетъ. Вотъ шутки шутками, а ужъ у него третья дуэль.

Маша. У кого?

Чебутыкинъ. У Соленаго.

Маша. А у барона?

Чебутыкинъ. Что у барона? *(пауза)*.

Маша. Въ головѣ у меня перепуталось... Все-таки, я говорю, не слѣдуетъ имъ позволять. Онъ можетъ ранить барона или даже убить.

Чебутыкинъ. Баронъ хорошій человѣкъ, но однимъ барономъ больше, однимъ меньше—не все ли равно? Пускай! Все равно! *(за садомъ крикъ: «Ау! Гопъ-гопъ!»)* Подождешь. Это Скворцовъ кричитъ, секундантъ. Въ лодкѣ сидитъ *(пауза)*.

Андрей. По-моему, и участвовать на дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы въ качествѣ врача, просто безнравственно.

Чебутыкинъ. Это только кажется... Насъ нѣтъ, ничего нѣтъ на свѣтѣ, мы не существуемъ, а только кажется, что существуемъ... И не все ли равно!

Маша. Такъ вотъ цѣлый день говорятъ, говорятъ... *(идетъ)*. Живешь въ такомъ климатѣ, того гляди снѣгъ пойдетъ, а тутъ еще эти разговоры... *(останавливаясь)*. Я не пойду въ домъ, я не могу туда ходить... Когда придетъ Вершининъ, скажите мнѣ... *(идетъ по аллеѣ)*. А уже летятъ перелетныя птицы... *(глядитъ вверхъ)*. Лебеди или гуси... Милые мои, счастливые мои... *(уходитъ)*.

Андрей. Опустѣетъ нашъ домъ. Уѣдутъ офицеры, уѣдете

вы. сестра замужъ выйдетъ и останусь въ домѣ я одинъ.

Чебутыкинъ. А жена?

(Ферапонтъ входитъ съ бумагами).

Андрей. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но въ ней есть при всемъ томъ нѣчто принижающее ее до мелкаго, слѣпого, этакого шершаваго животнаго. Во всякомъ случаѣ, она не человѣкъ. Говорю. вамъ. какъ другу, единственному человѣку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это такъ, но иногда она кажется мнѣ удивительно пошлой и тогда я теряюсь. не понимаю, за что, отчего я такъ люблю ее, или, по крайней мѣрѣ, любилъ...

Чебутыкинъ *(встаетъ).* Я, братъ. завтра уѣзжаю. можетъ. никогда не увидимся, такъ вотъ тебѣ мой совѣтъ. Знаешь. надѣнь шапку, возьми въ руки палку и уходи... уходи и иди, иди безъ оглядки. И чѣмъ дальше уйдешь, тѣмъ лучше.

(Соленый проходитъ въ глубинѣ сцены съ двумя офицерами; увидѣвъ Чебутыкина, онъ поворачиваетъ къ нему; офицеры идутъ дальше).

Соленый. Докторъ, пора! Уже половина перваго *(здоровается съ Андреемъ).*

Чебутыкинъ. Сейчасъ. Надоѣли вы мнѣ всѣ *(Андрею).* Если кто спроситъ меня, Андрюша, то скажешь, что я сейчасъ... *(вздыхаетъ).* Охо-хо-хо!

Соленый. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ *(идетъ съ нимъ).* Что вы кряхтите, старикъ?

Чебутыкинъ. Ну!

Соленый. Какъ здоровье?

Чебутыкинъ *(сердито).* Какъ масло коровье.

Соленый. Старикъ волнуется напрасно. Я позволю себѣ немного, я только подстрѣлю его, какъ вальдшнепа *(вынимаетъ духи и брызгаетъ на руки).* Вотъ вылилъ сегодня цѣлый флаконъ, а онѣ все пахнутъ. Онѣ у меня пахнутъ трупомъ *(пауза).* Такъ-съ... Помните стихи? А онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой...

Чебутыкинъ. Да. Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ *(уходитъ съ Соленымъ).*

(Слышны крики: «Гоп! Ау!» Андрей и Ферапонтъ входятъ).

Ферапонтъ. Бумаги подписать...

Андрей *(нервно)*. Отстань отъ меня! Отстань! Умоляю! *(уходитъ съ колясочкой)*.

Ферапонтъ. На то вѣдь и бумаги, чтобъ ихъ подписывать *(уходитъ въ глубину сцены)*.

(Входятъ Ирина и Тузенбахъ въ соломенной шляпѣ, Кулыгинъ проходитъ чрезъ сцену, крича: «Ау, Маша, ау!»).

Тузенбахъ. Это, кажется, единственный человѣкъ въ городѣ, который радъ, что уходятъ военные.

Ирина. Это понятно *(пауза)*. Нашъ городъ опустѣетъ теперь.

Тузенбахъ. Милая, я сейчасъ приду.

Ирина. Куда ты?

Тузенбахъ. Мнѣ нужно въ городъ, затѣмъ... проводить товарищей.

Ирина. Неправда... Николай, отчего ты такой разсѣянный сегодня? *(пауза)*. Что вчера произошло около театра?

Тузенбахъ *(нетерпѣливое движеніе)*. Черезъ часъ я вернусь и опять буду съ тобой *(цѣлуетъ ей руки)*. Ненаглядная моя... *(всматривается ей въ лицо)*. Уже пять лѣтъ прошло, какъ я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мнѣ все прекраснѣе. Какіе прелестные, чудные волосы! Какіе глаза! Я увезу тебя завтра, мы будемъ работать, будемъ богаты, мечты мои оживутъ. Ты будешь счастлива. Только вотъ одно, только одно: ты меня не любишь!

Ирина. Это не въ моей власти! Я буду твоей женой, и вѣрной, и покорной, но любви нѣтъ, что же дѣлать! *(плачетъ)*. Я не любила ни разу въ жизни. О, я такъ мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, какъ дорогой рояль, который запертъ и ключъ потерянъ *(пауза)*. У тебя безпокойный взглядъ.

Тузенбахъ. Я не спалъ всю ночь. Въ моей жизни нѣтъ ничего такого страшнаго, что могло бы испугать меня, и только этотъ потерянный ключъ терзаетъ мою душу, не даетъ мнѣ спать. Скажи мнѣ что-нибудь *(пауза)*. Скажи мнѣ что-нибудь...

Ирина. Что? Что сказать? Что?

Тузенбахъ. Что-нибудь.

Ирина. Полно! Полно! *(пауза)*.

Тузенбахъ. Какіе пустяки, какія глупыя мелочи иногда пріобрѣтаютъ въ жизни значеніе, вдругъ ни съ того, ни съ сего. Попрежнему смѣешься надъ ними, считаешь пустя-

ками, и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нѣтъ силъ остановиться. О, не будемъ говорить объ этомъ! Мнѣ весело. Я точно первый разъ въ жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотритъ на меня съ любопытствомъ и ждетъ. Какія красивыя деревья и, въ сущности, какая должна быть около нихъ красивая жизнь! *(Крикъ: «Ау! Гопъ-гопъ!»).* Надо идти уже пора... Вотъ дерево засохло, но все же оно вмѣстѣ съ другими качается отъ вѣтра. Такъ, мнѣ кажется, если я и умру, то все же буду участвовать въ жизни такъ или иначе. Прощай, моя милая... *(цѣлуетъ руки).* Твои бумаги, что ты мнѣ дала, лежатъ у меня на столѣ, подъ календаремъ.

Ирина. И я съ тобой пойду.

Тузенбахъ *(тревожно).* Нѣтъ, нѣтъ! *(быстро идетъ, на аллеѣ останавливается).* Ирина!

Ирина. Что?

Тузенбахъ *(не зная, что сказать).* Я не пилъ сегодня кофе. Скажешь, чтобы мнѣ сварили... *(быстро уходитъ).*

(Ирина стоитъ задумавшись, потомъ уходитъ въ глубину сцены и садится на качели. Входитъ Андрей съ колясочкой, показывается Ферапонтъ).

Ферапонтъ. Андрей Сергѣичъ, бумаги-то, вѣдь, не мои, а казенныя. Не я ихъ выдумалъ.

Андрей. О, гдѣ оно, куда ушло мое прошлое, когда я былъ молодъ, веселъ, уменъ, когда я мечталъ и мыслилъ изящно, когда настоящее и будущее мое озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, сѣры, неинтересны, лѣнивы, равнодушны, безполезны, несчастны... Городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который не былъ бы похожъ на другихъ, ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который возбуждалъ бы зависть, или страстное желаніе подражать ему. Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... родятся другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и, чтобы не отупѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и жены обманываютъ мужей, а мужья лгутъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ, и неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же

жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери... *(Ферапонту сердито).* Что тебѣ?

Ферапонтъ. Чего? Бумаги подписать.

Андрей. Надоѣлъ ты мнѣ.

Ферапонтъ *(подавая бумаги).* Сейчасъ швейцаръ изъ казенной палаты сказывалъ... Будто, говоритъ, зимой въ Петербургѣ морозъ былъ въ двѣсти градусовъ.

Андрей. Настоящее противно, но зато, когда я думаю о будущемъ, то какъ хорошо! Становится такъ легко, такъ просторно: и вдали забрезжетъ свѣтъ, я вижу свободу, я вижу, какъ я и дѣти мои становимся свободны отъ праздности, отъ квасу, отъ гуся съ капустой, отъ сна послѣ обѣда, отъ подлаго тунеядства...

Ферапонтъ. Двѣ тысячи людей померзло будто. Народъ, говоритъ, ужасался. Не то въ Петербургѣ, не то въ Москвѣ— не упомню.

Андрей *(охваченный нѣжнымъ чувствомъ).* Милыя мои сестры, чудныя мои сестры! *(сквозь слезы).* Маша, сестра моя...

Наташа *(въ окнѣ).* Кто здѣсь разговариваетъ такъ громко? Это ты, Андрюша? Софочку разбудишь. Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormèe deja. Vous êtes un ours *(разсердившись).* Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку съ ребенкомъ кому-нибудь другому. Ферапонтъ, возьми у барина колясочку!

Ферапонтъ. Слушаю *(беретъ колясочку).*

Андрей *(сконфуженно).* Я говорю тихо.

Наташа *(за окномъ, лаская своего мальчика).* Бобикъ! Шалунъ Бобикъ! Дурной Бобикъ!

Андрей *(оглядывая бумаги).* Ладно, пересмотрю и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять въ управу... *(уходитъ въ домъ, читая бумаги; Ферапонтъ везетъ колясочку въ глубину сада).*

Наташа *(за окномъ).* Бобикъ, какъ зовутъ твою маму? Милый, милый! А это кто? Это тетя Оля. Скажи тетѣ: здравствуй, Оля!

(Бродячіе музыканты, мужчина и дѣвушка играютъ на скрипкѣ и арфѣ; изъ дому выходятъ Вершининъ, Ольга и Анисья и съ минуту слушаютъ молча; подходитъ Ирина).

Ольга. Нашъ садъ, какъ проходной дворъ, черезъ него

и ходятъ и ѣздятъ. Няня, дай этимъ музыкантамъ что-нибудь!..

Анѳиса *(подаетъ музыкантамъ).* Уходите съ Богомъ, сердечные *(музыканты кланяются и уходятъ).* Горькій народъ. Отъ сытости не заиграешь *(Иринѣ).* Здравствуй, Ариша! *(цѣлуетъ ее).* Ц-ц, дѣточка, вотъ живу! Вотъ живу! Въ гимназіи на казенной квартирѣ, вмѣстѣ съ Олюшкой — опредѣлилъ Господь на старости лѣтъ. Отродясь я, грѣшница, такъ не жила... Квартира большая, казенная, и мнѣ цѣльная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и—о Господи, Матерь Божія, счастливѣй меня человѣка нѣту!

Вершининъ *(взглянувъ на часы).* Сейчасъ уходимъ. Ольга Сергѣевна. Мнѣ пора *(пауза).* Я желаю вамъ всего, всего... Гдѣ Марія Сергѣевна?

Ирина. Она гдѣ-то въ саду. Я пойду, поищу ее.

Вершининъ. Будьте добры. Я тороплюсь.

Анѳиса. Пойду и я поищу *(кричитъ).* Машенька, ау! *(уходитъ вмѣстѣ съ Ириной въ глубину сада).* А-у, а-у!

Вершининъ. Все имѣетъ свой конецъ. Вотъ и мы разстаемся *(смотритъ на часы).* Городъ давалъ намъ что-то въ родѣ завтрака, или шампанское, городской голова говорилъ рѣчь, я ѣлъ и слушалъ, а душой былъ здѣсь, у васъ... *(оглядываетъ садъ).* Привыкъ я къ вамъ.

Ольга. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

Вершининъ. Должно быть, нѣтъ *(пауза).* Жена моя и обѣ дѣвочки проживутъ здѣсь еще мѣсяца два; пожалуйста, если что случится, или что понадобится...

Ольга. Да, да, конечно. Будьте покойны *(пауза).* Въ городѣ завтра не будетъ уже ни одного военнаго, все станетъ воспоминаніемъ и, конечно, для насъ начнется новая жизнь... *(пауза).* Все дѣлается не по-нашему. Я не хотѣла быть начальницей, и все-таки сдѣлалась ею. Въ Москвѣ, значитъ, не быть...

Вершининъ. Ну... Спасибо вамъ за все. Простите мнѣ, если что не такъ... Много, очень ужъ много я говорилъ— и за это простите, не поминайте лихомъ.

Ольга *(утираетъ глаза).* Что-жъ это Маша не идетъ...

Вершининъ. Что же еще вамъ сказать на прощаніе? О чемъ пофилософствовать?.. *(смѣется).* Жизнь тяжела. Она представляется многимъ изъ насъ глухой и безнадежной,

но все же, надо сознаться, она становится все яснѣе и легче, и, повидимому, не далеко то время, когда она станетъ совсѣмъ свѣтлой *(смотритъ на часы)*. Пора мнѣ, пора! Прежде человѣчество было занято войнами, заполняя все свое существованіе походами, набѣгами, побѣдами, теперь же все это отжило, оставивъ послѣ себя громадное пустое мѣсто, которое пока нечѣмъ заполнить; человѣчество страстно ищетъ, и, конечно, найдетъ. Ахъ, только бы поскорѣе! *(пауза)*. Если бы, знаете, къ трудолюбію прибавить образованіе, а къ образованію трудолюбіе *(смотритъ на часы)*. Мнѣ, однако, пора...

Ольга. Вотъ она идетъ.

(Маша входитъ).

Вершининъ. Я пришелъ проститься... *(Ольга отходитъ немного въ сторону, чтобы не помѣшать прощанію).*

Маша *(смотря ему въ лицо)*. Прощай... *(продолжительный поцѣлуй).*

Ольга. Будетъ, будетъ...

Маша *(сильно рыдаетъ).*

Вершининъ. Пиши мнѣ... Не забывай! Пусти меня... пора... Ольга Сергѣевна, возьмите ее, мнѣ уже... пора... опоздалъ... *(распрощанный цѣлуетъ руки Ольгѣ, потомъ еще разъ обнимаетъ Машу и быстро уходитъ).*

Ольга. Будетъ, Маша! Перестань, милая... *(входитъ Кулыгинъ).*

Кулыгинъ *(въ смущеніи)*. Ничего, пусть поплачетъ, пусть... Хорошая моя Маша, добрая моя Маша... Ты моя жена, и я счастливъ, что бы тамъ ни было... Я не жалуюсь, не дѣлаю тебѣ ни одного упрека... вотъ и Оля свидѣтельница... Начнемъ жить опять по-старому, и я тебѣ ни одного слова, ни намека...

Маша *(сдерживая рыданія)*. У лукоморья дубъ зеленый, златая цѣпь на дубѣ томъ... златая цѣпь на дубѣ томъ... Я съ ума схожу... У лукоморья... дубъ зеленый...

Ольга. Успокойся, Маша... Успокойся... Дай ей воды.

Маша. Я больше не плачу...

Кулыгинъ. Она уже не плачетъ... она добрая...

(Слышенъ глухой далекій выстрѣлъ).

Маша. У лукоморья дубъ зеленый, златая цѣпь на дубѣ томъ... Котъ зеленый... дубъ зеленый... Я путаю... *(пьетъ воду)*. Неудачная жизнь... Ничего мнѣ теперь не нужно...

Я сейчасъ успокоюсь... Все равно... Что значитъ у лукоморья? Почему это слово у меня въ головѣ? Путаются мысли.

(Ирина входитъ).

Ольга. Успокойся, Маша. Ну, вотъ умница... Пойдемъ въ комнату.

Маша *(сердито).* Не пойду я туда *(рыдаетъ, но тотчасъ же останавливается).* Я въ домъ уже не хожу, и не пойду...

Ирина. Давайте посидимъ вмѣстѣ, хоть помолчимъ. Вѣдь завтра я уѣзжаю... *(пауза).*

Кулыгинъ. Вчера въ третьемъ классѣ у одного мальчугана я отнялъ вотъ усы и бороду... *(надѣваетъ усы и бороду).* Похожъ на учителя нѣмецкаго языка... *(смѣется).* Не правда ли? Смѣшные эти мальчишки.

Маша. Въ самомъ дѣлѣ похожъ на вашего нѣмца.

Ольга *(смѣется).* Да.

Маша *(плачетъ).*

Ирина. Будетъ, Маша!

Кулыгинъ. Очень похожъ.

(Входитъ Наташа).

Наташа *(горничной).* Что? Съ Софочкой посидитъ Протопоповъ, Михаилъ Иванычъ, а Бобика пусть покатаетъ Андрей Сергѣичъ. Столько хлопотъ съ дѣтьми... *(Ирини).* Ирина, ты завтра уѣзжаешь—такая жалость. Останься еще хоть недѣльку *(увидѣвъ Кулыгина, вскрикиваетъ; тотъ смѣется и снимаетъ усы и бороду).* Ну васъ совсѣмъ, испугали! *(Ирини).* Я къ тебѣ привыкла и разстаться съ тобой, ты думаешь, мнѣ будетъ легко? Въ твою комнату я велю переселить Андрея съ его скрипкой—пусть тамъ пилитъ!—а въ его комнату мы помѣстимъ Софочку. Дивный, чудный ребенокъ! Что за дѣвчурка! Сегодня она посмотрѣла на меня такими глазками и—«мама!»

Кулыгинъ. Прекрасный ребенокъ, это вѣрно.

Наташа. Значитъ, завтра я уже одна тутъ *(вздыхаетъ).* Велю прежде всего срубить эту словую аллею, потомъ вотъ этотъ кленъ. По вечерамъ онъ такой некрасивый... *(Ирини).* Милая, совсѣмъ не къ лицу тебѣ этотъ поясъ... Это безвкусица. Надо что-нибудь свѣтленькое. И тутъ вездѣ я велю понасажать цвѣточковъ, цвѣточковъ, и будетъ запахъ... *(строго).* Зачѣмъ здѣсь на скамьѣ валяется вилка? *(проходя*

въ домъ, горничной). Зачѣмъ здѣсь на скамьѣ валяется вилка, я спрашиваю? *(кричитъ).* Молчать!

Кулыгинъ. Разошлась!

(За сценой музыка играетъ маршъ; всѣ слушаютъ).

Ольга. Уходятъ.

(Входитъ Чебутыкинъ).

Маша. Уходятъ наши. Ну, что-жъ... Счастливый имъ путь! *(мужу).* Надо домой... Гдѣ моя шляпа и тальма.

Кулыгинъ. Я въ домъ отнесъ... Принесу сейчасъ.

Ольга. Да, теперь можно по домамъ. Пора.

Чебутыкинъ. Ольга Сергѣевна!

Ольга. Что? *(пауза).* Что?

Чебутыкинъ. Ничего... Не знаю, какъ сказать вамъ... *(шепчетъ ей на ухо).*

Ольга *(въ испугѣ).* Не можетъ быть!

Чебутыкинъ. Да... такая исторія... Утомился я, замучился, больше не хочу говорить... *(съ досадой).* Впрочемъ, все равно!

Маша. Что случилось?

Ольга *(обнимаетъ Ирину).* Ужасный сегодня день... Я не знаю, какъ тебѣ сказать, моя дорогая...

Ирина. Что? Говорите скорѣй: что? Бога ради! *(плачетъ).*

Чебутыкинъ. Сейчасъ на дуэли убитъ баронъ.

Ирина *(тихо плачетъ).* Я знала, я знала...

Чебутыкинъ *(въ глубинѣ сцены садится на скамью).* Утомился... *(вынимаетъ изъ кармана газету).* Пусть поплачутъ... *(тихо напѣваетъ).* Та-ра-ра-бумбія... сижу на тумбѣ я... Не все ли равно!

(Три сестры стоятъ, прижавшись другъ къ другу).

Маша. О, какъ играетъ музыка! Они уходятъ отъ насъ, одинъ ушелъ совсѣмъ, совсѣмъ навсегда, мы останемся однѣ, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Ирина *(кладетъ голову на грудь Ольгѣ).* Придетъ время, всѣ узнаютъ, зачѣмъ все это, для чего эти страданія, никакихъ не будетъ тайнъ, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поѣду одна, буду учить въ школѣ и всю свою жизнь отдамъ тѣмъ, кому она, быть-можетъ, нужна. Теперь осень, скоро придетъ зима, засыплетъ снѣгомъ, а я буду работать, буду работать...

Ольга *(обнимаетъ обѣихъ сестеръ).* Музыка играетъ такъ

весело, бодро, и хочется жить! О, Боже мой! Пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь. О, милыя сестры, жизнь наша еще не кончена. Будемъ жить! Музыка играетъ такъ весело, такъ радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ... Если бы знать, если бы знать!

(Музыка играетъ все тише и тише; Кулыгинъ веселый, улыбающійся, несетъ шляпу и тальму, Андрей везетъ колясочку, въ которой сидитъ Бобикъ).

Чебутыкинъ *(тихо напѣваетъ).* Тара... ра... бумбія... сижу на тумбѣ я... *(читаетъ газету).* Все равно! Все равно!

Ольга. Если бы знать, если бы знать!

Занавѣсъ.

О ВРЕДѢ ТАБАКА.

Сцена-монологъ въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:

Иванъ Ивановичъ Нюхинъ, мужъ своей жены, содержательницы музыкальной школы и женскаго пансіона.

Сцена представляетъ эстраду одного изъ провинціальныхъ клубовъ.

Нюхинъ *(съ длинными бакенами, безъ усовъ, въ старомъ поношенномъ фракѣ, величественно входитъ, кланяется и поправляетъ жилетку).* Милостивыя государыни и нѣкоторымъ образомъ милостивые государи *(расчесываетъ бакены).* Женѣ моей было предложено, чтобы я съ благотворительною цѣлью прочелъ здѣсь какую-нибудь популярную лекцію. Что жъ? Лекцію, такъ лекцію—мнѣ рѣшительно все равно. Я, конечно, не профессоръ и чуждъ ученыхъ степеней, но, тѣмъ не менѣе, все-таки я вотъ уже тридцать лѣтъ, не переставая, можно даже сказать, для вреда собственному здоровью и прочее, работаю надъ вопросами строго-научнаго свойства, размышляю и даже пишу иногда, можете себѣ представить, ученыя статьи, то-есть не то, чтобы ученыя, а такъ, извините за выраженіе, въ родѣ какъ бы ученыя. Между прочимъ, на сихъ дняхъ мною написана была громадная статья подъ заглавіемъ: «О вредѣ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ». Дочерямъ очень понравилось, особенно про клоповъ, я же прочиталъ и разорвалъ. Вѣдь, все равно, какъ ни пиши, а безъ персидскаго порошка не обойтись. У насъ даже въ роялп клопы... Предметомъ сегодняшней моей лекціи я избралъ, такъ сказать, вредъ, который приноситъ человѣчеству по-

требленіе табаку. Я самъ курю, но жена моя велѣла читать сегодня о вредѣ табака и, стало-быть, нечего тутъ разговаривать. О табакѣ, такъ о табакѣ—мнѣ рѣшительно все равно, вамъ же, милостивые государи, предлагаю отнестись къ моей настоящей лекціи съ должною серьезностью, иначе какъ бы чего не вышло. Кого же пугаетъ сухая, научная лекція, кому не нравится, тотъ можетъ не слушать и выйти *(поправляетъ жилетку)*. Особенно прошу вниманія у присутствующихъ здѣсь господъ врачей, которые могутъ почерпнуть изъ моей лекціи много полезныхъ свѣдѣній, такъ какъ табакъ, помимо его вредныхъ дѣйствій, употребляется также въ медицинѣ. Такъ, напримѣръ, если муху посадить въ табакерку, то она издохнетъ, вѣроятно, отъ разстройства нервовъ. Табакъ есть, главнымъ образомъ, растеніе... Когда я читаю лекцію, то обыкновенно подмигиваю правымъ глазомъ, но вы не обращайте вниманія; это отъ волненія. Я очень нервный человѣкъ, вообще говоря, а глазомъ началъ подмигивать въ 1889 году 13-го сентября, въ тотъ самый день, когда у моей жены родилась, нѣкоторымъ образомъ, четвертая дочь Варвара. У меня всѣ дочери родились 13-го числа. Впрочемъ *(поглядѣвъ на часы)*, въ виду недостатка времени, не станемъ отклоняться отъ предмета лекціи. Надо вамъ замѣтить, жена моя содержитъ музыкальную школу и частный пансіонъ, то-есть не то чтобы пансіонъ, а такъ, нѣчто въ родѣ. Между нами говоря, жена любитъ пожаловаться на недостатки, но у нея кое-что припрятано, этакъ тысячъ сорокъ, или пятьдесятъ, у меня же ни копейки за душой, ни гроша — ну, да что толковать! Въ пансіонѣ я состою завѣдующимъ хозяйственною частью. Я закупаю провизію, провѣряю прислугу, записываю расходы, шью тетрадки, вывожу клоповъ, прогуливаю женину собачку, ловлю мышей... Вчера вечеромъ на моей обязанности лежало выдать кухаркѣ муку и масло, такъ какъ предполагались блины. Ну-съ, однимъ словомъ, сегодня, когда блины были уже испечены, моя жена пришла на кухню сказать, что три воспитанницы не будутъ кушать блиновъ, такъ какъ у нихъ распухли гланды. Такимъ образомъ оказалось, что мы испекли нѣсколько лишнихъ блиновъ. Куда прикажете дѣвать ихъ? Жена сначала велѣла отнести ихъ на погребъ, а потомъ подумала, подумала и говоритъ: — «Ѣшь эти блины самъ,

чучело». Она, когда бываетъ не въ духѣ, зоветъ меня такъ: чучело, или аспидъ, или сатана. А какой я сатана? Она всегда не въ духѣ. И я не съѣлъ, а проглотилъ, не жевавши, такъ какъ всегда бываю голоденъ. Вчера, напримѣръ, она не дала мнѣ обѣдать. — «Тебя, говоритъ, чучело, кормить не для чего...» Но, однако *(смотритъ на часы)*, мы заболтались и нѣсколько уклонились отъ темы. Будемъ продолжать. Хотя, конечно, вы охотнѣе прослушали бы теперь романсъ, или какую-нибудь этакую симфонію, или арію... *(Затягиваетъ.)* «Мы не моргнемъ въ пылу сраженья глазомъ...» Не помню ужъ, откуда это... Между прочимъ, я забылъ сказать вамъ, что въ музыкальной школѣ моей жены, кромѣ завѣдыванія хозяйствомъ, на мнѣ лежитъ еще преподаваніе математики, физики, химіи, географіи, исторіи, сольфеджіо, литературы и прочее. За танцы, пѣніе и рисованіе жена беретъ особую плату, хотя танцы и пѣніе преподаю тоже я. Наше музыкальное училище находится въ Пятисобачьемъ переулкѣ, въ домѣ № 13. Вотъ потому-то, вѣроятно, и жизнь моя такая неудачная, что живемъ мы въ домѣ № 13. И дочери мои родились 13-го числа, и въ домѣ у насъ 13 окошекъ... Ну, да что толковать! Для переговоровъ жену мою можно застать дома во всякое время, а программа школы, если желаете, продается у швейцара по 30 коп. за экземпляръ *(вынимаетъ изъ кармана нѣсколько брошюрокъ)*. И вотъ я, если желаете, могу подѣлиться. За каждый экземпляръ по 30 копеекъ! Кто желаетъ? *(Пауза.)* Никто не желаетъ? Ну, по 20 копеекъ! *(Пауза.)* Досадно. Да, домъ № 13! Ничто мнѣ не удается, постарѣлъ, поглупѣлъ... Вотъ читаю лекцію, на видъ я веселъ, а самому такъ и хочется крикнуть во все горло, или полетѣть куда-нибудь за тридевять земель. И пожаловаться некому, даже плакать хочется... Вы скажете: дочери... Что дочери? Я говорю имъ, а онѣ только смѣются... У моей жены семь дочерей... Нѣтъ, виноватъ, кажется, шесть... *(Живо.)* Семь! Старшей изъ нихъ Аннѣ, 27 лѣтъ, младшей 17. Милостивые государи! *(оглядывается)*. Я несчастливъ, я обратился въ дурака, въ ничтожество, но въ сущности вы видите передъ собой счастливѣйшаго изъ отцовъ. Въ сущности это такъ должно быть, и я не смѣю говорить иначе. Если бъ вы только знали! Я прожилъ съ женой 33 года и, могу сказать, это были луч-

шіе годы моей жизни, не то чтобы лучшіе, а такъ вообще. Протекли они, однимъ словомъ, какъ одинъ счастливый мигъ, собственно говоря, чортъ бы ихъ побралъ совсѣмъ. *(оглядывается)*. Впрочемъ, она, кажется, еще не пришла, ея здѣсь нѣтъ, и можно говорить все, что угодно... Я ужасно боюсь... боюсь, когда она на меня смотритъ. Да, такъ вотъ я и говорю: дочери мои не выходятъ такъ долго замужъ вѣроятно потому, что онѣ застѣнчивы, и потому, что мужчины ихъ никогда не видятъ. Вечеровъ давать жена моя не хочетъ, на обѣды она никого не приглашаетъ, это очень скупая, сердитая, сварливая дама, и потому никто не бываетъ у насъ, но... могу вамъ сообщить по секрету *(приближается къ рампѣ)*... Дочерей моей жены можно видѣть по большимъ праздникамъ у тетки ихъ Натальи Семеновны, той самой, которая страдаетъ ревматизмомъ и ходитъ въ этакомъ желтомъ платьѣ съ черными пятнышками, точно вся осыпана тараканами. Тамъ подаютъ и закуски. А когда тамъ не бываетъ моей жены, то можно и это... *(щелкаетъ себя по шеѣ)*. Надо вамъ замѣтить, пьянѣю я отъ одной рюмки, и отъ этого становится хорошо на душѣ и въ то же время такъ грустно, что и высказать не могу; вспоминаются почему-то молодые годы, и хочется почему-то бѣжать, ахъ если бы вы знали, какъ хочется! *(съ увлеченіемъ)*. Бѣжать, бросить все и бѣжать безъ оглядки... куда? Все равно, куда... лишь бы бѣжать отъ этой дрянной, пошлой, дешевенькой жизни, превратившей меня въ стараго, жалкаго дурака, стараго, жалкаго идіота, бѣжать отъ этой глупой, мелкой, злой, злой, злой скряги, отъ моей жены, которая мучила меня 33 года, бѣжать отъ музыки, отъ кухни, отъ женинныхъ денегъ, отъ всѣхъ этихъ пустяковъ и пошлостей... и остановиться гдѣ-нибудь далеко-далеко въ полѣ и стоять деревомъ, столбомъ, огороднымъ пугаломъ, подъ широкимъ небомъ, и глядѣть всю ночь, какъ надъ тобой стоитъ тихій, ясный мѣсяцъ, и забыть, забыть... О, какъ бы я хотѣлъ ничего не помнить!.. Какъ бы я хотѣлъ сорвать съ себя этотъ подлый, старый фрачишко, въ которомъ я 30 лѣтъ назадъ вѣнчался... *(срываетъ съ себя фракъ)* въ которомъ постоянно читаю лекціи съ благотворительною цѣлью... Вотъ тебѣ! *(топчетъ фракъ)*. Вотъ тебѣ! Старъ я, бѣденъ, жалокъ, какъ эта самая жилетка съ ея поношенной, облѣзлой спиной... *(показываетъ спину)*. Не нужно

мнѣ ничего! Я выше и чище этого, я былъ когда-то молодъ, уменъ, учился въ университетѣ, мечталъ, считалъ себя человѣкомъ... Теперь не нужно мнѣ ничего! Ничего бы, кромѣ покоя... кромѣ покоя! *(Поглядѣвъ въ сторону, быстро надѣваетъ фракъ).* Однако, за кулисами стоитъ жена... Пришла и ждетъ меня тамъ... *(смотритъ на часы).* Уже прошло время... Если спроситъ она, то пожалуйста, прошу васъ, скажите ей, что лекція была... что чучело, то-есть я, держалъ себя съ достоинствомъ *(смотритъ въ сторону, откашливается).* Она смотритъ сюда... *(возвысивъ голосъ).* Исходя изъ того положенія, что табакъ заключаетъ въ себѣ страшный ядъ, о которомъ я только-что говорилъ, курить ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, и я позволю себѣ, нѣкоторымъ образомъ, надѣяться, что эта моя лекція «о вредѣ табака» принесетъ свою пользу. Я все сказалъ. Dixi et animam levavi! *(Кланяется и величественно уходитъ).*

Оглавленіе

XIV ТОМА.

	стр.
Дядя Ваня. (Сцены изъ деревенской жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ). . . .	3
Свадьба. (Сцена въ одномъ дѣйствіи).	49
Юбилей. (Шутка въ одномъ дѣйствіи).	65
Три сестры. (Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ). . . .	81
О вредѣ табака. (Сцена-монологъ въ одномъ дѣйствіи).	142

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.

Переплетная „НИВЫ", СПБ.